

СМОИД 100% 96

Лев Каневский
«Душа изнывает по абсолютному...»
Николай Леонов
Бросок Кобры

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 23.06.96.
Подписано к печати 29.07.96.
Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. нр. отт. 17,64.

У-изд. л. 23.10.
Тираж 75000 экз.
Заказ № 946

Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg. №014832

**Учредитель — коллегия
редакции журнала
«Смена».**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».

Отпечатано в типографии
издательства
«Пресса».

125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического
брака обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

10 (1584) ОКТЯБРЬ

© «Смена», 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

- 82 *проза* ВЕРНОН ЛИ
**НЕПОСТИЖИМАЯ
ТАЙНА**
Рассказ
- 166 НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ
БРОСОК КОБРЫ
Криминальная повесть
- 77 *поэзия* ТАТЬЯНА СМЕРТИНА
**СЕВЕРНЫЕ
ЛОТОСЫ**
- 4 *время и любовь* ГАЛИНА ЧЕРВОНСКАЯ
**РИСК В
ОБЯЗАТЕЛЬНОМ
ПОРЯДКЕ**
- 50 СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ
ЛЕБЕДЯНЬ
- 66 ЛЮДМИЛА ТРЕТЬЯКОВА
**ЧЕЧЕНСКИЕ
«ТЮЛЬПАНЫ»**
- 99 ГАЛИНА БРЫНЦЕВА
БРАК В ЗАКОНЕ
- 136 НИКОЛАЙ ЗУЕВ
**ПО ПРОЗВИЩУ
«КАФЕЛЬ»**
- 152 СВЕТЛАНА
КОЛОСОВСКАЯ
**НИТЬ ИЗ
ЛАБИРИНТА**
- 264 НАТАЛЬЯ ЩЕРБАНЕНКО
**ГЛЯНЦЕВЫЕ
ДЕВОЧКИ**
- 18 *исборник и культура* ЛЕВ КАНЕВСКИЙ
**«ДУША
ИЗНЫВАЕТ ПО
АБСОЛЮТНОМУ...»**
- 106 АЛЕКСАНДР ПРАВЦОВ
**МЕЖДУ
ГРУСТНЫМ
И СМЕШНЫМ**

114 ЛИЛИЯ БАЙРАМОВА
**ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА
ВЕНЕЦИАНОВА**

285 ЛЮДМИЛА НАНДАЛОВА
**КАТЕРИНА
УВАРОВА**

На 1-й обложке:
антриса АННА САМОХИНА.
Фото ИГОРЯ ГНЕВАШЕВА.

На 2-й обложке: фотозаход
АНАТОЛИЯ НИМУЛЮНИНА.

АН ОЛНЬС

ВАЛЕРИЙ АГРАНОВСКИЙ 3 ЧАСА ДО СМЕРТИ

Невероятную, фантастическую историю описывает в своем очерке известный журналист. Красавец «ИЛ-62» вылетел по маршруту Рим-Москва. Ни экипаж опытейших летчиков, ни пассажиры не знали, что самолет не сможет благополучно приземлиться - при уборании шасси вся резина оказалась разодранной в клочья. Знал об этом только один человек - автор очерка. Он и спас самолет и людей от верной смерти.

А о самом авторе очерка и его знаменитом брате Анатолии рассказывает Ольга Чайновская.

ЖАН БРЮС КТО-ТО ТЕРЯЕТ, А КТО-ТО НАХОДИТ

Жан Брюс - популярный французский писатель, известность которому принес любимый герой его романов Шарль Барон - жулик-супермен. В предлагаемой вашему вниманию повести Шарлю Барону ценой невероятных усилий удастся разоблачить крупного торговца наркотиками, бандита и убийцу.

Когда молчат «генералы»

«Я — автор вакцины, но не могу утверждать, что она совершенно, полностью безвредна. Прежде чем наступать таким образом на инфекции, следует спросить у людей: хотят ли они идти по этому пути? Известны ли им все «за» и «против»?..»

Это сказано Гастоном Рамоном — создателем дифтерийного анатоксина, входящего в АКДС-вакцину. Ту самую, что вводят нашим детям в качестве прививки от коклюша, дифтерии и столбняка уже на первом году жизни. За десятилетия, прошедшие со времени создания вакцины, наука во многом уточнила и пополнила список всех «за» и «против», не дававший покоя ее автору. Но известны ли сегодня эти аргументы и факты родителям?

Да разве спрашивают родителей согласия, делая новоро-

жденной крохе еще в родильном доме прививку от туберкулеза (БЦЖ)? Не спрашивают и потом: практически каждый юный россиянин, достигший 16—17 лет, успеваеет «получить» до пятнадцати прививок, как того требует утвержденный Минздравом календарь детских профилактических прививок. Родители же (в лучшем случае) каждый раз просто ставят перед фактом: «Завтра у нас в яслях (детсаду, школе) будут делать прививку». В самом лучшем случае предупреждают: «Возможно, произойдет реакция организма на вакцину — ребенок может затемпературить, почувствовать головную боль, общее недомогание. Ничего страшного! Все пройдет».

Однако «проходит» не всегда.

«...Моему сыну два года четыре месяца. Сделали в яслях АКДС-прививку. Получили диагноз: поствакцинальный энцефалит...» (Тверь).

РИСК

ГАЛИНА ЧЕРВОНСКАЯ

В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ

ПОРЯДКЕ

**ПРИВИВКИ ДЕТЯМ -
ВО БЛАГО ИЛИ ВО ЗЛО?**

«...После прививки АКДС у Оксаны начались судороги, вызвали «скорую», старший фельдшер поставил ей клизму... Попали в больницу надолго: врачи не могли вывести ребенка из судорожного состояния. Девочка оглохла. Кто ответит за глухоту моего ребенка?» (Екатеринбург).

«...Два месяца моя дочка спала на четвереньках: не могла лечь, так как после прививки позвонилась сыть, которая потом перешла в ярко-красную корку... Конечно, ни о чем нас до того не предупреждали, а нам и в голову такой ужас прийти не мог...» (Ярославль).

«...После второй прививки АКДС — реанимационное отделение, где боролся за жизнь сына больше месяца. Спасибо врачам-реаниматорам, спасли. Но ведь после этого прошел год, и теперь опять требуют делать прививку! Да что же это такое?!» (г. Челябинск).

«...Когда я возмущалась, что малышу ввели противотуберкулезную вакцину, даже не поставив о том меня в известность, в роддоме на меня попросту накричали: не ваше, мол, дело, что нам надо, то мы и делаем...» (Владивосток).

Эти родительские письма - свидетельства я получала и продолжаю получать в огромном количестве. Совсем непереносимо бывает, когда читаешь про то, как «нестрашная прививка» стоила ребенку жизни.

Ужаснее всего, что причина несчастия — даже не врачебная ошибка: врач сделал все «по инструкции», «как учили». Возможность трагедии изначально заложена уже в самой нашей системе массовой про-

Об авторе: Галина Петровна Червонская — ученый-вирусолог, много лет проработавшая в экспериментальной-диагностической медицине, занимается проблемами изготовления и контроля качества вакцино-сывороточных препаратов. Член Национального комитета по биоэтике Российской академии наук.

филактической медицинской помощи населению. Это напоминает «допустимый процент потерь» при проведении армейских учений, давно просчитанный военными теоретиками. Но в отличие от генералов в погонах, не скрывающих, что даже в учебном бою может произойти роковая случайность, генералы от здравоохранения продолжают уверять людей в «абсолютной безопасности иммунопрофилактики, гарантированной надежности вакцин и сывороток и совершенном медицинском контроле за вакцинацией».

Да не было и нет безопасных вакцин! Не было и быть не может. Аксиоматичность этого, разумеется, известна любому специалисту, подтверждена и наукой, и самой практикой. Возьмем наугад любое из специальных медицинских изданий — и примеру справочное пособие «Иммунология» 1985 года издания. В нем перечислены поствакцинальные осложнения — «наиболее частые и распространенные». Один раз прочтешь, всю жизнь спать не будешь: поранение центральной нервной системы... почек, суставов, сердца, желудочко-кишечного тракта... астматический синдром... внезапная смерть... Ничего себе «осложнение» — внезапная смерть!

«Число больных с поствакцинальными осложнениями после иммунизации АКДС за все двадцать три года наблюдений не имеет тенденции к снижению, характер их остается прежним...» — эта цитата тоже из, так сказать, «открытой печати» — вышедшей в 1990 году в издательстве «Медицина» работы клиницистов-педиатров В. Брагинской и А. Соколовой.

Нет нужды сейчас говорить о «закрытых» исследовательских работах, по которым были защищены научные диссертации по поствакцинальным осложнениям под грифом «секретно» и «ДСП» — для служебного пользования. Скрытая в них ин-

формация мало что добавляет к опубликованной и, стало быть, в принципе общедоступной зарубежной и отечественной научной литературе.

Но научная, специальная литература рассчитана на специалистов и прочитывается ими. И профессиональный долг врача — как минимум сообщить пациенту о возможных ответах организма на медицинские манипуляции, разъяснить ему необходимость прививки (оговорюсь сразу — если таковая имеется!), не утаив при этом ни одного «против», как бы ничтожно мала ни была вероятность отрицательных последствий. Но...

«...После прививки АКДС ребенка чуть не потеряли. Малыш постыл, задышался, еле спасли. А ведь потом все равно заболел коклюшем... Кому же все это надо? Ради чего творишь такое над детьми?!» (Ессентуки).

Ради чего?..

Вначале давайте все же вспомним, что такое иммунитет человека, — невосприимчивость организма к возбудителям инфекции и чужеродным веществам. Он бывает естественный (или природный), то есть «унаследованный» ребенком от его родителей. А бывает приобретенный: с молоком матери, после перенесенной болезни, путем прививки. В организм вводится вакцина, приготовленная из убитых или живых, но обезвреженных микроорганизмов—возбудителей той или иной инфекции. Переборов «минибольную», иммунная система человека научается и впоследствии побеждать эти же самые микроорганизмы, то есть обеспечивает человеку иммунитет.

На этом методе «обеспечения искусственным иммунитетом» и построена отечественная система прививок — вакцинопрофилактика **все-го населения** страны. «Привить

всех поголовно — и ни тебе эпидемий туберкулеза, дифтерии, кори и прочих инфекционных болезней! Эпидемиологи могут спать спокойно, а политическое руководство гордиться вверенным ему государством, победившим эпидемии» — вот самая суть проводимой у нас многие десятилетия политики массовой и фантически принудительной иммунизации народа.

Иммунный аппарат человека — необычайно сложное устройство, в котором задействованы и защитные свойства кожи и слизистых оболочек, и работа клеток крови и лимфы, и много чего еще. За последние полвека ряд открытий ученых-иммунологов вывел науку о защитных реакциях организма на качественно новый уровень — сегодня мы говорим о клеточной иммунологии. Клеточный иммунитет у каждого человека свой, абсолютно индивидуальный, ибо, как справедливо замечено, каждый человек — «творение штучное». Все чаще теперь речь идет не просто об иммунологических, но иммуногенетических законах природы человека.

Простой пример: Иванов и Петров на равных общались с инфекционным больным. Иванов заболел, для Петрова никаких печальных последствий не наступило. Почему? Возможное объяснение: родители Петрова передали с генами сыну устойчивый иммунитет, невосприимчивость именно к этой инфекции. (Хотя родной брат Петрова вполне мог такого «подарка» — наследственно-го иммунитета — от родителей и не получить).

Качество иммунитета — **иммунологический статус** — у всех людей, повторяю, разное. Не определив этого статуса, делать человеку прививку — преступление.

Ведь есть люди с ослабленной иммунной системой, есть — с иммунодефицитом. Понятно, что введение в их организм «чужака-врага» — вак-

цины — грозит им бедой. А часть населения фантически невосприимчива ни к дифтерии, ни к полиомиелиту, ни к какому-либо другим инфекционным заболеваниям. Так, чувствительных к дифтерии лишь двадцать—двадцать пять процентов, полиомиелиту — один на двести человек. (Вот им — если при этом отсутствуют противопоказания!!! — можно сделать профилактическую прививку. Разумеется, с их добровольного согласия).

Другая категория лиц не способна выработать искусственный иммунитет к определенной группе инфекций, сколько бы их ни прививали. Зачем вводить им чужеродный белок, если их иммунная система и без того «дефектна»?

Есть люди, перенесшие, скажем, дифтерию в скрытой форме, когда им ставился диагноз «ангина», «хронический тонзиллит», «ОРЗ» или какое-то еще респираторное заболевание. Они уже приобрели стойкий иммунитет к этой инфекции и в прививке не нуждаются.

А есть хронички, которые сами не болеют, но являются носителями той же дифтерии. Таким вакцинация тем более не помощница. Этим людям следует выявлять и пролечивать антибиотиками, поскольку именно они — основные «хранители» дифтерийной палочки и постоянный источник угрозы эпидемиологическому благополучию населения. И никакие приказы, инструкции и законы о «поголовной иммунизации» тут ничего изменить не могут: с законами природы спорить глупо и опасно. Такой «спор» для народа оборачивается горем, когда обрушивающимся на людей незамедлительно и явно, а когда...

На протяжении десятилетий у нас в стране отсутствуют наблюдения и контроль за тем, у кого и как «сработала» прививка, и надо ли было вообще вводить вакцину конкретному ребенку. Те засекреченные диссертации, о которых я упомянула вы-

ше, писались на базе исследований в нескольких крупных центральных клиниках и не могут давать картину по России в целом. Кстати, и в принятой правительством на 1993—1997 годы федеральной программе «Вакцинопрофилактика» отмечена недостаточность условий для сбора статистических данных по поствакцинальным осложнениям.

Качество иммунитета, степень готовности иммунного аппарата человека к «встрече с вакциной» перед прививкой никто у нас не определяет. А может, наука, медицина еще не умеют это делать? Отнюдь: существует огромное количество методов, используемых в международной практике уже более тридцати лет. А срок методов «Определения клеточного иммунитета *in vitro*» (т.е. «в пробирке», в лаборатории) даже переведены на русский язык четверть века назад!

Не буду сейчас делать весьма распространенную в отечественной прессе последнего десятилетия ссылку на то, «как в Америке». Сошлюсь на практику народного здравоохранения другой страны — Туниса. С 1981 года на всех детей, родившихся в этом африканском государстве, заводится «паспорт здоровья». В нем среди прочих данных указаны все медико-генетические показания, состояние иммунологического статуса ребенка и его семьи.

Но то в Тунисе. Там и от массовой иммунизации своего населения тоже давно отказались: во-первых, от угрозы вспышек эпидемий прививки сами по себе вовсе не застраховывают; во-вторых, массовость исключает принцип индивидуального подхода, несоблюдение которого в такой тончайшей сфере, как вмешательство в иммунную систему человека, — слишком великий и совершенно не оправданный по получаемым результатам риск.

У нашей же страны — собственная гордость: «Советский Союз все-

гда занимал ведущее место в мире по массовости планового использования вакцин, что является оригинальностью нашей позиции», — так заявлял в своих научных публикациях еще совсем недавно, в восьмидесятые, бывший Главный государственный санитарный врач страны П.Н. Бургасов. Но сегодня-то, в постсоветском пространстве, в обновляющейся России?... «Оригинальность позиции» отечественной вакцинопрофилактики осталась прежней: массовая иммунизация в обязательном порядке. При успешном выполнении плана — «экономическое стимулирование медицинских работников за достижение высокого уровня охвата профилактическими прививками», сказано в постановлении Госкомитета санэпиднадзора уже «обновившейся» России...

Приказано — уколоть!

Наким образом в такой огромной стране, как наша, можно обеспечить «план по массовости»? Нет ничего проще: сделать прививки обязательными. То есть, по сути, принудительными. Способов хватает.

В 1902 году журнал «Русский врач» писал: «...В Северной Америке проведена насильственная, при содействии полиции, прививка оспы. Какими бы благими намерениями ни руководствовалось врачебное управление города, но прибегать к насильственным мерам, какие были предприняты, недостойно для врачебного сословия. Людей хватили, и врачи и фельдшера прививали им оспу. Мы уверены, что среди русских врачей нельзя было бы найти ни одного, у кого бы при такой обстановке поднялась бы рука для производства необходимого укола».

А вот написанное в той же стране недавно, в середине 90-х годов: «...сын отказался от прививки, зая-

вив, как мы ему и велели, что делать укол будет только в присутствии родителей. Тогда медсестра дала указание ребятам старших классов. Его схватили в коридоре, где он прятался. В буквальном смысле за ноги и за руки притащили на укол. Сын сопротивлялся, плакал... попал в больницу...».

Существуют и другие, менее варварские, но не менее принудительные способы заставить родителей подвергнуть своего ребенка вакцинопрофилактике. Н к примеру такой: «Вашего сына (дочь) принять в ясли (детсад, школу, оздоровительный лагерь, санаторий и т.д.) не можем, пока не сделаете все положенные прививки». Или такой, принятый в 1991 году Закон РФ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», одна из статей которого перечисляет шесть обязательных для граждан России вакцинаций. Информировать при этом людей о вероятности поствакцинальных осложнений? О том, что «теоретически» требуется обследовать каждого прививающегося на предмет возможных противопоказаний? О качестве вводимых взрослым и детям вакцин и сывороток? Как говорится, «себе дорожке»: попробуй-на заставить мать привести ребенка на прививку, если она будет знать, например, состав АНДС-вакцины!

Характерно, что в федеральной программе «Вакцинопрофилактика» отмечается низкий уровень контроля качества выпускаемых у нас в стране вакцино-сывороточных препаратов, крайне неудовлетворительное состояние материальной базы и технического оснащения предприятий, производящих эти иммунобиологические средства. Тем не менее массовый «охват» этими препаратами продолжается.

В состав же АНДС-вакцины входят не только формалин и некоторые другие химические вещества,

но еще и импортная добавка: органическая соль ртути — мертиолят, который «подстраховывает» стерильность изготовления вакцины на отечественных предприятиях.

Полученные нами экспериментальные данные неоднократно представлялись в Минздрав и Российской академии медицинских наук, докладывались на ученых советах Государственного научно-исследовательского института санитарного контроля, на заседаниях Комитета вакцин и сывороток, на конференциях и симпозиумах, оформлялись в виде докладных записок в многочисленные инстанции... Принимались разного рода положительные решения, а ртутная добавка по сей день не изъята из технологии приготовления АНДС и других ее «противодифтерийных» вариантов. Как по сей день не опубликован ни один документ, который опроверг бы наши данные; не предъявлен «международный сертификат», подтверждающий соответствие качества отечественной АНДС международным стандартам.

Из документов о мертиоляте:

«...препарат, поступавший из ФРГ и Швейцарии, имел надпись: «Только для лабораторных исследований», а из США (фирма «Сигма») — дополнительное предостережение: «Не применять для лекарств».

Из письма чиновника Союзхимэкспорта, датированного еще 1986 годом (!): — «В связи с ужесточившимися требованиями по охране окружающей среды, производство мертиолята в Европе запрещено, поэтому разместить Ваш заказ на этот препарат объединению не удалось (западные фирмы не приняли наш заказ)».

... Что же такое происходит?! Европа, заботясь о своем экологическом здоровье, отказывается даже от производства, фирмы предупреждают — «не для лекарств». Назалось

бы, само собой, уж никак не для инъекционного введения грудным детям? Тем более мертиолят как химическое вещество не зарегистрирован у нас в стране, отсутствует в отечественной фармакопее, не проходил аттестацию как добавка к лекарству и в Фармкомитете бывшего СССР.

Однако не у нас, в России, а в США две фирмы из трех, производивших АНДС-вакцину, прекратили ее выпуск. Причины? Терпят большие убытки из-за выплат компенсаций (до 10 миллионов долларов) за причиненный ущерб здоровью детей — осложнения на прививки.

А расчетливые французы поступили проще: продают у нас свою вакцину такого же состава, как и наша. Реализация проходит довольно успешно: от комплекса зачарованности импортной продукцией Россия избавилась еще не вполне. Но что взять с французских бизнесменов — продают товар там, где разрешают торговать и берут...

«Орел» и «решка»

Аксиома, известная со времен Пастера: любые прививки должны проводиться здоровым людям. Соблюдения этого принципа требует не только получение полноценного иммунологического эффекта, но и — главным образом — соображения безопасности прививаемого человека, стремление избежать возможных поствакцинальных осложнений.

А на состоявшихся в прошлом году Конгрессе педиатров России и Международном симпозиуме экологов были представлены страшноватые материалы врачей-педиатров о том, что в России НЕТ здоровых детей. Из тех, кто рождается, здоровыми можно признать всего 4 — 12 процентов (в зависимости от региона проживания родителей). Но вакцинацией у нас охватывается гораз-

до больший процент ребятисек — и чем он ближе к ста, тем радостнее на душе у мэтров «самой массовой в мире иммунопрофилактики».

Да, по каждой из практикуемых прививок существует официальный перечень противопоказаний. Если ваш ребенок страдает болезнью почек, неврологическим заболеванием или имеет какой-то другой хронический диагноз, входящий в этот перечень, наблюдающий его районный врач-специалист выдаст справку — отвод от прививки. Ну, а если ребенок болен, но вы этого еще не подозреваете, поскольку болезнь пока не дала о себе знать (ситуация довольно распространенная)? Если малыш просто, как в миру говорят, слабенький, часто болеет (для специалиста — верный признак иммунитетной недостаточности)? Ему сделают прививку. А вам останется лишь гадать: пронесет — не пронесет? Выпадет «корел» или «решка»?

Я уже говорила, что перед прививкой качество иммунитета прививаемого человека российские медики не определяют. И не могут определить, поскольку в России нет диагностических иммунологических служб, которые должны были бы иметь все поликлиники — и детские, и для взрослых. И не только для «обслуживания» иммунопрофилактических работ. Ни одна сфера медицинской помощи не может сегодня обходиться без знаний иммунологического статуса: трансплантология, онкологические болезни, заболевания крови и сердечно-сосудистой системы.

Беда в том, что у руководящих инстанций государственного здравоохранения выработался стойкий «иммунитет» к внедрению методов новой иммунологии. Нет, новую — клеточную — иммунологию (к слову, не такую уж и «новую» для остального цивилизованного мира!), конечно, не называют, как встарь, «продажной девкой империализма». Но и пе-

рестраивать в соответствии с ее положениями и возможностями системе профилактических прививок, стоящую на позициях иммунологии 40—50-х годов, не торопятся. Нам не проявляют заинтересованности в подглотке специалистов соответствующего профиля, в обучении основам иммунодиагностики уже практикующих медработников.

В чем тут причина — в обычном консерватизме чиновничьего корпуса, в догматизме его мышления? Можно предположить и другое. «Допущенная» в российскую вакцинопрофилактику идеология иммунодиагностики, создание широкой сети общедоступных населению специализированных служб моментально разнесут нынешнюю ее основу — концепцию «массовости». Ибо кто же позволит вводить себе вакцину против все той же дифтерии, выяснив, что он к ней невосприимчив, или что это чревато для него осложнением?

Кстати, в отечественных Наставлениях по применению БЦЖ, АНДС и некоторых других вакцин иммунодефицит значится как одно из противопоказаний. Но так как врачи не могут определить его, найден простой выход: «не замечать»...

А может, у нас нет детей с иммунодефицитом? Есть, недавно по радио сообщил самый Главный санитарный врач России — чуть ли не поголовно все с иммунодефицитом! И причины назвал: плохое питание, ужасная экология. Отечественные педиатры же обычно в своих высказываниях к тем причинам добавляют и «обилие осложнений на прививки»... Для сравнения: в США каждая медицинская сестра знает, что перед прививкой, как и перед любой другой операцией, функциональное состояние иммунокомпетентных клеток должно соответствовать норме. При малейшем подозрении неблагополучия иммунограмма пациента составляется из капли крови в тече-

ние одного часа. При этом заодно уточняется и чувствительность иммуносистемы к разным лекарственным средствам.

Ну, а мы в России продолжаем играть с прививками в «орла» и «решну». Ставя при этом подчас на кон что-то здоровье, а то и жизнь. И каждый раз на «нону» массовых профилактик оказывается здоровье нации.

...Вместо медико-генетического скрининга (специального обследования) новорожденных и занесения их индивидуальных особенностей в «паспорт здоровья» — введение живой вакцины против туберкулеза на полные третьи сутки появления российского гражданина на свет Божий. В некоторых городах и роддомах страны такое скринирование проводится. Но в глубинке России, в малых и даже большинстве больших ее городов медико-генетическая служба, конечно, отсутствует...

В условиях катастрофического нарастания экологического кризиса, резкого ухудшения здоровья детей и нации россиян в целом — особенно в регионах сильного промышленного загрязнения окружающей среды — нельзя нам более жить без диагностических служб: медико-генетических консультаций, иммунологических центров; не имея паспорта иммунологического статуса и индивидуального здоровья.

К сожалению, мы так и не научились извлекать уроки ни из прошлого, ни из настоящего. Наоборот, как пишет академик Российской академии медицинских наук В. Казначеев, «страна сделала гигантский рывок античеловеческого развития, а медицина превратилась в уничтожение человеческого здоровья... нация лишается восполнения глубинных резервов и автоматически идет на вымирание...»

Жуткое признание. Есть ли у нас шанс, чтобы не сбылось страшное

это пророчество? Зависит от нас самих: от того, как скоро научимся знать свои права не хуже обязанностей. Отвыкнем молчать и подчиняться безотказно и бездумно любому, даже самым дурацким и опасным для общества приказам, указам, инструкциям и постановлениям всевозможных «генералов». Какой бы сферой нашей жизни они ни руководили.

Тысячу раз прав американец Генри Торо, сказавший более ста лет назад: «Восходит лишь та заря, к которой мы пробудились сами...»

Позиция Галины Червоной, как нам кажется, ясна. Другие врачи и организаторы народного здравоохранения — а таких тоже немало — в вопросах профилактических прививок придерживаются иного, диаметрально противоположного мнения.

Мы посчитали необходимым ознакомить читателей и с ним. Ведь в конце концов каждый делает собственный выбор. И чем более человек информирован, тем осознаннее и самостоятельнее его решение.

Коллективный иммунитет с точки зрения «отдельного индивидуума»

Начальник управления комплексных программ обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения Госкомсанэпиднадзора РФ, заместитель Главного государственного санитарного врача России АРКАДИЙ ЯСИСКИЙ — убежденный сторонник массового охвата прививками.

— Принцип массовости при проведении вакцинопрофилактики населения не только оправдан, но и обязателен. Если его не соблю-

дать, профилактика теряет свой смысл. Раз мы боремся против массовых болезней — таких, как корь, дифтерия, полиомиелит — значит и прививки против них должны быть массовыми. Существует показатель охвата прививками, он говорит о коллективном иммунитете. Если коллективный иммунитет имеет 95%, — инфекция не получает распространения. Для обеспечения массовости, ради достижения высокого коллективного иммунитета и существует порядок, обязывающий родителей делать своим детям определенный набор прививок.

— Но ведь все дети разные и на вакцинацию реагируют по-разному — бывают и серьезные осложнения. С этой точки зрения массовость и обязательность тоже оправданы?

— Этот вопрос уже давно снят с повестки дня.

— Каким образом — «снят»?

— Мы не скрываем, что осложнения на прививки случаются. Однако их риск значительно меньше достигаемых высоким коллективным иммунитетом результатов массовой вакцинации. Судите сами: осложнения на полиомиелитную вакцину — один случай на два-три миллиона; при введении АНДС-вакцины — один на миллион.

— Да, но у меня только один сын, и этот «ничтожный процент риска» не стоит для меня всего мира...

— Ну, если подходить с такой точки зрения отдельного индивидуума — да, риск есть. Но, как говорится, в каждом деле бывает две стороны медали: проведя массовую вакцинацию, мы защитили от болезни несколько миллионов, рискуя при этом здоровьем лишь единиц. Так что для специалиста уже не вопрос — стоит ли, чтобы спасти от инфекции миллион детей, иметь один-два случая осложнения...

— Существует ли статистика таких «случаев»?

— Конечно. В последнее время регистрируется по 300—400 осложнений в год на все проводимые прививки. В прошлом году их было 347. В эти цифры входит и то, что мы называем «необычные реакции». Когда, к примеру, резко повышается температура — до 39—40 градусов. И каждый инцидент обязательно расследуется: не был ли он вызван нарушением техники — может, медработник что-то не так сделал, не тот препарат ввел или нарушил требования стерильности. Для расследования серьезных случаев на место выезжают специальные комиссии — сотрудники Государственного НИИ стандартизации и контроля медицинских биологических препаратов имени Тарасевича, педиатры, невропатологи.

Бывает, необходимо разобраться; может, на момент прививки ребенок уже был не совсем здоров — просто болезнь находилась в инкубационном периоде... Например, во время последней кампании — дополнительной массовой иммунизации против полиомиелита детей от трех месяцев до трех лет — наблюдалось семь или восемь случаев необычных реакций. Это объясняется тем, что дети уже были больны, и реакции — не «прививочные», а лишь проявление уже имевшейся болезни... За пять дней, отведенных на вакцинацию, были привиты четыре миллиона детей, и совершенно естественно, что из такого огромного количества у кого-то заболевание находилось в инкубационном периоде.

— Но, назначив такие жесткие сроки кампании, не увеличили ли вы тем самым риск? Ведь известно, что любая прививка может проводиться при условии полного клинического здоровья ребенка...

— Естественно, прививали только здоровых...

— Однако сейчас выясняется, что не «только» — если иметь в виду тех

ребят, что, как оказалось, уже были больны на день прививки.

— Жизнь не стоит на месте: сегодня вы наметесь здоровой, а завтра уже понимаете, что больны гриппом.

— *Национальным днем иммунизации против полиомиелита, прошедшим весной, предшествовала большая пропагандистская кампания в средствах массовой информации. Разъяснялось, что необходимость в таком масштабном, общероссийском мероприятии вызвана угрозой эпидемии страшной болезни. Однако вопрос: «Почему вдруг именно полиомиелит?», признаться, возникал — эта болезнь в отличие от той же дифтерии или туберкулеза у нас уже очень давно перестала быть, что называется, «на слуху». Казалось, как раз с полиомиелитом в России все обстоит спокойно. Есть ли какие-то данные, опровергающие такое ощущение благополучия?*

— Да, в течение последних десяти лет в России регистрировалось семь—десять случаев заболевания полиомиелитом в год, то есть было относительно спокойно. Но это не точные цифры: по разным данным, лишь в одном—трех процентах случаев болезнь проявляется явно, с параличами и другими тяжелыми признаками. В девяносто же процентах она имеет бессимптомные формы, переносится на ногах или ошибочно диагностируется как другое заболевание. При этом так называемые «дикие» вирусы выделяются больными в окружающую среду. А охват прививками против полиомиелита был очень низким, лишь около семидесяти процентов.

— *Значит, если говорить все-таки о фиксированных цифрах, а не о предполагаемых, прогнозируемых, звонком тревоги послужил не реальный рост заболеваемости, а низкий охват вакцинацией против этой инфекции?*

— Конечно. Три случая полиомиелита, зарегистрированные в 1993 году, восемь случаев в 1994-м — это лишь верхушка айсберга... А в 1995-м — вспышка болезни в Чечне, где последние три года вообще никаких прививочных мероприятий не проводилось. 143 заболевших полиомиелитом, шесть из которых умерло. Чечня стала решающим доводом. Ну и то, что по решению Всемирной организации здравоохранения мировое сообщество должно встретить 2000 год без полиомиелита. Даже в Латинской Америке есть государства, получившие статус стран, свободных от полиомиелита. Такой величиной державе, как Россия, было бы стыдно отстать от остального мира.

— *У моей родственницы две крохотные дочурки — восемь месяцев и полтора года. В марте обеих девочкам согласно календарю прививок в районной поликлинике провели плановую вакцинацию против полиомиелита. А уже в апреле в той же поликлинике потребовали зайти на такую же прививку в рамках Национальных дней. Разве была необходимость в такой «сверхплановости»?*

— По этому поводу и в специальном правительственном постановлении, и в методических документах нашего Госкомитета было прямо написано: проводить вакцинацию независимо от ранее сделанных прививок. И дело тут не только в том, чтобы упростить задачу медикам. Это позволило достичь максимального охвата, а значит, обеспечить максимально возможный коллективный иммунитет — те самые 95 процентов — в популяции детей до трех лет. Полиомиелитная вакцина, хоть это и живой вирус, практически безвредная, мягкая, так что ничего страшного: если иммунитет у ребенка уже был, добавочная прививка его усилила.

— А какая вакцина самая «жесткая», наиболее часто дает осложнения?

— Наиболее реактогенная — АНДС-вакцина. Входящий в нее конюшенный компонент имеет высокую реактогенность — потому и реакции на эту вакцину, осложнения происходят чаще.

— Зависит ли качество вакцинно-препаратов от уровня технологии их производства и состояния оборудования, на котором они производятся?

— Понимаю, куда вы клоните... Да, вся медицинская промышленность долгие годы финансировалась по остаточному принципу. А внутри этой промышленности такая отрасль, как производство лекарственных препаратов, — на самом остаточном. Так что сегодня техническое и санитарное состояние этих производств не выдерживает никакой критики — это мы тоже не скрываем. Мы должны поклониться в ноги нашим производственникам, что в таких условиях изготавливают вакцины, которые и по своей эффективности, и по своему качеству нисколько не уступают зарубежным.

Другое дело — те лучше выглядят: красивые гляцевые упаковки, в комплекте с одноразовым шприцем, броские этикетки... Чисто потребительски все это, конечно, более приятно. Когда началась эпидемия дифтерии и Минздрав закупил французскую АНДС-вакцину, мы даже опасались: как бы и медники, и население не привыкло ко всей этой красоте. Но дело-то не в упаковке, а в содержании! Каждая производимая в России вакцина находится под многолетним строгим контролем.

— Используются ли сегодня при изготовлении вакцин мертвые?

— Конечно! Он во всем мире используется и абсолютно безвреден в тех концентрациях, в которых применяется. Он положен по технологии... За границей все проще. Там никому в голову не приходит отказываться от прививки...

— Может, там у пациентов больше оснований для уверенности, что никаких осложнений не произойдет? Все же перед прививкой там детей обследуют...

— Нигде в мире не обследуют! Я больше скажу: по сравнению с ними у нас наиболее жесткие требования и тщательный отбор — перед прививкой все дети проходят медосмотр.

— Аркадий Аркадьевич, да в чем же тот осмотр выражается?!

— В измерении температуры, внешнем осмотре, выясняется, есть ли жалобы на самочувствие...

— А качество иммунитета прививаемого ребенка играет ли какую-то роль, есть ли смысл проводить его диагностику?

— Абсолютно нет никакого смысла!

— Но, может, кому-то прививка не нужна вовсе?

— Пожалуйста, это ваше право: потребовать провести вам или вашему ребенку исследование по определению иммунитета по отношению к тому заболеванию, против которого должны делать прививку.

— Где такое исследование мне проведут?

— В любой поликлинике.

— Даже в моей родной, районной?

— В районной, может, и не сделают, но направят куда-то. В Москве это может быть городской или окружной иммунопрофилактический центр... Но все равно это абсолютно бессмысленно: даже если у вас есть иммунитет, неизвестно, откуда он. Ведь если вы переболели той же дифтерией — вы получили к ней устойчивый, многолетний иммунитет. А если вы, скажем, тайком себе прививку сделали — такой иммунитет может быть нестойким. Поэтому-то и проводят иммунизацию против дифтерии не один, а несколько раз — для получения необходимого эффекта.

— *Перейдем от вопросов медицинских к правовым. Раз есть, пусть и ничтожный, но риск, что прививка может вызвать у ребенка осложнение, — не обязаны ли медики говорить об этом родителям?*

— Конечно, обязаны! Но помните, мы ведь только начинаем строить правовое государство... Сейчас подготовлен и передан в Госдуму законопроект «Ванцинопрофилактика инфекционных заболеваний населения». В нем заложены такие нормы, как обязанность медработников разъяснять перед вакцинацией все ее преимущества, а также все возможные негативные последствия. Предусматривается получение обязательного согласия пациента на прививку...

— *Значит, после принятия этого закона все прививки будут строго добровольны?*

— Да... Правда, там есть оговорка: кроме случаев, предусмотренных этим законом. Имеются в виду те шесть вакцинаций, которые обязательны и сегодня.

— *Какие же будут не обязательны?*

— Все оставшиеся: против брюшного тифа, например, против клещевого энцефалита, гриппа... Разумеется, сохраняется право отказать и от обязательных прививок. Как, впрочем, остаются в силе и последствия такого отказа; непривитого без достаточных на то медицинских оснований ребенка не примут в детское учреждение. Если речь идет о взрослом человеке, некоторые специальности для него останутся закрыты.

Чтобы ваше представление, читатель, о вопросах, отечественной вакцинопрофилактики, стоящих в повестке дня, было полнее, наш корреспондент встретилась и с иммунологом, академиком Российской академии наук РЭМОМ ПЕТРОВЫМ.

Думайте сами, решайте сами...

Рэм Викторович Петров — решительный сторонник прививок. Несмотря на возможные осложнения и издержки существующей системы иммунизации российского населения. Во-первых, потому, что, если соизмерять риск человека попасть в очень малый процент случаев поствакцинальных осложнений с риском заболеть тяжелой болезнью, лучше все же выбрать первое. Во-вторых, академик убежден: не уклоняться от всех необходимых прививок — гражданский долг каждого. Обезопасив себя с помощью вакцинопрофилактики, человек тем самым перестает нести в себе потенциальную угрозу окружающим и обществу в целом. В этом смысле положение, когда детей, не прошедших положенный курс прививок, не принимают в детские учреждения, Рэм Викторович находит правильным и справедливым...

— В современном цивилизованном обществе родители следят за здоровьем своих детей. Поэтому обследование, которое, конечно, необходимо провести перед тем, как ребенка привить, отнюдь не должно носить тот же характер, что, к примеру, медицинское обследование желающего получить водительские права. Если ребенок здоров и у него нет никаких патологических расстройств, нет и оснований вести его перед прививкой к врачам-специалистам. Другое дело — если он болен, простужен, если у него повышена температура (о чем, разумеется, знают и родители, и участковый педиатр). Тогда прививать его категорически нельзя, сначала необходимо вылечить.

Вообще, все вакцины делятся на «живые» и на «убитые». Наиболее

безопасная в смысле возможных осложнений вакцина против полиомиелита приготовлена из живых (хотя и обезвреженных) вирусов. Поэтому, безусловно, есть вероятность, что чей-то организм может оказаться к ней... ну, скажем, чувствительным. Сколь ни мала такая вероятность, она существует. Хорошо кому-то рассуждать: мы-де прививаем миллионы детей — подумаешь, десять из них от этого заболели! Но если у вас один ребенок и он оказался среди этих десяти... Поэтому есть определенная настороженность — особенно к «живым» вакцинам. В некоторых странах их пренебрегли применять, а многие компании-изготовители отказались даже их производить. «Убитая» вакцина по безопасности заведомо лучше «живой», хотя по защитному эффекту — слабее.

Но вот корь — тяжелое заболевание, часто чреватое еще более тяжелыми осложнениями. Противокоревая вакцина — тоже «живая». Следовательно, есть вероятность того, что этот «кирпич» — поствакцинальное осложнение — упадет на голову именно вашему ребенку. Как быть — идти на этот риск или нет? Думаю, на одну чашу весов сомнения надо класть саму эту тянущую болезнь, а на другую — возможное осложнение на прививку от нее.

Можно ли, как вы говорите, снизить процент риска? Разумеется. Во-первых, нужно помнить, что прививку делают лишь в состоянии полного клинического благополучия ребенка. Во-вторых, у отечественной вакцинопрофилактики есть перспективы. Это то, о чем я и мои ученики уже много лет не устаем повторять: необходимо мало-помалу (сразу и повсеместно такого не сделаешь — не просто организационно-технически и дорого) создавать службы диагностики иммунного статуса. Службы эти станут прежде всего определять: а нужно ли вообще именно этого человека вакцинировать про-

тив именно этой инфекции? Ведь на какой-то антиген у одного и того же человека может быть разного уровня реакция.

— *Рэм Викторович, а используемый в обязательном порядке при изготовлении вакцин мертиолят — что за штука такая?*

— Кто вам сказал про «обязательный порядок»? Он вообще может не использоваться. Это консервант, их десятки разных. Я не в курсе: может, он — именно мертиолят — самый лучший для производителей, но он не есть научная необходимость. Однако думать, что в вакцину может входить яд, — наивность.

Придет время, любая вакцина — будь она «живая» или «убитая» — будет иметь известную формулу. Ведь сегодня отечественная фармакопея и различные организации, контролирующие качество лекарственных препаратов, уже не утверждают лекарство, если не установлены его формула, химический состав. И можно по формуле проверить: правильно ли эта партия препарата изготовлена, нет ли там примесей? Думаю, мы доживем, когда и вакцины будут такими!..

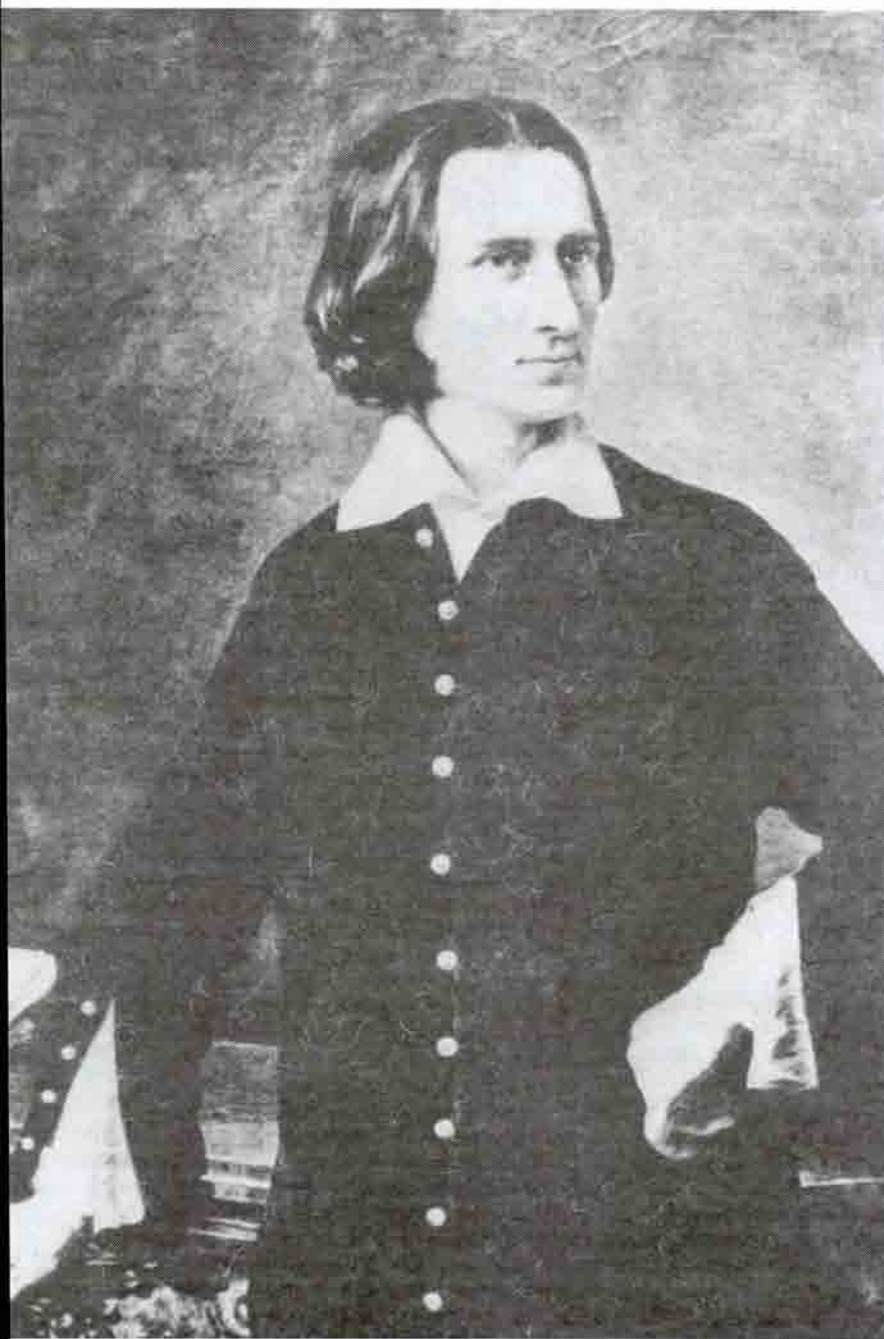
— *Я вас правильно поняла — сейчас мы не всегда знаем точную формулу вакцины?*

— Ну, конечно, нет! Практически никогда не знаем...

P.S. Разные мнения, различные толкования фантов. Давайте усвоим для себя: прививки необходимы, без них риск заболеть тяжело, смертельно — достаточно велик. Но если массовость в художественной самодельности, в развитии физической культуры вполне понятна, то всегда ли оправдана она в медицине?

Человеческое здоровье действительно «штучно» — тут уже и впрямь «аршином общим не измерить»...

Подготовила ГАЛИНА БРЫНЦЕВА.

"Душа изнывает по абсолютному..."

*Об их любовной связи судачила вся Европа.
Ее звали графиня д'Агу, его-Ференц Лист.*

Барышня с Рейна

19

Графиня Мария д'Агу, урожденная де Флавины, происходила из старинного французского рода по линии отца-католика, а со стороны матери-протестантки – из семьи богатых немецких банкиров, вероятно, обращенных евреев по фамилии Бетман.

Мария родилась в ночь с 30 на 31 декабря 1805 года во Франкфурте-на-Майне. Она была крещена по протестантскому обряду, но впоследствии сменила веру на католическую. В 1809 году семья переехала во Францию, где на берегу Луары в Анжу находилось их огромное имение Мортье.

После обряда причастия, в западных странах он обычно совершается в двенадцатилетнем возрасте, началось усиленное обучение Марии наукам и искусствам. Много времени отводилось музыке, особенно теоретическому курсу гармонии, основе основ мироздания. У девочки был хороший слух, неплохой голос, который впоследствии сложился во вполне приличное меццо-сопрано. Она быстро освоила фортепианную игру и даже сочинила несколько немецких по духу вальсов и переложила на музыку знаменитую «Лорелею» Генриха Гейне.

Наступил 1825 год, год двадцатилетия Марии де Флавины. В ее дом пришла пора беспокойства и родительских хлопот. Красавица-дочь уже на выданье, и нужно подыскивать жениха, да познатнее. Маятное дело, сплошная мука!

Суровы

С этой единственной целью в банкирском доме устраивались пышные балы, на которые приглашались именитые девушки и кавалеры.

На какой же кандидатуре остановить свой выбор? – лихорадочно рассуждала мать. В конечном итоге ее внимание привлек знаменитый французский род д'Агу, известный на юге Франции, в частности в Провансе, с IX века. Из этой семьи вышло немало генералов, советников парламента, известных религиозных деятелей. Мать Марии в качестве жениха облюбовала Шарля д'Агу, бесстрашного воина империи. Боевой кавалерийский офицер, он принимал участие во всех кампаниях Наполеона против Германии, особенно отличился в битве при Данциге в составе Польского легиона. Последнее сражение с армиями союзников при Нанжи, под Парижем, оказалось для него неудачным. Атакуя на полном скаку русское «каре», он был ранен в ногу и на всю жизнь остался хромым.

Дворянин, храбрый и отважный солдат, добряк, не лишенный ума, к тому же весьма пожилой по тем временам человек (он был на семнадцать лет старше своей невесты) – такого жениха нашли заботливые родители для юной Марии. Они выдали ей громадное приданое на сумму 300 000 франков и пообещали отписать ей по материнскому завещанию еще целый миллион.

Брачный контракт подписал сам король Карл X и еще несколько высоких королевских особ. 16 мая 1827 года в церкви Успения в присутствии раззолоченной знати молодожены получили брачное благословение.

Жизнь графини д'Агу

Сразу после возвращения в Париж молодожены были приняты при дворе. Взметнулся вихрь светской жизни, полной удовольствий и развлечений. Но повсюду, где появлялась супружеская чета д'Агу, все недоуменно пожимали плечами – в самом деле, какая странная пара.

Мария прекрасно отдавала себе в этом отчет, ведь с первого дня брака она не испытала ни одного часа радости или счастья со своим мужем. Вот что писала она по этому поводу в своих «Мемуарах»: «Меня не покидало чувство полного одиночества моего сердца и духа в моей супружеской жизни, я не перестаю предаваться скорбному изумлению, постоянно вспоминая о том, как я могла отдать себя человеку, который не возбуждал во мне никакой любви, а лишь наводил смертельную скуку».

Тем не менее в несчастном браке родились две девочки – Луиза в 1828 году и Клэр в 1830-м. Их рождение, разумеется, гораздо в большей степени обрадовало графа, чем графиню. «Материнское чувство, – писала она, – не назовешь интеллектуальным, это всего лишь слепой инстинкт, и в этом деле последняя дикарка даст сто очков вперед любой цивилизованной женщине».

Чтобы подавить в себе постоянную скуку, Мария д'Агу решила открыть собственный салон. Она начала принимать у себя поэтов Ламартина Альфонса, Эмиля Дешна, знаменитого литературного критика и назойливого ухажера Шарля Сент-Бёва, пи-

сателя Эжена Сю, тоже многие годы волочившегося за нею. Гости разыгрывали веселые комедии, остроумные сценки, читали друг другу свои новые сочинения, давали им первые оценки.

В это время Мария д'Агу старалась как можно меньше думать о своем муже и детях. Но так поступала не только она — таковы были нравы в тогдашней Франции. Вот что говорит она по этому поводу: «В аристократическом обществе Парижа муж как таковой не имел абсолютно никакого значения. После относительно короткого периода усиленного внимания к новоиспеченной супруге продолжение такой политики считалось серьезным промахом с его стороны в глазах света. А желание любить ее и вообще могло показаться смешным. Если он упрямо садился рядом с ней, либо в салонах, либо при приеме гостей у себя дома, то очень легко мог прослыть либо недотепой, либо просто злоюкой. По истечении довольно короткого периода после заключения брака все с удовольствием отмечали, что и он наконец усваивал принятые в обществе нравственные нормы поведения. Мысль провести вечерок вдвоем у себя дома, наедине, никогда не приходила в голову парижским супружеским парам. С другой стороны, хозяйки знатных домов и салонов не любили принимать у себя мужа с женой. Это, утверждали они, лишь «замораживает» оживленную беседу, лишает присутствующих остроумия, желания кому-то понравиться, пококетничать с избранником на вечер, намекнуть на свой любовный жар, на провоцирующую пикантность. Чтобы не допустить этого, каждый из супругов выбирал свой салон, где ему ничто не напоминало о цепях супружеского долга».

Мария д'Агу после первых шести лет своего брака с человеком «большого сердца и безупречной чести» ощутила в себе ужасный вакуум. Старалась заполнить его светскими удовольствиями, но, увы, все напрасно. Вакуум отказывался заполняться.

И вот однажды, приблизительно в таком душевном состоянии, Мария д'Агу отправилась в салон маркизы Ле Вайе под руку со своим бессменным чичероне — Эженом Сю, чтобы послушать частный (хотя и платный) концерт идола парижского общества Ференца Листа.

Взимание платы за свои концерты не вредило репутации молодого Листа, который, как и Россини, всегда требовал солидного вознаграждения за свое искусство. Мы здесь упоминаем об этом только потому, чтобы лишний раз подчеркнуть, в каком незавидном положении находился Лист в парижском обществе. Хотя он и был гениальным музыкантом, но всегда оставался только артистической чернью. До конца дней своих, несмотря на все награды, всеобщее восхищение, рукоплескания и почет, ему напоминали о его низком происхождении, а в те времена это было далеко немаловажным фактором...

Музыкант из страны цыган

Венгрия, 1811 год. Не по календарю теплая осень казалась продолжением жаркого лета.

Венгр Адам Лист и его пригожая, смуглая, похожая на цыганку супруга, австрийка Анна Лагер, несколько лет назад покинули в дребезжащей берлине свой веселый городок Айзенштадт с

его уютными пивными, звонкими оркестрами, красивыми публичными парками и шумным базаром в еврейском квартале. Они переехали на новое место жительства — в громадное поместье всевидных венгерских магнатов Эстергази Райдинг в округе Оденбург. Адам получил у князя прибыльное и весьма почетное место эконома, хотя тщеславный слуга всю жизнь мечтал стать музыкантом. Он неплохо играл на фортепиано, флейте и скрипке. Его жена заправляла в кладовых, дочь богатого австрийского купца, естественно, знала в этом толк.

22 октября у четы Листов родился сын, которого нарекли Ференцем.

Смышленный мальчишка с трех лет начал заглядываться на заманчивую бело-черную клавиатуру. Как только отец садился за инструмент, сын немедленно подбегал к нему, внимательно слушал музыку, следил, как порхают легкие руки отца.

Однажды, когда мальчугану стукнул шестой годок, отец, устроившись поудобнее за фортепиано, заиграл концерт Рисса. Сынок занял свое обычное место рядом с ним. После того как отец закончил играть, на его место на высокий табурет влез малыш и маленькими пальчиками сначала наиграл главную тему, а потом сыграл по памяти (он еще не знал нот!) весь концерт, от начала до конца! Радости отца не было предела. Его мечту осуществит сын. Он станет не просто музыкантом, он будет великим исполнителем!

Началась изнурительная, многолетняя, повседневная муштра. Сонаты Бетховена, этюды Черни, концерты, увертюры, фантазии Луиджи Керубини, сложнейший для исполнения австрийский композитор Иоганн Гуммель. Жестокая, железная дисциплина, никаких поблажек, никаких скидок на малолетство, на слабое здоровье! Настоящий ад для ребенка!

Пробивной, энергичный отец старался оказать ребенку помощь во всем. Последовали годы учения у знаменитого музыкального педагога К. Черни, потом уже у известного всей Европе престарелого Антонио Сальери, друга Моцарта, одного из последних учителей самого Бетховена. Кроме того, отец не забывал и о солидном общем образовании для сына. Оно велось на немецком языке. Сам Ференц всегда считал себя венгром, тем более что и говорил на венгерском языке.

В 1823 году отец привез своего вундеркинда в Париж. Франция в конце концов стала его второй родиной. Ференц бегло говорил по-французски, хотя у него до конца жизни сохранился заметный акцент. Отец возил его по модным салонам и требовал за каждое выступление громадную по тем временам сумму — 2000 франков.

Фактически это был одаренный, нещадно эксплуатируемый ребенок, который, взрослея, начинал отдавать себе в этом отчет. Приступы «ненависти к себе самому», по его словам, сменялись у него капризным настроением и припадками религиозного экстаза. Обеспокоенный отец весьма сурово выговаривал ему: «Ференц, ты принадлежишь искусству, а не церкви». 24 августа 1827 года перед своей смертью (Ференцу еще не было и шестнадцати лет) отец предостерег его против второго после религии силь-

нейшего соблазна в жизни: «В меня вселяют страх твои будущие женщины, – сказал он, – они принесут тебе только несчастья и всегда будут властвовать над тобой».

Действительно, отец уже не раз оказывался свидетелем реакции женщин на красавчика Листа и его страстную виртуозную игру. Они буквально преследовали юного музыканта по пятам.

Но пока Листу больше всего на свете нравилась музыка, и прежде всего игра на фортепиано. «Вот уже несколько месяцев мои пальцы и мой мозг работают словно обезумели, – писал он приятелю. – Гомер, Библия, Платон, Локк, Байрон, Гюго, Ламартин, Шатобриан, а вместе с ними – Бетховен, Бах, Гуммель, Моцарт, Вебер. Вот кто постоянно окружает меня. Я их жадно изучаю, размышляю над ними. Кроме того, ежедневно уделяю по четыре–пять часов музыкальным упражнениям – терции, сексты, октавы, тремоло, каденции, трели и т. д. Ах, если только я не сойду с ума, то вскоре ты увидишь во мне настоящего артиста. Таким артистом, которым нужно сегодня быть... Хотя твой друг пока неизвестен и беден, он постоянно повторяет слова, брошенные после одного изнурительного концерта Паганини, – Боже, сколько же страданий, несчастий, пыток в этих семи струнах!»

Лист одевался во все черное на манер обожаемого им Данте, прикрепляя к костюму байроновский белый широкий отложной воротник с большим бантом. На сцене он, сняв перчатки, театральным жестом бросал их на пол. Отбросив назад свои длинные волосы, он принимался «уничтожать» инструмент. В салонах он

умел быть обольстительным, доступным и всегда руководствовался при игре вкусами изысканной публики.

Вторая встреча и первая любовь

«Фатальная» встреча двадцатидвухлетнего Ференца Листа с двадцатисемилетней Марией, графиней д'Агу, замужней женщиной с двумя детьми, была похожа на удар молнии.

Летом 1833 года юное венгерское музыкальное чудо, очаровавшее своей виртуозной игрой весь Париж, пригласила к себе в салон маркиза Ле Вайе. Она сама прекрасно играла на фортепиано, неплохо пела и по праву считалась во французской столице бережной почитательницей Муз.

У нее собралась шумная, веселая компания – одни знаменитости, все как на подбор. Фредерик Шопен, Генрих Гейне, Оноре де Бальзак, Эжен Сю, молодой художник Эжен Делакруа, законодательница современного стиля, скандальная писательница Жорж Санд, высланный из страны революционный польский поэт Адам Мицкевич, блиставшая своим талантом Мария Малибран, сестра пока еще совсем юной Полины Виардо, и тенор, любимец публики Адольф Нурри.

Ференц приехал позже, прямо с концерта. Этот стремительный венгр, по всеобщему мнению, обладал врожденным инстинктом к искушению женщин. Но сегодня он был печален и не обращал никакого внимания на окружавших его красивых знатных дам. Ференц все еще носил в душе траур по своей первой юношеской любви. (Он давал уроки музыки юной графине Каролине Сент-Крик, дочери министра торговли. Но все чаще забывал о своих прямых обязанностях. Все чаще под его страстным влюбленным взглядом робкая ученица прерывала трудную трель. Пальцы ее замирали, а сама она заливалась краской. И вот однажды, когда они, забыв про музыку, прижавшись друг к другу, читали вслух божественного Данте, роковой шаг был сделан. Он попросил у красавицы руки. «Клянусь вам, такому жгучему сердцу, как мое, не страшны никакие преграды. Я буду ждать вас, если потребуется, до самой смерти!» Но достаточно было одного грозного окрика ее папаша, чтобы хрупкие надежды разлетелись на мелкие кусочки. Аплодировать талантливому пианисту – это одно, но отдавать за него графиню – неслыханное дело. Министр бесцеремонно указал жениху на дверь. Роман их оборвали самым безжалостным образом. Они встретились через долгие шестнадцать лет, но ненадолго – всего на одну ночь. Она была никому не известной графиней д'Артигу, а он – самый знаменитый виртуоз и композитор в Европе. В память об этой встрече он написал дивную мелодию – «*Leh wochte hingener wil das Abendrot*», а на титульном листе сверху написал: «Эта песня – свидетельство моей молодости...»)

Среди гостей в салоне находилась и графиня д'Агу, – молодая блондинка поразительной красоты. Когда она получила приглашение, то подумала, стоит ли идти. Что там увидит нового? Ну, одним виртуозом среди ее знакомых станет больше. Что из того? Но, поразмыслив, решила поехать, дабы не обидеть отказом старую подругу.

Когда она приехала, ей сообщили, что рассеянный Ференц потерял партитуру той новой вещи, которую хотел исполнить, и сейчас восстанавливает ее по памяти в соседней комнате. Мария д'Агу села на стул с высокой спинкой. Через несколько минут дверь внезапно распахнулась, и венгр, поражающий воображение парижского света, предстал перед ней на пороге гостиной. Вот как описывает эту встречу сама Мария в своих «Мемуарах»: «Какое-то странное видение возникло пред моими глазами. Я говорю – видение, так как не в силах подобрать другого слова, чтобы передать то необычное ощущение, которое вызвала у меня эта порывистая, удивительная личность. Ничего подобного прежде мне не приходилось видеть. Человек высокого роста, очень худощавый, с большими глазами цвета морской зелени, в них сияли быстрые блески, похожие на пену взметнувшейся волны; с нерешительной походкой, казалось, он не идет, а скользит по полу, с рассеянным видом, беспокойный, словно какой-то призрак, которому уже пробил час, чтобы исчезнуть во мраке, – таким увидела я перед собой этого юного гения, чья скрытная жизнь в то время вызвала повсеместно острое любопытство, на которое не могли рассчитывать все его исполнительские триумфы.

Когда мне его представили, он сел рядом с такой стремительной грацией, запросто, словно мы с ним знакомы целую вечность. Он разговаривал со мной довольно фамильярно, и я сразу почувствовала под его странной, сильно удивившей меня внешностью скрытую силу и свободный внутренний дух, неудержимо притягивавший меня к нему. Наша беседа еще не закончилась, а я уже сумела почувствовать его чрезвычайно простую манеру общения – он говорил такие слова, которых не услышишь в моей среде. У него была страстная, обрывистая речь. Он неистово разворачивал передо мной свои идеи, делал странные для многих ушей суждения, впрочем, такие, каких придерживалась и я сама, столь далеких от банальностей привычных мнений. Блеск его глаз, торопливый взгляд, порывистые жесты, его бесконечно милая, порой язвительная улыбка пытались, вероятно, спровоцировать меня, вызвать либо открытое неприятие, либо интимное одобрение. Из глубокого смущения меня вывела хозяйка дома...»

Фортепиано было раскрыто, с двух сторон купитра пылали яркие толстые свечи. Лист длинными, изящными пальцами коснулся клавиш. Он заиграл свою новую мелодию. Все присутствующие замерли, переживая невероятный восторг. Закончив играть, он повернулся к Марии, словно ожидая от нее особых похвал. Она произнесла, как и остальные, несколько приятных слов, выразив восхищение его игрой. Он в знак благодарности молча чуть наклонил голову.

«В ту ночь я вернулась домой довольно поздно. Я долго не могла заснуть и непрерывно видела до рассвета странные, необычные, озадачивающие меня сны», – признается она. В эту ночь началась ее новая, реальная жизнь...

Восхищение друг другом оказалось взаимным. Поразительная красота графини сразила Ференца с первого брошенного на нее взгляда. Но... После их первой неожиданной встречи Фе-

ренц Лист пропал, растворился, как музыкальный аккорд в эфире. Откуда было знать заинтригованной еще больше Марии, что после своего страстного, столь печально завершившегося романа с юной Каролиной Ференц запретил своему сердцу трепетать при виде любой соблазнительной особы, приказал унять свое душевным порывам, находя отдохновение и спокойствие в сублимации своей музыкальной культуры и обращении к Богу.

И тогда Мария, узнав адрес музыканта у маркизы Ле Вайе, нацарапала ему записку, приглашая посетить ее в ее «журфикс».

Ференц с радостью принял предложение. И вскоре не проходило дня, чтобы они не виделись. Поводом для их частых встреч, вполне естественно, служила музыка. Они встречались то на вечерах у Марии, то у ее друзей, она часто официально приглашала его в качестве своего аккомпаниатора, чтобы прорепетировать какую-нибудь наспех подобранную арию или сопроводить ее на концерт. Если они не виделись, то обязательно обменивались письмами, записочками. Они посылали друг другу книги и потом, при встрече, делились своими впечатлениями по поводу прочитанного. В его первых письмах к ней уже чувствуется загоревшаяся, но пока еще не прорвавшаяся наружу страсть. Ее письма более сдержанны, хотя она и требовала, чтобы он непременно предавал их огню. Как говорится, береженого Бог бережет!

Как ни странно, они сильнее ощущали друг друга, когда не были вместе. Тогда их переживания обострялись, а любовь друг к другу усиливалась из-за короткой разлуки. В уединении его охватывал сильнейший любовный экстаз. Когда мысли о любимой захлестывали все его существо, когда переполнявшим сердце эмоциям не было выхода, он, изнемогая, срывался с места и бежал в церковь Пети-пер рядом с домом и там, опустившись на колени перед распятием Христа, погружался в мистический транс.

Роковая встреча в Круасси

Наконец Мария пригласила его в свое прекрасное имение Круасси, что за ее деньги в 1832 году приобрел граф д'Агу. Этот красивый замок Людовика XIV, расположенный в шести лье от Парижа в большом парке, полностью отвечал тонким вкусам Марии.

Когда Ференц, сын простого деревенского музыканта, увидел его великолепие, у него перехватило дух. Но более всей этой роскоши из заморского дерева, блестящего мрамора, величавых скульптур и картин потрясла Мария – дивное божество. Она встретила Листа в воздушном, прозрачном платье из легкой голубой ткани, плотно облегавшей ее царственную фигуру. Волосы с вплетенными в них голубыми лентами спадали, словно струи водопада, ей на плечи, и их дивные золотистые волны скрывали ее стан. На точеной шее, на полных красивых руках поблескивали драгоценности.

Сердце у него забилося сильнее. Он подошел к ней вплотную, робко взял за руку. Это прикосновение, казалось, обожгло его жарким огнем желания. Она вся задрожала, когда он неловко,

очень осторожно, словно впервые в жизни, прильнул губами к ее припухшим губам. Ему в это мгновение показалось, что он пьет божественный, колдовской напиток. Подхватив ее на руки, понес к широкому ложу. Графиня не сопротивлялась. Ей с первого брошенного на него взгляда стало ясно, что он – ее Судьба, а от нее не увернешься.

Барометр страстей

В конце лета Мария вернулась в Париж. Теперь тайные любовники старались пореже встречаться на людях, в театрах, на светских балах, на концертах, в модных салонах. Для чего привлекать к себе повышенное внимание? Но шила в мешке не утаишь. И сколько ни отнекивался Лист, сколько ни успокаивал своих любопытных друзей, о его связи с Марией стало известно.

Они продолжали переписываться. Она посылала свои письма ежедневно, словно отправляла религиозную службу.

«Я ужасно скучаю без вас. Прежде у меня случались такие отчаянные моменты, когда мне хотелось умереть даже от простуды. Больше такого желания у меня нет. Почему? – спросите вы. Потому что я люблю вас. Мне все время хочется увидеть вас, ваши волосы, ваше лицо, услышать ваш голос, дотронуться до вас. Как я хочу ради этого жить! Я люблю вас, и буду жить, чтобы и дальше любить вас...»

Однажды при встрече в одном из парижских салонов Ференц чуть слышно прошептал ей:

– Я нашел для нас комнату, на улице Мейл, 21. Вы завтра туда придете? Там, правда, грязно и темно, как в мышиной норе...

Она, улыбнувшись, тут же перевела его слова на немецкий:

– Какая предель! Значит, отныне я буду графиней Раттенлох!

Он церемонно пожал ей руку.

Отношения между мадам д'Агу и ее супругом ухудшались с каждым днем. Ссоры становились все чаще. Раздельное проживание, а затем и развод были не за горами, хотя окружение старалось всячески этому помешать или отдалить неизбежную развязку. Но она не обращала внимания на предостережения. Часто спрашивала себя с тревогой: «Когда же? Когда?»

Может, все же остановиться? Все прекратить? Порвать с Листом? Нет, это выше ее сил, у женщины с таким «фатальным» характером, как у нее, нельзя вырвать из груди любовь – для этого нужно вырвать из нее и саму жизнь. Их души уже соединились, и где найти такую силу, чтобы разъединить влюбленных?

«После вашего вчерашнего ухода мне оставалось лишь помолиться. Я весь вечер думала только о вас. В темноте я видела ваш магический взгляд, чувствовала на своих губах ваше теплое дыхание, прикосновение кончика вашего языка к моим закрытым векам. От стука вашего сердца убыстрялось мое, и мне так хотелось постоянно жить двойной, слившейся с вами жизнью, жизнью такой активной, такой напряженной, наполненной теми будоражащими душу чувствами, которые мы разбудили друг в друге...»

Мария счастлива, но она уже чувствует и первые любовные терзания. Теперь, когда он принадлежит ей, Марию все сильнее беспокоит его бурное прошлое, а слухи о его порочной и распутной жизни тем временем не идут на убыль. У него ведь была эта ветреница Гортензия! Потом еще эта противная мадам Г. А. Адель? Даже две Адели! Когда же он остепенится, когда посвятит себя целиком только ей одной?

Как трудно унять тревоги влюбленного сердца.

Однажды Ференц снова приехал в ее замок. Войдя в гостиную, увидел Марию: она радостно улыбалась в окружении своих двух девочек — одной было пять, а второй три годика. Он никогда прежде не слышал, что у нее есть дети, никогда их не видел. Вдруг Ференц резко изменился, помрачнел, на лбу у него пролегла недовольная морщина.

«Что промелькнуло в эту минуту в его сознании? — терялась в догадках Мария. — Что за странная мысль поразила его?»

Напрасно она водила себя за нос, она прекрасно понимала причину столь резкого изменения настроения Листа. В ту далекую для нас романтическую эпоху любовники никогда не уделяли внимания детям, ни своим, ни чужим. Увидав возлюбленную в образе матери двух детей, Ференц чуть не положил конец их безоблачной до тех пор идиллии.

С этого вечера, печально замечает Мария, их отношения изменились.

Тем не менее она упрямо искала его компании, даже когда ее усиленно избегали. Новая встреча состоялась, но перед ней предстал совершенно иной Ференц. Он разговаривал с ней с невиданным прежде цинизмом, расхваливал на все лады светскую жизнь, подчеркивая, насколько прекрасно свободное существование дамского угодника и распутника. Она, конечно, понимала: он старался ее обескуражить, даже унижить, чтобы побороть ее влюбленную настойчивость, и лишь рисовался перед ней и скорее всего говорил полуправду. Он язвительно намекал на ее высокое положение в обществе, наигранно восхищался ее царским домом, пышностью и элегантностью всего того, что ее окружало.

Когда он в таком состоянии начинал играть, то, по ее словам, «фортепиано вибрировало от резких, небрежных, какофонических звуков».

«Мое присутствие теперь не давало ему никакой радости, я, очевидно, вызывала у него только злобу. Однажды я даже уловила в его взгляде молнией вспыхнувшую ненависть. Что все это значило? Я не осмеливалась спросить его об этом».

Но Ференца надоело не хватало. Победенный своей страстью к Марии, он упал к ее ногам. «Однажды из-за одного едкого его словца, глубоко резанувшего меня по сердцу, я не сумела сдержаться, и из моих уст вырвался горький упрек. Долго сдерживаемые слезы потекли ручьем. Пораженный этой сценой Ференц пристально глядел на меня. Он продолжал молчать и, казалось, вел отчаянную борьбу с самим собой, раздираемый противоречивыми эмоциями, что заставляло дрожать его нижнюю губу. Вдруг, упав передо мной на колени и обняв мои ноги, он, об-

ратив на меня свой глубокий и печальный взгляд, попросил меня простить его. Это вырванное у меня из груди прощение, когда наши руки жарко переплелись, привело к настоящему взрыву любви. Мы дали друг другу клятву любить друг друга, любить безотчетно, безгранично, бесконечно, на этой земле и там, на небе!»

Все это не совсем точно, за исключением чисто физической стороны их отношений. Письма Листа к Марии, которые она старательно сохраняла, указывают на постоянные подспудные метания Ференца в его любви к графине. В октябре 1833-го, всего два месяца спустя после их первой близости, он пишет ей: «Все мои друзья считают, что я чудовищно изменился. Одни предполагают, что меня охватила великая неземная страсть, а другие утверждают, что это начало безумия. Вам хорошо известно, что я не влюблен и не безумен». Но уже в ноябре сам себе противоречит: «Скорее всего чистое безумие с моей стороны так сильно вас любить!»

Если для Марии д'Агу их любовь была сильной, незабываемой лирической встречей, то для Листа она стала каким-то наваждением, формой экстаза, а тело женщины для него оказалось «окном» к Богу. В середине 1834 года он однажды утром в любовном экстазе написал ей такие строчки:

«Ваше существование испепеляет мою жизнь, ту жизнь, которую вы мне открыли, которую мы открыли друг другу... В ней нет уже незаполненного вами пространства, нет времени, нет снов... а лишь бесконечность... Любовь... Забытье... Сладострастие... Милосердие. Наконец, сам Бог! Тот Бог, которого ищет моя душа... Тот Бог, которого нам подчас открывают отчаяние и избыток душевной боли... Бог вселюбящий, всемогущий...»

Однако Мария д'Агу никогда не чувствовала себя с ним надежно. Она требовала исключительной, всепоглощающей любви. Беспокойство возлюбленной дает о себе знать в упреках по поводу его прошлого. В них звучит неуверенность и в собственном будущем, и в будущем их любви. «Вам никогда не будет достаточно любви одной женщины, никогда она не принесет нужно вам утешения», — предрекала она.

Он все же принес ей извинения по поводу своих любовных связей с Каролиной де Сент-Крик и Адель Лапрюнаред. Он оправдывался тем, что в то время был «ребенком», «глушцом» и «трусом». Но его объяснения Марию не удовлетворяли. Она гнула свое. Тогда Лист взорвался: «Разве этот вульгарный и злой человек, за которого вы меня принимаете, не заявил вам: «У меня нет иной любви, кроме той, которой вы меня награждаете!» Я ни на йоту не отказываюсь от своей прошлой жизни, какой бы постыдной, какой бы горькой она ни была! Ни на йоту. Я ее принимаю целиком, и будь я во сто крат большим криминалом в ваших глазах, я все же поступил бы точно так. К тому же женщина, которую я люблю, должна быть счастлива от того, что она способна прощать. Только от нее я могу принять такое прощение. Теперь уже все в прошлом, клянусь перед собой и перед вами...»

Графиня Мария д'Агу постоянно пыталась преодолеть разделявший их глубокий социальный ров. Она мечтала когда-нибудь

соединиться с ним в своем, более знакомом ей мире, в котором она родилась и жила. Но все уговоры приводили его в ярость – он был уверен: рядом с ней в высшем свете ему прочного места нет. К тому же он не желал расставаться со своей свободой вольного артиста.

Но главным препятствием, главной соперницей на пути их соединения была не другая женщина, а сутана, которая с каждым днем все больше захватывала его воображение. Музыка в его понимании – тоже религия, и его пылкую, ревностную веру постоянно умело разжигал аббат Фелисите Ламенне – строгий пятидесятилетний священник с большой головой и подслеповатыми глазами. Этот социалист в сутане, славившийся своим религиозным фанатизмом, проповедовал революционное будущее для церкви. Идеи христианского социализма, которые он изложил в своей брошюре «Слово верующего» – «маленькой по размеру книжонке, но огромной по грандиозности извращений», как выразился папа Григорий XVI, – сделали Ламенне знаменитым и распространили его влияние во всех странах Европы. Христианская концепция «пророка нового порядка» объединяла три темы – страдания бедняков, высочайшее достоинство музыки, второй религии, и крепкая вера в Бога. Они звучали в самом любимом музыкальном произведении Листа – «Фантастической симфонии» его друга Берлиоза. Они просто завораживали молодого музыканта, все еще неуверенно блуждавшего в поисках своей божественной миссии и своей Судьбы артиста.

«Лист, – замечал по этому поводу его приятель Генрих Гейне, – любит совать свой длинный нос во все кастрюли, в которых Господь готовит будущее мира».

Музыкант-виртуоз совершил несколько продолжительных поминчиваний к Ламенне в Бретань, где подолгу гостил у него, что, конечно, не могло расположить графиню к аббату. Она чувствовала в нем сильного противника, способного увести возлюбленного в совершенно иной для нее мир. Она не была никогда так тверда в вере, как Ференц, и когда он прислал ей экземпляр новой книжки аббата с подчеркнутыми специально для нее абзацами, она их все перечеркнула, назвав «галиматief». Ее жесткие слова сильно задели чувства верующего юноши.

...Тайная жизнь двух возлюбленных возобновилась в «крысиной норе». Но сердечные терзания не оставили Марию. Предстоял развод с мужем. Сможет ли она после развода вести такую же свободную светскую жизнь, избежит ли неминуемого грандиозного скандала? Сможет ли заставить Листа отказаться ради нее от своей блестящей карьеры? Сможет ли убедить его уехать вместе с ней из Франции, из Парижа, который теперь лежал у его ног?

А тем временем их любовную связь освятил сам Бог. Уже несколько месяцев она носила под сердцем его ребенка, и эти узлы теперь должны были связать их навечно.

Опасная соперница

Кроме сутаны, у Марии д'Агу появилась и другая, весьма опасная соперница – самая знаменитая и самая оригинальная женщина XIX века. Аврора Дюпен. В качестве литературного

псевдонима она выбрала себе чисто мужское имя – Жорж Санд. Она поражала Париж своими эксцентрическими вкусами, постоянно носила мужской костюм – плюсовые брюки до колен красного цвета, бархатную коричневую рубашку, камзол, сапоги с высокими каблуками, широкополую шляпу с пером и курила вонючие манильские сигары. Далеко не красавица, она безнадежно меркла рядом с такой неотразимой женщиной, как Мария д'Агу, но у нее было море шарма, она обладала невероятным остроумием, зрелым, мужским умом, и, несмотря на свой громадный нос, из-за которого называла себя «доктор Пиффозель» (по-французски «Piffuel» – «большой нос», «руль»), пользовалась бешеным успехом среди самых выдающихся личностей своего времени. Ко всему прочему, имела славу известной писательницы, наделенной могучим талантом. Все это, конечно, привлекало к ней внимание такого одаренного пианиста-виртуоза, как Лист. История умалчивает о том, была ли между ними любовная связь. Но частые посещения Ференцем ее литературного салона вызывали у Марии сильнейшие подозрения в неверности ее двух друзей, что, несомненно, отравляло ей жизнь и что в конце-концов привело к крупной ссоре и впоследствии к окончательному разрыву между когда-то близкими подругами.

Ференц не вызывал у Жорж Санд особых эмоций. «Я бы могла полюбить месье Листа, но только в приступе бешеного гнева. А так он для меня, что горький шпинат, не вдохновляет!» – признавалась она Генриху Гейне. В своем дневнике 19 ноября 1834 года она даже оставила такую запись: «Он не думает ни о чем другом, кроме Бога или Богородицы, но ни тот, ни другая на меня абсолютно не похожи!»

Но иногда она, расслабившись, утверждала, что соблазнить Листа ей ничего не стоит. Для этого нужно лишь томно облокотиться на крышку фортепиано, когда он сидит за инструментом, и принять мечтательный вид.

Такие разговоры, всевозможные намеки выводили из себя Марию д'Агу, вызывали жгучую ревность к писательнице из-за этого ветренника Ференца. Но Жорж Санд не хотела портить отношений с богатой аристократкой. А вот самому Листу очень нравилась такая назлектризованная атмосфера, пропитанная страстной любовью, ревностью, острым соперничеством и определенной двусмысленностью взаимоотношений.

Когда Ференц впервые привез Марию д'Агу к Жорж Санд, графиня показала ей «одной из тех чудесных принцесс, которые вдруг предстают пред бедными артистами, словно сошли со страниц веселых сказок Гофмана... добрая фея-блондинка в светло-голубом платье», спустившаяся с неба прямо на «чердак поэта». Жорж была от нее в восторге. А Мария все время спрашивала себя, не веря собственным глазам: «Кто это – мужчина или женщина? Ангел или демон? Явилась ли она, как и ее Лелия, с неба или вырвалась из ада?»

«Могу вам сказать... что люблю вас... вы мне кажетесь действительно кем-то прекрасным, достойным уважения, исполненным такого тонкого благородства, блеск которого можно увидеть только среди патрициев. Нужно обладать настоящей, мощ-

ной, прирожденной женственностью, начитанностью и образованностью, чтобы заставить меня забыть о том, что вы графиня. Если чувствуете необходимость писать, то пишите же, черт возьми! Пишите быстро, не задумываясь ни над чем подолгу, пишите о том, что видите сейчас перед собой, а не по памяти. Пишите о женщинах – вы их хорошо знаете».

Слова ее не пропали даром. Мария д'Агу по ее примеру вскоре взялась за перо. Вначале долгое время работала как журналистка, а после окончательного разрыва с Листом стала известной писательницей и историком Франции. Она написала шумевший роман «Нелида», в котором на манер Жорж Санд зло высмеяла в главном герое-музыканте своего бывшего любовника Ференца Листа. Потом опубликовала книгу «Эссе о свободе», пользовавшуюся большой популярностью в освободившихся от наполеоновского гнета странах Европы, «Эскизы нравственности», а на закате жизни выпустила капитальный исторический труд – «История революции 1848 года» и «История республики 1848 года».

В ноябре 1834 года заболела ее старшая дочь Луиза, а в декабре умерла от воспаления мозга (менингита). Мария пребывала в полном отчаянии. Ей казалось, что это кара Божия за ее тайную любовь к Листу. Они надолго расстались. Лист жил у аббата Ламенне в Бретани и не выражал особой озабоченности по поводу постигшего ее несчастья. Мария впала в продолжительную нервную депрессию, что лишь осложняло и без того натянутые отношения с мужем. Она не могла больше выносить свою младшую дочь от этого брака и даже отправила девочку в монастырь.

А Лист, вероятно, по наущению своего духовника, начал готовить Марию к неизбежному разрыву. Для начала пытался быть подалеже от нее, чтобы дать время их пароксической страсти окончательно заглухнуть. Но когда нет рядом капризного и упрямого аббата, он не в силах совладать с собой и украдкой от него пишет Марии проникновенные письма:

«Кажется, я схожу с ума, но я вас так сильно люблю, любовь моя. Моя любовь к вам настолько величественна, настолько благородна! Ваша горничная сообщила мне... что вы говорили о своем намерении броситься головой в омут, не видеть больше никого рядом с собой, даже Клэр. Как это все ужасно!» – сочувствует ей Ференц. Нет, на самом деле он далеко не такой бесчувственный эгоист, за которого она его принимает. Но как ему вырваться из-под религиозного гнета аббата?

«Я жду с нетерпением того дня, когда вы, прибегнув к своему светлому разуму, своему сердцу, своей чуткой душе, скажете: Ференц, заметем все прошлые следы, забудем о прошлом, простим друг другу навечно то, что, может, было несовершенным, огорчительным и несчастным в наших отношениях, останемся и впредь рядом, так как в этот тяжкий для вас час я особенно сильно вас понимаю и прощаю вас за все. В этот благословенный день – пусть он наступит как можно скорее – мы будем так далеко от этого мира, мы будем жить и любить друг друга и умрем вдали от всех».

Это письмо привело к новому сближению. Тем более, что Мария была уже на пятом месяце беременности. Кроме того, он вдруг получил помощь от Марии с совершенно неожиданной стороны. Она уже начала активно заниматься журналистикой и передала ему большую статью для «Музыкальной газеты» Шлезингера. Прочитав и оценив по достоинству ее талант музыкального критика, Лист бесцеремонно зачеркнул под ней подпись графини и поставил свою. Такой эксперимент он впоследствии повторял неоднократно, отнимая у своей любовницы лавры солидного и знающего свое дело рецензента.

Лист не забыл данного Марии обещания уехать из Франции вместе с ней.

25 мая 1835 года Мария д'Агу в сопровождении своей матери и двоюродного брата отправилась в Швейцарию, в Базель. Там они остановились в отеле «Три короля». В это же время Лист в другой карете мчался в альпийскую республику.

На границе с Францией Мария д'Агу написала прощальное письмо своему мужу, датированное 26 мая 1835 года:

«Я уезжаю. После восьми лет брака мы расстаемся с вами навсегда. Что бы вы обо мне ни думали, я готова признаться, что такое решение не далось мне без жестокой борьбы с собой и горьких слез. Мне не в чем вас упрекнуть. Вы всегда демонстрировали по отношению ко мне чистосердечие и доброту. Я не в праве упрекать вас в этом несчастье. Может, во всем виновата я. Право, не знаю... Я не скрываю от вас ни одного из своих заблуждений и прошу у вас за все прощения на могиле нашей Луизы. Обещаю, ваше имя не будет мною произнесено без того уважения и почтения, которого вы, несомненно, заслуживаете. Что же касается моих взаимоотношений со светом, который причинил мне столько зла, то прошу вас только об одном – хранить полное молчание».

По прибытии в Базель Мария сразу же написала записку Ференцу и передала ее через нарочного в отель «Аист», где он остановился.

«Сообщите мне немедленно номер вашей комнаты. Не выходите из нее. Со мной здесь находится мать, мой двоюродный брат уже уехал. Позже поговорим обо всем. Пока я просто не осмеливаюсь вам что-либо сказать. Это – мое самое последнее, самое жестокое испытание, но моя любовь – это моя вера, а мне так хочется стать мученицей. Среда. Отель «Три короля».

Ференц немедленно ответил ей на английском:

«Я нахожусь здесь, потому что вы меня позвали. Я не выйду из отеля, покуда не увижу вас. Номер моей комнаты в отеле «Аист» – 20. Она расположена на первом этаже, от входа сразу направо. Всего наилучшего».

Пребывание в Швейцарии

Прошла целая неделя, прежде чем, наконец, Мария устроилась в отеле «Аист». Отчего такая медлительность у охваченной пылкой страстью женщины? Нерешительность Ференца? Ее стыдливость? Может, в этом повинна ее мать? Возможно и то, и другое, и третье. Мария д'Агу, конечно, страдала от унижения.

Еще бы – знатная светская дама вынуждена выступать в роли охотника, а великий Ференц Лист в роли ее добычи! Графиня говорит о своем «сладком мученичестве», а он твердит, что она его повсюду ищет, не дает покоя. Как мало, однако, возвышенного восторга и с одной, и с другой стороны! Так под дурным знаменованием начинаются «годы странствий» – это название Лист даст своим музыкальным отрывкам.

«Его приезд в Швейцарию стал началом новой эры в музыке Листа», – пишет его биограф Элеонора Парений и не щадит в своей книге Марию д'Агу: «Он был слишком юным, чтобы понять, что может связывать его с такой требовательной женщиной, которая к тому же была значительно старше его». Ведь графиня постоянно оказывала давление на Ференца, уговаривая его отказаться от карьеры пианиста, перестать быть «балаганным зазывалой» и посвятить себя высокому искусству композиции.

Выдалось дивное альпийское лето. Они сняли небольшой домик неподалеку от Цюриха, на берегу озера Валленштадт и любовались застылым видом его печальных вод, что впоследствии стало главной темой великолепного сочинения Листа «Годы странствий».

Наконец Мария могла быть сама собой. В долгих беседах во время прогулок по горам от одной деревушки к другой, от одного шато к другому их души взаимно проникали друг в друга, обретали более богатую многоголосую гармонию. За все это счастливое время они не получили ни одного письма. Никто из них даже не заикался о завтрашнем дне.

– Послушайте, Мария, – как-то вырвалось у Ференца, – по-моему, я слишком сильно вас люблю!

В такие просветленные моменты он долго говорил ей об их будущем, когда они наследят своим счастьем, когда их высокая любовь, сделав последние усилия, преодолеет путы плотской любви и устремится вместе с их душами на торжественную встречу с Богом...

В конце августа в горах наступили первые осенние холода. Однажды утром Мария, проснувшись, увидела лохматые шапки снега на вершинах гор. Ах, как быстро все закончилось! – прошептала она, дрожа всем телом.

Они решили уехать из своей сказочной долины и поселиться в кальвинистской Женеве.

Лист нашел отличные апартаменты, занимающие весь второй этаж, с окнами, выходящими на красивую гору Юра и на прелестную Рону. В доме их уже ожидала корреспонденция. Два письма адресовались Марии. Мать вместе с двоюродным братом уговаривали ее еще раз оценить столь деликатную ситуацию и вернуться во Францию. Можно добиться развода и с помощью дипломатических приемов, убеждали они. Она не может вести себя так, как ей заблагорассудится, в любом случае нельзя забывать о приличиях. В постскриптуме маленькая Клэр посылала поцелуй и спрашивала, когда вернется ее любимая мамочка.

Нет, она больше никогда не вернется к прежней жизни!

Предпринимаемые Марией попытки оградить Листа от визитеров, от утомительных дружеских встреч были напрасны.

Слишком много людей обожали виртуоза-пианиста, слишком много у него было поклонников и поклонниц. Теперь становилось все труднее подолгу оставаться с ним наедине.

Там, в Париже, она была царицей, здесь, в скучной Женеве, на нее никто не обращал внимания. Она остро чувствовала этот вызывающий остракизм, и поэтому каждый его успех на публике наносил глубокую, кровоточащую рану ее самолюбию, ее любви. Какие страдания испытывала Мария от тайной ревности, от необходимости делить своего возлюбленного с обожающей его толпой. Ференца сводило с ума ее ревнивое стремление бдительно оберегать ото всех их интимные чувства. Она сама когда-то похитила Ференца у публики, и вот теперь публика снова украдала его у нее! Мария чувствовала, что вновь теряет возлюбленного, и с этого дня в «жизни ее наступила нежелательная перемена».

В Женеве все искали компании Ференца, главным образом женщины, пораженные его красотой, впечатляющей, страстной манерой исполнения, окутанного легкой пеленой тайны. Ференц не мог, да и не умел противостоять женским чарам, а ухаживание за женщинами, разумеется, отвлекало его «от великих музыкальных трудов». Теперь Ференц сочиняет музыку не по своему желанию, а по заказу богатых издателей, готовых сразу же выложить кучу денег за требуемое сочинение.

Толпа поклонников и обожателей Листа все сгущалась, а изоляция Марии в женевском обществе только усиливалась. Не ее, а Листа везде принимали с распростертыми объятиями. В это время на страницах ее дневника — одни жалобы, одни горькие сетования. «Эти строгие кальвинисты, не испытывая особых урызений совести, стремились играть талантом Ференца. Они с явным удовольствием во всем оправдывали его, снимали с него любую, даже самую значительную вину. Меня же горько упрекали в том, что я лишила Ференца блистательной карьеры, состояния, почестей и приковала его к собственной судьбе. Другие, напротив, рассматривали меня как простой эпизод в жизни артиста, который, конечно, в скором времени непременно завершится».

В такой обстановке 18 декабря 1835 года у Ференца с Марией родилась дочь, которую они называли Блондиной. Ее рождение зарегистрировали женевские городские власти:

«Блондин Рашель, внебрачный ребенок Ференца Листа, преподавателя музыки, двадцати четырех лет, родившегося в Рейденге, Венгрия, и Катерины Аделаиды Меран, рантье, двадцати четырех лет, родившейся в Париже. Оба не женаты, оба в браке не состоят, проживают в Женеве. Г-н Лист добровольно признал себя отцом вышеуказанного ребенка, в чем и сделал соответствующее заявление в присутствии г-на Пьера Этьена Вульфа и Джеймса Фази...»

Многие упрекали Марию д'Агу, что она скрыла свой истинный возраст, назвав себя ровесницей Листа, а другие резко критиковали, что отказалась, в отличие от Листа, признать своего ребенка. Такие нападки, однако, крайне несправедливы и свидетельствуют о плохом знании наполеоновского кодекса, весьма

категоричного в подобных ситуациях. «Мои дети, — писала она своему приятелю доктору Гапену, — не могли быть моими на законном основании, и могли быть только детьми г-на д'Агу. Поэтому нас с Листом волновала только одна мысль — избежать подобного чудовищного шага. Отсюда в регистрационной книге указывается только внебрачный отец, а мать скрывается под псевдонимом...»

Рождение дитя греха, нежелание рассказывать в этом Листа, их идола, вызвали еще большее озлобление и ярость у хранительниц нравственности. Видя, в каком подавленном состоянии духа находится Мария, Ференц вдруг предложил ей отправиться в Италию, чтобы начать там новую жизнь. Ждать отъезда туда им пришлось целых полтора года, но они не теряли времени даром.

Ференц выступал в концертах, а Мария усиленно занималась литературными опытами, особенно музыкальными критическими очерками, регулярно появлявшимися в парижской «Музыкальной газете» под рубрикой «Письма бакалавра музыки». Иногда Лист набрасывал для нее основные направления той или иной темы, иногда исправлял в черновике несколько абзацев, но никогда не забывал ставить под статьей свое имя. «Письма» сразу после получения немедленно отправлялись в набор. «Ваши «Письма», — писал ей Лист из Парижа, — имеют громадный успех. Отныне я даже не осмелюсь написать нечто подобное!» В марте 1837 года он сообщил: «Ваши две статьи получены. Какое прилежание, какая легкость стиля!» Ее увлечение литературным творчеством в какой-то мере объясняется сознательным соперничеством с Жорж Санд, чьи «Письма путешественника», служившие Марии во многом образцом, имели громадный успех у публики и только подстегивали амбиции графини. Их соперничество в отношении Листа на самом деле существовало только в воображении Марии и объяснялось ее чувством неуверенности в себе и неверностью Листа.

Лист в это время находился в стесненных обстоятельствах, он отчаянно нуждался в деньгах, а их могли ему дать только концерты. Его постоянно манил к себе Париж, где он мог неплохо заработать. «Фортепиано — мое единственное достояние, мой единственный титул, моя единственная собственность, с ним связаны все мои надежды», — говорил Ференц. Но это, конечно, не единственная причина его желания как можно скорее вернуться в столицу Франции. Во время продолжительного отсутствия Листа знаменитый австрийский пианист Сигизмунд Тальберг «сверг его с престола» в глазах широкой публики. Теперь Ференцу предстояло возвращение в Париж, как Наполеону с острова Эльба, чтобы вновь занять по праву принадлежавшее ему место. Вздвонанный, он все время повторял остроумную одну своей находчивой поклонницы: «Тальберг — лучший в мире пианист, а Лист — единственный!» Он горел желанием скрестить шпаги с этим «самозванцем».

В Париже Лист снял небольшой зал, предназначенный специально для музыкальной элиты, где известные специалисты

могли по достоинству оценить, насколько более зрелой стала его виртуозная игра. Но на сей раз свое исполнение он подчинил строгому самоконтролю, его манера уже не была, как прежде, сумбурной, разбросанной, теперь он себя сдерживал. Весь Париж пришел в восторг от его новой манеры. На следующий день предстояло выступление соперника Тальберга в большом концертном зале, где собрался весь музыкальный цвет Парижа. Тальберг блистал, как всегда, но не обнаруживал ни стремительной техники, ни того божественного вдохновения, которое всегда овладевало Листом, как только тот прикасался пальцами к клавишам. Тальберг играл сложные фантазии Шуберта, но знатоки, слышавшие накануне игру Листа, оказались явно разочарованы. На следующий день в «Музыкальной жизни» парижане прочитали броский заголовок «Битва двух великих пианистов, этих двух гигантов завершилась у всех на глазах. Венгерская страстность подавила австрийскую вялость!»

Все, победа одержана. Ференц Лист вновь взошел в Париже на музыкальный Олимп. Теперь он останется там навсегда. Войдя в раж от одержанной опьяняющей победы, Лист ответил на любовный призыв обольстительной принцессы Кристины Бельжиджозо, уже давно его домогавшейся. Он провел восторженную ночь в ее знаменитом салоне, стены которого были украшены большими серебристыми звездами. Несмотря на то, что он снова изменил Марии, его письма к ней в Швейцарию стали еще более нежными, более страстными, чем прежде: «Скука и печаль разрывают мое бедное сердце. Музыка мне надоедает, человечество навевает скуку, а природа без вас — лишь постоянная гибель и воспроизводство. Короче говоря, на моем небосводе больше нет ни солнца, ни звезд. Мне просто необходимо снова увидеть вас, и, наконец, серьезно начать новую жизнь. Я стремлюсь к неизвестному мне странному и простому существованию, вульгарному и мистическому одновременно. Существованию идеальному, одинокому, существованию в вас и в Господе. Того, кого я так хорошо чувствую и обожаю. Ах, предоставьте мне покой, принесите мне ваш мир, как принес его Христос своим апостолам. Я вновь чувствую непреодолимую потребность в вас. Я вас глубоко люблю, но не могу так выразиться, как бы вы хотели. Положите же вашу милую руку на грудь мою и позвольте мне уснуть на груди вашей, груди, куда я переливаю все свои печали, всю свою нежность, весь свой гений».

Тем временем в отсутствие Листа Мария не теряла времени даром. Луи Рошто, ее стойкий обожатель, удвоил свое внимание к ней, не давал возможности скучать в одиночестве. Неожиданно Ференц получил от нее странное письмо, немало его озадачившее: «От молока ослицы силы мои быстро восстановились. Мой ухажер Рошто выше всяких похвал...»

Лист почувствовал острый укол ревности. На следующий день он примчался в Женеву. Двери их квартиры на улице Табазан оставались для него плотно закрытыми двое суток. Но Лист упорно штурмовал свой второй Олимп, который он так безрассудно покинул. К счастью, он преуспел и здесь.

– Поедем в Шамони, – вдруг предложил он Марии, когда истекали вместе с их безумной страстью два дня и две ночи. – Вы здесь скучали без меня, я знаю, вам нужно немного развеяться.

Забыв впопыхах, что они пригласили к себе в Женеву погостить Жорж Санд, влюбленная пара отправилась к вершине величественного Мон-Блана.

Когда Жорж Санд открыла регистрационную книгу в их отеле, то по одной только записи поняла, что она не ошиблась – Лист с Марией жили именно здесь. Вот какую запись оставил Лист:

Род занятий: Философ-музыкант.

Домашний адрес: Парнас.

Откуда прибыл: Из сомнения.

Куда направляетесь: На поиски Истины.

В том же духе, проявив слабость к плагиату, Жорж вместе со своим «выводком» записалась в книге под именем «семьи Пиффозль». (Как вы, вероятно, помните, таким было ее прозвище – «длинноногая».) Затем добавила следующее:

Домашний адрес: Природа.

Откуда прибыл: От Бога.

Дата получения документа: Постоянная, открытая.

Кем предоставлен: Общественным мнением.

В такой веселой, непринужденной атмосфере они все вместе, на манер цыганского табора, совершали пешеходные экскурсии в Альпы, а по вечерам, сидя у камелька за бокалом легкого вина, вели долгие беседы о Фридрихе Шеллинге, о Георге Гегеле, о Боге... о музыке.

Однажды Лист сыграл для своей гостьи только что написанное им «Фантастическое рондо» и посвятил его Жорж Санд. Прослушав эту великолепную вещь, взволнованная писательница тут же сочинила ее пародическую версию.

Когда они все вместе приехали в Фрейбург, Листу захотелось опробовать знаменитый орган работы Мозера в церкви святого Николая. Он сел за громадный громоздкий инструмент и заиграл знаменитую моцартовскую мессу «Гнев Божий». Потом, устремив взор в сводчатый потолок, начал уверенно импровизировать, словно получил оттуда, сверху, мощный электрический заряд. «Никогда еще флорентийский профиль Ференца, – вспоминала Жорж Санд, – не был таким бледным, таким освещенным изнутри в сумрачной этой ночи, на нем застыл мистический ужас и поистине религиозная печаль».

Под непреодолимым мощным напором звуков слушатели покорно склонили головы. Может, в это мгновение музыкант изливал на них свою божественную душу, растворял ее в возносимой к небесам молитве? Пораженная Мария не могла оторвать от него удивленного взгляда – она еще никогда не видела его таким взволнованным. «Лунный луч скользил по его широкому лбу, падал на глаза с намернувшимися крупными слезами, а на лице его проступили признаки глубочайшего душевного волнения». Это был не тот Лист, которого она видела на публичных концертах, которого оглушали громкие крики «браво!», которого затопляли страстные улыбки красивых дам, оспаривающих друг у друга право на его любовь, на его гений. В тот вечер, казалось,

они увидели огненную колесницу пророков, уносящуюся к невидимым вершинам. А молодой человек, совсем еще юноша, дикий и мужественный, словно вел невидимую схватку, как Яков, вступивший в бой с ангелом смерти.

Даже сама любовь, такая сильная, как наша, не в силах разорвать магического круга, в котором обретается его музыкальная божественная мысль, сокрушалась Мария. И с этим беспокойным, азартным гением она хотела связать свою жизнь. Она старалась получше разглядеть этого человека, страстно любимого, а ведь для нее любовь — не только обладание телом, но и познание души. Она снова вообразила себя Беатриче. Как ей хотелось увести своего Данте подальше от заблуждений, вывести его на светлую дорогу из мрачного леса безумия. Вот только хватит ли у нее сил, чтобы с этим справиться?

Снова Париж

Семья Пиффозль и чета Феллоуз расставались не с такой безумной беспечностью и веселостью, как при первой встрече в отеле «Союз». Они пообещали вновь встретиться в Париже. Санд пригласила Ференца с Марией посетить ее сельское имение Ноант, но та ответила отказом, узнав, что Лист намеревался остаться в Париже.

Они сняли апартаменты в отеле «Франс». Оттуда 18 октября 1836 года она написала письмо Жорж Санд, предложив ей приехать к ним, в столицу. «Я чувствую, что ваше присутствие рядом стало для меня потребностью,» — добавила она в постскрипуме. Санд с радостью приняла ее предложение: «Забронируйте для меня комнату, и будем заниматься хозяйством, как прежде».

Два дня спустя Санд со своим «выводком» поселилась в том же отеле, этажом ниже. Вероятно, под ее влиянием Мария приняла решение бросить новый вызов свету и создать свой блистательный литературно-музыкальный салон, где могли бы собираться самые большие знаменитости французской столицы. «В Женеве, — писала она Пикте, — я чувствовала себя, как рыба, выброшенная на песок». В своем новом начинании она рассчитывала на помощь Санд, на ее литературные связи. Некоторые завсегдатаи прежнего «мирка» последовали за Марией д'Агу в ее новый салон, среди них выделялась жена испанского консула в Париже Марлиани. Лист тоже привел за собой небольшой кружок литераторов и музыкантов, главным образом, из числа поляков, проживавших в то время в Париже, — графа Альберта Гржымалу, поэта Адама Мицкевича и нелюдима Фредерика Шопена.

Зиму 1837 года семья Пиффозль и чета Феллоуз провели вместе в Париже. На одном вечере Лист сыграл сложнейшую «Большую фантастическую симфонию» Берлиоза, которую сам переложил для фортепиано, вызвав бурю аплодисментов у слушателей. Однако наиболее пронизательные критики подмечали и кое-какие его недостатки — они все чаще говорили о его «экстравагантности», о «музыкальных гримасах» и даже о «гротескных искажениях», а некоторые недруги обвиняли его в «музыкальном шарлатанстве». Лист, бесспорно, стал более зрелым музы-

кантом, но как сам признавался, давали знать о себе «грехи молодости», когда слишком покорно шел на поводу у широкой публики с ее своеобразным вкусом. Отчет об этом незабываемом вечере, как обычно, появился на следующий день в «Музыкальной газете» за подписью Марии д'Агу. Всех читателей поразили трезвость ее суждений, ясность выраженной мысли, элегантность стиля. Мария тоже мужала как писательница и музыкальный критик.

Жорж Санд уехала к себе в Ноант, а Мария просто сгорала от нетерпения. Так ей хотелось снова увидиться со своей подругой. Та тоже мечтала о встрече с графиней, тем более что в то время она остро переживала разрыв с последним своим любовником Мишелем де Буржем. Наконец Мария появилась в Ноанте. Писательница встретила ее в костюме охотника, в сапогах на высоких каблуках.

— Ну вот, Мария, — пожаловалась она, — теперь я осталась совсем одна, без мужа и без любовника. Ох, уж эти великие люди. Они надоели до чертиков. Для чего они мне? Вон их сколько у одного лишь Плутарха, не перечести!

Мария, конечно, старалась получше сыграть роль утешительницы и даже ответила отказом на нетерпеливые призывы Листа из Парижа вернуться домой.

— Никуда не уезжайте, — умоляла ее Санд. — Пусть работает, нечего зря отвлекаться! Гений требует спокойствия, усидчивости и тишины.

Тогда в Ноант на короткое время приехал сам Лист. Он провёл там всего неделю, но был совсем не таким, как прежде. Все время нервничал, капризничал, казался чем-то сильно озабочен и все время твердил о необходимости скорейшего возвращения в Париж. Когда Жорж Санд пригласила своих друзей послушать его игру, он наотрез отказался, но вдруг подошел к фортепиано и начал прекрасно импровизировать. Поиграв минут пятнадцать, он с шумом захолопнул крышку рояля и заявил: «Все! Сегодня медведь танцевать не будет!» — и уехал в Париж.

Однажды к ним в гости пришла одна литературная дама, графиня Бокази, и, как водится, завела разговор о литературе.

— Почему бы вам, Жорж, не написать пьесу? — спросила она.

— Я уже думала об этом, — ответила та, — только вот никак не могу подобрать приятного имени для героини.

Через несколько дней она воскликнула в присутствии Марии д'Агу:

— Ну вот, наконец, отыскала! Я назову ее Козима.

— Какое чудесное имя! — восхитилась Мария. — Это — женское от мужского имени Козим, да?

Она улыбнулась про себя, стараясь не выдать подруге своей тайны. А тем временем Ференц из Парижа шлет ей одно за другим пылкие письма. Он зовет ее домой, так как скучает, когда рядом с ним нет его привычной Музы.

Мария решила ехать. Теперь у нее появилась веская причина, чтобы поскорее оказаться рядом с Ференцем. Она снова забеременела. Трясаясь в дилижансе, она все время повторяла: Козима! Козима! Козима!

Рай на берегу Комо

Их давняя мечта, наконец, осуществилась. Преодолев в скрипучей коляске крутой Симплонский перевал и прибыв в Белладжио, они сняли домик на берегу красивейшего итальянского озера Комо.

Немного отяжелев от четвертой беременности, Мария по-прежнему была прекрасной. Она походила на изящное изваяние из немецкого мрамора, освещенное игривыми лучами жаркого, приветливого итальянского солнца.

– Здесь, на озере Комо, родится наш ребенок! – решила пораженная невиданной красотой пейзажа Мария.

– Козим или Козима? – поинтересовался в шутку Лист. – Милости просим в этот мир, ну а под каким именем – уже не столь важно, – нежно добавил он.

Ференц, казалось, был счастлив. Она и не предполагала, что этот человек необузданных страстей, резкой смены настроений, неусидчивый и порывистый вдруг будет довольствоваться непритязательной, лишенной привычного комфорта жизнью вдвоем, расстроенным фортепиано да парой книг под рукой, Данте и Плутарха, и ее повседневными беседами. Может, это и есть столь желанное примирение?

Мария собирала цветы и ракушки, а Лист записывал на ходу в записную книжку услышанные невзначай мелодичные песни итальянских рыбаков и прачек. Никогда прежде он по вечерам не играл так проникновенно Шопена.

Работа не прекращалась и в этом раю.

Он пишет прекрасную музыку – «Мелодичные цветы Альп», «Фантазию квази соната», «Экзерсисы для трансцендентного общения».

Однажды, когда Мария описывала в письме своему постоянно кавалеру поэту Рошто прелести их Эдема, Лист приписал своей рукой: «Если вам придет в голову идея написать историю двух счастливых влюбленных, то поместите их на берега озера Комо!».

В таком блаженном состоянии, когда ничто постороннее не тербает душу, когда еще острее чувствуются их неосвященные божественным благословением супружеские узы, в ночь на рождество с 24 на 25 декабря 1837 года у них родилась девочка, которую назвали Козима...

Но и второй «медовый месяц» стал таким же коротким, как и первый. Денежные сбережения Марии таяли с катастрофической быстротой – почти по 5000 франков в месяц. Ведь ни Ференц, ни Мария никогда не экономили, а она запросто могла выложить тысячу франков за новый туалет. А сколько денег уходило на содержание дома, экипажа, челяди и слуг, на частые застоля с многочисленными приглашенными. Граф д'Агу, опасаясь, как бы она не промотала состояние, завещанное их дочери Клэр, начал чинить дополнительные трудности и ограничивать расходы своей супруги, особенно после того, как узнал о рождении второго ребенка у любовников. «Мой муж уже не прежний идеальный муж, – жаловалась она Пикте, – а лишь муж реальный. Увы, мужа умирают только в романах!»

Посещение Италии если и не возродило их любовь в прежнем виде, то в любом случае несколько затянуло разлуку.

В Милане Ференцу сопутствовал грандиозный успех, который вызвал у Марии тревогу. Неужели они хотят сделать из него галантного денди? Уже сейчас он вертится по часу перед зеркалом, разглаживая складки фрака и галстука, даже напялил шелковые чулки.

Они посетили и другие итальянские города. И везде Лист красовался перед восторженной публикой. Брешия, Винченца, Падуя и, разумеется, явившаяся из сказочного прошлого Венеция. Здесь все приводит Марию на восторг – гондолы, пение гондольеров, нахальные голуби на площади святого Марка, мозаика церквей, шедевры Тинторетто, Веронезе.

Он часто уезжал на гастроли, оставляя ее в полном одиночестве, пусть и в прекрасном, но все же чужом для нее городе. Он легко завязывал любовные отношения с многочисленными поклонницами, щедро платившими ему своим телом за доставленное на концертах удовольствие. На ее горькие упреки Лист хладнокровно отвечал: «Ну что здесь поделаешь? Таким создал меня Господь!» Там, в Италии, она в запале бросила ему свою знаменитую фразу: «Я с удовольствием могу быть любовницей Листа, но только не одной из них!»

Напряженность не спадала. Однажды вечером, рассказывает Мария в своих «Мемуарах», она наблюдала за игрой Листа, который как всегда блестяще исполнял свою «Оргику». Семнадцатилетняя мадемуазель Паллансини сидела рядом с ним в позе божественного созерцательного любования. Девушка не спускала с него замороженных глаз, с бегающих по клавиатуре тонких пальцев, с его бледного, одухотворенного лица, и, казалось, никакая сила в мире не может оторвать ее страстного влюбленного взгляда. Лист, испытывая божественное наслаждение от игры, впился в нее своими горящими глазами. Марии показалось, что в эту минуту он физически отдается своей юной слушательнице. Это, конечно, была весьма эротическая сцена!

«В ту ночь, – продолжает Мария, – от букета цветов, забытого им у меня на столе, мне стало дурно. Я долго плакала. Короткий приступ страсти в постели заставил меня немного воспрять духом. Но мне все чаще стало казаться, что я безвольная женщина, что у меня нет твердых жизненных принципов, что я преграда на его пути, что уже не столь хороша для него, как прежде. Я окрашиваю все его дни унынием и печалью...»

Может, стоит прибегнуть к разлуке, этому испытанному средству всех сомневающихся в силе своей любви влюбленных?

Вскоре такой случай представился. Однажды утром в ее спальню ворвался взволнованный Лист. В руках он держал немецкую газету. В ней сообщалось о небывалом наводнении в Венгрии. После обильных весенних дождей Дунай вышел из берегов, залил Пешт и сотни гектаров самой плодородной земли.

– Как все это ужасно! – запричитал Ференц. – Я должен послать на родину все, что у меня есть. – Затем с горькой улыбкой добавил: – Но ведь у меня ничего нет, вот только эти десять пальцев да мое имя. Что вы на это скажете? Если мне удастся по-

пасть в Вену, я заработаю там баснословные суммы. На это уйдет дней восемь, не больше...

Сердце у Марии упало. С какой стати он вдруг вспомнил о родине, о которой и думать давно забыл? — размышляла она. Может, это типичное лицемерие с его стороны? Или обычная иллюзия впечатлительного романтика? К тому же он может оказать помощь другим, а кто же придет ей на помощь, одинокой и больной женщине? Он даже не подумал пригласить ее поехать с ним.

Ференц уехал, переложив все заботы о Марии на плечи ее молодого венецианского обожателя графа Эмилио Малацонни. Вернется он только через два месяца...

В Вене, как Лист и предполагал, его ожидал бешеный успех. «Австрийская столица еще никогда не видела пианиста, равного ему, — единодушно высказывалась пресса, — после Моцарта и Бетховена. На памяти наших жителей не сохранился другой, столь грандиозный успех. Он даже затмил самого Паганини». Лист-триумфатор отсылает Марии вырезки из газет. Когда он играл, к его ногам падали цветы и золотые монеты. Студенты на руках носили его экипаж по улицам Вены. Письма Листа к Марии становились все реже, все короче. В них он называл имена некоторых своих самых именитых поклонниц. Но гнев ее достиг предела, когда однажды на полученном письме рядом с печаткой Листа оказалась женская печатка. Возмущенная до глубины души, Мария д'Агу разорвала письмо на мелкие кусочки, даже не вскрывая. Вечером от нервного потрясения она слегла в постель. Граф Малацонни сообщил Листу о ее болезни, пытаясь убедить, что только его быстрый приезд может поставить графиню на ноги. Когда пришел ответ, Мария лишилась чувств. Лист сообщал, что в данный момент не может уехать из Вены. Почему бы им с графом вдвоем не приехать к нему?

Неделю Мария д'Агу находилась «между жизнью и смертью», а потом, собравшись с силами, написала Ференцу:

«Вы требуете, чтобы я приехала к вам. Отсюда до Вены — две сотни лье. Я с трудом добираться от кровати до кресла. Вы приехать не можете и поручаете меня заботам другого человека. Ну а если бы я умерла, то приехали бы вы сюда или опять поручили другому закрыть мне глаза? Ференц, Ференц, вы ли это? Как можете вы меня так безжалостно бросить?»

Ференц вернулся. Когда ей сообщили о возвращении, она помчалась в отель на площади святого Марка, где он остановился и бросилась в его объятия. Затем закатила грандиозный скандал. Она уличала Листа в неверности, в наглом соитии со знатными дамами в перерыве между двумя концертами. Упрекала, что он погряз во лжи, что ему наплевать на их великую любовь, на их детей. «Вас волнует только одно — карьера Дон-Жуана! — бросила она на прощание. Обернувшись на пороге его номера, добавила: — Молите Бога за то, что я еще люблю вас, как любила прежде!»

Она уговаривала его сменить обстановку, пожить немного на берегу моря. Неожиданно Лист согласился. Они устроились в Генуе, где Ференц снял прекрасную виллу, экипаж с лошадьми. Он просил Марию остаться в Италии до окончания его предполага-

евого турне по Германии. Это сообщение вновь вызвало у нее приступ ревности. Она напомнила ему о изменах, совершенных в Вене, а он твердил что-то о «свободе для них обоих».

Но момент, чтобы высказать друг другу все, что наболело на душе за долгие годы, еще не наступил. Они отлично понимали, прежнее сближение уже невозможно, но главное — не учащать больно отдающихся в сердце нервных кризов. Мария чувствовала, как много в прошлом она упустила, и горько сожалела об этом: «Я была слишком ему подчинена, слишком от него зависела. У меня у самой был немалый талант, даже проблески гениальности. Нужно только энергичнее все это ему демонстрировать, постараться уничтожить своих врагов, доказать ему, кто я на самом деле». Теперь он уже ее никогда не поймет. Он посоветовал Марии вернуться в Париж вместе с детьми, которых вызвал в Италию для укрепления семейного очага. Удастся ли попытка?

Теперь Мария в своей новой роли обманутой женщины заботилась только о том, чтобы соблюсти внешние приличия. Она все меньше интересуется творческими терзаниями и духовным прогрессом Листа. Их неминуемый разрыв то и дело вызывал у музыканта очередной приступ иссушающей его мозг мистики. Чуть свет он срысывал с кровати и бежал в церковь, а потом, вернувшись с продолжительной мессы, подолгу играл на фортепиано партии органа...

44 Сообщение Марии о своей третьей беременности не вызвало у него особого взрыва радости, как прежде. Мария, как и многие разочарованные в любви женщины, стала уделять все больше внимания своей внешности, нарядам и превратилась в безрассудную мотовку. Теперь она никогда не носила одно платье больше двух-трех дней. По вечерам Лист, порезвившись с детьми и большой черной борзой, углублялся в богословский трактат, а Мария редактировала первые части своих обширных «Мемуаров». Их частые ссоры сменялись гнетущими периодами полного молчания, подспудной враждебностью друг к другу, которая то и дело проявлялась в язвительной иронии, в остроумном сарказме. В такой недружелюбной, напряженной атмосфере 5 мая 1839 года у Марии родился от Листа третий ребенок — наконец-то мальчик. Она назвала его Даниэлем, потому что, выбрав на манер своей подруги Жорж Санд мужской псевдоним, несколько раз уже подписывала свои статьи именем Даниэля Штерна.

Это было их последнее проведенное вместе лето. В ее дневнике появляется запись, в которой говорится об «окончании их любовной связи».

«Я верю, что вы еще можете и должны любить, — заявляет она. — Мне кажется, вы еще можете быть счастливы в любви, ведь вы доказали, как сильно меня любили. Мне же этого сделать больше не удастся, но почему я должна лишать вас любви, которая может стать для вас источником новой жизни?»

Однажды вечером в раздражении Мария потребовала от него в Милане вернуть ей перстень, подаренный ему в благословенные дни, проведенные в любовном угаре в «крысиной норе». Каково же было ее удивление, когда она увидела утром на ноч-

ном столике этот перстень, а рядом вырванный из записной книжки листочек. «Иногда я без всяких усилий над собой забываю надеть на палец ваш перстень. Я испытываю странное удовольствие от того, что избавляюсь от этого ужасного знака нашего союза...»

Вновь они заговорили о расставании. Мария с трудом выдерживала дикие сцены, его постоянные «странствия». Пусть бродит себе по дорогам Европы, как неприкаянный цыган, а она, полужанузенка, полунемка, — создание земное, не небесное, и кочевая жизнь не по ней. Лучше прикрепиться корнями к насыщенному месту.

10 октября 1839 года Лист пришел, чтобы проститься с ней на пристани в Ливорно. Она с детьми возвращалась в Париж. Когда Мария начала подниматься по трапу, он бросил ей в руки большой букет алых роз. Стоя у самой воды, Ференц долго махал вслед пароходу белоснежным батистовым платком.

«Когда я садилась на пароход в Ливорно, солнце почти совсем утонуло в золотистых волнах, и медленно в бледных облаках всплывала меланхоличная луна. Вдруг облака рассеялись, и она осветила наш путь таким чудесным ярким светом. Мне в этом почудился символ нашего прекрасного прошлого, которое осталось за бортом, и нашего будущего, которое, хоть и начиналось столь печально, все же наверняка будет чистым и безмятежным...» До окончательной смерти их большой любви оставалось еще четыре с половиной года.

Возвращение к прошлому

Теперь ей предстояло изменить всю свою жизнь. Графиня Мария д'Агу возвращалась на руины прошлого. Но если погас очаг, можно ли его вновь зажечь? Она, конечно, могла вернуться к мужу, но не пошла на это. Драма их любви все еще не давала ей покоя, она сделала из нее совершенно другого человека. Мария хотела завоевать свет, с гордо поднятой головой вступить в борьбу, убедитесь, примут ли ее в обществе сейчас совершенно в ином качестве. Замок в Круасси оставался у нее в руках, и она решила вести абсолютно независимую жизнь. Прежде всего предстояло решить судьбу детей. Она забрала к себе Blondину и Козиму, а маленького Даниэля временно оставила в Италии под присмотром ее любимого художника Анри Лемана.

Вскоре ее мать, мадам де Фловиль, настояла, чтобы все дети находились у нее, вместе с Клэр, дочерью от законного брака.

Мария сильно переживала двойную разлуку — впереди предстояла долгая и скучная жизнь без детей, без возлюбленного. Но она твердо помнила советы Ференца: «Обрести достойный антураж, приглашать к себе знаменитых людей... бывать повсюду, где только можно...» Мария решила возобновить свой литературный салон, но придать ему больше блеска и изысканности.

Вскоре к ней в салон потянулись старые знакомые: Ламартин, Теофиль Готье, Виктор Гюго, молчаливый и печальный, как всегда, ее давнишний поклонник Альфред де Виньи. На ее «журфиксы» приходят Потоцкий, Рошто, Леман, Сент-Бёв, Эжен Сю, аббат Ламенне, известный журналист Эмиль де Жирарден — в об-

щем, весь литературный цвет Парижа. Но графиня зовет их всех к себе не только, чтобы угостить чашкой чая и рюмкой коньяка — она вынашивает одну тайную мысль. Талант этих знаменитостей, их острые перья намерена использовать для прославления... Ференца Листа. Мария сделает все ради его оглушительного «паблисити», во всех журналах постоянно будут появляться отчеты о его концертах, рецензии на выступления, в статьях найдут свой отзвук его ошеломляющие успехи в европейских странах.

Лист снова перемещается в центр ее внимания. Они часто обмениваются письмами. Он подробно сообщал ей о своей лихорадочной бивуачной жизни бродячего артиста. Больше всего поражает интимный, чисто «супружеский» тон их переписки. Они, как и прежде, оказывают поддержку друг другу, утешают друг друга, просят и получают друг от друга полезные советы. «Вы — моя совесть, вы — моя внутренняя сила», — пишет ему Мария. «Думайте обо мне, размышляйте обо мне. Спасите меня от меня самого. Заставьте меня трудиться ради вас, как раба. Свобода тяжким грузом давит на меня. Наши натуры диаметрально противоположны, и поэтому нам с вами нужны широкие горизонты. Сейчас я переживаю критический период, и если вы не поможете мне вырваться из него с победой, то никто другой этого сделать не сумеет...» — отвечает он ей.

Но его нет рядом. А отсутствие — самый грозный соперник любви. Он далеко от Парижа — то в Вене, то в Пеште, то в Мюнхене. Его нескончаемые любовные авантюры доходят, конечно, до ее ушей. Она, разумеется, все еще страдает от любви к нему, ее ущемленная гордость постоянно дает о себе знать. В Париже все по-прежнему считают ее «покинутой» женщиной и увлекаются игрой в загадку: кто же, наконец, утешит прекрасную Марию д'Агу? А таких претендентов было множество. Может, неугомонный Сент-Бёв, «прирожденный утешитель погасшей любви», по выражению злоки Мюссе? Или Бернар Балвер, хитроумный английский дипломат и политик, знаменитый биограф своего соотечественника Байрона? Или же Потоцкий, имя которого то и дело возникает в первый год ее разлуки с Листом? Но, по-видимому, все эти амурные увлечения дальше светского флирта не заходят. Мария до сих пор считает себя тесно связанной с Листом и не смеет переступить опасную грань. Однажды, правда, она потребовала у него «разрешения на измену». «Вы требуете от меня разрешения на измену, — отвечает удивленный ее дерзостью Лист. — Вы же знаете, как я к этому отношусь. Я хочу, чтобы вы всегда и повсюду пользовались полной свободой, и уверен, что вы будете пользоваться ею с привычным для вас благородством до того дня, покада не встретите на своем пути человека, который захватит в плен вашу душу в гораздо большей степени, чем я... а до этого дня не может быть и речи об измене. Ничто не в состоянии изменить что-либо в наших с вами отношениях...»

Как же уверен музыкант в своей абсолютной власти над этой женщиной! Он чувствует, что она до сих пор принадлежит ему.

А он готов обожать ее всегда, но только мысленно, на расстоянии.

Хороша парочка влюбленных!

В апреле 1840 года Лист возвращается в Париж. Произошло желанное воссоединение, правда, короткое, всего на месяц – до отъезда Листа на гастроли в Англию. Вновь они испытали пронзительное счастье, как в прежние годы. Мария чувствовала, что его возвращение к ней станет новой важной фазой в их совместной жизни. И ее тонкое женское чутье не обмануло.

Любовники договорились встретиться снова в июне где-нибудь в окрестностях Лондона.

В Англии, чтобы не мешать его огушительному успеху (его не сравнить даже с Паганини! – ревела толпа) и не волочиться за ним из одного концертного зала в другой, она сняла скромный номер в одном из отелей неприметного Ричмонда.

«Я прошу вас только об одном, не терзать больше потрепанное вами мое несчастное сердце!» – обращалась она с мольбой к Листу. Куда там! Он снова, позабыв все на свете, с головой бросился в омут успеха. Его повсюду встречали с распростертыми объятиями, даже в королевском дворце, где он часто играл перед их Величествами. Ференц зачастил в дом к молодой и красивой писательнице леди Блессингтон, которая, чтобы польстить его тщеславию, носила шарф с национальными цветами Венгрии. По вечерам в ее салоне они пили эль, джин и отчаянно веселились. Мария снова оказалась в одиночестве в чужой стране. С чисто викторианским лицемерием ее везде отказывались принимать – ведь она всего-на-всего любовница знаменитого музыканта!

Снова начались столкновения, ссоры, оскорбления. О каких интимных отношениях могла идти речь, если Лист постоянно торчал на людях, в окружении восторженной толпы соблазнительных поклонниц. Она сообщила ему о своем отъезде. Лист, словно подводя итог их продолжительному спору об истинных ценностях и глубокой любви, написал ей на прощание такие горькие слова: «Любовь – отнюдь не справедливость, не долг и даже не удовольствие, и все же в ней таинственным образом все это переплелось. Существует тысяча способов, чтобы это почувствовать, тысяча способов осуществления ее на практике, но для того, чья душа изнывает по абсолютному и бесконечному, – это данность, данность великая, у которой нет ни начала, ни конца... Если любовь еще живет на доньшке наших сердец, то этим все сказано, если она там в беспамятстве лишилась чувств, то о чем разговор?»

Любовь в их сердцах уже не жила, она агонизировала.

Мария вернулась в Париж одна.

Кода любви

Вскоре она получила от Листа письмо. По его плотной рыжеватой бумаге забарабанили ее слезы:

«У нас с вами еще столько счастливых дней впереди... Может, предстоит еще годик испытаний, а за ним – счастье немеренной глубины. Не будем плакаться на судьбу, не будем жаловаться, все наши страдания – только реакция на ее удары... Будем жить

вместе. Дайте мне вашу руку, разрешите мне мирно поспать у вас на груди, послушать ваше сердце, ведь его удары для меня – мистический ритм идеальной красоты, вечной любви...»

В октябре они встретились снова в уединенном домике в королевском предместье Фонтенбло, где снова предались беспокойной любви в мертвой тишине старинного парка. Казалось, постоянно плутающие их счастье вернулось к ним, как блудный сын к отцу. Они расстались мирно, без горечи и обид, уверенные как никогда один в другом.

«Я вас так нежно люблю, люблю так, как любят только религию», – писал он ей с гастролей по Германии. Взволнованная Мария отвечает: «Я слышу ваш голос, и покой охватывает мое тревожное сердце. Еще никогда я не испытывала такой уверенности, такой гармонии, такого слияния всех чувств – они заставляют меня благословить вашу любовь и свою судьбу...»

Вновь Мария с Ференцем начали безумную погоню за своей любовью, но все их старания напрасны. Она все больше ускользает от них, не дается в руки, бежит от них помимо их воли. Они все еще предавались иллюзиям, убаюкивали себя тем, что не могут жить друг без друга. Такое состояние продолжалось долгие три года – с осени 1840-го по весну 1844-го, – хотя самым заметным проявлением их любви стала разлука.

Три лета подряд они встречаются и живут в Германии. Все остальное время – странствия по городам Европы. Он несколько раз посетил Англию, объездил почти все немецкие города, побывал в Копенгагене, Брюсселе, совершил турне по Голландии, Польше, дважды гастролеровал в России.

Во время коротких встреч затухающая страсть разгоралась с новой силой. Еще сильнее, чем за прошлые пять лет, они испытывают жгучее желание соблазнить друг друга». Что здесь удивительного? Как писал в своем дневнике французский писатель Франсуа Мориак: «Женщина в наших глазах становится настоящей женщиной только в зрелом возрасте. Молодость ослепляет влюбленных, мешает им видеть друг друга в истинном свете. Те, кто сильнее любят друг друга, часто меньше всего друг друга знают. Не потому ли у стольких прекрасных историй о любви печальный конец?»

Словно подслушав произнесенные только через столетие слова нашего современника, Лист однажды сказал Марии: «Я вас слишком люблю, чтобы хорошо знать!»

Вероятно, она испытывала то же самое, так как принялась писать биографию Листа, чтобы лучше его понять, чтобы опровергнуть все чудовищные небылицы о нем, которые легко перекочевывали из одной европейской газеты в другую. Она продолжала печатать отклики на его концерты в «Музыкальной газете», организовывала его «паблисити», – в общем, продолжала исполнять обязанности его «дипломатического и литературного агента».

Но время от времени ревность снова, словно голодный зверь, начинала рвать ее утомленное от борьбы сердце. До нее постоянно доносятся скабрёзные сообщения о его любовных похождениях. Каждое турне Листа – новый этап свободной любви.

В октябре 1844 года Лист гастролеровал в Баварии, давал концерты в Мюнхене, затем приехал в Дрезден, в город, ставший

символом их окончательного разрыва. Он приехал туда в начале 1845-го, чтобы послушать новую оперу немецкого кудесника музыки Рихарда Вагнера. Там он познакомился с автором, который по странному стечению обстоятельств через несколько лет станет его зятем, женившись на его младшей дочери от Марии д'Агу – Козиме. Композитор познакомил его со своей любовницей, знаменитой куртизанкой, ирландкой с андалузской кровью в венах – Лолой Монтеc.

Лист уже слышал о ней, так как к тому времени Лола снискала себе славу не только своей поразительной красотой и развращенными нравами, но и публичными скандалами во многих странах мира.

Познакомились они в опере, на премьере. Судя по всему, молодые люди сразу приглянулись друг другу. (Об отношениях Монтеc и Листа можно прочесть в очерке «Куртизанки», «Смена» № 3, 1996 г. – прим. ред.)

Мария д'Агу узнала о связи Листа с Лолой Монтеc. Это последнее увлечение Ференца переполнило чашу терпения. Она отправила ему прощальное письмо...

«Если бы я не была убеждена в том, дорогой Ференц, что я причиняю вам одни страдания и навязываюсь вам, что приводит вас к еще большим терзаниям, то не приняла бы с глубокой скорбью в душе окончательного решения. У вас много сил, вы еще молоды, вы – гениальный человек. Много хорошего еще можно сказать о вас, стоя у могилы, где навечно заснет наша любовь и наша дружба...»

Лист незамедлительно ответил:

«Я ужасно расстроен и ужасно опечален. Я постоянно мысленно пересчитываю одно за другим все страдания, которые причинил вашему сердцу. Больше не хочу с вами ни разговаривать, ни видеть вас, еще меньше писать вам. Разве не утверждали вы, что я – комедиант? Вы это говорили с наслаждением античной римлянки, которой нравилось наблюдать за агонией гладиатора, выпившего кубок цикуты, чтобы приблизить свой конец. Но все это уже неважно. Молчание утешит терзания моего бедного сердца. Ференц».

Вот он, впечатляющий конец трагической, испепеляющей любви.

Он слишком любил ее, чтобы хорошо знать. Она тоже. Теперь от их любви остался лишь горький осадок на душе да пара разбитых сердец.

Мария по достоинству оценила того, с кем связала ее судьба. В своих «Мемуарах», прощаясь с Листом навсегда, она написала: «Только ему я обязана всем в своей жизни, он вселил в меня великую любовь, он освободил меня от цепей тщеславия, он жестоко, но вполне здраво освободил меня и от самой себя. Если он и заставил меня страдать, то я не жалею сейчас об этом и ни в чем не раскаиваюсь. Если бы он не был тем, кем был – кем бы была я сама? Мое имя навечно осталось бы пребывать во мраке истории».

Справедливые, идущие из глубины мудрого, волевого женского сердца слова...

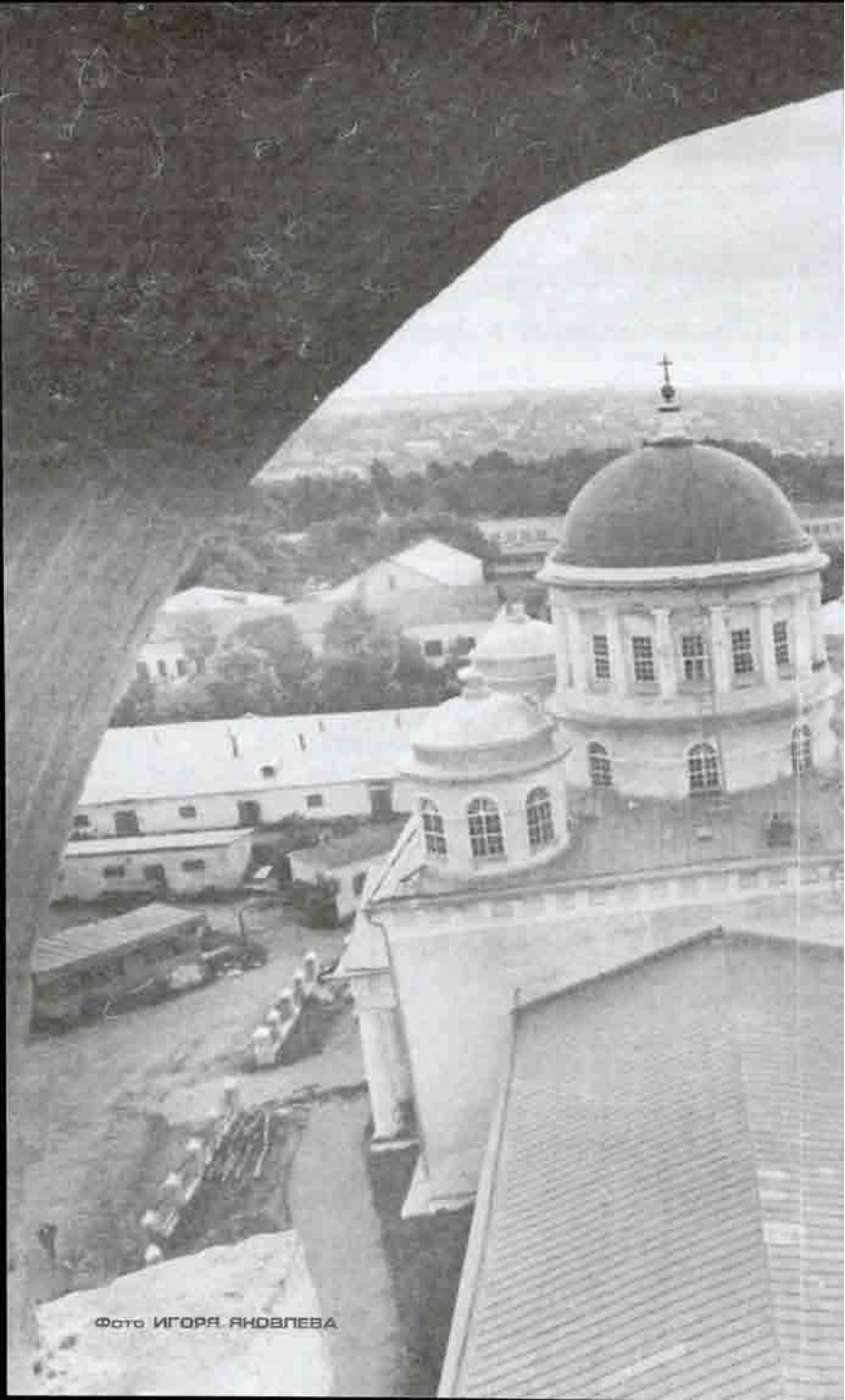

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

ЛЕБЕДЯНЬ

ГОРОД ЧУДНЫЙ И ЧУДНОЙ

Сюда прилетала Маргарита...

Жители Лебедяни не сомневаются, что перед балом у сатаны именно здесь, в ночном стремительном Дону, нупалась возлюбленная мастера, ставшая ведьмой от горя и бедствий, паразитирующих ее. Очень уж все совпадает: «Сосны разошлись, и Маргарита подъехала по воздуху к меловому обрыву. За этим обрывом внизу, в тени, пенела рена. Туман висел и цеплялся за кусты анису вертикального обрыва, а противоположный берег был плоский, низменный. На нем, под одиночной группой каких-то раскидистых деревьев, метался огонечен от костра...»

Точь-в-точь — берег Дона в Лебедяни Тот, кто такую красоту однажды видел, вряд ли когда забудет...

Прогулки и полеты

...Нарним июньским днем 1938 года на станции Лебедянь сошел блондин с бледно-голубыми глазами,

51

Чем жилам

с пиджаком на плече и в голубой рубашке с распахнутым воротом. Лошади отвезли его в деревянный дом на тихой пыльной улице. Здесь Михаил Афанасьевич Булгаков прожил 24 дня.

В доме были вечно закрыты шторы. Писал Булгаков днем — при свечах. На улицу выходил с наступлением сумерек...

От его дома всего квартал пройти вниз, к рене. — и, пожалуйста, видны как на ладони: и вертикальный меловой обрыв, и сосны на верху его, и низменный пустынный противоположный берег. Все, как в романе.

И время есть, еще два года до кончины, чтобы вставить лебедянский пейзаж в великий роман. Вернувшись в Москву, Булгаков принимает густо править машинописную рукопись «Мастера...»

Гуляя по вечерней лебедянской улице, всякий день проходил Булгаков мимо дома, где полвеком ранее родился в семье священника его коллега и добрый приятель Евгений Иванович Замятин (у Булгакова — дом номер 24 по улице Ситникова, у Замятина — 14).

Знал ли Михаил Афанасьевич, что это — замятинский дом? Знал, конечно. В провинции все про всех знают.

Ведал ли, что уже больше года нет на свете Евгения Ивановича? Что похоронили Замятина на кладбище под Парижем и лишь горстка людей, Марина Цветаева в том числе, проводили великого писателя в последний путь? Что Ремизов сказал о Замятине над гробом: «За 29 лет литературной работы осталось — под мышкой унесешь; но вес — свинчатна...»?

Наверное, о деталях смерти изгнанника Булгаков не ведал. О самой кончине, похоже, — знал. Хоть и таяно тогда доходили вести из-за границы, тем более об эмигрантах, «белогвардейцах» (время-то самое

глухое, расстрельное!), да уж, пожалуй, дотащилось до сталинской Москвы печальное известие...

Уж на что крошечный город Лебедянь (25 тысяч население!), а соседствуют здесь и Замятин, и Булгаков. И Андрей Белый здесь бывал, и Пришвин. Лев Толстой в свое время наезжал на знаменитые конские ярмарки. У Тургенева один из рассказов в «Записках охотника» так и называется: «Лебедянь».

Замятин привозил сюда друга — Кустодиева и даже назвал в его честь в рассказе «Русь» провинциальный дореволюционный городок (один к одному Лебедянь) ...городом Кустодиевым.

Отчего такое сгущение талантов в обычном русском городке? Может, от того, что природа здесь особенная? Или воздух? («Медовый месяц в Лебедяни» — назвал свое пребывание здесь Андрей Белый. Потому назвал, что воздух в городе — «медовый».) А, может, люди здесь такие, что таланты к себе притягивают?

Прототипы

Лебедянь середины прошлого века — с ее огромными конскими ярмарками, трактирами, барышниками, князьями, принцессами, маркерами — навсегда осталась в памяти благодаря тургеневскому очерку. Город образца начала века нынешнего запечатлен в замятинском «Уездном». Первая повесть молодого инженера-кораблестроителя сделала его знаменитым в интеллигентных кругах России.

А было так: возвращался Замятин из отеческого лебедянского дома в «бесцветный, ежедневный Петербург». Проснулся на полустанке; в окно глянуло лицо станционного жандарма: «низко нахлобученный лоб, медвежьи глаза, страшные четырехугольные челюсти». Прочитал

название станции: Барыбино. Так, в короткий миг озарения (столь хорошо известный писателям) и имя героя «Уездного» родилось — Анфим Барыба, и вся повесть.

В Лебедяни знатоки городской истории обязательно покажут приезжим места, описанные в «Уездном»: и Стрелецкий пруд, где Барыба за бабами подглядывал («а после — хоть и спать не ложись: такие ползут жаркие сны, такой хоровод заведут, что...»); и место, на котором кожаный завод стоял, коим руководила купеческая вдова Чеботариха.

Эта купчиха едва не поссорила двух русских классиков. Замятин взял да из своего родного города перенес Чеботариху в повесть, не переименовав ни внешность ее, ни фамилию. Внешность, если помните, не самую симпатичную.

«Чеботариха на линейке своей расплзется, как тесто, и, губы поджавши, снажет.

— Ничан ни можно, бвтюшка, бизпридстанно биение сердца».

Оказалось: та самая Чеботарева, без изменений «оставленная в нинину», — ни больше ни меньше, как родная тетя... Пришвина. С сетований Михаила Михайловича на то, что Замятин его род оскорбил, и началось знакомство двух литераторов...

Сегодняшняя Лебедянь напоминает о Булгакове и Замятине не только мемориальными досками. Люди и вещи порой словно просятся в булгаковский ли, замятинский ли роман...

Иду по центру города. Величественный собор. Прошловековой постройки торговые ряды... Все — как в сотне других патриархальных малых российских городов. Вдур за углом — неоновые всполохи ресторана. За пластмассовым столиком, под зонтином, прямо на улице, попарински, сидит детина в спортивном костюме, пьет пиво. На столе лежит радиотелефон. Хозяин с то-

кой смотрит на него. Телефон не звонит...

Неподалеку — одна из немногих в центре города многоэтажек. На крыше кто-то вывел аршинными буквами: МЫ. Что значит «мы»? Почему — «мы»? Имеет ли отношение к замятинскому роману?

Крашенный в желтое кинотеатр с высокой трубой. Афиши извещают, что идут фильмы «Созерцание страсти» и «Грязные танцальни». Скоро — лента «Секс по телефону».

А вот и дом Булгакова. Сегодня здесь, как и при Михаиле Афанасьевиче, плотно закрыты внутренние ставни. Что там, в комнатах, — не разглядишь. У калитки стоит «Волга». Двое, мунчина и женщина, оба крепко сбитые, нахмуренные, вытаскивают из багажника и деловито вносят во двор мешок сахара.

Местные власти хотели устроить здесь дом творчества для молодых писателей. Чтобы давал Литфонд одному из «подающих надежды» сюда на месяц путевку на полный пансион: только твори. Место такое! Не говоря уж о живописной Лебедяни — сам дом вдохновлять будет!

Остановка оказалась за «малым» — деньгами. Дом-то надо у хозяев откупить, обставить. За пансион для молодого литератора тоже кто-то должен деньги выкладывать...

Руководитель городского отдела культуры Алексей Нолыхалов несколько раз ездил с этой идеей в Москву, в Литфонд. И всякий раз: «Ах, какая прекрасная идея! Мы проработаем. Наверно, решим положительно! Приезжайте через пару месяцев». Ехал через пару месяцев в столицу Нолыхалов — снова повторялось то же самое... Потом, через секретаршу, передали отказ. (Чем не сюжет из Булгакова? Интересно, были у той секретарши глаза скошены от постоянного вранья?)

Здесь жил Булганов.

А вот дом Замятина городские власти откупили. Была идея: организовать в нем дом-музей. В городе сохранилось много вещей, принадлежавших семье Евгения Ивановича: и готовальня инженера Замятина, и часы его, и письма, и пианино...

Разве не заслужил музея Евгений Иванович — вечно гонимый всеми властями, не признанный толком (в отличие от канонизированного массовым сознанием своего лебедянского соседа) до сих пор! Как большевика его арестовывало и ссылало царское правительство; повесть «На куличках» изъяли и уничтожили; англичане были дино обвинены на «Островитян»; «Мы», первенец «тамиздата», опубликованы за границей в 1925 году, а у нас в 1988-м... Изгнание, смерть в нищете... И даже посмертной славы не последовало. (В поезде, идущем в Лебедянь, сказал попутчице-липовчанке, мол, еду на родину вашего вели-

кого земляка, Замятина. Она переспросила: «Это кого же, члена Политбюро?»)

А ведь любой абзац Замятина перечитай — удовольствие. Перепиши его от руки — наслаждение... «Ледокол — такая же специфически русская вещь, как и самовар... Россия движется вперед странным, трудным путем, не похожим на движение других стран, ее путь — неровный, судорожный, она взбирается вверх — и сейчас же проваливается вниз, кругом стоит грохот и треск, она движется, разрушая».

Но организовать дом-музей Замятина в Лебедяни не сумели. В короткие перестроечные годы, когда идеологические шоры уже сняли, Замятина «рассекретили», а деньги еще водились — не успели. Нынче — средств нет.

(Оноло пятидесяти миллиардов расходует ежегодно лебедянский бюджет. Больше десяти миллиардов — дотации из области. И пона

не вовремя платят в Лебедяни пенсии, пока задерживают жалование учителям и музейным работникам, никто, конечно, денег «на Замятину» не даст).

Было бы здорово, — иной раз позволяет себе мечтать городская интеллигенция, — устроить здесь литературный заповедник, привозить экскурсии — места-то какие! Но кто, между нами говоря, поедет сюда: в гостинице туалет в конце коридора, хочешь душ принять — подогревай кипяильником воду и поливай себя из кружки...

Из возможного литературного заповедника (а если построить гостиницу с удобствами — имел бы он наверняка успех даже у интуристов!) есть пока лишь мемориальные таблички на замятинском и булгаковском домах. Меж ними — всего метров сто...

Шесть домов разделяют два писательских особняка. И тут же, на этой улице, такие образы и темы,

которых и на легион молодых писателей хватит, и новым Замятым — Булгановым останется.

Один из домов на писательской улице выделяется внушительными своими размерами, а также тем, что — каменный в ряду деревянных. И тем, что по архитектуре он вроде бы частный, а табличка висит — «Ветеринарная лаборатория».

Оказывается, построил человек этот дом в шестидесятые годы для себя. Да не понравилось советской власти, что у частника такой большой дом, каменный... «Ишь, размахнулся!» Дом отобрали.

Во дворе соседнего дома — ржавые ворота. На них выцарапано: «Прощай, Федосеич!» Говорят, жил здесь отставной моряк, фронтовик. Читал Карамзина, изучал латынь. Очень его уважали — за ум, образованность и неутомимость в питье. Когда Федосеич умер, вырезали друзья памятную надпись на воротах...

Алексей Корнеев всю жизнь собирает динозавры.

Возвращаюсь к гостинице. Уже темнеет. Мальчик везет девочку на велосипеде. Девушки прогуливаются под ручку под вековыми липами на улице Советской (бывшей Дворянской). Гулять вечерами здесь, говорят, неопасно: город маленький, все друг друга знают, хулиганства нет.

Двое молоденьких милиционеров терпеливо уговаривают женщину-пьянчунку, что устроилась на ночлег прямо под стеной гостиницы: «Иди домой! Ведь холодно. Замерзнешь ночью!» — «У меня ноги не идут! Принимаете? Ноги не идут!».

Обойдешь вокруг квартала, а они все на том же месте, только доносится: «Иди домой, замерзнешь!..» — «Ноги не идут!.. Ты принимаешь? Не идут!».

Чудак и буква «М»

Живет в Лебедяни скорее даже не замаятинский - платоновский персонаж. Или шукшинский. Леонид Мулярчик строит в райцентре... метро.

Рассказ, когда и почему он стал это делать, Леонид Владимирович начинает так:

— Двадцать два года назад я бросил пить...

Работал Леонид Владимирович питейщиком на местном машиностроительном заводе. Делал, по его словам, «вещи щепетильные — начальник мне одному перед всем цехом руку пожимал». А премий не давали, оттого что выпивать любил. А потом дал он маме слово («а честное слово в нашей семье превыше всего ценили»), что бросит. И — бросил.

И с куревом завязал. Также дал слово — зятю в Москве. За то, что тот, в свою очередь, пить бросит. Два пуда колбасы, рассказывает Мулярчик, из столицы тогда вез. На два месяца такого рванца обычно

хватало. А тут в три дня съел... Через десять дней переболел желанием курить, звонит в Москву: «Я бросил!» А зять, говорит сестра, по-прежнему выпивает...

Двенадцать лет назад Леонид Владимирович вышел на пенсию (пенсия у металлургов ранняя, в пятьдесят). Вскоре начал рыть метро.

В начале это и не метро было вовсе. Живет Мулярчик на берегу Дона. В частном доме, как и большинство лебедян. Здесь ни канализации, ни воды, ни центрального отопления, ни телефона. Как ветер подует — электрические провода рвет.

Вот и решил Леонид Владимирович: построю-ка я туннель, для своего дома и для соседних, чтобы как соберутся власти у нас канализацию да отопление проложить, этим туннелем воспользовались.

Стал рыть. Добротню, красиво. Настоящее метро получается! Новая идея пришла: трубы да провода много места в туннеле не займут — а что, если пустить по туннелям тележку на рельсах, вроде дрезины? На улице, особенно весной и осенью, грязь, распутица — а здесь сухо, светло. Сядет человек в тележку — и поедет от дома к дому. Ребятишки будут кататься.

Так можно и всю Лебедянь перекопать. Да что там Лебедянь — всю Россию! Чтобы ни грязи, ни дорог с колдобинами: сел в электрическую тележку — и едешь.

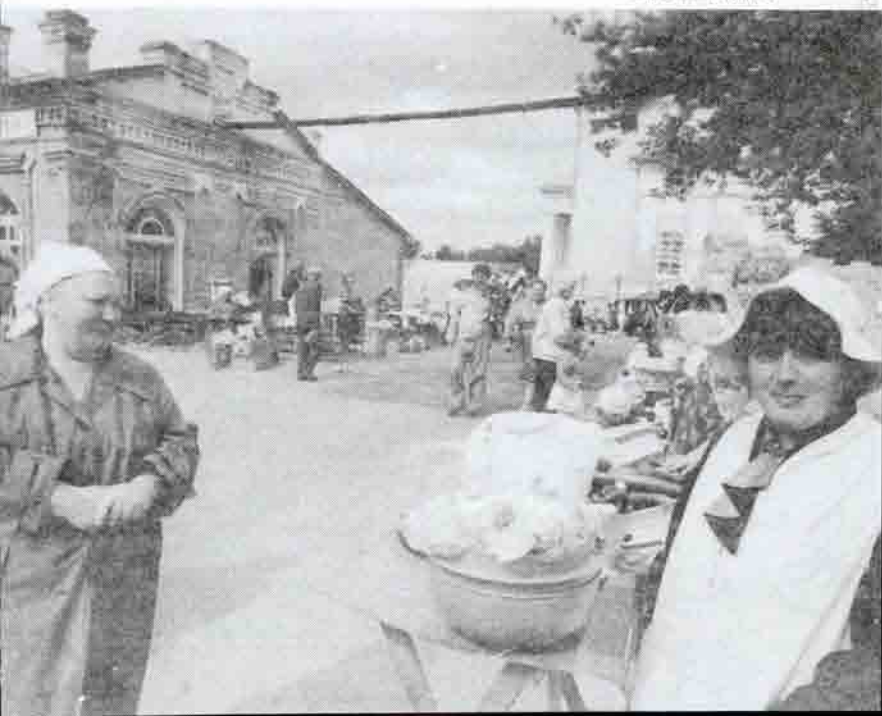
Я был в метро у Мулярчина. Лабиринт ходов. Добротные стены, облицованные камнем, оштукатуренные. Лампочки горят — елочные гирлянды. Роет Леонид Владимирович один: лопатой, ломом. Погонный метр проходит примерно за шесть часов. Прорыл уже 170 погонных метров.

— Я этим метро властям хочу пример показать. Чтобы у нас нормальная жизнь была: и тепло, и ка-

Лебедянское «поле чудес».

Торговый ряд.

нализация, и вода, и телефон. И дороги хорошие!

Пока метро не действует. Когда пойдут первые поезда? Кто его знает... В тот день, когда мы были у Мулярчина, он в очередной раз от метростроительства отвлекся: мастерил батут — соседская девочка попросила. Из металлолома сварил каркас, из кучи детских противоголов, найденных на свалке, вырезал резинки.

Еще Мулярчик отвлекался на постройку парома. Он стоит, пришвартованный на берегу Дона неподалеку от дома Леонида Владимировича. Строил его Мулярчик для вспомогательных нужд: возить камень для облицовки метро на своей машине стало накладно, водным путем дешевле выйдет.

Варил паром из металлолома. Помогали соседские ребята. Четыре года ушло на строительство. Получилось внушительно: две палубы, каюты, питанский мостик.

Даже жалко лишь на перевозку камня такое шинарное судно использовать. Решил Мулярчик пассажиров на нем возить, ребятахен катать. Те ребята, кто помогал ему строить, получили бесплатный пропуск на паром — пожизненный, с правом наследования. Тех, кто получил пятерку в школе, Леонид Владимирович в тот день тоже планирует катать бесплатно.

Выучился Леонид Владимирович на курсах судоводителей. Ужé опробовал паром на воде. Плавает! Скоро откроет навигацию. Вот только команду надо набрать.

— Откуда деньги на строительство, Леонид Владимирович?

— Так ведь я колбасы, масла не ем. Булочку ел последний раз в девяносто первом, перед тем, как цены отпустили. Сахаром питаюсь, нартошкой и черным хлебом...

Как бы хотелось, чтобы хоть чем-то закончилась строительная эпопея Мулярчина, чтобы пользу и радость

людям принесло его чудачковатое подвижничество! А то сколько их по стране, таких вот «метро» недостроенных - недоделанных или разрушенных сооружений, брошенных на полдороге начинаний!

По окраинам Лебедяни возвышаются, словно громадные фаллические символы, металлические башни. Башни предназначались для хранения сенажа, да только заморское оборудование отназалося работать в наших условиях. Так и стоят без дела странные памятники...

В семидесятые задумали Дон перегородить плотиной — даешь еще один мост. Но быстрый Дон каждую весну ее размывал. Теперь эти камни с перенатами — удобное место для рыбалки и купания.

Ничего не осталось — просто поляна, поросшая травой, — от первого в России ипподрома (именно здесь, в окрестностях Лебедяни, началась история российского скакового искусства!). Там же, в селе Троекурово, возвышается заброшенный, полуразрушенный монастырь.

Неподалеку, на берегу живописнейшей речки с не менее живописным названием Красивая Меча — брошенная мельница вековой давности. А близ — еще один памятник промышленной архитектуры, но уже двадцатых годов: Кураповская ГЭС, построенная согласно плану ГОЭЛРО. (Говорят, сам Ленин хотел прибыть на открытие — болезнь помешала...) В шестидесятые годы, когда делали ставку на энергетические гиганты, станцию небольшой мощности закрыли и забросили.

Куда ни глянешь окрест — руины, руины, руины...

Кое-что возрождается, возвращается к жизни. И как, начиная с церкви, строили русские селения, их обновление тоже начинается с храмов. Возродили величественный собор, стоящий в центре Лебедяни — с его колокольни весь го-

род виден и окрестности. (Собор построили в начале прошлого века на деньги богатейших лебедянских купцов Игумновых. Известный музыкант Игумнов из этой, кстати, фамилии; он родился и вырос в Лебедяни). Теперь, когда в соборе и иконостас, и роспись, когда в нем проводят службы, и венчают, и крестят, трудно даже представить, что за мерзость запустения царил там еще несколько лет назад.

Восстанавливают, реставрируют старинные торговые ряды. Городские власти приняли мудрое решение — многие лавки отдали новым предпринимателям, нарождающемуся купечеству: когда человек строит или восстанавливает что-то для себя, быстрее и красивее сделает, чем «для дяди».

И все-таки обидно, когда я вспоминаю слова иностранного фотожурналиста, проехавшего по России: «У вас в стране самое живописное — развалины».

У метростроителя Леонида Мулярчика мы были вместе с заместителем главы районной администрации Юрием Александровичем Лелявиным. Лелявин, человек прантический, хозяйственный, очень похожий на Михаила Ульянова в роли председателя, сказал в сердцах, когда мы отъехали от избы Мулярчика: «Метро строит, а крыша в доме вся ржавая!». Потом помолчал, добавил раздумчиво: «А, может, и нужны такие чудики?.. Вон в Германии — все живут по распорядку. Ни одной ржавой крыши не увидишь. А скучно!..»

Как Мокрое «просохло»

Крестьянин Серинов курит «Нэмп». И живет в селе Мокрое.

«Мокрое» произошло, как толкует «Липецкий энциклопедический словарь», от низменной, болотистой местности. Однако в Лебедяни и ок-

рестностях было в ходу другое объяснение имени села: Мокрое — оттого, что там жители спонон веку не просыхают.

Самогонка, сваренная именно в Мокром, пользовалась большим успехом в липецких краях, и, как с некоторой гордостью говорят местные жители, после войны была известна знатокам в самой Москве.

Вот и дошло хозяйство до ручки: года три назад стояли там ряды прохудившихся изб, жили старики и старухи; молодежь разбегалась в столицу, Воронеж, Липецк (на 180 жителей оставалось 28 трудоспособных); средняя продуктивность коровьего стада составляла оноло тысячи литров в год...

И тут в хозяйство приехал руководителем Александр Иванович Серинов... Но перед этим хозяйство «Мокрое» было куплено мощным липецким СУ-11, которое получило, вместе с контрольным пакетом хозяйства, право назначать сюда руководителя.

(В снобках заметим: липецкое СУ, в то время как многие ему подобные сокращают объемы, сидят на голодном пайке и иклянут реформы, нынче расцвело. Оно даже в столице с финнами—турками составляется, получив подряд на строительство четырнадцатизэтажного элитного дома).

Зачем строителям понадобилась бесперспективная деревня, лежачее хозяйство? Снабжать своих рабочих собственным, качественным сельхозпродуктом: от картошки до мяса и меда — это раз. Два — доказать, что сельское хозяйство может быть прибыльным делом. Но для того, чтобы получать прибыль, надо сначала деньги вложить. Это ансиома. Это липецкие строители хорошо понимали. И стали вкладывать, не скупясь. Только за минувший год они направили на возрождение Мокрого 2,5 миллиарда рублей. За пару лет в убогом хозяйстве липчане возвели:

овощехранилище, мастерские, четыре склада, два свинарника, коровник, омшанин, общежитие, столовую, пекарню с магазином. За пятьсот миллионов купили нетелей. Приобрели около тысячи голов свиней.

А главное — жилье стали строить. Выросло 16 добротных кирпичных домов, каждый стоимостью 180 миллионов. Рассчитан дом на две семьи, с отдельным входом для каждой, с водой, отоплением, надворными постройками, гаражом. Еще пять усадеб на подходе. И шестнадцатиквартирный дом заложен.

Деревня преобразилась. Преобразилась внешне. (Лелявин, не бывавший в Монроме года три, только оглядывался по сторонам и восклицал: «Ну, молодцы!.. Вы ж не видели, что здесь раньше-то было!.. Вот дает Александр Иванович!»). Но и внутренне Мокрое преобразилось. Из 28 трудоспособных, живших в прежнем селе, Александр Серинов уволил за пьянство двадцать человек.

Кто же стал работать на всех этих вновь построенных объектах Монро-го — в свинарнике, содержащемся нынче в идеальной чистоте, в овощехранилище, мастерских?

Здесь трудятся переселенцы: русские люди, которых судьба изгнала с насиженных мест в Узбекистане, Таджикистане, Прибалтике. Сейчас бегут сюда и из Казахстана...

— Даем объявление в областной газете, — рассказывает Серинов. — Откликается каждый раз тридцать—сорок семей. Берем не всяких, с разбором. Сначала смотрю в трудовую книжку человека, потом — ему в глаза, а потом говорим с ним по душам. Мне нравится, когда у переселенца много детей. Если честно, отдаю таким предпочтение. Это ж для моего села — будущее!

Тем, кого приняли на работу, хозяйство предоставляет жилье. Бесплатно, подчеркну. Единственное условие: работать (добросовестно!) в хозяйстве. Если не хочешь, не вы-

«Метростроитель» Леонид Мулярчин.

На старой мельнице.

держиваешь — уходи. Но и жилище тогда придется оставить...

В первую очередь принимают, конечно, сельских специалистов. Если переселенец — агроном, или зоотехник, или врач, получить ему жилище и работу, конечно, легче, чем, скажем, филологу. Но уже примерно четверть переселенцев — потомственные горожане. Бывший летчик, например, работает скотником...

— Не верю я... — говорит Серинов, — что новая власть привела к разрухе. Главная разруха — в головах. В головах тех людей, что работать не хотят и не могут.

— Но ведь ваше благополучие — от того, что город вам деньги дает...

— Мы скоро станем прибыльными, — уверенно говорит Серинов, — Могу даже сказать когда — в начале 1998 года. Вот построим в Монром колбасный, молочный цеха. Итальянское оборудование поставим. Прошло то время, чтобы моло-

но возить на продажу в бидонах, а мясо — в тушах. Будем делать колбасу, окорона, йогурты, молоно в пакетах... Пекарню недавно построили, и хлеб у нас — лучше, чем в Лебедяни. И мы Лебедянский хлебозавод с рынка выьем! Пока наши издержки СУ-11 покрывает, мы цены на свой хлеб установим ниже. А когда продукт и вкуснее, и дешевле — у нас горожане покупать будут...

— Стало быть сельское хозяйство может быть прибыльным? И ему не обязательно всю жизнь деньгами помогать?

— Крестьянину, чтоб прибыль получить, надо делать качественный товар. В хорошей упаковке, с хорошей рекламой... Вообще сельское хозяйство может быть выгодным. Может! Сколько я знаю у нас по району семей — на работу никому не ходят, живут с земли. Пятьдесят соток, коровы, свиньи, нуры, козы... Живут ведь люди, не умирают! А в соседнем районе есть фермер —

тан он вообще миллиардер!.. И если помогать, то помогать надо тому, кто везет. Чтобы он вез еще больше!

На прощание спрашиваю Серикова, как его называть: директор? фермер? колхозник? Кто он?

— Я в деревне вырос, на земле с шестнадцати лет работаю, — улыбается Сериков. — Я — крестьянин, и закуливает «Нэмел».

Каливные яблоки

Лебедянь — город торговый.

С раннего утра на базарной площади, ограниченной четырехугольным торговым рядам и собором, роится народ. Цены, по сравнению с московскими, — смешные. Трехлитровый баллон молока — три тысячи. (В столице в ту пору, когда мы были в Лебедяни, литровый панет стоил четыре). Прекрасная свинина — около десяти тысяч килограмм. Нило ранней клубники — пять. «Челноки» продают здесь и китайские кофточки, и турецкую кожу, и сингапурскую элэктронику..

По воскресным дням базар переполняет площадь, выглеснивается на все соседние улицы — в Лебедянь съезжаются со всей Липецкой области, заглядывают и из Тамбовской, Воронежской, из Белоруссии, из Москвы..

Никаных особых усилий для того, чтобы возродить лебедянские ярмарки, местные власти не прилагали. Словно родник стал бить в том же самом месте, где его засыпали без малого восемьдесят лет назад. Видно, сказывается удобное местоположение Лебедяни — на пересечении стародавних торговых путей. Или, может, дает знать предпримчивый характер местных жителей, передавшийся новым поколениям подспудно, с генами.

Пренние лебедянские ярмарки славились по всей России. По объему продаж были они на четвертом

месте в стране. Население города во время ярмарок, проходивших трижды в год — на Троицу, Покров и Богоявление, — увеличивалось в пять-шесть раз, местные проститутки в ярмарочное время даже платили особенный, повышенный, налог.

Нынче купцов в Лебедяни больше, чем в начале нынешнего века, — было 498 в 1894 году; теперь тех, кто занимается индивидуальной торговлей, — 598. Не скану, что пользуются они всеобщим уважением. «Торгаш» — это презрительное прозвание советская власть намертво приклеила к тем, кто стоит за прилавком. Не сегодня повелось, не завтра переведется; если ты на заводе точишь железяку — пусть точишь плохо, а железяка твоя никому не нужна и в жизни завод ее не продает — ты работяга, уважаемый человек; а когда торгуешь, и благодаря твоему базарному стоянию — в дождь, зной или холод — нет ни у кого проблем купить кофе, шлепанцы или свинину — ты барышник, торгаш и спекулянт.

А ведь время нынче таное: сделал ты пусть замечательнейшую вещь, но не сумел продать — и ты, и твои рабочие (ежели ты, допустим, директор) сидят без денег.

Были мы в пригороде Лебедяни в хозяйстве «Агроном» — единственное оказалось место, где в яблочном краю в июне можно увидеть яблоки. Прошлогодний урожай сохранили здесь до будущего лета оттого, что есть в хозяйстве импортная установка, которая плоды сохраняет в газовой среде. (Семь таких установок страна купила еще при прежней власти — работает всего одна, в Лебедяни).

Хозяйство крепкое — около 2,5 миллиарда рублей чистой прибыли получило в прошлом году. Больше пяти тысяч тонн яблок собрали. Хотя и вносные они, румяные да ровные — а видно, что для директора, Александра Владимировича Нычанова

ва, продать их — суцая муна. Магазины нуда охотней берут плоды, привезенные из Польши да Италии (это здесь-то, в яблочных местах!), потому как коммерсанты на заморский товар ни накладных, ни платежек не требуют, рассчитываются «наликом». В Москву везти, торговать с рефрижератора? Накладно: чиновникам плати, милиции плати, ракету — тоже.

Спасибо, есть оборотистые люди: приезжают в «Агроном» на своих «Жигулях», покупают яблоки, увозят, сами торгуют. Таким манером едва ли не три тысячи тонн плодов продали.

Без них, похоже, с реализацией совсем была бы труба: при себестоимости нило яблок в девятьсот рублей приходилось продавать остатки Липецкому консервному заводу за триста.

Есть в «Агрономе» свой консервный завод. Но разливает яблочный сок — вкуснейший, натуральный! — в трехлитровые баллоны. Разве станет покупатель, избалованный пакетами, брать адекватные «бочонки»? Вот и стоят баллоны на складе — 370 тонн сока прошлого урожая долежали без движения до следующего июня...

И нынешней осенью снова будут гнать сок. «А что делать? — восклицает директор Нычанов. — В землю, что ли, плоды запахивать?»

По данным американского института социологии и маркетинга, удобная и красивая упаковка увеличивает объем продаж товара в полтора—два с половиной раза. Это хорошо понимают в акционерном обществе «Экспериментально-консервный завод «Лебедянский». И когда на собраниях акционеров встает вопрос, как распорядиться прибылью, голосят за то, чтобы не проесть ее, а пустить на покупку современного оборудования.

Вот и в нынешнем году монтируют шведскую линию по производству детского питания в современных баночках. Сок разливают здесь отнюдь

не в баллоны, а в пакеты. И хотя из 1.800 рублей себестоимости поллитрового пакета того же яблочного сока сам пакет обходится в 900 рублей — перед проходной очередь из грузовиков, а соки от «Лебедянского» с удовольствием покупают и в Москве, и на Украине, и на Урале. А для того, чтобы поток покупателей не иссякал, завод постоянно исследует рынок, участвует в оптовых ярмарках, дает рекламу в центральных газетах...

Консервный завод открыл в Лебедяни ресторан и три кафе. Помимо того, что это — столь нужная предприятию наличка, они — для жителей и приезжих удобство. (Мой знакомый экономист в шутку — в которой большая доля правды — определяет цивилизованность города тем временем, которое надо затратить, чтобы выпить чашечку кофе. По этому критерию Лебедянь еще уступает, конечно, Стамбулу, Праге или Парижу, но с Москвой уже может состязаться).

Бесконечные битвы — за урожай, за качество, за дисциплину — столь знакомые нам по советским временам; незаметно переместились с полей и заводов — на рынки и в магазины.

И превратились, как и положено в нормальном обществе, в более человеческое соревнование — за покупательские симпатии.

Лебеди и лебеда

На гербе Лебедяни — естественно, лебедь.

Хоть и не живет ни одна белоснежная птица в окрестностях городка, именно от лебедя ведут происхождение названия местные жители. И обижаются, если исток определяют от лебеды. Хотя этой травы здесь вдоволь.

Не заслуживает Лебедянь ассоциаций с сорняком — сколько стра-

ниц истории России связано с этим городом!

Здесь был южный форпост Руси, и костер, зажженный на вышке здешним пограничным отрядом, был сообщением, через двенадцать часов достигавшим Москвы; надвигаются раскосые завоеватели... Здесь скрывался Федор Романов, ставший патриархом Филаретом — оттого на протяжении всего царствования Романовых осыпали местный крошечный монастырь монаршими подарками... Петр Великий неподалеку строил свой первый боевой флот...

А строители величественного собора? А Игумнов, Замятин, Нустодиев, Булганов? А четыре тысячи павших во время Великой Отечественной войны?

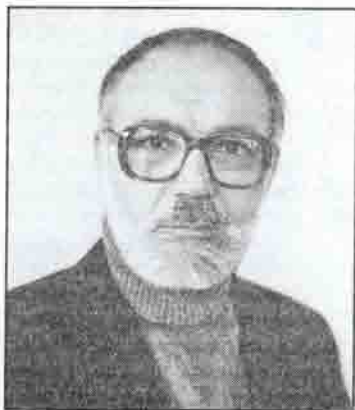
Нынешнее время кланут в Лебедяни чаще, чем хвалят: за «косолопую приватизацию» (зарплата директора одного из местных заводов оказалась в прошлом году в 49 раз выше, чем средняя по предприятию!), за особняки, что возводит на местном «поле чудес» торговый, чиновный и директорский люд, за невыплату пенсий, за «сексху» в кино и по «телену»...

Но даже если оно, наше время, вызывает не много ассоциаций с лебединой стайей, то и с сорняковым полем равнять его нечего. Лебеда — не столько сорняк, сколько, согласно энциклопедии, «кормовые, пищевые и декоративные растения».

Даже если от лебеды произошло имя города — ничего обидного в этом нет.

...Смотришь на рассвете с берега Дона на удивительные силуэты города и понимаешь: в самом деле на Руси красота вырастает там, где «одуванчик под забором, где сорняки и лебеда...»

И лебеди — соседствуют с лебедой.

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер Алексей Николаев...

Вот и занял он «в том строю... промежутки малый», а здесь, среди нас, живых, образовалась горестная брешь, пустота, ощущаемая почти физически...

Слова прощания — искренние, сердечные — остаются лишь словами. Несказанное — куда глубже и острее.

Давайте просто вспомним...

Он проработал в «Смене» более 30 лет. Литературный сотрудник, специальный корреспондент, обозреватель — так по штатному расписанию. По жизни — Леша Николаев, без которого трудно представить наш журнал. Он изъездил весь Союз, всю Россию. Человек мягкий, интеллигентный, был он своим среди рыбаков и воинов, строителей и художников. Алексей не притворялся, не «входил в роль» — добросердечность, образованность, ум естественно располагали к нему всех, с кем он общался, хотя бы мимоходом. Ибо общение это не было замутнено фальшью и расчетом.

Писал он ясно, легко, излучил — многие читатели «Смены», несомненно, помнят его материалы (чаще всего публиковавшиеся под псевдонимом Каретников), не раз отмеченные ежегодными премиями. Глубоко понимая и чувствуя красоту слова, линии, цвета, он не терпел красоты, позерства, позолоты — в творчестве и в людях. Трудно, больно говорить о нем — «был». И сейчас слышится нам его голос; мы чувствуем его доброжелательность и ту непередаваемую атмосферу, что генерирует человек с умным сердцем. Мы скорбим, но мы — помним. Светлая память о друге в конце концов материализуется в наших делах, поступках, отношениях... Это — словно зха ушедшей жизни.

Прощай, Алексей Владимирович, Алексей, Леша...

«СМЕНОВЦЫ»

ЛЮДМИЛА ТРЕТЬЯКОВА

ЧЕЧЕНСКИЕ

МЕРТВЫЕ СРАМУ

ТЮЛЬПАНЫ"

НЕ ИМУТ... А ЖИВЫЕ ?

Они жили в 913-м номере Ростовской гостиницы «Звезда» — отец и мать из Челябинска. Приехали сюда, получив неожиданно телеграмму: «Состояние тяжелое, выезжайте Ростов. Александр».

— Я думала, что живым сына не увижу. Саша никогда не подписывался «Александр», — говорит Людмила Ивановна. — Прилетели ночью. Как я шла в госпиталь — не помню. А он живой. Двенадцать часов с пулей в животе. Лежал на дне БТРа. По радиации передали: «У нас 300-й». «Трехсотый» — значит тяжело раненый. Первую операцию делали на контрольно-пропускном пункте. Хирург сказал, чтобы быстро отправляли в ближайший госпиталь, иначе не дотянет. В Ростове-на-Дону еще раз оперировали. Ампутировали почку... Сегодня он уже вставал. Я говорю: «Саша, пока ты здесь, залечи зуб. Ведь болит. А он не хочет — боится...»

Людмила Ивановна, Сашина мама, смеется и плачет...

Девятый этаж этой гостиницы — этаж беды. Заселяют его родители солдат чеченской войны, которые добираются сюда со всей России. Они, и без того несчастные, в сущности, еще и обременительные для администрации жильцы — жди, когда на них Министерство обороны переведет деньги.

Основанием для поселения в ведомственную (Минобороны) «Звезду», на девятый этаж, служит не командировочное удостоверение, а повестка из военкомата — сын погиб; или телеграмма из госпиталя, когда ранен. Последнее среди обитателей девятого этажа расценивается как счастье. (Я пишу это слово без кавычек, борясь с искушением приписать великое счастье...)

Вот уже несколько месяцев Министерство обороны не переводит

денег за несчастный этот девятый этаж, что самый нищий, последний к небу... И тем, кто работает здесь, коридорным и уборщицам, не позавидуешь: даже если и антиматизировался в этом забронированном сервисе, сердце умудряется сохранять способность сочувствовать и сопереживать. А за последние эти окаянные почти два года здесь, на девятом этаже, страданий человеческих спрессовалось столько, что, материализуйся они, рухнут бетонные перекрытия гостиницы «Звезда».

Людмила Ивановна продолжает свой рассказ:

— Они вдвоем перебежали улицу — разминировали там что-то. Товарищ-то Сашин успел проскочить, в в Сашу попали. Он отполз к стене дома. Говорит, ждал, когда к нему снайпер подойдет достреливать, у них так заведено — контрольный выстрел называется. Саша уже кровью истенал. Гранату же все-таки вытащил. Я, говорит, просто так бы не дался. Но никто не подошел... Спасли-то сына мирные жители: муж и жена. Господи, как же мне за тех людей Бога молить надо! Из окна пятиэтажки увидели: раненый солдат лежит. Саша бы от потери крови умер. Они же его перетаскили к себе, перевязали, переодели в штатское, на случай, если боевики шарить будут. Товарищ Сашин вернулся на БТРе его искать. Нашел... Сыну вторую группу инвалидности дали. Говорит, мам, ты узнай, мне какие-то деньги причитаются, 700 тысяч. Страховка. Только попробуй ее получи. Ребята рассказывали — натопашься. Хочет домой обязательно в солдатской форме вернуться. Ты мне, говорит, мама, штатское и не привози.

— А что он про войну говорит?

— Не только Саша, да и вообще ребята не очень-то рассказывают. Правда, мой как-то сказал: «Офицер нас предупредил, мол, воевать идете, как ваши деды в Великую

Отечественную». Что они, мальчишки, знают-то о жизни? Им по девятнадцать... О вшах говорят — смеются. Это там стопроцентно. Из еды в основном овсянка. Но не жалуются: есть — значит есть. Еще сын говорит, много в Грозном мирных жителей погибло. Особенно русских. Чеченцы уходят — их свои предупреждают, какая какая операция. А наших-то... Перестрелка, а они ходят, не пригибаясь. Жалко, говорит, мама... Заглянешь в подвал: а там старушка да дети. Ну как гранату-то кидать? Вообще, пока мы с мужем с ним, он как-то отогрелся, повеселел.

— Из 908-го два дня назад товарищ в Москву уехал, — коридорная заглянула в книгу регистрации. — Да, точно, в Москву. Сына опознал и уехал. Убитый он у него, в морге лежал, в госпитале. Что я, говорит, жене скажу? Она еще не знает. Положительный такой человек, не пил, не кричал. Тихий. «Как же вы ей не сказали-то?» Я, отвечает, еще надеялся. Может, ошибка какая. За тем и приехал. Нет, не ошибка, это наш Денис. И заплакал, плечами задергал. Я, знаете, ну не могу. Когда матери плачут — жалко, а мужчины — так мне страшно... Я домой больная пришла. Дочь говорит: ты, мам, просись с этого девятого этажа. Тут никакие нервы не выдержат...

Окружной военный госпиталь в Ростове-на-Дону расположен на улице под названием Дачная. Это и вправду не центр, и напротив красной кирпичной ограды госпиталя стоят совсем станичные домики во фруктовых садах.

Местные жители, не отгороженные от госпиталя ни многоэтажностью, ни автомобильным потоком, хорошо знают обо всем, что происходит за этими стенами. Именно

они рванулись сюда с кастрюльками и банками — кормить своим, домашним, первых раненых, и до сих пор не привыкли и, наверное, никогда не привыкнут к тому, что каждый день едет по их узкой, почти сельской улице длинная, крытая зеленым брезентом машина. На ветровом стекле снизу небольшая картонка с надписью: «Груз 200». Это привозят убитых.

Дальше они поступают на ПООП — пункт обработки отравления покойных. Такой, правда, есть в каждом военном госпитале и в обиходе называется «тюльпан».

На территории Ростовского госпиталя одноэтажные здания «тюльпана» расположены в стороне от больничных корпусов. Здесь убитых ребят принимают, обмывают, переодевают в новое татие же девятнадцатилетние солдаты. Живут они на отшибе от всех и питаются в специальной палатке. Как сказала мне одна медсестра, работа у них грязная, у каждого двойные перчатки: инфекция, мало ли что — лучше, когда они подальше от живых.

Командируют сюда из разных частей на месяц-два. Случается, что служат в «похоронке» и по году. Я начала говорить с ними осторожно, словно у них, здоровых, тоже была рана, да такая, что страшно прикоснуться...

Дима из Нижнего Новгорода:

— Я здесь вторую неделю. Сначала тряслись руки. Сейчас вроде ничего. Ужь привык...

Его товарищ:

— Вы вот говорите, не страшно ли? Но ведь кому-то надо делать и эту работу. Сколько каждый день? По-разному. Но обычно меньше десяти не бывает (речь шла о марте 1996 года). Это когда нет боев. А бои — ну, вы сами понимаете.

...Я спрашивала одного «большезвездного» военного человека потом, как можно допустить, чтобы девятнадцатилетние отправляли в пос-

ледный путь девятнадцатилетних. Каждый день. Что с ними-то будет?

— А что вы хотите? Чтобы с несчастных родителей еще и деньги тянули? За то, за это? Как бывает, если поставить, снажем, какой-нибудь медперсонал. Психика, говорите?... За время войны в Чечне мы лишь одного мальчика из «похоронки» психиатру показывали — нервишки сдали. В общем же они держатся хорошо. Может, из них кто в «мед» пойдет...

Тяжная, невыносимая картина, когда женщины падают на колени, охватывая в полумраке кирпичного барака вытянувшиеся, отстраненные, уже этому миру не принадлежащие тела тех, кого рожали, пеленали, кормили, выхаживали не для этого страшного ящичка. Но пристине немислимой, невероятной реальностью чеченской войны является тот непреложный факт, что получить гроб со своим мертвым ребенком — сегодня то самое горькое счастье, которое достается не всем родителям. На долю других выпадает худшее: они лишены даже права прийти на сыновью могилу. Недаром Чечню наградили эпитетом, какого не имеет ни одна война из известных человечеству: «война неизвестных...»

Их где-то будут ждать всю жизнь, а они никогда не вернуться... Часть из них лежит в ростовских рефрижераторах — это хозяйство подполковника Владимира Щербанова. Сюда, в теперь уже печально известную лабораторию N 124, привозят останки тех, кого подобрали без документов, ного трудно опознать.

Щербанов ввел в правило каждого снимать на видеонассету. В специальные папки собираются все, что может пролить свет на личность «неизвестного» — записная книжка, случайно уцелевшее письмо, ключи, брелок, ножик... Но, разумеется, наибольшую информацию Щерба-

нов и его немногочисленные коллеги стараются получить от останков. Татуировка, шрамы, особенность анатомического сложения, даже пломбы зубов способны вернуть человеку имя.

Щербанов отказался от отпусков и даже от выходных.

— Когда знаешь, что кто-то приехал на опознание, сидит в номере «Звезды» и ждет наступления понедельника, отдыхать не захочешь...

Самое трудное для него, прошедшего школу судового хирурга и вообще уже много повидавшего человека, — встречи с людьми, брошенными в горнило отчаяния. Он не только должен выдержать естественный всплеск боли, что порой застигает разум, он должен заставить плачущую мать смотреть на экран и узнавать среди медленно плывущих обнаженных, давно обезображенных мужских тел свое родное дитя. Никто и никогда в мире не занимался такой работой, которую взял на себя Щербанов.

В его лаборатории создана целая система мер, направленных на то, чтобы ни один солдат, даже если война превратила его чуть ли не в горстку пепла, не канул в вечность безымянным. Для тех почти двух сотен солдат, что до сих пор числятся «неизвестными» и чьи останки хранятся в рефрижераторах на территории ростовского госпиталя, заказаны специальные мешки, предохраняющие от трупного высыхания. Конечно, время идет, но пока не исчерпаны малейшие экспертные возможности, тут будут стараться вернуть человеку имя.

Я сидела в коридоре лаборатории N 124. Появился человек с большой вещевой сумкой. Он шел, шумно чирная ею по стенам, дыша с присвистом и, приблизившись ко мне, спросил: «Вы на опознание?» — «Нет», — ответила я, ожидая подполковника для беседы. И мужчина

сел рядом со мной. В комнату Щербанова, когда тот появился, мы вошли вместе. «У меня вот извещение: сына убили 17 марта, Нириллов его фамилия. Направили к вам». — «Подождите, я проверю, — сказал Щербанов, вышел из комнаты и через пару минут вернулся с маленьким листком бумаги. — Тут все ясно. Мальчин ваш вполне опознаваем. Он в морге. Сейчас я туда позвоню, чтоб вам его выдали». Щербанов стал набирать номер, а человек вдруг спросил как-то отстраненно от всего, что происходило: «А почему вы в морской форме?» — «Я на флоте служил», — ответил Щербанов. И, стараясь не глядеть на лицо незнакомца, я вдруг поняла, что этот вопрос вместо крива — отчаянного, безысходного...

С тех пор, когда Алеша Буднин видел, как хулиганье било его отца, а он, слабосильный пацан, не мог ему помочь, прошло несколько лет. И прошло не зря: парнишка не выплезал из спортивного клуба, прыгал с парашютом и вымахал в широкоплечего здоровяка, с которым мало кто бы с их улицы отважился померяться силой. По-мальчишечьи он считал себя Робин Гудом, призванным защищать слабых, и в разговоре с отцом часто мелькало: справедливо — несправедливо, честно — нечестно.

Осенью 1993 года Алешу призывали в армию. Он попал служить в бригаду особого назначения N 24 в подмосковное Софрино. Письма домой в Мурманск уходили веселые. Это было то, о чем парню грезилось: настоящая мунская служба.

Летом девяносто четвертого родители навестили Алексея. Он краем носнулся темы «спецкомандировок». А потом стали приходиться как бы не Лешины письма: сучные, односпонные. «Много работы, мало времени. Скоро приеду в отпуск».

Уже после отец, Евгений Александрович, узнал, что Алексей по-

пал в самое пекло, находясь в боях с тех первых январских дней, когда были самые страшные потери. Они брали Грозный, Аргун, Гудермес. Он оставался живым. Впереди был первый штурм Самашен...

С Алешей вместе воевал его друг Коля Михайлов, родом из Апатитов. Его мать как член комитета солдатских матерей в начале апреля ездила в Грозный. Вернувшись, позвонила Буднинным: «Видела вашего Лешу. На него уже два запроса было из Софрино — учить молодежь. Командир мне сказал: «Хотите — забирайте их обоих». Ребята отказались: «Вот возьмем Самашки и вернемся вместе».

После 7 апреля Колина мама снова звонила Буднинным, но разговор что-то не клеился. Теперь Евгений Александрович вспоминает: мысль о неладном уже тогда заползла в сердце, но он суеверно гнал ее от себя. 10-го случайно забегал днем домой, звякнул телефон. Это снова звонили из Апатитов. И вот тогда мать Коли сказала: «Ваш Леша убит».

«Начальнику УВД
Мурманской области

Сообщаю, что 07 апреля 1995 года при исполнении воинского долга в боевых действиях по восстановлению конституционного строя на территории Чечни погиб младший сержант части специального назначения МВД РФ БУДНИН АЛЕКСЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, 1975 года рождения (в/ч 3641, Ашунино Московской области), призванный военным комиссаром Октябрьского района г. Мурманска на военную службу в ноябре 1993 года.

Прошу Вас оказать помощь в организации встречи гроба с телом погибшего и похорон.

Военный комиссар
Октябрьского района г. Мурманска
полковник Колесников».

В квартиру Будниных пришли три человека из военкомата и милиционер: «Идем груз 200». Проходили сутки, вторые, третьи — гроба с телом Алеши не было. Звонки отца в военкомат, УВД, в часть, где служил сын, ничего не давали. «Перезвоните позже. Пока никакой информации нет», — и так изо дня в день.

Наонец Евгений Александрович переговорил с начальником ПООПа Владикавказ (гроб должны были привезти оттуда). всплыло: с опознанием трупа сына вышла заминка... И Буднин решил лететь во Владикавказ.

Отговаривали и в военкомате, и дома. В те страшные дни он сумел внушить жене: «Ты должна быть у телефона, держать со мной связь. Здесь что-то неладно. А если Лешу привезут, хороните без меня...» Мог ли он тогда предполагать, что весть о гибели сына — это лишь отправная точка мученического пути, на который он обрек себя сам, задавшись целью увидеть Алешу — живого или мертвого. Но именно увидеть — собственными глазами...

В окружном военном госпитале Буднин нашел административный корпус. Зашел, назвал свою фамилию. «На, отец, выпей, — ему налили водки. — Без этого здесь нельзя».

— Где мой сын?

— Пойдем смотреть.

Они пришли в помещение морга, где стояло два дощатых ящика. Открыли.

— Там лежал паренек. Я посмотрел и сказал: нет, это не мой сын. (Впоследствии тело этого погибшего было отправлено в Ростов-на-Дону в лабораторию N 124 и зарегистрировано под N 300. С этого момента я так и буду его называть — «неизвестный под N 300»). «Раз это не ваш, то вот этот ваш».

Вскрыли второй ящик. Вроде похож. Мертвый оскал очень иснакает лицо. Они видят, что я растерялся. Стали раздевать. Освещение плохое. Стола вроде подходит: у Леша был очень большой размер обуви. Но что-то меня тормозит... Не узнаю я его. К тому же вижу шрам от аппендицита; у Леша не было. Но я же его больше года не видел, может, оперировали? Стал спрашивать: откуда известно, что это Алексей Буднин? Мнутся. Оказывается, об этом погибшем ничего известно не было, за исключением характера ранения. Потом его тоже отправили в Ростов под N 299. Но ведь документы на погибшего Буднина приходили, стало быть, надо выдать труп. И вышло так: мне как бы предлагают выбрать один из двух ящиков. Но я-то почти не сомневался, что ни в том, ни в другом Леша нет...

Евгений Александрович добился разрешения осмотреть всех остальных погибших, находившихся в этом пункте. Тела хранились в машине для перевозки мяса. Но движок не работал, а стоял уже апрель. Перчаток у Буднина не было. Он встал, перекладывал трупы, лица Алешу и боясь потерять сознание от смрада. Но эта работа ничего не дала — даже отдаленно похожего на сына Буднин не нашел.

Потом ходил в палаты с безумной надеждой: а может, сын там, да в бессознательном состоянии и сказать не может: кто он и откуда. Но сына в палатах не было...

Два дня, с 16 по 18 апреля, Буднин пытался выяснить у служащих владикавказского «тюльпана» данные с регистрации, анатомировании, опознании и отправке погибших к местам захоронения. То, что ему удалось узнать, привело к печальной мысли: здесь нет начальников-зловеев, но вся система этой службы построена так, чтобы дать понять сваленным в рефрижераторы: вы

сделали свое, вас уже нет, а бездыханному телу не все ли равно?

Сговор живых против мертвых, уже бессильных? Если бы не так, то кто-нибудь из офицеров ПООПа смог бы назвать несчастному отцу точную цифру убитых, поступавших в тот или иной день.

Если бы не так, погибших доставляли бы люди, знавшие их в лицо, тем самым избавляя от потери имени.

Если бы не так, одежду мертвых перед анатомированием не бросали бы в общую кучу, а досматривали. (Уже после в карманах и сапогах находили записки с указанием фамилии, номера войсковой части, но тогда поди разбери, кому она принадлежала...)

«Ты добудь ему сына!» — кричал генерал, к которому за помощью обратился Будкин, подполковнику. А ведь знал — не добудет. Знал это и подполковник. И Будкин решил, ни на кого не надеясь и никому не веря, действовать самостоятельно.

Он завел тетрадь, где аккуратно записывал, с кем говорил, о чем, что удалось узнать. Цифры, имена, географические названия. Мысль о том, что Лешин прах отдали другой семье, а те похоронили его как собственного сына, не давала ему покоя. Двойная подлость судьбы: он, отец, лишен права похоронить своего Алешу, а те двое — чьи-то сыновья — «неизвестные N 299 и N 300», лежат невостребованные собственными родителями, что введены в заблуждение армейской путаницей.

Буднину не раз говорили:

— Зря ты, отец, надрываешься! Да бери, что дают. Погиб твой сын. А кто там лежит, не все ли тебе равно?

Так «дожимают» многих. И аргументы приводятся убедительные. Что такое «пропал без вести»? Один большой вопрос. Может, дезертир,

может, в горы сбегал или что. Нди долгие года, когда по закону «пропавший без вести» превращается в «погибшего». А для нашего обедневшего населения, нан ни горно об этом писать, имеет значение даже тот факт, что за похороненного сына родители получают пенсию в размере минимальной зарплаты. (Весной она не дотягивала даже до 70 тысяч...)

...Отказавшись признать сына в двух предложенных «неизвестных», Будкин автоматически переводил его в разряд «без вести пропавших». И он занялся поисками свидетелей гибели сына, отправившись из Владикавказа в Грозный через Моздок. Здесь он снова искал Алешу в госпиталях и «тюльпане». В Грозном же ему удалось найти очевидцев, подтвердивших, что его сын погиб при штурме Самашен.

Отец Алешы нашел всех, с кем сын шел на операцию, кто его, уже убитого, транспортировал к вертолету, кто охранял привезенных убитых ночью, и даже того, кто собственноручно погружал тело в вертолет. Все они лично знали младшего сержанта Алексея Будкина.

— А это имело особое значение? — спрашиваю я у Евгения Александровича.

— Конечно. Я пытался через суд признать Алешу погибшим. В прокуратуре объяснили, что для этого нужно свидетельство о смерти. Мне же его не давали — нет тела. (Вернее, я сам отказался от него, выходит, даже если командир видел — этого недостаточно). Нужно обязательно два свидетеля, как гласит статья N 152 УПК РФ... Я все это уже выучил. К тому же надеялся, что, если сына признают погибшим, поспособствуют мне в поисках.

— Ну и как — содействовали?

— Больше помощи было от сторонних людей... Я летал много: Моздок, Грозный, Владикавказ. Туда — обратно. Здесь никаких проб-

лем. Летчики брали: «Борт есть. По-ехали!». Они в основном «афганцы», все понимают. Когда ночевать негде было, у них ночевал. Мир не без добрых людей. Кстати сказать, военные и деньгами помогали. Там есть небольшой фонд для родителей — я же не один, многие ищут...

Трагедия этой войны не только в гибели молодой смены. Она подкашивает и их отцов и матерей. Они тоже жертвы этой войны. Точнее чеченского снайпера бьет смертельно в родительское сердце страшное извещеие. А за ним слишком для многих наступает второй круг ада: родителей, потерявших сыновей в Чечне и не получивших тел, — очень много. Нет гроба — нет могилы. Был человек и исчез — в никуда, словно его девятнадцатилетнее присутствие на земле отцу с матерью просто приснилось. Вот это, наверное, и есть в шнале чеченских испытаний та самая страшная отметина, страшнее которой не бывает.

25 июня 1995 года Октябрьским народным судом города Мурманска было принято решение: «Установить фант смерти Буднина Алексея Евгеньевича, 5 сентября 1975 года рождения... Решение суда вступает в законную силу 7 августа 1995 года».

Таким образом, первая часть расследования, предпринятая Будниным-старшим, была окончена успешно. Значительно труднее — и он сознавал это — найти само тело Алеши.

Евгений Александрович улетал к себе в Мурманск, потом снова просил «отпуск без содержания» и снова возвращался туда, где потерялось или было перепутано тело Алеши.

Снова и снова десятки опрошенных лиц... Удача явилась в лице санитарструктора инженерно-саперной роты, где служил Леша, который вспомнил, что незадолго до гибели Буднин травмировал ногу на

ноге — в день гибели Алексей был с перебинтованным пальцем.

Евгений Александрович опросил всех, в обязанности которых входит раздевать погибших перед анатомированием. Один из них показал, что действительно раздевал погибшего, у которого большой палец на ноге был перевязан. Когда бинт срезали, то увидели, что палец травмирован, ноготь отсутствовал. Стопа у этого погибшего была крупная, не менее 45-го размера.

Все это свидетельствовало: Алешино тело «проходило» именно через владикавказский «тюльпан». «Скорее всего он перед анатомированием был обозначен не своим именем, а именем одного из погибших, доставленных в тот период в данный ЦСОП, — рассуждал Буднин, — а затем отправлен на захоронение по адресу того погибшего». Ему удалось составить список всех отправленных из Владикавказа к себе домой в период с 7-го по 16-е апреля. Их было двадцать семь.

С большим трудом Буднину удалось собрать фотографии всех двадцати семи ребят и все данные о них: номера частей, места их дислокации, домашние адреса. С этим материалом на руках он поехал сначала в части, где погибшие служили. Старался разыскать тех, кто сопровождал их тела во владикавказский «тюльпан». Ведь они могли слышать фамилию Буднин, видеть мертвого Алешу.

Самое фантастическое то, что Евгению Александровичу удалось установить, кто такой «неизвестный N 299». В самом начале поисков во владикавказском «тюльпане» он сделал снимки «неизвестных N 300 и N 299» (то, до чего не додумались официальные лица...) По ним в одной из частей ребята опознали своего пропавшего без вести сослуживца. Им оказался Челпанов Алексей Владимирович, 1975 года рождения, призванный в армию из

Тверской области. Позднее в Ростове было проведено официальное опознание, и тело Алексея Челпанова отправилось в родное село Ильино...

Собственные же поиски Буднина двинулись тяжело и медленно. Но он упорно продолжал ездить по адресам, куда ушли гробы из Владивостока. Это требовало времени и денег. И того, и другого у шофера грузовика Буднина было негусто. К тому же его мучила необходимость задавать родителям страшный вопрос: уверены ли они, что похоронили собственного сына?

— Конечно, тяжело об этом спрашивать. И реакция людей очень разная. Но как же мне быть? Меня поставили в такие условия. Лешу, кроме меня, никто исцелять не будет. Законом Российской Федерации не предусмотрено наказание за то, что «труп утрачен». Значит, каждый командир, бросив солдата или по халатности перелутовав трупы, не несет за это никакой ответственности? А я сам видел, какой идет бардан... Мне не давали нигу регистрации трупов. Однажды я видел, как офицер, который вел ее, заснул за столом — они все там пьют много и говорят, что крыша поедет, если не пить. Я подошел и стал листать эту книгу. А там свежая запись и знак вопроса. Значит, уже на этом этапе есть ошибка. И никто ее исправлять не будет; и так, мол, возьмут ящик. Бирни, что прикрепляют к рукам анатомированных, тоже путают.

— Двадцать семь адресов. Сколько же на это ушло времени?

— Мне бы очень помогло, если бы можно было опознать «неизвестного N 300» — единственного непохороненного. Надо выявить его предполагаемых родителей. Свое отцовство по отношению к нему я исключил, сделав экспертизу в лаборатории геномной дактилоскопии. Это дорого стоит, но мне сделали бесплат-

но. Пожалели. Теперь я должен связаться с родителями погибших и предложить им по фотографии тела N 300 опознать своего сына. Ведь далеко не все вскрывали «цинки». А кто там был? При такой путанице ни в чем нельзя быть уверенным...

— Если все-таки не узнают по фотографии?

— Можно воспользоваться генно-молекулярным методом. Правда, некоторых очень трудно уговорить. Я приехал к одним родителям — их сын по фотографии схож с моим. Они вроде сначала согласились. Потом отказались.

— А есть варианты, которые отпали сразу?

— Я побывал у мамы Славы Раченова. Это на Алтае. Тело Славы грузили в вертолет вместе с Лешей. Так вот, перед тем как опустить гроб в землю, она сделала попароидный снимок мертвого сына. У того было пулевое ранение в голову, а оно очень меняет лицо. Но когда я посмотрел, то понял — это ее сын. И дане успокоил; она сомневалась на счет цвета волос. У Славы они были светлые, а тут отливают медным. Это кровь. Их же не моют — обдадут из шлангов и все...

Этот трагический частный розыск продолжается по сию пору. Продолжается в одиночку, и пути-дороги в поисках сына снова приводят Евгения Александровича в Чечню, во Владивосток, в Ростов, где по-прежнему в холодильнике хранится «неизвестный N 300».

Быть может, и подполковнику Щербанову все-таки удастся выяснить, кого скрыла злая судьба под этим номером, и тем помочь отцу Алеши. Сегодня Щербанов — практически единственный, кто оказывает реальную помощь родителям, кто сумел собрать опытных людей и аппаратуру, а главное, принес на служение обездоленным родителям свою фантастическую преданность делу.

Но разве хватит его одного на всех?

Чеченская война дала толчок теме не менее болезненной, чем гибель человека в бою, — это «неизвестные». Мальчики, которым даже мертвым отказано в возвращении домой...

Летят в Москву бесконечные телеграммы, письма, запросы. «Умоляю, если можете чем-то нас утешить, ответьте, может быть, есть другие инстанции, куда нам обратиться, может быть, подать документы в Конституционный суд? Больше года наш сын, Тхамун Владислав Николаевич, 1975 г.р., числится в списках Майкопской бригады без вести пропавшим, поэтому документы о его смерти до сих пор не оформлены. Господи, куда же делось тело ребенка? Неужели это на всю жизнь? Куда нам ехать? Где искать?» — спрашивает мать из поселка Иловая Волгоградской области.

«Очевидцев гибели нашего Саши нет, — пишет Дмитриева из села Смушино Челябинской области. — Мы с мужем дважды были в части, встречались с командиром полка Буниным. Он рунами разводит: может, и погиб экипаж, а может, и нет. Гроб мне привезли пустой...»

Мать рядового Шевченко из Нижневартовска, у которой 7 марта этого года убили сына, отчаянно дозванивается в Москву: «Где же гроб с телом сына?»

Осенью прошлого года на территории одной из частей особого назначения, дислоцирующейся в Москве, солдаты — на свои собственные средства! — поставили памятную доску в честь сослуживцев, павших в Чечне.

Среди других фамилий там значится: «младший сержант Буднин А.Е. (1975—1995)».

— Вот и все, что мне осталось от Леши, — говорит его отец...

Северные лотосы

Наедине с горящей свечой
 Мои стихи читайте в час ночной.
 Мне все равно: в лесу, в избе, в палате!
 Ведь вы в тот миг – исчезнете со мной.
 Я вижу несколько миров распятых
 И наш прамир с зеленою луной.
 Мои стихи читайте в час ночной...

Наедине с прозрачною душой
 Мои стихи читайте над водой.
 Мне все равно: родник, река иль омут,
 Иль просто чаша с марью водной!
 Я слышу, как поют, зовут и стонут
 Все нерожденные, и голос твой...
 Мои стихи читайте над водой,
 Наедине с прозрачною душой...

Я удивлялась солнцу и луне,
 Меня сжигали в жертвенном огне,
 Но, осененная святым крестом,
 Я вновь рождалась в омуте лесном
 И пела так в обугленной ночи
 При свете лилии – речной свечи! –
 Что мельники топились в омутах,
 И девы исчезали в зеркалах,
 А княжичи забрасывали сеть,
 Чтоб на песке
 Мне с плачем умереть...

Вы им не верьте! Сеть – была пуста.
 И зря бросались многие с моста...

Не уходи в беззвездное пространство,
 Забыв миры – земной и неземной.
 Я там – была. Убитой. Молодой.
 Кувшинок бело-мраморных убранство
 Невольно захватив навек с собой.

Оттуда нет ни вдоха, ни возврата!
 Там забываются цветы и корни.
 Но я перед Забвеньем виновата:
 Забыла выполнить приказ – «Не помни!».

Две белых молнии пересеклись крестом.
И эта вспышка – названа Христом.
Кувшинки ахнули по всем Заречьям,
Березы белые – оборотились в свечи.

Русалке подарили башмачки –
Они стоят цветами у реки.

Но ей не нужен плен хрустальный тот
И бледный припа,
Что с ножницами ждет...

Слезой и смехом все земное –
В землю выльем.
Я пела перед небом, Лик Господний – чист.
Одно крыло мне подарила
Птица Сирин,
Ну а другое птица солнца – Аконист.

Когда та песня задевала небеса –
На них рождалась белоокая звезда.
Когда та песня проливалась, как слеза, –
Кувшинки белые рождала смоль-вода.

Когда ту песню обернула я в кольцо –
Вы стали плакать, опустив лицо.

Гнули крылья молодые кони.
Ящерка спала в моей ладони.
И чертика, иссинь-черна,
Дремный шелк стелила, как волна.

Что ты скажешь, сныть-трава медвежья,
Если зашепчу тебя сверхнежно?
Что ты скажешь, колокольчик, мне,
Коль тебя посею на Луне?

Что они сказали – мне-то ясно,
А перерассказывать – опасно!
Многим, хоть сулят мне благодать,
Этой тайной рано обладать:
Заведут меня в слепое стойло,
Руки свяжут, перережут горло...

Ну и зря. Суть тайны сокровенна:
Отберут – развеется мгновенно.
Потому им не поймать тех птиц –
Ящерка не спит в руках убийц.

Нищий брел по туннелю в Москве,
Вихри-толпы, как волны, качали.
Он тонул в безысходной печали,
Он был правом подобен траве.

Нет, никто не подаст. Даже камня.
Так дойдет он до Божеских врат.
Он стыдится просить подаянья –
Потому что душою богат.

Скажет Боже: «Ты властью ограблен,
Жизнь проживший в трудах, нелегко».

Но секут чьи-то взоры, как сабли,
И до Божеских врат – далеко.

Эпоха Временем сметена –
Подвластна Времени Земля.
Пронзают эры, рвут знамена,
Зубцы державного Кремля.

Вновь в чаше лилии – малина,
Вновь бело-красен наш закат.
Летит Ивана посох в сына,
А сын толпой давно распят.

Да мы все те же, там же, так же..
Срываем крест, возносим вновь.
И призраки царей, как стражи,
Проклятья поля и любовь.

Поочередно воскресают,
Тревожат души и умы.
А сыновья – все умирают,
И посохи летят из тьмы...

В этом поле, в этом поле
И не сеют и не пахнут.
Там три ведьмы лото пляшут
И хохочут на просторе.

У одной в подоле – слезы,
Хоть ковшами черпай пыле,
Горше листьев на осине:
Ведьма пьет, не зная дозы!

У другой в подоле дурость —
Тяжелее гирь угрюмых
Из Кремля, избы и Думы...
Ведьма со смеху согнулась!

А у третьей, как листочек,
Лишь пустяк — в нем нет и прока...
Что? Да голова Пророка!
Третья — всех сильнее хохочет.

Не гони коней, развеселый князь,
Мне среди полей суждено пропасть.

Не гляди, что с плеч — собольиный мех!
Что коса — как смерч, что жемчужен смех.

А в моем-то лбу — лебединый крест,
А в косе — не лгу! — плачет хвойный лес.

Я воде — своя, я огню — сестра.
Вся-то жизнь моя — на конце пера!

Там, среди полей, страшный коршун есть,
Тыщи дней-ночей хочет пить да есть...

Не гони коней, развеселый князь,
Мне среди полей суждено пропасть.

Изломав крыла, упаду на снег,
С чистым полем я обручусь навек...

Зеленая сила
Во тьме голосила,
И сосны стоили
От черной печали.

Так в молниях гнева,
Рыдая пропаще,
Лесная царь-дева
Металась воль чаша.

Средь этого крика,
Плывущего горько,
Сгорала брусника
Кровавой поземкой.

Лесная избушка,
Где я ночевала,
Дрожала и душно
Углами мерцала.

Мне в душу сквозную
Плач падал пожамми:
Зачем мы враждуем
С водой и лесами?

В могильниках прячем
Наши яд для потомков!
И ночью не плачем
Поминно и горько...

Поведий, Купало, сквозь водную гладь:
Что скрыто за символом – Божьим крестом?
Зачем в нас печаль и желанье летать?
Откуда мы все? И куда мы потом?

Вон рядом с тобой сам Никола святой!
Никольские храмы белеют у рек...
Над каждой купавою – шимб золотой.
Все вечно! И все же – не вечен и век.

Кувшинками души в одно соберешь
И где-то рассыплешь на Млечных Путих.
Красивые самые – рано ты рвешь.
А те, что черны, оставляешь, как прах.

Но чтоб ни случилось с прозрачной душой
В мирах запредельных за безднами звезд,
Позволь мне, Господь, хоть цветком, хоть росой,
На миг возвращаться под своды берез...

Вот звон колокольный пропел расставать!
Из чаши чугуниной, язычных глубин
Мне видится крест – там скрестилось сиянье
Господнего света и тихий помин.

Легко ухожу в васильки поднебесья,
Там много знакомых, враги и родня.
Все ими – забыто! Меня ж эта песня
И там будет мазать, где нету меня.

Когда вы за грань беспросветных неверий
Шагнете в туманы, где роца чиста,
Вы что-то поймете у мельницы древней,
Увидев кувшинку на лане листа.

В тот миг помолитесь о белом цветенье,
На этой земле – жизнь у всех коротка.
Я шелком дыханья коснусь на мгновенье
И вас, и заплаканной бездны цветка.

Я не хотел бы спешить с выводами и потому не стану голословно обвинять мистические силы в смерти моего бедного друга, Джона Баррингтона Каулса. Без неопровержимых доказательств мне попросту не поверят, ведь общепринятый взгляд отвергает самое существование подобных сил.

Я лишь обрисую обстоятельства, приведшие к печальному событию, и сделаю это по возможности просто и сжато, а дальше пускай читатель домысливает сам. Возможно, кому-то и удастся проникнуть в тайну, которая мучает меня по сей день.

С Баррингтоном Каулсом я познакомился в Эдинбурге, когда учился на медицинском отделении университета. Я проживал на улице Нотумберленд в огромном доме; домовладелица, бездетная вдова, не имея иных доходов, сдавала комнаты студентам.

Баррингтон Каулс поселился по-соседству, и мы сошлись коротко — даже сняли на двоих маленькую гостиную, где обыкновенно обедали. Так началась дружба, которая — не омраченная ни малейшим разногласием — длилась до самой его смерти.

Отец Каулса был полковником в сикхском полку. Многие годы он безвыездно прослужил в Индии и, обеспечивая сыну изрядное содержание, ничем более не выказывал отцовской любви, писал мало и крайне редко.

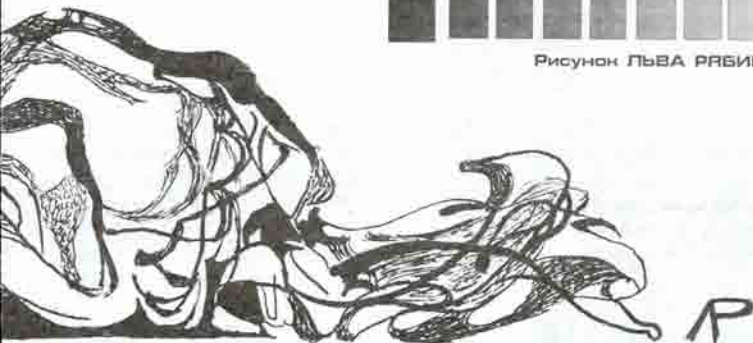
Мой друг родился в Индии, и это наложило на его натуру явный южный отпечаток. Отцовское невнимание задевало

НЕПОСТИЖИМАЯ

ВЕРНОН ЛИ

ТАЙНА

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

его болезненно. Мать давно умерла, и не было у него в мире ни единой родной души.

Оттого, видимо, все тепло, всю сердечность свою он обращал на меня – редко встретишь у мужчин столь доверительную дружбу. Даже когда им завладела любовь – чувство более сильное и глубокое, это не поколебало его нежной ко мне привязанности.

Каулс был высок, строен, с удлиненным, точно на портретах Веласкеса, лицом и темными мягкими глазами. Внешность его притягивала женщин магически. Он часто бывал задумчив, порой даже вял, но, коснись разговор интересующего его предмета, мгновенно оживлялся. На щеках появлялся румянец, в глазах – блеск, и Каулс говорил с воодушевлением, мгновенно увлекая слушателей.

Несмотря на дарованные природой достоинства, Каулс сторонился женского общества. Книгочел и отшельник, на курсе своем он был одним из первых студентов: по анатомии получил Большую Медаль, а по физике – приз Нила Арнота.

Весной 1879 года открылась Шотландская Королевская Академия. Мой бедный друг пылко и благоговейно любил искусство во всех его формах: сладкозвучный аккорд, перелив красок доставляли ему тончайшую, неизъяснимую радость. Мы стояли в огромном центральном зале Академии, когда я заметил у противоположной стены необычайной красоты женщину. Такую совершенную классическую красоту я встретил впервые в жизни. Настоящая греческая богиня: прямой точеный нос, тонкие губы, округлый подбородок, плавный изгиб шеи – черты, бесконечно женственные, и все же за ними угадывался недюжинный характер.

А эти глаза, эти чудные глаза! Как же скуден наш словарь: взгляд изменчивый, стальной, тающий, по-женски чарующий, властный, пронзительный, беспомощный... Однако все это увиделось потом, позже, не сразу...

Женщину сопровождал высокий светловолосый молодой человек, студент-юрист, которого я немного знал.

Арчибальд Ривз – так его звали – был разительно красив, породист, и прежде все студенческие загулы и эскапады происходили под его предводительством.

В последнее время я встречал его редко, ходили слухи, будто Ривз помолвлен. Из чего я и заключил, что его спутница, должно быть, и есть невеста. Усевшись в центре зала на обитую бархатом банкетку, я стал украдкой, прикрываясь каталогом, разглядывать эту пару.

И чем дольше я смотрел на девушку, тем больше покоряла меня ее красота. Невеста Ривза была невысока, скорее даже мала ростом, но сложена идеально и несла себя столь горделиво, что малый рост ее замечался лишь в сравнении с окружающими.

Пока я смотрел на них, Ривза кто-то отозвал, и молодая женщина осталась одна. Повернувшись спиной к картинам, она коротала время, разглядывая посетителей салона, десятки прикованных к ней глаз, любопытных и восхищенных, ее ничуть не смущали. Теребя рукою красный шелковый шнур, отделявший картины от публики, она, в ожидании спутника, бесцеремонно

разглядывала людские лица, будто они были не живые, а тоже нарисованные на холсте. Вдруг взгляд ее стал пристальной, жестче. Недоумевая, что же могло привлечь столь напряженное внимание, я проследил за этим взглядом.

И увидел Джона Баррингтона Каулса, застывшего подле какой-то картины. По-моему, она принадлежала кисти Нозля Патона, во всяком случае, предмет ее определенно был возвышен и благороден. Мой друг стоял к нам в профиль, и красота его — очевидная во всякую минуту — в тот миг казалась особенной. Он, похоже, совершенно забылся, всецело поглощенный картиной. Глаза сияли, под смуглотой щек проступил густой румянец. Девушка все не сводила с него пристального заинтересованного взгляда, он же вдруг, мгновенно вернувшись из забытья, оглянулся, и взгляды их скрестились. Она тут же отвела глаза, а он, напротив, глядел на нее неотрывно, позабыв о картине. Душа его вернулась на грешную землю.

Девушка встретила нас в залах еще несколько раз, и мой друг неизменно провожал ее взглядом. Однако заговорил о ней лишь на улице, когда мы, рука об руку, шли по улице Принсес.

— Ты заметил красавицу — помнишь, в темном платье с белой меховой оторочкой? — спросил он.

— Заметил, — ответил я.

— А не знаешь, кто она? — оживился Каулс.

— Нет, но могу разузнать. Насколько я понимаю, она помолвлена с Арчи Ривзом, а у нас с ним много общих друзей.

— Помолвлена! — воскликнул Каулс.

— Но, дружище, неужели ты способен так легко влюбиться? — рассмеялся я. — Ты с нею даже не знаком, а печалишься из-за ее помолвки!

— «Печалюсь», конечно, чересчур, — промолвил Каулс, выдавив улыбку. — Но, знаешь, Армиейж, никогда в жизни женщина не увлекала меня столь сильно. И дело не только в красоте, хотя черты ее совершенны, главное — в глазах светятся характер и ум. И если она в самом деле помолвлена, надеюсь, что избранник достоин ее.

— Однако она здорово разбередила тебе душу! — заметил я.

— Джек, да это любовь, любовь с первого взгляда!

— Ладно, обещаю разузнать о ней подробно, как только познакомлюсь с общими знакомыми.

Баррингтон Каулс поблагодарил меня, и разговор перешел на другое. Несколько дней мы к этой теме не возвращались, хотя мой компаньон был, пожалуй, задумчивей и рассеянней обычного. Происшедшее почти сгладилось у меня из памяти, когда я повстречал своего двоюродного братца, младшего Брудди. Он подошел ко мне у дверей университета и заговорщицки спросил:

— Ты ведь знаешь Ривза?

— Да. А что с ним?

— Его помолвка расторгнута.

— Расторгнута? — воскликнул я. — Погоди, вроде на днях все было в силе?

— А вот теперь дело расстроилось. Мне его брат рассказал. Со стороны Ривза просто подло пойти сейчас на попятный — если, конечно, это его затея. А невеста у него удивительно милая.

— Я ее видел, — сказал я. — Только не знаю, как зовут.

— Зовут ее мисс Норткот, живет со старой теткой в Аберкромби. О родных ничего неизвестно. Никто даже не знает, из каких она мест. Так или иначе, это самая что ни на есть несчастная девочка на свете.

— Отчего же?

— Видишь ли, у нее вторая помолвка, — принялся объяснять Бродди, умудрявшийся знать все обо всех. — Первым женихом был Прескотт, Уильям Прескотт, тот, что умер. Ужасная история. Уж и свадьбу назначили, короче — верное дело, как вдруг — такой удар!

— Какой удар? — спросил я, что-то смутно припоминая.

— Ну как же! Смерть Прескотта. Он приехал вечером в Аберкромби, засиделся допоздна. Когда ушел оттуда — неясно, но около часу ночи один приятель встретил его неподалеку от Королевского парка. Прескотт шел, не разбирая дороги, на приветствие не отозвался. Больше его живым не видели. Три дня спустя тело выловили из Маргаритина озера, прямо возле церкви Св. Антония. До сих пор в голове не укладывается. В бумагах, как водится, записали кратковременное помрачение ума.

— Престранный случай, — заметил я.

— Еще бы. Девочка много выстрадала, — сказал Бродди. — А теперь еще новый удар, не везет бедняжке. Такая милая и так хороша собой...

— Ты, выходит, с ней знаком? — перебил я.

— Разумеется. Хочешь, и тебя представлю? Мы с нею наколотке.

— Пожалуй... — ответил я. — Понимаешь, с нею очень хотел познакомиться мой друг... Впрочем, она вряд ли скоро появится в свете. Но уж тогда не премину воспользоваться твоим предложением.

На том мы и распрощались, и я совсем было выкинул из головы эту историю.

Следующий эпизод касается мисс Норткот непосредственно, и я опишу его во всех подробностях, хотя подробности эти весьма неприятного свойства. Впрочем, быть может, именно они подскажут разгадку всех последующих трагедий. Однажды, морозным вечером, спустя несколько месяцев после разговора с Бродди, я шел от пациента по самой запущенной и омерзительной части города. Было очень поздно, я пробирался мимо пивной сквозь толпу грязных бездельников. Вдруг от толпы отделился какой-то забуддыга и, приблизившись нетвердым шагом, с пьяной ухмылкой протянул мне руку. Свет газового рожка упал на его лицо, и в этом жалком, опустившемся существе я с изумлением узнал своего знакомого, Арчибальда Ривза, который прежде славился безупречными манерами и одевался с иголочки. Я был так ошеломлен, что поначалу не поверил собственным глазам; однако черты его, хоть и расплывшиеся от пьянства, все же сохранили остатки былой привлекательности. Я твердо решил вызволить его — пусть на одну только ночь — из столь ужасного окружения.

– Привет, Ривз! Пойдем-ка со мной, нам по пути.

Он невнятно извинился, что нетрезв, и уцепился за мою руку. Я довез его до дома, еще по дороге поняв, что нынешнее состояние Ривза – отнюдь не случайность, что его нервы и рассудок крайне расстроены неумеренным потреблением спиртного. Он шарахался от каждой тени, колыхнувшейся на земле, и хватался за меня сухой горячей рукой. Речь его была бессвязна и более походила на горячечный бред, чем на пьяные откровения.

Доставив Ривза домой, я снял с него верхнюю одежду и уложил в постель. Судя по пульсу, у него был сильнейший жар. Он, казалось, впал в забытие, и я уже хотел украдкой выскользнуть из комнаты и предупредить хозяйку, что жилец заболел, как вдруг Ривз вздрогнул и ухватил меня за рукав.

– Не уходи! – воскликнул он. – Мне с тобой легче. Ей тогда меня не достать.

– Ей? – переспросил я. – Кому?

– Ей! Неужели не ясно? – раздраженно проговорил он. – Ты просто ее не знаешь! Она прекрасна, но она сущий дьявол!

– У тебя жар, ты не в себе, – проговорил я. – Попробуй заснуть хоть ненадолго. Поспишь и полегчает.

– Поспишь! – простонал он. – Да не могу я спать! Только лягу – сядет в ногах и глазищи свои с меня не сводит. Часами так сидит. Всю душу, все силы вытянет. Оттого и пью. Господи, спаси меня и помилуй, я пьян, пьян...

– Ты очень болен. – Я протер ему виски уксусом. – Ты бредишь. Сам не знаешь, что говоришь.

– Прекрасно знаю, – оборвал он и взглянул на меня в упор. – Я знаю, что говорю. Сам навлек на себя все это. Сам выбрал такую жизнь. Но я не мог, клянусь Богом, не мог сделать иного выбора. Не мог относиться к ней по-прежнему. Это выше человеческих сил.

Я сидел возле кровати, держа его пылающую руку в своей, и пытался осмыслить его слова. Помолчав, он снова вскинул глаза и вдруг жалобно спросил:

– Но зачем она не предупредила меня раньше? Зачем дождалась, чтобы я полюбил ее так сильно?

Разметавшись на подушках, он повторял свой вопрос снова и снова и наконец заснул, беспокойно и тяжело. Я на цыпочках выбрался из комнаты и, убедившись, что хозяйка о нем позаботится, пошел домой. Однако слова его остались в памяти надолго, а позже обрели для меня новый глубокий смысл.

У моего друга Баррингтона Каулса в ту пору были летние каникулы, и я несколько месяцев не имел от него вестей. Когда же начался семестр, я получил телеграмму с просьбой снять прежние наши комнаты на улице Нотумберленд, он сообщил также номер поезда, на котором приедет. Я встретил его на вокзале. Каулс заметно посвежел и выглядел прекрасно.

В первый вечер, когда мы, сидя у камина, обменивались новостями, он вдруг сказал:

– Кстати! Поздравь меня!

– С чем же?

– Разве ты не слышал о моей помолвке?

– О помолвке? Нет! Но теперь слышу и счастлив за тебя, мой дорогой. Поздравляю от всего сердца.

– И как это до тебя не дошли слухи? Ведь получилось удивительное совпадение. Помнишь девушку, которой мы с тобой любовались на открытии Академии?

– Что?! – воскликнул я, охваченный смутным предчувствием. – Не хочешь ли ты сказать, что она – твоя невеста?

– Так и знал, что ты удивишься! Я жил у старой тетушки в местечке Петерхед в Абердиншире, а они тоже приехали туда – кого-то навестить. Нашлись общие друзья, и мы вскоре познакомились. Выяснилось, что ее помолвка – просто ложная тревога, ну и... Сам понимаешь, в такую девушку нельзя не влюбиться, да еще в этакой глухомани. Нет-нет, не подумай, что я сожалею, – добавил он поспешно. – Я не сглазил и не поспешил. Наоборот, с каждым днем восхищаюсь и влюбляюсь все больше. Вот я вас скоро познакомлю, и ты оценишь ее сам.

Я выразил полную готовность познакомиться с его невестой. Говорил я – по возможности – непринужденно, но на самом деле был глубоко встревожен и огорчен. Слова Ривза, ужасная судьба бедняги Прескотта – все вдруг всплыло в памяти, соединилось, и, без видимой причины, я ощутил смутный страх и недоверие к мисс Норткот. Быть может, именно из-за этого глупого предубеждения все ее поступки и слова стали укладываться для меня в некую надуманную дикую схему. По-вашему, я заранее настроился на поиски зла? Что ж, каждый вправе считать, как хочет.

88

Спустя несколько дней я, в сопровождении Каулса, отправился с визитом к мисс Норткот. В Аберкромби нас оглушил истошный собачий визг. При подходе к дому обнаружилось, что визг доносится именно отсюда. Нас провели наверх, и Каулс представил меня старой тетушке, миссис Мертон, и своей невесте. Неудивительно, что мой друг совсем потерял голову – девушка была необыкновенно хороша. Сейчас на ее щеках проступил румянец, в руке она сжимала толстую собачью плетку. У стены, поджавши хвост, поскуливал маленький скотч-терьер, его-то визг мы, похоже, и слышали с улицы. Очевидно, побои привели псика в совершенное смирение.

Когда мы уселись, мой друг укоризненно заметил:

– Кейт, ты, я вижу, опять повздорила с Карло.

– Ну на сей раз слегка, – сказала она, очаровательно улыбнувшись. – Он симпатяга и всем был хорош... Впрочем, острастка никому не помешает. – И, повернувшись ко мне, добавила: – Плетка любому полезна, не так ли, мистер Армтейж? Чем после смерти ждаты кары за содеянное, не лучше ли сразу получать нагоняй за каждый проступок? Тогда и люди, верно, стали бы куда осмотрительней.

Я поневоле согласился.

– Только представьте! Поступает человек дурно, и тут же одна гигантская рука хватает его покрепче, а другая хлещет и хлещет кнутом, пока человек не обезумеет от боли... – Плетка в

ее руке со зловещим свистом рассекал воздух. — Это подействует на людишек почище заумных нравоучений.

— Ты сегодня чересчур кровожадна, Кейт, — заметил мой друг.

— Ну что ты, Джек, — рассмеялась она. — Я всего лишь предлагаю мистеру Армитейжу поразмыслить над моей идеей на досуге.

Тут они принялись вспоминать о днях, проведенных в абердинской глуши, а я смог, наконец, рассмотреть миссис Мертон, которая во время нашей краткой беседы не проронила ни слова. Старушка была престранная. Прежде всего в ней поражала совершенная блеклость, полное отсутствие иных тонов: абсолютно седые волосы, бледное лицо, бескровные губы. Даже глаза голубели слабо, не в силах оживить общей мертвенной бледности, которой под стать было и серое шелковое платье. На лице ее отпечаталось какое-то особое выражение, но определить его я пока затруднялся.

Она сидела с работой, плела старомодные кружева, и от движения рук ее платье шуршало сухо и печально, точно листья в осеннем саду. От нее веяло чем-то скорбным, гнетущим. Придвинувшись вместе со стулом поближе, я спросил, нравится ли ей в Эдинбурге и как долго она здесь прожила.

Поняв, что я обращаюсь к ней, старушка вздрогнула и взглянула на меня с испугом. Я вдруг понял, что за выражение не сходило с ее лица, какое чувство постоянно владело ею. Это был страх. Жуткий всепоглощающий страх. Он отпечатался на лице старушки явственно — я мог бы поклясться, что когда-то она испугалась так сильно, что не знала с тех пор иных, кроме страха, чувств.

— Да, мне тут нравится, — ответила она тихо и робко. — Мы были долго, то есть не очень долго... Мы вообще постоянно ездим, — неуверенно добавила она, словно боясь выдать какую-то тайну.

— Вы ведь, насколько я понимаю, родом из Шотландии? — спросил я.

— Нет, то есть — не вполне. У нас вообще нет родины. Мы, знаете ли, космополиты. — Она оглянулась на стоявшую у окна мисс Норткот, но влюбленные были поглощены друг другом. И тут старушка неожиданно наклонилась ко мне и чрезвычайно серьезно шепнула:

— Пожалуйста, не говорите со мной больше. Она этого не любит. Я еще поплачусь за наш разговор. Пожалуйста...

Я хотел было выяснить причину столь непонятной просьбы, но увидев, что я снова собираюсь к ней обратиться, старушка поднялась и неспешно вышла из комнаты. Разговор за моей спиной тут же оборвался, и я почувствовал на себе пронзительный взгляд серых глаз.

— Простите тетушку, мистер Армитейж, — произнесла мисс Норткот. — Она у меня со странностями и к тому же быстро утомляется. Взгляните лучше на мой альбом.

И мы принялись рассматривать фотографии. Ни мать, ни отца мисс Норткот не отличала та особая печать, которая лежала на челе их дочери. Зато мое внимание привлек один старый дагерротип — лицо весьма красивого мужчины лет сорока. Чисто

выбритый, тяжелый, властный подбородок, резко очерченные упрямые губы... Безупречную внешность портили лишь чересчур глубоко посаженные глаза и по-змеиному сморщенный лоб. Я, не удержавшись, воскликнул:

– Вот ваш истинный предок, мисс Норткот!

– Вы полагаете? – Она вздернула брови. – Боюсь, это сомнительный комплимент. Дядю Энтони в нашей семье ни в грош не ставили.

– Неужели? Что ж, простите великодушно.

– Извиняться вовсе не за что. Я-то уверена, что все мои родственнички, вместе взятые, и мизинца его не стоят. Он был офицером в 41-м полку и погиб на персидской войне. Во всяком случае, умер вполне достойно.

– Вот о какой смерти можно мечтать! – сверкнул глазами Каулс. – Жаль, что я выбрал никому не нужные градусники и клизмы и не пошел по стопам отца. Лучшая смерть – в бою.

– Бог с тобой, Джек, тебе еще очень далеко до смерти, – сказала она, нежно взяв его за руку.

Я положительно не мог в ней разобраться. Смесь мужской решительности и женской слабости, да еще нечто совершенно свое, особое, какая-то загадка... Потому я и затруднился ответить, когда Каулс по дороге домой задал вполне естественный вопрос:

– Ну что ты о ней думаешь?

– Что она удивительно красива, – ответил я уклончиво.

– Разумеется! – вспыхнул мой друг. – Но это ты знал и прежде.

– Кроме того, она очень умна, – продолжил я.

Баррингтон Каулс промолчал, а потом внезапно спросил:

– А она не жестока? Тебе не показалось, что ее радует чужая боль?

– Ну знаешь, об этом мне пока трудно судить.

Мы снова замолчали.

– Старая дура... – пробормотал вдруг Каулс. – Совсем из ума выжила.

– Ты о ком? – спросил я.

– О тетке, конечно, о миссис Мертон или как там ее...

Я понял, что моя бесцветная бедняжка обращалась со своей просьбой и к нему, но о предмете разговора Каулс не обмолвился ни словом.

В тот вечер мой друг ушел спать прежде меня, а я долго еще сидел у камина, перебирая все увиденное и услышанное. Я чувствовал, что в девушке есть какая-то тайна, какое-то темное начало, ускользающее, непостижимое. Вспомнилась встреча Прескотта с невестой накануне свадьбы и трагическая развязка. В моих ушах зазвучал пьяный вопль бедняги Ривза: «Отчего она не призналась раньше?» И остальное, что он рассказывал, вспомнилось тоже. А потом всплыл боязливый шепот миссис Мертон, бормотанье Каулса и – наконец – плетка над съезжившейся, визжащей собачонкой.

В целом все это складывалось в весьма неприятную картину, но в то же время обвинить девушку было не в чем. И по меньшей мере бесполезно предостерегать друга, если толком не знаешь,

от чего. Он с негодованием отвергнет любое обвинение в адрес невесты. Что же делать? Как разобраться в ее характере, как узнать о ее родне? В Эдинбурге они чужаки, прежде их тут никто не знал. Девушка – сирота, откуда приехала, неизвестно. И вдруг меня осенило. Среди отцовских друзей был некий полковник Джойс, который довольно долго прослужил в Индии, в штабе. Он наверняка знает офицеров, служивших там после Восстания. И я, придвинув лампу, незамедлительно принялся за письмо к полковнику. Внешность капитана Норткота я описал очень подробно – насколько позволил несовершенный дагерротип, и добавил, что служил он в 41-м полку и пал на персидской войне. Об этом человеке меня интересовало все, совершенно все. Написав конверт, я в тот же вечер отослал письмо и улегся спать с сознанием выполненного долга. Впрочем, события эти так меня растревожили, что я долго еще ворочался без сна.

II

Ответ из Лестера, где проживал по выходе на пенсию полковник Джойс, пришел спустя два дня. Вот это письмо, передо мной, и я привожу его дословно.

«Дорогой Боб! Помню его прекрасно! Мы встречались в Калькутте и позже – в Хайдерабаде. Занятный был человек, держался особняком, но солдат хороший – отличился при Собраоне и, если мне не изменяет память, даже был ранен. В полку его не любили, считали чересчур хладнокровным, безжалостным, жестоким. Ходили слухи, будто он слуга дьявола или кто-то в этом роде, что у него дурной глаз и прочее, и прочее. Были у него, помнится, прелюбопытные идеи о силе человеческой воли, о воздействии мысли на материальные предметы.

Как твои успехи на поприще медицины? Не забывай, мой мальчик, что сын твоего отца может располагать мною всецело, буду рад служить тебе и впредь.

С неизменной любовью

Эдвард Джойс.

Кстати, Норткот вовсе не пал в бою. Уже после подписания мирного договора этот безумец пытался украсть огонь из храма солнцепоклонников и погиб при не вполне ясных обстоятельствах».

Я перечел это послание несколько раз, сначала – удовлетворенно, потом – разочарованно. Информация интересная, но я ждал чего-то совсем иного. Норткота считали эксцентричным человеком, слугой дьявола, боялись его сглаза. Что ж, взгляд племянницы, холодный, стальной, недобро мерцающий, вполне может навлечь любую беду, любое зло. Но мои ощущения ничего не доказывают. А нет ли в следующей фразе более глубокого смысла? «... идеи о силе человеческой воли, о воздействии мысли на материальные предметы». Когда-то и я читал подобный трактат, об особых способностях некоторых людей, о воздействии на расстоянии. В ту пору, однако, я счел это попросту шарлатанством. Быть может, мисс Норткот тоже наделена выдающимися способностями такого рода? Эта идея укоренилась во мне крепко, а вскоре я получил явное подтверждение своей правоты.

Как раз в ту пору я наткнулся в газете на объявление: к нам едет доктор Мессинжер, известный медиум и гипнотизер – из тех, чье искусство не отрицают даже знатоки и разоблачители всевозможных трюков. Он считался крупнейшим из современных авторитетов в области живого магнетизма и электробиологии. Я твердо решил посмотреть, на что же способна его воля – там, под лучами прожекторов, на глазах у сотен людей. И мы с несколькими однокурсниками отправились на премьеру.

Билеты купили загодя, в боковую ложу; когда приехали, представление уже началось. Не успел я сесть, как увидел внизу, в третьем или четвертом ряду партера, Баррингтона Каулса с невестой и старой миссис Мертон. Они меня тоже заметили, мы раскланялись. Первая половина лекции была вполне банальна: пара расхожих трюков, несколько гипнотических воздействий – на собственного ассистента. Нам продемонстрировали и ясновидение: введя ассистента в транс, доктор заставил его подробно рассказать, что делают отсутствующие друзья и где находятся спрятанные предметы. Сеанс шел гладко, ничего нового для себя я пока не видел. Когда же он начнет гипнотизировать кого-нибудь из публики?

Мессинжер приберег это под конец.

– Вы убедились, что загипнотизированный человек полностью попадает под власть гипнотизера. Он начисто лишается волеизъявления; воля властелина диктует все, вплоть до мыслей, которые рождаются в вашей голове. Подобных результатов можно достичь и вне специальных гипнотических сеансов. Даже на расстоянии сильная воля способна поработить слабую, подчинить себе ее желания и поступки. И если бы на земле, допустим, нашелся человек с волей, на порядок более сильной, нежели у нас с вами, он вполне мог бы править миром; и люди стали бы марионетками в его руках. К счастью, сила человеческой воли имеет природный потолок, и относительно этого потолка все мы сильны, а вернее, слабы одинаково... Так что подобная катастрофа человечеству пока не грозит. Однако в определенных, весьма узких пределах людская воля все же бывает сильнее и слабее. Поэтому-то столь велик интерес к моим сеансам. Итак, сейчас я заставляю – да-да, заставляю усилием воли – кого-нибудь из публики выйти на сцену. И человек этот будет делать и говорить только то, что пожелаю я. Предварительный стговор совершенно исключается, и, поверьте, избранного мною человека ничего не будет подстегивать, кроме моей воли.

С этими словами Мессинжер подошел к самому краю сцены и оглядел первые ряды партера. Крайняя возбудимость и впечатлительность, отличавшие Каулса, несомненно, отражались на его смуглом нервном лице, в его пылающем взоре, и, мгновенно выделив его, гипнотизер глянул Каулсу прямо в глаза. Мой друг удивленно вздрогнул и уселся плотнее, точно решив ни за что не поддаваться гипнотизеру. На сцене же стоял Мессинжер – на вид самый обычный, ничем не выдающийся человек, но напряженный взгляд его был тверд и неумолим. И вот, под этим взглядом, Каулс несколько раз дернулся, точно пытаясь удержаться напоследок за подлокотники кресла, затем приподнялся... И –

палохнулся обратно, совершенно без сил. Я следил за ним неотрывно, но вдруг обратил внимание на мисс Норткот. Она не сводила с гипнотизера стального, пронзительного взгляда. Такого неистового порыва воли я не видел никогда и ни у кого. Зубы, сжатые до скрежета, плотно сомкнутые губы, лицо словно окаменевшее, беломраморное, прекрасное. А серые, холодно мерцающие из-под сдвинутых бровей глаза все сверлили и сверлили Мессинжера.

Я перевел взгляд на Каулса: вот сейчас он встанет, сейчас подчинится воле гипнотизера. Вдруг со сцены донесся вскрик, отчаянный вскрик сдавшегося, обессиленного в долгой борьбе человека. Мессинжер, весь в поту, рухнул на стул и, прикрыв рукой глаза, произнес:

— Я не могу продолжать. Здесь, в зале, есть воля сильнее моей. Она мешает. Простите... Сеанс окончен.

Гипнотизер был в ужасном состоянии. Занавес упал, и публика стала расходиться, бурно обсуждая неожиданное бессилие Мессинжера.

Я дождался Каулса и его спутниц на улице. Мой друг радовался неудаче гипнотизера.

— Боб, со мной у него не вышло! — торжествующе воскликнул он, пожимая мне руку. — Не по зубам оказался орешек!

— Еще бы! — подхватила мисс Норткот. — Джеку есть чем гордиться. У него очень сильная воля, правда, мистер Армитейж?

— Но и мне туго пришлось, — продолжал Каулс. — Несколько раз показалось — все, силы кончились. Особенно перед тем, как он сдался.

Вместе с Каулсом я отправился провожать дам. Он шел впереди, поддерживая миссис Мертон, мы с девушкой оказались сзади. Сначала шли молча, а потом я вдруг резко, вероятно даже испугав ее, произнес:

— Мисс Норткот, а ведь это сделали вы!

— Что именно?

— Загипнотизировали гипнотизера. Иначе, наверное, и не скажешь.

— Что за нелепость? — засмеялась она. — Вы, значит, полагаете, будто у меня сильная воля?

— Да. И очень опасная.

— Чем же она опасна? — удивилась мисс Норткот.

— Я полагаю, что любая чрезмерная сила опасна, если использовать ее во зло.

— Вы, мистер Армитейж, из меня какое-то чудовище делаете, — сказала она. — Вы меня не любите. И всегда в чем-то подозревали, не доверяли, хотя я никакого повода не давала.

Обвинение было настолько неожиданным и точным, что я не нашелся, как возразить ей. Она же, помолчав, сказала жестко и холодно:

— Не вздумайте вмешиваться в мою жизнь, мистер Армитейж. И не вздумайте из предубеждения настраивать против меня вашего друга. Не стоит ссорить нас с мистером Каулсом, ни к чему хорошему это не приведет.

В ее словах, в звучании ее голоса слышалась явная угроза.

– Вмешаться не в моей власти, но я боюсь за друга, – ответил я. – То, что я видел и слышал, дает веские основания для страха.

– Ох уж эти страхи... – сказала она презрительно. – Что, интересно, вы видели и слышали? Что-нибудь от мистера Ривза? Он ведь тоже, кажется, ваш друг?

– Ривз никогда не упоминал при мне вашего имени, – произнес я, ничем не погрешив против истины. – Кстати, должен сообщить вам печальную новость – он при смерти.

И я взглянул на девушку: проверить, какое впечатление произвели мои слова. Мы как раз проходили мимо окон, свет падал на лицо мисс Норткот. Она смеялась! Да-да, тихонько смеялась, лицо ее сияло неприкрытой радостью. Тут я испугался уже не на шутку и с этой минуты не доверял ни единому слову мисс Норткот.

До дома дошли молча. Прощаясь, она взглянула на меня предостерегающе. «Не вздумайте мешать мне, это опасно», – читалось в ее взгляде. Однако меня не остановили бы никакие угрозы, если бы имелся очевидный способ защитить Баррингтона Каулса. Но какой? Рассказать ему? О чем? Что женихов этой девушки преследует злой рок? Что его невеста жестока? Что в ней таится сверхчеловеческая воля? Для страстно влюбленного Каулса все это звучит мелочи. Человек такого склада просто не поверит, что его любимая виновата или нехороша. И я молчал.

В рассказе моем наступает перелом. Все, описанное доселе, основано на предположениях, логических рассуждениях и выводах. А теперь я, уже как непосредственный свидетель, обязан бесстрастно и точно описать смерть моего друга и то, что ей предшествовало.

В конце зимы Каулс заявил, что хочет жениться на мисс Норткот не откладывая, вероятно – весной. Он, как я уже говорил, был вполне состоятельным человеком, у невесты его тоже имелись сбережения. Причин для отсрочки не было.

– Мы снимем домик на Косторфайне и надеемся, что ты нет-нет, да и заглянешь на огонек, – сказал он мне.

Я поблагодарил, отгоняя дурные предчувствия и убеждая себя, что все обойдется.

Недели за три до свадьбы Каулс предупредил меня, что вернется за полночь.

– Кейт прислала записку. Просит зайти вечером, часов в одиннадцать. Поздновато, конечно, но она, должно быть, хочет обсудить что-нибудь по секрету от старушки.

Каулс ушел. Лишь тогда я вспомнил о таком же ночном разговоре мисс Норткот с беднягой Прескоттом – как раз перед его самоубийством. Вспомнился мне и горячечный бред Ривза, о смерти которого, по трагическому совпадению, я узнал именно в тот день. Что же все это значит? Быть может, у прекрасной ведьмы есть какой-то секрет, который она непременно раскрывает накануне свадьбы? А может, ей запрещено выходить замуж? Или на ней нельзя жениться? Меня снедало беспокойство. Я наверняка догнал бы Каулса и попытался отговорить его от встречи с не-

вестой – пускай даже с риском потерять его дружбу, – но, взглянув на часы, понял, что опоздал.

Я решил не ложиться, а дождаться его возвращения. Подбросил угля в камин, снял с полки какой-то роман... Вскоре, однако, отложил книгу, собственные мысли, тревожные и гнетущие, занимали меня куда больше. Двенадцать, половина первого, Каулс все нет. Наконец, уже около часа ночи, с улицы донесли шаги, потом раздался стук в дверь. Я удивился: мой друг никогда не выходил без ключей. Поспешив вниз, я распахнул дверь и понял, что сбылись мои худшие опасения. Баррингтон Каулс стоял, прислонясь к перилам лестницы, низко опустив голову – в полнейшем отчаянии. Переступая порог, он пошатнулся и упал бы, не обхвати я его за плечи. Так, одной рукой поддерживая друга, сжимая фонарь в другой, я довел Каулса до нашей гостиной. Он молча повалился на кушетку. Здесь было светлее, чем на лестнице, и, взглянув на друга, я ужаснулся разительной перемене, происшедшей с ним за эти часы. Лицо, даже губы – мертвенно-бледные, щеки и лоб в липком поту, взгляд блуждает – короче, другой человек! Он словно пережил какое-то страшное потрясение, глубоко поколебавшее самые глубины его разума и чувств.

– Милый друг, что случилось? – отважился я нарушить молчание. – Надеюсь, ничего ужасного? Ты здоров?

– Бренди! – выдохнул он наконец. – Налей мне бренди!

Не успел я достать графин, как он выхватил его трясущейся рукой и плеснул себе в стакан чуть не половину. Обыкновенно он был весьма воздержан, но сейчас выпил бренди залпом, не разбавляя. Похоже, спиртное придало ему сил, щеки слегка порозовели. Каулс приподнялся на локте.

– Свадьбы не будет, – сказал он с нарочитым спокойствием. Впрочем, голос его заметно дрожал. – Все кончено.

– Ну и не грусти! – попытался я ободрить его. – У тебя вся жизнь впереди. А что, собственно, случилось?

– Что случилось? – простонал он, закрывая лицо руками. – Боб, ты не поверишь. Это слишком страшно, слишком ужасно... невысказанно... непостижимо... – Он горестно замотал головой. – Ох, Кейт, моя Кейт! Я считал тебя ангелом во плоти, а ты...

– А ты? – повторил я. Мне очень хотелось, чтобы Каулс договорил.

Он посмотрел на меня отрешенно и вдруг воскликнул:

– Чудовище! Исчадие ада! Вампир, прикинувшийся ангелом! Боже, Боже, прости меня... – Он отвернулся к стене. – Я и так сказал слишком много. Но я люблю ее и не в силах ее проклясть.

Умолкнув, Каулс лежал теперь неподвижно, и я было обрадовался, что алкоголь его усыпил. Вдруг он повернулся ко мне.

– Слышал когда-нибудь про оборотней? – спросил он.

– Слышал.

– Знаешь, у Марриета в одной книге есть прекрасная женщина – она ночью превратилась в волка и сожрала собственных детей. Интересно, откуда он взял этот сюжет?

Мой друг, глубоко задумавшись, снова умолк. Потом попросил еще бренди. Под рукой у меня оказался опий, и, наливая

бренди, я щедро подмешал туда порошка. Каулс выпил и снова уткнулся головой в подушку.

— Что угодно, только не это... — простонал он. — Смерть и то лучше... Какой-то замкнутый круг: жестокость, преступление, снова жестокость... Все, что угодно, только не это, — повторял он монотонно. Наконец слова стали неразличимы, веки его сомкнулись, и Каулс погрузился в тяжелый сон. Я бережно перенес его в спальню и, соорудив себе лежанку из стульев, провел возле него всю ночь.

Проснулся Баррингтон Каулс в сильнейшем жару. Многие недели был он между жизнью и смертью. Его лечили все медицинские светила Эдинбурга, и сильный, крепкий организм Каулса одолел болезнь. Все это время я не отходил от его постели, но даже в самом бессвязном бреду с его губ не слетело ни слова, открывшего бы мне тайну мисс Норткот. Иногда он произносил ее имя — нежно и благоговейно. Иногда же опять восклицал: «Чудовище!» и отталкивал ее, невидимую, точно спасаясь от цепких рук. Несколько раз говорил, что не продаст душу за красоту. Чаще же всего он жалобно повторял: «Но я люблю ее, люблю... Я не смогу разлюбить...»

Мой друг выздоровел, но это был уже не прежний Каулс, а совершенно иной человек. Лишь глаза на изможденном долгой болезнью лице блестели по-прежнему, пылали из-под темных густых бровей. Каулс стал эксцентричен, непредсказуем: то раздражался беспричинно, то невпопад хохотал. Прежней естественности не было и в помине. Порой он испуганно озирался, но, похоже, и сам не сказал бы определенно, чего все-таки боится. Имя мисс Норткот больше не упоминалось — ни разу до того рокового вечера.

Я же все пытался отвлечь друга от печальных мыслей, разнообразить его впечатления: мы облазили все живописные уголки в горах Шотландии и все восточное побережье. Однажды нас занесло на остров Мей, что отделяет Ферг-оф-форте от моря. Туристский сезон еще не начался, на острове, голом и пустынном, оставались лишь смотритель маяка да несколько бедных рыбацких семей; рыбаки пробавлялись жалким уловом, который приносили сети, и ловили на мясо бакланов и прочих морских птиц.

Это унылое место буквально заворожило Каулса, и мы недели на две сняли комнатенку в рыбацкой хижине. Я сразу заскучал, зато на моего друга одиночество явно оказывало благотворное действие. Отступила постоянная ныне настороженность, он ожил, стал слегка походить на себя прежнего. Целыми днями бродил по острову, взбирался на вершины громадных прибрежных утесов и смотрел на зеленые валы, то накатывающие с ревом, то разбивающиеся на тысячи брызг у его ног.

Однажды вечером, на третий или четвертый день нашего пребывания на острове, мы с Баррингтоном Каулсом вышли перед сном подышать — комната наша была мала, к тому же чадила лампа, и духота стояла одуряющая. Тот вечер мне запомнился до мельчайших подробностей. Надвигался шторм, с северо-

запада гнало черные тучи, луна струила бледный свет на изрытую непогодой землю и беспокойное море.

Мы беседовали в трех шагах от дома; казалось, к Каулсу возвращается прежняя жизнерадостность. Но не успел я подумать, что друг мой, наконец, оправился от болезни, как вдруг он вскрикнул испуганно, и на лице его, освещенном луной, отразился неизъяснимый ужас. Глаза неотрывно глядели на что-то невидимое, оно явно приближалось, и Каулс указал длинным дрожащим пальцем.

– Смотри! Это она! Она! Видишь, там, на склоне! – Он ухватил меня за запястье. – Видишь? Вон же она, идет прямо к нам!

– Кто?! – Я отчаянно вглядывался в темноту.

– Она... Кейт! Кейт Норткот! – выкрикнул он. – Она пришла, пришла за мной! Не отпускай меня, друг! Держи крепче!

– Да будет тебе, старина, – сказал я бодро, хлопнув Каулса по плечу. – Очнись! Бояться нечего, тебе померещилось.

– Ушла... – Он с облегчением вздохнул. – Ах нет, вон же она, все ближе, ближе!.. Прозилась ведь, что придет за мной. Она сдержала слово.

– Пойдем-ка в дом, – сказал я, взяв его за холодную, как лед, руку.

– Я так и знал! – закричал он. – Вот она, совсем близко, машет, зовет меня... Это знак. Я должен идти. Я иду, Кейт! Иду...

Я вцепился в него обеими руками, но Каулс стряхнул меня, точно букашку, и ринулся в темноту. Я поспешил следом, умоляя Каулса остановиться, но он бежал все быстрее. Меж туч проглянула луна, и я увидел его темный силуэт: мой друг бежал прямо, куда не сворачивая, точно стремясь к невидимой цели. А вдали – если это только не игра воображения – я различил в неверном свете призрачное нечто, оно ускользало от Каулса и манило его за собой все вперед и вперед. Вот силуэт Каулса явственно отпечатался на фоне неба: он застыл на миг на вершине холма и – стинул. Больше Баррингтона Каулса не видели на этом свете.

Мы с рыбаками прочесывали остров ночь напролет, облазили все гроты и бухточки, но мой бедный друг как сквозь землю провалился. Убежал он в сторону острых прибрежных утесов, круто обрывающихся к морю. Земля тут на самом краю осыпалась, сбитая, похоже, ногой человека. Мы подползли к обрыву и, свесив фонари, заглянули вниз, в двухсотфутовую пропасть с бурлящей на дне пеной. И оттуда вдруг, сквозь рев шторма и вой ветра, до нас донесся дикий, безумный звук. Рыбаки, народ суеверный, божились, что это женский смех. Сам я думаю, что кричала какая-то морская птица, вспугнутая с гнезда светом фонарей. Так или иначе, звук был ужасен – не приведи Бог услышать такое снова.

Моя печальная повесть подошла к концу. Говорить о смерти Баррингтона Каулса безмерно тяжело, но я тем не менее постарался описать эту смерть и все, что ей предшествовало, с максимальной достоверностью и точностью. Уверен, что многие не найдут в моей истории ничего примечательного. Вот, скажем, вполне прозаическая заметка, опубликованная в газете «Шотландец» через день после трагедии:

«Печальное происшествие на острове Мей. — Остров Мей стал свидетелем весьма печального происшествия. В этом отдаленном уголке поправлял здоровье мистер Джон Баррингтон Каулс. Он был широко известен в университетских кругах как один из наиболее талантливых студентов, обладатель приза Нила Арнота за успехи на поприще физики. Позапрошлой ночью мистер Каулс неожиданно оставил своего друга, мистера Роберта Армитейжа, и скрылся. С тех пор о нем ничего не известно. Предполагают, что он сорвался в море с прибрежных скал. Сомнений в этом, увы, почти нет. В последнее время мистер Каулс не отличался крепким здоровьем, здесь сыграли свою роль и переутомление, и семейные волнения. Ранняя смерть унесла одного из самых многообещающих студентов нашего университета».

Мне добавить больше нечего. Камень с души сброшен: теперь вы знаете все, что прежде знал только я. И вряд ли кто — по зрелому размышлению — отважится обвинить мисс Норткот в смерти Баррингтона Каулса. Если человек от природы впечатлителен, если он говорит несусветные вещи, совершает немислимые поступки, если он, жестоко разочаровавшись, в конце концов кончает жизнь самоубийством, нет никаких оснований обвинять в его смерти любимую им девушку. Так скажут многие, и переубедить их я не стану. Но я эту женщину обвиняю. Именно она убила Уильяма Прескотта, Арчибальда Ривза и Джона Баррингтона Каулса. Я в этом уверен абсолютно — как если бы видел, что она всаживает каждому острый кинжал прямо в сердце.

Вы, разумеется, попросите объяснений. У меня их нет. Лишь смутно, на ощупь, могу я искать разгадку. Очевидно, мисс Норткот обладала необычайной способностью поработать людей, подчиняя себе их волю и тело. Очевидно также, что — сообразно своей натуре — она использовала свою власть над ближними ради низких и жестоких целей. Полагаю, что за всем этим кроется некая чудовищная, ужасная тайна, та самая тайна, которую она обязана была, согласно непреложному правилу, открыть перед свадьбой. Тайна была воистину ужасна: всех троих женихов вызвала мисс Норткот на роковой разговор, и все трое, влюбленные без памяти, отвортились от невесты, узнав ее страшный секрет. К трагедиям же, на мой взгляд, привела месть. Девушка предательства не прощала и сразу предупреждала, что будет мстить — это явствует из слов Ривза и Каулса. Вот и все. Факты изложены строго по порядку.

Мисс Норткот я с тех пор не встречал, да мне, откровенно говоря, и не хочется ее видеть. Если же печальная повесть о смерти моего бедного друга послужит кому-то уроком, если хоть одну человеческую жизнь удастся уберечь от блеска глаз этой женщины, от ее магической красоты, я откладываю перо со спокойной душой — я потрудился не зря.

ГАЛИНА БРЫНЦЕВА

БРАК В ЗАКОНЕ

Собираетесь в загс?
Прочитайте Семейный кодекс!

Из всех существующих в российском законодательстве сводов законов Кодекс о браке и семье (КоБС), пожалуй, более других мог бы претендовать на звание «книжки для домашнего чтения»: любой из нас в том или ином качестве является субъектом брачно-семейных отношений. Но каждому ли случилось (если вообще случилось) заглядывать в Кодекс? К чему? Если и так все, как в таблице умножения, известно. Хочешь жениться —

ступай в загс. Развелся — плати двадцать пять процентов зарплаты бывшей супруге и матери твоего ребенка. КоБС, принятый в 1969 году, по которому все мы жили двадцать семь лет, не претерпел за это время никаких изменений.

Зато очень менялась в последние годы сама жизнь россиян, и ее новые реалии все менее переставали соответствовать старым законам. Потому Государственной Ду-

Семейные люди

мой был принят и с 1 марта этого года введен в действие новый Семейный кодекс Российской Федерации. Наш совет, читатель, ознакомьтесь с ним самым внимательным образом, если еще не успели это сделать: его законы, регулирующие брачно-семейные отношения россиян, принципиально отличаются от тех, по которым мы привычно жили до марта девяносто шестого.

Всего новый Кодекс содержит 170 статей. О некоторых, затрагивающих интересы большинства граждан, и пойдет речь...

Похвальное слово «штампу в паспорте»

Спросите у сияющих жениха и невесты на пороге загса или Дворца бракосочетаний, почему они пришли сюда? «Да потому, что мы любим друг друга!» — воскликнет он. «Мы хотим создать семью», — добавит в силу женского практицизма она. И — ошибутся оба! Потому что на счастливом этом пороге они оказались, следуя законодательной норме о порядке и условиях заключения брака. Ведь любить друг друга и даже создать семью они, конечно, могли бы, и не прибегая к «официальному протоколу о намерениях»: браки, и в самом деле, совершаются на небесах. А вот официально регистрируются они на земле, в государственных учреждениях. Поскольку поэтическая фраза о небесном происхождении брачных союзов, хотя и красива, но для жизни на грешной земле малопрактична; существуют ведь, увы, и разводы с разделом нажитых детей, жилья и имущества; и не всегда по Божеским законам складываются взаимоотношения между детьми и родителями; и острые коллизии, свя-

занные с наследственным правом, случаются весьма часто. Все эти житейские «увы» гарантированно регулируются лишь законами земными. И лишь тогда, когда брак — этот краеугольный камень любого брачно-семейного законодательства — официально зарегистрирован в государственном учреждении.

Основные принципы заключения браков, создания семьи и построения семейных отношений в новом Семейном кодексе (СК) остались прежними: добровольность, единобрачие, равенство прав супругов. Как и раньше, закон на первое место ставит защиту прав и интересов детей и нетрудоспособных членов семьи.

Черновыи и гражданский брак как были, так и оставлены в новом Кодексе вне закона. Не говоря уж о браке гомосексуальном. (Хотя, как призналась в беседе со мной руководитель группы разработчиков семейного законодательства, кандидат юридических наук, сотрудница Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Ирина Кузнецова, некоторые депутаты-законодатели пытались замолвить за него слово). То есть супруги, не пожелавшие руководствоваться при создании семьи статьей 1.2 Семейного кодекса («Признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния»), не могут рассчитывать и на другие его статьи, гарантирующие защиту прав и интересов каждого из них.

Например, на статью 90 СК о праве бывшего супруга получать алименты после расторжения брака (речь идет не о «детских» алиментах). Статья перечисляет случаи, в которых один из разведенных супругов обязывается законом выплачивать алименты другому. Представьте, к примеру, такую житейскую ситуацию: Олег и Ирина

развелись, а через некоторое время (в течение года, сказано в законе) после расторжения брака Ирина тяжело заболела. Пенсии по инвалидности на жизнь явно не хватит, рассчитывать на помощь родственников она не может. Зато законом ей гарантировано право на получение алиментов от бывшего мужа — если не по добровольному его согласию, то по решению суда.

«Жизнь прожить — не поле перейти» — мысль эта сколь банальна, столь и справедлива. Поэтому, наверное, все же неадекватны и неправы те, кто рассматривает пресловутый «штамп в паспорте» о регистрации брака как пустую формальность. Скорее его стоит сравнивать со страховым полисом. Действие которого, кстати, автоматически распространится и на будущих детей тех, для кого звучит сегодня Мендельсон.

Вася + Маша = контракт

Если основы семейного законодательства России остались неизменными, то механизмы их выполнения — и гражданами, и государством — изменились довольно существенно. Во-первых, они стали более соответствовать международным нормам. Во-вторых, дают большую свободу субъектам семейного права (так на языке юристов именуем все мы — мужья и жены, отцы и дети, деды и внуки...) самим договариваться и определять в специальных взаимных соглашениях свои правоотношения, а не вынужденно следовать, как было раньше, букве закона.

Но прежде расскажем все же о «новинках» в правилах вступления в брак: они, может, и не такие фундаментальные, но наверняка насаются или еще коснутся многих.

...Верочке шестнадцать лет исполнится в декабре. А рождать Верочке — в августе. Первый шок у ее родителей от известия о беременности дочери уже прошел. Утихла страсти и в доме восемнадцатилетнего Димки, с которым Верочка дружит около двух лет. Совместный семейный совет его и ее родителей решил: их будущий внук или внучка родится обязательно в браке, молодые должны расписаться и стать законными супругами. Однако начальница поселкового загса объяснила, что это совершенно невозможно: закон не позволяет вступать в брак пятнадцатилетним.

Случившаяся в прошлом году в одном из поселков Подмосковья жизненная история довольно узнаваема, не правда ли? Известно, что брачный возраст в России совпадает с возрастом гражданско-совершеннолетия и наступает с восемнадцати лет. По старому КоБСУ органы местного самоуправления при наличии особых обстоятельств были вправе снизить этот возрастной ценз на два года и дать разрешение на брак шестнадцатилетним. Новый Семейный кодекс оставляет такое положение на уровне федерального законодательства, однако дает право любому субъекту Федерации издать собственный законодательный акт, который позволит разрешать в особых случаях вступать в брак в четырнадцать-пятнадцать лет. И по мнению специалистов, очень многие субъекты РФ этим своим правом воспользуются: в последние годы в России наблюдается увеличение числа абортот среди несовершеннолетних девочек и родивших матерей-подростков моложе шестнадцати лет. Растет соответственно и количество обращений в местные администрации за разрешениями на браки несовершеннолетних.

Еще одно новшество в порядке вступления в брак: при особых об-

стоятельствах (невесте завтра рожать или жениху предстоит длительная и опасная командировка, или... да мало ли какие бывают в жизни «особые обстоятельства!») брак может быть зарегистрирован органами загса в день подачи заявления.

Кстати, теперь закон позволяет супругам не только выбрать в качестве общей фамилии добрачную фамилию мужа или жены, но и просто присоединить к «родной» фамилии ту, что носит другой. Такое соединение фамилий невозможно, лишь когда добрачная фамилия хотя бы одного из супругов уже была двойной.

Но, конечно, гораздо более принципиальным для многих решивших вступить в законный брак стало другое нововведение в российское брачно-семейное законодательство. В последние годы во многих газетах писали об экстравагантных экспериментах некоторых наших сограждан, которые на западный манер заключали меж собой брачные контракты. Все эти попытки «брачных революционеров» были очевидно провальными: ну не содержалось в отечественном законодательстве такой «цивильной» нормы, как брачное соглашение! А потому — хоть ты тридцать три контракта с будущим мужем заключи и у сорока нотариусов их заверь, в случае развода суд стал бы делить между бывшими супругами и жилье, и имущество, как положено по закону, а вовсе не так, как они договаривались. Даже в том случае, когда решение «по закону» в меньшей степени соответствует интересам обеих разводящихся сторон. Новый Семейный кодекс узаконил брачный контракт в России (в Кодексе он назван брачным договором).

Глава 8-я СК называется «Договорный режим имущества супругов» и целиком посвящена брачному договору: порядку его заключения (это можно сделать и до вступ-

ления в брак, и в любое время после; составляется он в письменной форме и обязательно подлежит удостоверению у нотариуса), содержанию (договариваться супруги могут лишь по вопросам имущественных отношений: определить права и обязанности по взаимному содержанию; участие в доходах друг друга; какие семейные расходы должен брать на себя каждый; как будет поделено в случае развода нажитое добро, недвижимость, дивиденды от размещенного капитала и т. д.), когда и каким образом договор может быть изменен или расторгнут, признан недействительным.

Семейный кодекс признает верховенство брачного договора над буквой закона. Это означает, что, решая, к примеру, вопрос о разделе имущества разводящейся пары, суд будет руководствоваться не нормами главы 7-й СК («Законный режим имущества супругов»), а положениями представленного брачного договора.

Говорят, что в западных европейских странах, откуда и пришел к нам брачный контракт, к его заключению прибегают всего пять процентов новобрачных — представители наиболее богатых кругов общества. Но, как всему миру известно, Россия — страна особенная, да и с крутыми «валютными» миллионерами у нас в последнее время все в порядке. Так что, вполне может статься, побьем мы и этот «западноевропейский показатель».

Мы с папой в разводе...

По старому семейному законодательству супруги, не имевшие общих несовершеннолетних детей, могли тихо и мирно расторг-

нуть свой бран в загсе. Но лишь в том случае, если им так же тихо и мирно удавалось поделить (ногда было что делить) и добро, и жилье. Если не удавалось — развестись приходилось в суде. Что при сложившейся в судах ситуации, разумеется, на долгие месяцы, а то и годы растягивало пытку развода. И вступить в новый бран с любимым человеком тоже оказывалось невозможно долгие месяцы, а то и годы. Иногда до убийств в подобных ситуациях граждане доходили!

А решение этой проблемы, найденное в новом Семейном кодексе, — просто, как все гениальное. Развестись такие пары в любом случае теперь могут в загсе, а уи свои имущественные споры станут решать затем в судебном порядке.

Расторгать брак супругов, имеющих несовершеннолетних детей, попрежнему будут судьи. Но! При обоюдном согласии мужа и жены на развод и по истечении месяца со дня подачи ими в суд заявления — никаких оттяжек, никаких сроков «для примирения», никаких вопросов о причинах несложившейся семейной жизни и копаний в грязном белье!

Если же один из родителей на развод не согласен, судья может дать супругам время на обдумывание и возможное примирение. Однако не полгода, как раньше, а не более трех месяцев.

Нога новый Семейный кодекс еще только готовился к рассмотрению в Думе (разработка проекта длилась более двух лет), его авторы, рассказывала Ирина Кузнецова, получили очень много нареканий, в которых отмечалось, что КоБС 1969 года, провозглашая равные права разведенных родителей на детей, в сущности никак не обеспечивал этого равенства тому из родителей, кто оказывался с детьми в разлуке и кому бывший

супруг чинил препятствия в общении с ними. Как правило, «потерпевшей стороной» в такой ситуации оказывались отцы. И никакие органы опеки и попечительства и даже выигранные суды не могли решить проблемы отцов, разлученных с собственными детьми. Да и как, спрашивается, могло остудить мстительность понинутой жены решение судьи наложить на нее мизерный штраф за чинимые бывшему мужу препятствия?

Вступивший в марте в действие Кодекс предусматривает возможность пересмотра в судебном порядке вопроса о месте жительства ребенка и передаче его другому родителю — в случаях наиболее злостного уклонения матери от обязанности предоставлять бывшему мужу возможность участвовать в воспитании сына или дочери.

Расторгнувших брачные отношения супругов, имеющих несовершеннолетних детей, связывают правовые отношения уже иного рода — алиментные. В старом Кодексе статьи, которые определяли порядок их установления и размер выплат, были, пожалуй, наиболее обильно политы женскими слезами. Впрочем, и мужскими зачастую тоже. Догматизм норм этих статей не могли поколебать ни обиды матерей, получавших копейки от бывшего мужа — вполне процветающего материально, но нашедшего способ искусственно снизить алименты. Ни отчаяние отцов, которым после выплаты трети заработка в преннюю семью с трудом удавалось свести концы с концами в нынешней, где тоже появились дети.

Поэтому раздел семейного законодательства, касающийся алиментных отношений, подвергся в новом Кодексе весьма решительным изменениям. Скажем о наиболее существенных.

Сегодня суды при установлении размеров алиментов могут прини-

мать гибкие решения, которые уже не надо втискивать в прокрустово ложе пресловутых двадцати пяти, тридцати трех или пятидесяти процентов. Долевой принцип в определении размеров выплат сохранен, но сами доли зависят не от единственного, как было, фактора — количества детей, на которых один бывший супруг платит другому алименты. Теперь судьи должны учитывать, например, и материальное положение того, с кем остались дети. Как и того, с кого взыскиваются средства на их содержание.

Представим таной, отнюдь в наши дни не исключительный сюжет. Мать, с которой живут двое ребятишек, владеет частным предприятием, и ее ежемесячный доход составляет несколько миллионов. Отец детей — врач районной поликлиники, и этим, какжется, все сказано. В такой ситуации судья вправе определить размер алиментов в количестве, скажем, двадцати (не тридцати трех, как раньше!) процентов.

А если бы у этого гипотетического алиментщика на руках была бы еще и престарелая мать, и ребенок от второго брака? «Теоретически, — сказала Ирина Музнецова, — алиментная доля может быть снижена судом до одного процента».

Поменяв в нашем сюжете профессиональные роли разведенных супругов (сделаем мать врачом, а отца — предпринимателем), можем предположить иное судебное решение: алиментные выплаты отца будут производиться со всех видов его дохода в размере тридцати пяти процентов. Возможен и другой вариант: алименты платятся в твердой денежной сумме. Причем определяется она не в рублях, а в том или ином количестве минимальных зарплат — этим автоматически обеспечивается ее последующая индексация.

По новому Кодексу суд может вынести в некоторых случаях и комбинированное решение: с фиксированного заработка отца удерживать алименты в долях—процентах, а с прочих доходов (например, дивидендов с акций предприятия или какой-то компании) — в твердой денежной сумме.

А вот продолжительность выплаты алиментов осталась прежней — до достижения ребенком совершеннолетия, то есть восемнадцати лет. Хотя разработчики пытались заложить в закон новую норму, которая обязала бы отцов поддерживать своих чад материально, если они студенты дневного отделения вуза, вплоть до получения ими диплома. Часть думских депутатов это поддержала, однако другая, большая (преимущественно мужская) — такое нововведение категорически отвергла.

Впрочем, наиболее трезво мыслящим и дальновидным родителям нынешнее семейное законодательство позволяет преодолеть таной депутатский консерватизм: достаточно будет включить соответствующий пункт в составленное ими и (обязательно!) заверенное у нотариуса взаимное соглашение об уплате алиментов.

Это еще одно принципиально новое положение законодательства, расширяющее право граждан самим решать, какие взаимоотношения их более устраивают и определять степень взаимобязанностей. Старый КоБС этого делать не позволял, так как нормы его законов носили строго императивный, обязательный и исполнению, харантер.

Соглашение об уплате алиментов по своей юридической силе приравнивается Семейным кодексом к судебному исполнительному листу. И так же, как и брачный договор имеет верховенство над буквой действующего закона — если только его условия не нарушают интересов ре-

бенка (или любого другого недееспособного члена семьи, на содержание которого выплачиваются алименты), а указанный в соглашении размер выплат не ниже того, что мог бы быть определен по букве закона в судебном порядке.

Родители детей самостоятельно договариваются, какой способ и порядок уплаты алиментов больше соответствует их взаимным интересам: будут ли это ежемесячные выплаты в виде твердой денежной суммы или процентной доли. Могут они решить и иначе: в счет алиментных выплат бывший супруг передаст матери своих детей на их содержание одновременно крупную денежную сумму или недвижимость (квартиру, дом, дачу, земельный участок...).

Ну а если тот, кто обязан платить алименты (по судебному ли исполнительному листу или по соглашению), этого не делает? Тогда по решению судьи судебный исполнитель производит взыскание алиментов из денежных средств неплательщика, которые он держит в банках, других кредитных учреждениях или разместил в каких-то коммерческих или некоммерческих структурах. В качестве уплаты задолженности по алиментным обязательствам может выступать и имущество должника.

Существуют и недобросовестные отцы, которые правдами и неправдами норовят скрыть свои доходы и пускаются на разнообразные хитрости, чтобы снизить размер алиментных выплат до минимума. Попробуйте-ка, к примеру, выяснить «для протокола», сколько зарабатывает в месяц тот же «челнок» или посредник-переносчик! И суммы, на которые нынешние отцы-алиментщики «наказывают» бывших жен (а, точнее, собственных детей), порой несопоставимы с теми грошами, что им удавалось утаивать еще года три-четыре назад. Легко понять чувства женщины, получающей по исполни-

тельному листу в наши дни 230 тысяч от бывшего мужа на содержание троих детей-подростков. И при этом знающей, что его реальные доходы от коммерческой фирмы, где он значится лишь как консультант, позволяют ему отдыхать на Канарах и ездить на «мерседесе». Поскольку именно он (а не некое подставное лицо) является подлинным владельцем фирмы.

Может ли закон помочь этой женщине, защитить интересы ее детей и, наконец, просто восстановить справедливость? Да, в соответствии со статьей 119 Семейного кодекса она вправе обратиться в суд с иском об изменении установленного ранее размера алиментов. Вот только, говоря юридическим языком, бремя доказывания истинного финансового и материального положения отца детей — в соответствии уже с Гражданским процессуальным кодексом — будет лежать на ней. Что, в принципе, возможно, имея она «лишних» пять-шесть миллионов — примерно столько понадобится для оплаты частного детектива...

Печально, конечно, но приходится признать, что такое восстановление справедливости сегодня по нормам лишь наиболее состоятельным. Впрочем, не во власти Семейного (равно как и любого другого) кодекса разрешать подобные нравственные противоречия: закон беспристрастно наделяет людей — богатых и бедных, злых и добрых, умных и недалеких — равными правами, но не в его, так сказать, «юрисдикции» наделять всех равными жизненными возможностями и умением теми правами пользоваться.

И все же, согласитесь, читатель: законы, обязанности, что они на нас возлагают, и права, которые они предоставляют нам, — лучше знать, чем не знать. А умение своими законными правами пользоваться — дело нелегкое, можно и научиться! Да и нужно уже: время пришло.

Между грустным и смешным

АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ

Актриса Раневская была щедро отмечена божественным даром быть на сцене и экране «не как все» и при этом магнетически притягивать к своим «созданиям» зрителей всех возрастов и социальных групп. Более всего ее дар проявлялся в свободе «публичного одиночества». Ортодоксальные правила поведения назались для нее смешны и нелепы прежде всего в той, к сожалению, немалой части, где личность онезывалась снованной в общении с себе подобными.

Еще молодой девушкой она впервые увидела в реальной жизни своего кумира – Константина Сергеевича Станиславского. Он ехал в пролетке по московскому переулку. Раневская выбежала на мостовую и помчалась следом, в восторге выкрикивая:

– Мальчик! Мальчик мой дорогой!..

Константин Сергеевич, седой и значительный, оценил такое представление о своей личности. Он поднялся во весь свой огромный рост и благодарно помахал рукой эксцентричной девице, так метко определившей его подлинную сущность.

Да и мое первое знакомство с Фаиной Георгиевной состоялось в эксцентричной ситуации, которую она создала.

Произошло это в конце пятидесятых годов, в мою студенческую пору. В очередной раз в Москве случился перебой с бритвенными лезвиями, и вдруг мы с товарищем обнаружили их в маленьком магазинчике на углу улицы Горького и проезда Художественного театра. Магазин в то время называли двумя буквами «ТН». Прежде чем отправиться к кассе, мы замешкались у прилавка, громко радуясь везению.

– Как вы сказали? – переспросил продавщицу низкий женский голос, на который нельзя было не обернуться. – «Нева» и «Балтика»? А какие из них лучше выбривают?

Мы оглянулись: Раневская! Она только что получила какую-то свою посылку и теперь заинтересовалась качеством бритвенных лезвий.

– Деточка, я вам объясню, почему это для меня так важно, – продолжала Фаина Георгиевна неторопливо, твердо зная, что ее будут слушать столько, сколько ей понадобится. – Молодая кожа нежна, нельзя же ее превращать в

терку! А мне эти штуки нужны как раз для молодой кожи.

Продавщица затруднилась определить преимущество «Невы» перед «Балтиной» или наоборот.

– Ну в таком случае мы поступим так, – предложила Раневская. – Вы сделаете мне две упановки по десять пачек в каждой и оба вида – поровну... Так! Превосходно... У вас найдутся какие-нибудь красивые ленточки – надо придать подарочный вид.

Продавщица направилась за ленточками в служебные помещения. Раневская крикнула ей вслед:

– Лучше синенькие!

Принесли синие ленты. Переважали покупки.

– Благодарю вас, моя хорошая, моя умница! Как красиво работают ваши руки!..

Продавщица свернула улыбки и влажными глазами. Окружающие замерли со счастливыми лицами.

Тогда Фаина Георгиевна обернулась и поставила передо мной и моим товарищем по столбику, перевязанному синей шелковой лентой. Мы растерялись.

– Дорогие мои чудачи, я давно не бреюсь, а вам это так нужно! Неужели вы падете так низко, что откажете даме?

Знакомство оказалось односторонним – Раневская не спросила наших имен. Спустя пять лет меня представили Фаине Георгиевне, служившей в ту пору в Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина. В гриме и костюме бабушки из спектакля «Дерево умирает стоя», еще не остывшая от душевной затраты и бурной благодарности зрителей, она с детским интересом слушала рассказ о встрече в магазине «ТН», растроганно глядела на меня, словно речь шла не о ней, а о ком-то другом, чей поступок она одобряла от всего сердца.

Будь Раневская лишь мастером смеха – один этот дар выдвинул бы

ее в ряд первых актеров. Смех, рождаемый ею, особый. Он исходил не из уморительных положений и трюнов, а из самого характера, создаваемого антрисой. Юмор Раневской прозрачен – он виден любому ребенку даже тогда, когда она, назалось, ничего не играла – просто смотрела, оценивала, думала.

Впрочем, играла она всегда. Любой актер мог бы принять такое утверждение как обиду, но только не Раневская. Она играла не по расчету, но по любви. Так играют дети, радуясь жизни, то и дело пробуя на себе разные ситуации и человеческие проявления. Кроме того, Раневская всегда помнила завет Станиславского: «Очаровывайте зрителей на сцене, не разочаровывайте их в жизни». Известно, что она могла позволить себе шуточки, которые в любых других устах, тем более – женских, могли бы покоробить грубоватостью. Но у нее все выходило по-другому; личность Раневской способна облагородить даже словцо из низкого фольклора.

Однажды в Серебряном бору, в небольшом Доме творчества на окраине Москвы, прогуливаясь с замечательной вахтанговской антрисой Цецилией Львовной Мансуровой, я заметил идущую по аллее Раневскую. Она тащила за руку упирающегося молодого паренька в форменной фуражке тансиста. Тот смущенно хихикал.

Мансурова, личность ничуть не менее эксцентричная, чем Фаина Георгиевна, тут же вспыхнула озорством.

– Цилюша, помоги! – загремела Раневская. – Ты же видишь: мошенник вот-вот вырвется и уедет! С моими деньгами!

Она произнесла это с таким отчаянием, что я бы бросился на помощь, не удержи меня Мансурова.

– Как? – удивилась она. – Мальчик отнял у тебя деньги? Такой

прелестный мальчик? Никогда не поверю!

– Еще не отнял, но может это сделать, если я его отпущу! Обрати внимание, какие у него лукавые глаза!

– Но где же деньги?

– Как где? На его счетчике! И он непременно смеется с ними – я же вижу!..

Тансист глядел на нее так, что я понял: отпусти она его – уедет, выключив счетчик, не взяв с нее ни копейки, счастливый тем, что удостоился встречи с легендарной антрисой. Парня затащили в столовую, где две пожилые антрисы, уже объединенными усилиями, продолжали его смущать и разыгрывать...

Взрывая быт в жизни, она не терпела бытоподобия в искусстве. Сам процесс игры, механика перевоплощений для антрисы были священны – она получала от них удовольствие, которое всегда ощущалось зрителями. В каждом образе мы различали присутствие Раневской, ее исключительной личности. Она – из семейства Чаплина и Джуплетты Мазины; ее исполнительские краски чаще всего эксцентричны, но всегда подчинены любви и человеку или горечи за него, так что граница между смешным и грустным, смешным и горьким, смешным и обличительным почти не видна.

В чеховском кинорассказе «Свадьба» антриса не жалеет комических обличительных красок, разделяющая образ матери невесты, что называется, «под орех», а все же ей по-человечески жаль эту дурмать, которая и дочь, и себя, и мужа превратила в жалкие и глупые жертвы стяжательства и ложной авторитарности. Ох, как понимала, как чувствовала Раневская каждую пружинку в причинно-следственных связях, образующих явление хамства! Как знала она нату-

ру раба, компенсирующего самоунижение развязным оскорблением других людей!

Достаточно вспомнить случайно сохраненную на телевидении и в киноархивах сцену из фильма «Шторм», где Раневская предстает в облике Спенулянтни, изворачивающейся перед председателем унома. Виртуозно играет актриса эту роль. Ее руки, мелко щупающие воздух, чутко улавливающие малейший нюанс ситуации, южно-русский говорок, показная дурашливость – маска на мурле хищница, бессовестная уверенность в том, что все и всех можно купить и продать – пишут целое полотно эпохи разрухи и безвременья. Она восходит в горные выси обобщений, внезапно высекая в нас щемящее человеческое чувство горечи за изуродованную низменными страстишками женщину. Даже здесь Раневская-гуманист ухитряется сказать свое слово.

Еще в первом своем фильме – «Пышка» – Раневская показала, что немногими мазками можно написать выпунлый портрет. Режиссер М. Ромм поставил перед собой задачу создать «коллективный портрет» буржуазии, но Раневская, не искажая его замысла, оторвалась от общего фона и запомнилась не только как маска, но и как характер законченный, данный во всех измерениях.

Она не терпела мелочных деталей, призванных подчеркнуть «жизненность» изображаемого, и потому достигала в каждой роли самого дорогого и самого трудного в искусстве актера – типичности образа. С многими из ее персонажей мы с юности входили в жизнь и проживем до конца дней своих. В нашем довоенном детстве она была чудачковатой и трогательной Идой, женой портного в фильме «Ошибка инженера Кочина», и энергичной Лелей из «Подкиды-

ша». Разные женщины, они объединены тем духом, той атмосферой времени, тем стилем жизни, которые были характерны для конца тридцатых – начала сороковых годов. Вспомнишь Иду, рассказывающую о сыне-полковнике, ее доверительное чтение письма от сына незнакомым людям и проницательно-материнское: «Он здоров!», – как нахлынут размышления о множестве судеб, которые неожиданно, то счастливо, то трагически, были преобразованы в первые десятилетия Советской власти. В целом, в частности, Раневская умела увидеть огромное целое и донести благодарное ощущение этого целого в небольшом экранном монологе... Вспомнишь Лелю с ее размашистым хозяйским шагом, могучим зонтом, с тоской по несбывшемуся материнству, с милым мужем Мулей, невольно превращенным в ребенка, и увидишь солнечный мир московских улиц и площадей предпоследнего довоенного лета. Леля Раневской настолько сливается с ритмом Москвы, что даже в кадрах, снятых панорамой, определяешь этот ритм по энергичному волнению зонтика в ее руках.

Тогда она еще не знала, что через тридцать с лишним лет дорога сведет ее с партнером из этого фильма, Ростиславом Плятом, в спектакле, ставшем особым в творческой судьбе обоих, в спектакле – апофеозе их артистизма и мастерства. Не знала, что зрители будут с нетерпением искать в сводных афишах московских театров название «Дальше – тишина», что станут готовиться заранее к встрече с двумя актерами, имена которых вызывают в памяти целую эпоху, и что одним из этих актеров будет она – Фаина Раневская...

Она начинала трудно, но везде и всегда была счастлива: в дачном театрике в подмосковной Мала-

ховне, в театрах Керчи, Ростова-на-Дону, в Баку, Архангельске, Смоленске. Ее узнали и полюбили в ролях острохарактерных, но когда в 1936 году на сцене Центрального театра Красной Армии она создала образ Вассы Железновой — один из сложнейших горьковских характеров, всем стало ясно: свершилось открытие выдающегося актерского явления. За Раневской стали пристально следить.

И она щедро удивляла неординарностью и законченностью своих актерских воплощений в образах доверчивой и ранимой Берды в «Лисичнах» Хелмана, старой тначихи Агриппины Семеновны в «Расвете над Москвой» Сурова, Бабушки в прославленном ее исполнении спектакле Московского театра имени Пушкина «Деревья умирают стоя». Проникновением в трагический мир «странной» миссис Сзвидж, мир мудрости и нравственной чистоты женщины, взбунтовавшейся против жестокой морали денег, Раневская надолго привлекла толпы жандующих увидеть спектакль в Московском академическом театре имени Моссовета.

Не было случая, чтобы спектакль или фильм пострадали из-за Раневской. Даже в крохотных эпизодах, например, в ролике Таперши из фильма «Александр Пархоменко», она запоминалась так, что ее изображали, пародировали на улицах взрослые и дети. Но, увы, Раневская порой страдала из-за плохих фильмов. Неудача картины вызывала в ней чувство стыда, которое сохранялось на протяжении всей ее жизни. (То обстоятельство, что сама она создала в фильме актерский шедевр, нисколько не утешало). Ради одного этого был смысл навсегда положить в архив такую, например, ленту, как «Сегодня — новый аттракцион», где

Фаина Георгиевна сыграла роль директора цирка.

— Я по ночам просылаюсь от кошмара: вижу, как наши внуки смотрят это!

Далее следовало слово, получившее раздолье в литературе и искусстве последних лет, но я позволю себе опустить его...

А вот Роза Скороход в раммовском фильме «Мечта» стоит того, чтобы остаться в истории кинематографа, как, впрочем, и весь фильм с превосходной режиссурой и достойными ее актерскими работами А. Войцин, М. Болдуман, Р. Плятта, Е. Нузьминой, В. Соловьева, М. Астангова. В созвездии актеров первой величины Михаил Ромм создал фильм, на несколько лет определивший явление неореализма в кино, рожденное затем на итальянской почве. Жаль, что сами первопроходцы неореализма нашли родственные черты в «Мечте», но в нашей печати скромно молчат об этом. Роза Скороход — хозяйка доходного дома с жильцами, отверженными мира сего, узурпировала власть и над их душами, обыскивала их личную жизнь, деспотически держала в руках своего сына. И за все это была наказана одиночеством, которое Раневская доводит до трагического потрясения, не смотря на скупую, крайне сдержанную палитру красок. Ее не видишь с такой же пронзительностью, как и страдаешь ей.

В послевоенных фильмах Фаина Георгиевна, вновь в партнерстве с Р. Я. Пляттом, сыграла забываемую Маргариту Львовну — наивную полуинтеллигентную принцессу ученой дамы («Весна»), а затем жену американского генерала — эдакую марн-твенговскую «тетю-лошадь» с вечной улыбкай красиво вставленных зубов («Встреча на Эльбе»), и фрау Вурст — живое олицетворение пивной кружки и ме-

щанского цинизма («У них есть Родина»). И доказала в высшей степени предметно, что нет маленьких ролей для большого актера.

...Жизнь шла к закату. Она играла старую Люси Купер в спектакле «Дальше – тишина», наслаждаясь встречей с любимым партнером и благодарными зрителями. Болели ноги, но на сцене она забывала о боли. Зрители всех возрастов с сочувственной грустью и вместе с тем с гордостью за достоинство человека, с восхищением перед нравственной высотой материнского всепрощения следили за судьбой старой Люси, отринутой детьми; за двумя стариками, которые стали нежеланными на этом свете из-за меркантильности и эгоистичности собственных детей. В зале театра имени Моссовета побывали не только люди, верные сыновней любви и долгу перед стариками-родителями. Но в финале спектакля благодарное потрясение объединяло всех. Два старых актера одерживали триумфальную победу над позорным равнодушием тех, кто требует от родителей «уступить место». Была в этом спектакле трагедия, но было и большее – поэма о любви, о прекрасном человеческом содружестве и верности супругов.

Роль Люси Купер стала последней выдающейся работой антрисы, хотя она успела еще выйти на сцену в спектакле «Правда хорошо, а счастье лучше»...

Всякий раз при встрече с искусством Раневской мы дивились ее художественной храбрости, умению перевоплощаться столь полно и совершенно. Дивились остроте и неожиданности ее красок. И глубинности ее потрясений. И доброте ее взгляда на мир и человека. И всякий раз чуть больше уважали себя и ближнего, думая о том, как прав Юрий Олеша, утвер-

ждая, что каждый человек – целая планета.

К 80-летию юбилею Фаины Георгиевны не осталось, кажется, ни одной газеты или журнала, которые бы не написали о ней. Позвонили и мне из «Советской России», умоляя в короткие сроки написать эссе о Раневской. Через два часа я отправил рукопись в редакцию. Она называлась «Юмор – доверчивый и ранимый».

Через два дня редакцию переполошил телефонный звонок. Раневская в резкой форме требовала выдать ей адрес «товарища Кравцова». На предложение записать номер моего телефона ответила странно:

– Телефон я и без вас знаю!

Адрес выдали, предупредив меня, что Раневская неистовствует.

Еще через несколько дней я получил от Фаины Георгиевны письмо, которое стоит того, чтобы его привести полностью: «Дорогой мой! Я потрясена, я плачу... У меня такое чувство, что Вы знаете меня сто лет. Читаю и перечитываю написанное Вами обо мне и сгораю от стыда, что я такая ленивая и невезучая, так мало, преступно мало сделала в театре и в кино... Благодарю Вас, тысячу раз благодарю! Целую и кланяюсь. Ваша Ф. Раневская».

Я тоже не сдержал слез, читая эти строки, размашистые, непричесанные, одним духом сочиненные, так же как одним духом написано эссе о ней.

При встрече спросил ее:

– Зачем набросились на бедную редакцию?

– Наверно, со страху. Я их боюсь, – ответила она.

– А зачем называли меня «товарищем Кравцовым»?

– Чтобы нас не заподозрили в нумовстве. Пусть думают, что мы не так уж хорошо знакомы...

У нее была удивительная особенность: после широкой улыбки с

живыми искрами в глазах лицо обволанивалось доброй грустью – она внимательно, просительно глядела на собеседника, словно чего-то ждала от него.

В тот день мы с ней говорили о Юрии Александровиче Завадском, которого уже не было среди живых. К стыду моему, память не сохранила, что именно рассказывала Раневская. Наверно, потому, что, глядя на нее неотрывно, вспоминал забавные отношения двух этих незаурядных натур.

Дома у Юрия Александровича, на улице Станиславского, мы с ним ожидали машину, которая должна была доставить его в театр. Машина задерживалась. Завадский в недоумении позвонил администрации. Оттуда ответили, что машина ушла за Раневской, должна давно вернуться и тут же придет за главным режиссером. Завадский с суровым выражением лица набрал номер телефона и, услышав в трубке ответ, тотчас преобразился – он был истинным кавалером и с дамами разговаривал, убирая металл из голоса:

– Фаина, счастливы тебя слышать, но почему ты до сих пор дома? Разве тебе не сказали, что я ожидаю машину?.. Да уж, пожалуйста, поторопись, моя дорогая...

Перед третьим заходом на телефонный звонок он дрожал от негодования – палец срывался с наборного диска. Но говорил тем же бархатным тоном:

– Фаина, ты меня мучаешь! За что? И водителя мучаешь. Ведь это не твоя и не моя – это казенная машина, служебная...

И вдруг замер с трубкой в руке. Надолго замер. Сначала в недоумении, затем в каком-то смешанном состоянии гнева и восторга. Повесив трубку, захохотал:

– Ужасная баба! Во всех подробностях изложила, с какой имен-

но детали туалета начала одеваться и на какой стадии одевания находится сейчас. Очень подробно. С названием материала каждой вещи!..

Мы не дождались машины, пошли пешком к площади Маяковского. Юрий Александрович шел молодо, широко и весь путь улыбался.

После одного из спектаклей «Странная миссис Савидж» мы зашли к ней за кулисы вместе с известным киноактером, прославленным еще в 20-е годы, во времена «великого немого», Федором Михайловичем Никитиным.

– Фаина, я любил тебя в каждой роли, – сказал он потрясенно. – Но здесь ты превзошла все ожидания!

– И я тебя люблю во всех твоих ролях, – ответила она. – Федя, давай я тебя представлю!

Она вытащила его в коридор и стала представлять актерам, костюмерам, гримерам – всем, кто там случился:

– Вот, познакомьтесь! С этим человеком мы состоим в любовных отношениях почти полвека и нимало не надоели друг другу!..

Потом успокоилась, положила ему руки на грудь, тихо, проникновенно, чуть дрожащим голосом сказала:

– Федя, ты – интеллигентен во всем. Живи долго! А то ведь в нашей халтуре все скоро забудут, что такое русский интеллигент!

И на этот раз она не играла – она растворялась в молчаливом общении с духовно красивым и талантливym человеком, которого после фильма «Катенька – бумажный ранет» называли на Западе «Мышкиным двадцатых годов». В той женщине жила ностальгия по интеллигентности, которую к тому времени сумели сохранить уже не многие могоинане.

3

имой 1818 года тридцативосьмилетний землемер, академик живописи, Алексей Гаврилович Венецианов, возвращаясь со службы домой, случайно упал и сломал руку. Это неприятное и досадное происшествие неожиданно подтолкнуло скромного чиновника к весьма решительным действиям. Он наконец-то решился оставить давно опостылевшую службу и уехать с женой и двумя дочерьми в свое небольшое имение Сафонково под Вышним Волочком и целиком посвятить себя любимому занятию — живописи. Жизнь в Сафонково протекала мирно и тихо. Алексей Гаврилович немного пописывал и с удовольствием хозяйничал: прокладывал каналы, осушал свои земли, прикупил недавно появившиеся маслобойни и разводил входивших тогда в моду овец-мериносов. Но вот однажды с Алексеем Гавриловичем произошло событие, перевернувшее всю его дальнейшую жизнь. Как-то раз, во время одной из своих поездок в Санкт-Петербург, он зашел в императорский Эрмитаж и увидел там новую, только что поступившую картину французского художника Франсуа Гране «Внутренний вид капучинского монастыря в Риме»...

Сейчас, глядя на эту когда-то очень популярную картину с ее сухой и холодной живописью, трудно представить себе, чем она могла так уж приворожить художника. Впрочем, не только его одного. Об этой картине и ее достоинствах судачили тогда многие в гостиных Петербурга, пытаясь проникнуть в тайну ее обаяния. Сам автор — ловкий и расчетливый Гране, эксплуатируя собственную удачу, написал с нее целых пятнадцать копий, одну из которых подарил Александру I. Венецианов же просиживал перед заморским чудом часами. «Сия картина, — писал он впоследствии, — произвела сильное движение в понятии нашем о живописи. Мы в ней увидели совершенно новую часть ее... увидели изображение предметов не подобными, а точными, живыми; не писанными с природы, а изображающими самую природу...» Вот это-то новое качество — иллюзия жизни — видимо, и восхитило Венецианова. На картине Гране изображалось полутемное внутреннее помещение церкви с бьющими из высоких окон лучами солнца, которые, выхватывая куски стен и фигуры монахов из темноты, создавали удивительную

ЛИЛИЯ БАЙРАМОВА

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА

Г. В. СОРОКА. Портрет А. Г. Венецианова. 1840-е гг.

ВЕНЕЦИАНОВА

иллюзию трехмерного пространства, так, что плоскость холста и плоскость изображения как бы совсем исчезали, и оставалась лишь одна эта идущая в глубину зала с фигурами монахов вдоль стен.

Эта эффектная, но пустая картина, автор которой хотел лишь блеснуть своим виртуозным умением изображать игру света в темном помещении, неожиданно вызвала целый переворот в представлении Венецианова об искусстве. Оказывается, средствами живописи можно выразить и трехмерность пространства, и его глубину, а с помощью законов перспективы построить в пределах картины как бы целый реальный мир и дать ему жизнь. Открытие так окрылило и взволновало, что ему страстно захотелось сделать нечто похожее, а, может быть, даже и лучшее, чем картина Гране.

Приехав в деревню, Венецианов попросил аккуратно выпилить переднюю стену амбара, решив, что для будущей картины необходим обычный дневной свет. Этот красивый свежий распил толстых бревен так и войдет в его знаменитое «Гумно», создавая своеобразное театральное пространство, в котором сафоновские крестьяне будут разыгрывать сцены из народной жизни. Кстати, при всей своей любви к натуре, при великом желании приблизить живопись к жизни, выразить с помощью красок и холста то, что он ежедневно видел вокруг себя, — и выразить просто и безыскусно, — Венецианов почти никогда не писал целиком на натуре, а вводил в свои картины элементы придуманного и сочиненного. Тем не менее, эта нарочитость или искусственность никогда не портила его картин, по крайней мере лучшие его вещи, не делала фальшивыми. Его всегда выручал безупречный вкус и какое-то врожденное чувство правды. Вспомним позднейшие работы: «На пашне. Весна» или «На жатве. Лето». Там почти все выдуманно и сочинено. «На пашне» молодая стройная женщина в чистом, красном сарафане не идет, а «плавает» по земле, едва касаясь ее нежными, мягкими ступнями. Ее гибкое молодое тело красиво изгибается, и кажется, будто она не ведет под уздцы лошадей, боронящих землю, а исполняет неведомый танец во славу Бога, весны и неба. И младенчик в тонкой распашонке сидит на влажной холодной земле не потому, что он действительно там сидел, пока мать работала в поле, а потому, что он тоже нужен здесь — для полноты чувства и счастья, для полноты этого чистого весеннего дня, как символ вечно возрождающейся и созидающей жизни. Как удалось Венецианову соединить несоединимое: поступь греческой богини с внешностью простой русской бабы, красивую мечту с обыденным русским пейзажем — одному Богу живописи известно. Но картина живет, и происходящему в ней веришь, веришь даже больше, чем позднейшим изображениям другими художниками действительно реальных, невыдуманных сцен тяжелою крестьянского труда. Да и вовсе не труд ведь изображал Венецианов, как о том пишут в толстых книжках, а умиление, чистую радость и восторг, восторг от просторов просыпающихся полей, от бледного тверского неба, от песни жаворонка, от того, что снова травка зеленая лезет сквозь старую твердую землю, и женщины в рус-

ских сарафанах вышли хлопотать в поле: копать, боронить и сеять, и значит, снова — весна, снова радость и снова жизнь...

Когда Венецианову выпилили переднюю стену амбара, он, как умелый режиссер, приступил к построению красивых мизансцен со своими крестьянами-актерами: посредине амбара поставил неподвижно застывшего паренька с потупившейся лошадей, двоих мужиков попросил толкать телегу, а в самом дальнем углу распахнул настежь дверь, чтобы изумрудный квадрат свежей зелени осветил заднюю стену амбара. На переднем плане, прямо перед зрителями, он разместил: с одной стороны, группу явно позирующих крестьян с орудиями труда в руках, а с другой — знаменитую фигуру бабы, снимающей или, наоборот, надевающей лапти. Эта некрасивая и уже немолодая баба с толстым и усталым лицом вышла у Венецианова просто чудесной. Ее темно-синий сарафан глубокого, благородного тона, белая рубаха с красивыми складками и строгий красный кокошник на голове чем-то неудовимым напоминают костюмы эпохи Возрождения; движения ее рук — одновременно естественные и изящные, вся ее поза, наклон головы — настолько прекрасны и музыкальны, что как-то невольно забываешь о ее некрасивости и упиваешься удивительной гармонией и мелодичностью целого. Недаром фигура этой бабы стала наряду с фигурами женщин на пашне и на жатве одним из символов венецианского творчества — его умения одухотворять обыденное, извлекать из простых и привычных вещей красивый и чистый звук.

Когда «Гумно» наконец было закончено, а вместе с ним и еще несколько маленьких вещей и среди них такой бесспорный шедевр, как «Утро помещицы», Венецианов засобирался в Петербург — показывать свои новые работы публике. Ехать в столицу было боязно: неизвестно, как отнесутся к непривычному для России крестьянскому жанру разные «превосходительные» и «высокородные». «Никогда еще я не оставлял Тренихи с таким теснением духа, как теперь готовюсь оставить, — писал Венецианов своему другу и соседу Н.П.Милюкову, — кажется, будто душа моя тело оставляет и сходит в челюсти мерзлой пропасти».

1 сентября 1824 года картины показали на открывшейся в Академии художеств выставке. К великой радости художника его маленькие, непритязательные холстики не только заметили — они имели большой успех: о них заговорили, у Венецианова появилось множество поклонников и покровителей среди самых высокопоставленных лиц Петербурга. Издатель «Отечественных записок» П.Свиньин писал: «Наконец мы дождались художника, который прекрасный талант свой обратил на изображение одного отечественного, на представление предметов, его окружающих, близких к его сердцу и к нашему, — и совершенно успел в этом...» К концу года выяснилось, что и самое заветное, честолюбивое желание Венецианова — находится в Эрмитаже «на одной стене с Гранетом» — тоже исполняется и притом самым наилучшим образом: Александр I купил его «Гумно» за 3000 рублей и повесил его в только что учрежденную при Эрмитаже галерею произведений русских художников. Кстати, «Гумно» стало первой картиной в этой галерее. «Утро помещицы» Венецианов преподнес царю в подарок.

«Гумно» стало для него программной вещью. Ему хотелось показать в нем кусочек жизни такой, какая она есть, — обычной, простой, ничем не примечательной и, может быть, даже и не особенно красивой.

«Пиши, что видишь, не мудри», — вот что открыла ему эта картина. Обаяние и значение такого открытия, проверенного им на собственном опыте, оказалось настолько велико, что ему захотелось расширить границы этого опыта: набрать учеников и создать свою собственную школу, в которой можно обучать молодых художников так же правдиво и верно изображать натуру, как сделал он сам в «Гумне» и «Утре помещицы».

Вскоре счастливый случай помог найти первого ученика. Как-то поехал Алексей Гаврилович по своим хозяйственным нуждам в Теребенский монастырь, а там в то время калязинские странствующие иконописцы расписывали новый иконостас. Венецианов не спеша осмотрел иконостас и в некоторых образах его нашел «признаки смелой, решительной кисти». Он полюбозытствовал узнать, кто творец понравившихся ему образов, и «крайне обрадовался, найдя в художнике человека лет 20-ти, с открытым, веселым лицом...» Венецианов узнал, что его прозвище Крылов, что он живет в работниках, учился с образов своего хозяина, а теперь уже пишет с Немецкой Библии. «Видал ли ты какие-либо картины?» — спросил его Венецианов. «Да где же, — отвечал Крылов, — в Калязине нет, а в деревне и подавно». Тогда Венецианов пригласил Крылова к себе в Сафонково, и здесь впервые в жизни тот с восторгом увидел настоящую живопись — и самого Венецианова, и его знаменитого учителя Боровиковского. Алексей Гаврилович предложил Крылову остаться, но тот отказался, ибо по контракту был еще связан со старым своим хозяином. Тогда Венецианов посоветовал ему совершенствоваться в живописи и для этого почаще писать с натуры. Крылов с рвением принялся за дело: урывками и в праздничные дни занялся «списыванием с натуры». Все, что ни попадалось ему на глаза — люди, цветы, кошули, бараны, коровы, куры, деревья, — все переходило на доску или доскуток бумаги. Наконец стал он пописывать и портреты — весьма похожие и дешевые — от 7 до 10 рублей.

В том, что Крылов очень талантлив, Алексей Гаврилович ни секунды не сомневался. Но что он мог сделать для него — бедного калязинского мещанина без роду и племени, без знаний, а главное — без денег? Венецианов и сам был человек очень скромного достатка, его крошечного имения едва хватало, чтобы кормить семью и снимать квартиру в Петербурге. И все-таки он взялся хлопотать за Крылова. 10 марта 1825 года он пишет в Общество поощрения художников о том, что предлагал Крылову «приехать в Петербург и заняться рисованием в Академии, что для него всего важнее. Он с восторгом на сие решился, но страшитса дорогого содержания и боится умереть с голоду в Петербурге, как он пишет ко мне. Убежден будучи, что художник сей скорее выиграет здесь и в знаниях, и в состоянии и, быть может, сделается отличнейшим художником, я намерен вызвать его сюда, дать квартиру и стол, заставив у себя рисовать и ходить в классы Академии».

Но пока Крылов собирался и раздумывал, ехать или не ехать в далекий Петербург, Венецианов подобрал себе двоих новых учеников: Тыранова и Беллера. Алексея Тыранова он увидел в Тереминском монастыре. Алексей, шестнадцатилетний паренек, сирота, пришел пешком из Твери к своему старшему брату помогать в иконописных работах. Сообразительный, старательный и способный, он сразу приглянулся Венецианову, и тот решил его взять с собой сначала в деревню, а потом и в Петербург.

Чуть позже, в 1826 году, к Венецианову приехали еще два молоденьких ученика: Саша Алексеев, крепостной мальчик помещицы Куминовой, и 16-летний Саша Златов — тоже крепостной. Приняв на свое попечение юные дарования, Венецианов начал хлопотать об их освобождении. К счастью, помещицы и у того и у другого оказались добрыми, уступчивыми дамами: они с радостью согласились, несмотря на свое небольшое состояние, дать им вольные.

В апреле 1827 года у Венецианова появился Сашенька Денисов — «даровитый юноша, прелестный собой, с прекрасными душевными качествами; он был скромен, как девушка; в манерах его было что-то женственное, придававшее особенную прелесть его личности».

А глухонемого и малоодаренного «сына каретника» Александра Беллера к Венецианову прислали уже по распоряжению императрицы Марии Федоровны, прослышавшей о частной школе Венецианова. Впрочем, было много и других учеников, как правило, бедных молодых людей, приезжавших и приходивших пешком к Венецианову из дальних городов, прослышав о его доброте и участии к начинающим художникам. Да он и сам никогда не упускал случая, чтобы кому-то помочь, кого-то поддержать и обогреть.

Всего же у Венецианова в разные годы перебивало более 70 человек, «из которых иные бывали очень ограничены в способностях и даже бездарны, другие безнравственны, были и такие, которые его обкрадывали...»

Как бы то ни было, но приблизительно с 1824 года близкие Венецианову люди знали, что Алексей Гаврилович теперь не только пишет милые его сердцу картинки, но с утра и до вечера возится со своими учениками. Ученики же, в большинстве своем, были люди не только малограмотные, но и совершенно не обеспеченные, и поэтому каждого из них нужно накормить, одеть, обеспечить жильем, красками, одним словом, всеми необходимыми художнику материалами и более того — мастерской и натурщиками. И весь этот непосильный груз забот, тягот и неисчислимых материальных затрат тащил на своих плечах «добрый старичок» Венецианов, как позже за глаза называли его и ученики и просто знакомые.

Как же обучал Алексей Гаврилович своих неотесанных провинциалов? Его «особенная метода преподавания» была на самом деле необычайно проста. В отличие от Академии, которая, прежде чем допустить учащихся к натуре, годами заставляла их рисовать с так называемых оригиналов и копировать чужие произведения, выхолащивая тем самым всякое живое, непосредственное

отношение к жизни, Алексей Гаврилович начинал учение прямо с натуры. Не слепо и рабски подражать готовым образцам, заучивая чужую манеру письма, чужой способ наложения краски на поверхность, а самому терпеливо и вдумчиво вглядываться в жизнь, анализировать и находить свои собственные, не заемные средства для ее изображения — вот чего добивался Венецианов от своих учеников. Не меньшее значение для их быстрого творческого роста имели прекрасные душевные качества самого Венецианова: его редкий такт, деликатность, искреннее и бескорыстное желание делать для них все, что в его силах.

Невероятно, но факт: в нем не было ни капли зависти, затаенной неприязни или уязвленного самолюбия, словом, всех тех мелких и гадких чувств по отношению к своим будущим коллегам и возможным конкурентам, которые так терзают профессиональную и преподавательскую среду. Напротив, «Алексей Гаврилович уважал юное дарование ученика и, зная, что, вдавливая его в чуждую ему форму, можно лишь измять его, испортить, следовательно, изуродовать, никогда не был так самолюбив, чтоб желать целиком отразиться в другом таланте...» У всех его учеников, вспоминал Мокрицкий, «была разная манера писать; каждый видел и писал по-своему, но у всех был один принцип. Тыранов не походил на Алексеева, Плахов не походил на Крылова, Денисов — на Крендовского, Михайлов — ни на кого; даже, что весьма редко случается в школах, никто не походил на своего мастера. Алексей Гаврилович умел передать всем ученикам своим одно начало, но давал полную свободу развиваться особенностям их таланта; даже учил он нас не одинаковым образом: приносиваясь к способности каждого и только помогал ему своею методою, так сказать, только слегка натакивал его на прямую дорогу, и оттого каждый шел по-своему хорошо, каждый развивал особенность своего дарования».

Вторая половина двадцатых годов — самое счастливое время в жизни Венецианова. Все обстоятельства жизни складывались так хорошо, что не только не мешали, а скорее — помогали ему осуществлять задуманное. Девочки его, Фелиса и Сашенька, незаметно подрастали, любимая и преданная жена Марфа Афанасьевна всегда рядом, имение и денежные дела — в порядке.

Семейное счастье и душевный покой сохраняли художнику драгоценные силы для работы. В эти годы он пишет свои самые лучшие вещи: «Захарку», портрет дочки Сашеньки, «Спящего пастушка», «На пашне. Весна», «На жатве. Лето» и, наконец, «Жнецов». Вместе с успехами в живописи растет и его известность как руководителя независимой частной школы. Теперь уже на выставках он показывает не только свои работы, но и работы учеников.

Настоящий, большой успех пришел к Венецианову и его школе после сентябрьской, 1827 года, выставки в Академии художеств. Работам венециановцев выделили два зала, учеников, представленных на ней, было четверо; Крылов, Тыранов, Алексеев и Златов. Вещи, показанные первыми тремя, оказались настолько хороши, что привлекли к себе внимание публики.

Шестнадцатилетний Саша Алексеев представил «Мастерскую Венецианова». У девятнадцатилетнего Алексея Тыранова наи-

большой успех выпал тоже на долю интерьера. И Никифор Крылов, ему в ту пору уже стукнуло 25, отличился на академической выставке. Двухлетнее пребывание в Петербурге рядом с Венециановым, а также посещение натуральных классов в Академии не прошли для бедного калязинского иконописца даром. Общество поощрения художников приняло его в число своих пенсионеров и разрешило продавать жанровые картинки в магазине общества. А однажды Никифор написал небольшой вид палисадника при квартире Венецианова. Картинка так понравилась императрице Елизавете Алексеевне, что она изволила оставить ее у себя. Успех вдохновил художника, и он решил написать с натуры зимний пейзаж. Идея для того времени очень смела, ведь до Никифора никто из русских живописцев не осмеливался писать зиму с натуры. Даже через 20 лет после Крылова великий Карл Брюллов утверждал, что «как ни напишите зиму, а все выйдет пролитое молоко». Тем не менее Никифор с самонадеянностью молодости взялся исполнить задуманное. Он смело полагался на самого себя, на свое собственное понимание красоты и гармонии. С чувством первооткрывателя неведомой земли он вносит в свою картину все: и двух остановившихся деревенских баб, и парня с лошастью, и даже дорожку навоза, прочерченную на белом снегу, с детской тщательностью пересчитывает каждую веточку на деревьях, каждую морщинку на снежном покрове, каждый куст и косогор. Ибо ему необходимо и важно все в этом знакомом и любимом им мире: и мир предстает на его небольшом полотне космически-величественным, холодным, торжественным и ясным.

И Алексеев, и Тыранов, и Крылов были отмечены за свои труды престижными наградами: малыми золотыми медалями. Тыранов за свой интерьер эрмитажной библиотеки получил в подарок от императора еще и перстень.

Доброе сердце Венецианова не могло не радоваться успеху ребят, которым он помог встать на ноги в холодном, высокомерном и чопорном Петербурге. Тем горше, обиднее и невыносимее было сознавать, что дело, так успешно начатое, оказалось на грани полного краха. Ведь для дальнейшего его продолжения нужны деньги, и немалые, а их у Алексея Гавриловича уже давным-давно не было. Общая сумма его долгов достигла к тому времени критической отметки — четырех тысяч рублей.

Венецианов решается напрямую обратиться к императору Николаю I, и в надежде на то, что тот может что-нибудь купить у него, посылает ему четыре свои картинки.хлопоты Венецианова отчасти увенчиваются успехом: царь закупает для русской галереи Эрмитажа две его работы за две тысячи рублей. Но половина долга все-таки остается, а вместе с ним и все проблемы финансовой поддержки школы.

Алексей Гаврилович, однако, не сдается и продолжает суетиться, хлопотать, просить и умолять сильных мира сего о помощи. Он подает записку Алексею Николаевичу Оленину — тогдашнему президенту Академии, где указывает, что на его попечении находится тринадцать человек и еще из приходящих трое купцов. К счастью, Оленин принимает заботы художника близко к сердцу и просит за него министра императорского двора.

Неизвестно, чем бы завершились хлопоты Венецианова, если бы счастливый случай не столкнул императора, проходившего через старую Эрмитажную галерею, с молоденьким Сашей Денисовым, писавшим там интерьер. Император благосклонно осмотрел вещь Денисова и остался ею доволен. Это внимание высочайшей особы к работе венециановца дало повод Оленину удвоить свои усилия, которые в конце концов привели к тому, что царь купил картину Денисова за две тысячи рублей, пожаловав самому Венецианову бриллиантовый перстень. А еще через год, в январе 1830, «государь император высочайше повелеть соизволил: императорской Академии художеств Академику Венецианову дать звание живописца е.и.в. с жалованием по три тысячи рублей в год из Кабинета». Тогда же Николай I пожаловал Венецианову «в награду отличных дарований» и «долговременного образования... в живописи молодых художников» орден Владимира 4-й степени.

И все-таки даже эти чрезвычайные меры оказались не вполне достаточными, чтобы помочь художнику. Слишком много сил и средств тратил он на образование молодых художников, мало заботясь о том, чтобы их картины приносили доход и ему, и его школе, окупая затраты на содержание. Он опять «вошел в долги» и вынужден заложить в Опекунском Совете имение жены.

Но как бы то ни было, Алексей Гаврилович продолжал по-прежнему любовно и бережно опекать своих питомцев. Ученики его делали быстрые успехи, и со временем лучшие из них без всякого сомнения стали бы крупными живописцами, прославившими своего учителя, если бы злой рок да обычное российское невнимание к собственным гениям не разрушили безжалостно то здание, которое с такими усилиями воздвигал Венецианов...

Первым из «обоймы» его учеников выпал Никифор Крылов. Никифор в то время стремительно развивался, обещая в будущем стать превосходным портретистом. Он первым из всех венециановцев удостоился звания «назначенного», то есть кандидата в академики. Однако его блестящая и так стремительно начавшаяся карьера оборвалась буквально на полуслове: во время страшной эпидемии холеры, случившейся в Петербурге летом 1831 года, он заразился и умер.

Ранняя смерть постигла и очень одаренного, миловидного Сашеньку Денисова, одного из любимцев Венецианова. Судьба первоначально благоволила к сыну петербургского мещанина. После того, как царь отметил его работу «Внутренний вид старой галереи Эрмитажа», он предложил восемнадцатилетнему Саше отправиться за границу. Венецианов, однако, воспротивился этому, так как, по его мнению, Саша был еще недостаточно силен в рисовании. В 1830 году Денисов получил от Академии первую серебряную медаль за сложную жанровую композицию, а через два года его картину «Матросы в сапожной мастерской» купил Николай I для наследника. К этому времени Венецианов посчитал Денисова уже готовым для заграничной поездки и начал хлопотать о ней у министра императорского двора.

В 1833 году Александр Денисов, получив от Академии звание свободного художника и пенсioen от Кабинета, отправился на

пароходе в Берлин вместе со своим новым наставником, немецким живописцем Крюгером. Здесь же, в Берлине, он скоропостижно скончался в октябре 1834 года в возрасте 23 лет. До наших дней дошли всего две небольшие работы Денисова: «Подмостки для поднятия Александровской колонны» и «Матросы в сапожной мастерской».

В 1832 году умер двадцатидвухлетний Саша Златов, взятый Венециановым за шесть лет до того у помещицы Змеевой.

Что же касается Александра Алексея, то, хотя он прожил довольно долгую жизнь, умер в 1878 году, но в искусстве судьба его не сложилась. В 1832 году «во уважение отличных успехов вольноотпущенного А.А.Алексеева в живописном искусстве» ему присвоили звание свободного художника. Однако для того, чтобы и дальше развиваться в искусстве, нужны были средства. Жизнь в столичном Петербурге чересчур дорога, и снимать мастерскую, покупать материалы и обеспечивать себя всем необходимым оказалось, конечно, не по карману бывшему крепостному. И в 1835 году одаренный и подававший такие надежды художник вынужден уехать в Псков, чтобы до конца своих дней прозябать там в местной школе учителем рисования.

Пожалуй, единственным из первых учеников Венецианова, кто действительно сумел выбиться в люди и завоевать довольно громкое имя в искусстве тех лет, был талантливый и очень любимый Венециановым Алексей Васильевич Тыранов. Правда, известности своей Алексей добился ценой измены идеям своего учителя. Но это произойдет позже. А пока, в двадцатые годы, Тыранов находился еще всецело под влиянием Венецианова. В 1827 году он пишет две замечательные картины: «Вид на реке Тосно» и «Мастерская братьев Н.Г. и Г.Г. Чернецовых». Особенно хороша вторая работа. Это типично венециановская вещь. Здесь видна особая, мягкая манера его живописи, любовь к человеческому уюту, теплу и покою, к задушевному и дружескому общению. Это словно маленькая новелла, рассказ, и поэтому ее так блаженно хорошо рассматривать, вникая в каждую мелочь и деталь, ибо здесь все: и чисто вымытые деревянные полы, и раскрытое окошко, и сумеречный теплый свет, и пальто на вешалке, и даже графин на подоконнике — чистая поэзия человеческого бытия, драгоценное свидетельство любви и нежности людей друг к другу.

В 1830 году Алексей Тыранов получил первую золотую медаль, а в 1832 Венецианов выхлопотал для своего любимца звание свободного художника. Имя Тыранова приобретает известность, его картины хвалят, их замечают критики, о них помещают восторженные отзывы в печати. Мастерство Тыранова крепнет день ото дня.

И вот тут-то с ним происходит нечто такое, что совершенно ломает его прежние представления об искусстве. Неожиданно резкий поворот и все дальнейшие перипетии его сложной судьбы удивительным образом напоминают гоголевского художника Чарткова из повести «Портрет». Только в роли демона-искусителя выступает не таинственный колдун, подкинувший Чарткову в глухую ночь сверток с червонцами, а всем известный и горячо любимый Карл Павлович Брюллов. А дело было так. В 1834 году из Па-

рижа в Петербург привезли прославленное, гремевшее тогда по всей Европе колоссальное полотно «великого Карла» «Последний день Помпеи». Ослепительная, роскошная картина вызвала бурю восторга в петербургском обществе, и когда спустя два года Брюллов наконец-то возвратился в Петербург и посетил Академию художеств, то вся Академия приветствовала его бешеными овациями, как своего нового героя и лучшего художника современности. Немудрено, что всеобщее преклонение перед новым российским гением, громкая слава, его громадные картины, подавляющие сдержанного северного зрителя кипучим южным темпераментом, одним словом, весь трескучий блеск вызвал в душе у честного и скромного Тыранова растерянность и сомнение. Каким бедным, смиренным и убогим, в сравнении с этой блестящей и самоуверенной живописью, показалось ему, должно быть, искусство его учителя: маленькие бесхитростные картиночки с тверскими крестьянками. Ах, как трудно было понять тогда, что в этих скромных и внешне непритязательных картинах Венецианова содержалось куда больше правды, обаяния и подлинной поэзии, чем в больших, эффектных, но холодных и пустых полотнах Брюллова.

В 1836 году Тыранов, будучи вполне взрослым человеком и состоявшимся художником, начинает посещать в Академии классы Брюллова. Он оставляет занятия перспективной живописью у Венецианова и быстро осваивает модный жанр салонного портрета. В том же году он выставляет несколько своих новых произведений, написанных уже в совершенно ином — брюлловском — ключе. «Наибольший успех выпал на долю «Девушки с тамбурином», — вспоминала дочка Венецианова, — Сколько надедала она шуму и как публика толпилась у этой картины». Тырановскую «Девушку» купил тогда сам шеф жандармов Бенкендорф, а многочисленные копии с нее украшали витрины роскошных магазинов.

Знакомство с Бенкендорфом оказалось весьма полезным для Тыранова. По его ходатайству в 1839 году художник, получив звание академика, уехал за границу, в Италию. В Риме Тыранов пишет одну за другой картины, сами названия которых лучше всего говорят о том, как бесконечно далеко он ушел от правдивого и бесхитростного изображения природы: «Ангел мира», «Пастушка во время грозы», «Вакханка» и т.п. Холодные, скучные, лживые и вымученные произведения. Сильной стороной Тыранова, так же как и Венецианова, были его искренность, правдивость и непосредственность. Он мог хорошо и обаятельно рассказывать о том, что сам видел и чувствовал, но сочинять, идеализировать и подменять реальную жизнь несуществующей и выдуманной — нет, это не для него. Правда, когда он забывал о своем намерении непременно понравиться публике и сделать внешне красивую, эффектную вещь, его талант проявлял себя с прежней силой. Таков замечательный «Автопортрет» 40-х годов, написанный «для себя». В нем прежде всего поражают глаза Тыранова, тревожно и беспокойно глядящие куда-то мимо зрителя, и усталое, измученное лицо с напряженной складкой между бровей.

Предчувствие беды, выраженное с таким мастерством в автопортрете, не обмануло бедного Тыранова: в 40-е годы он влюбил-

ся в натурщицу, оказавшуюся аферисткой. Она украла у художника все деньги, скопленные им за долгие годы труда, и скрылась. Потрясенный предательством любимой женщины, Тыранов душевно надломился и заболел. Его живопись окончательно потеряла свою былую привлекательность. В эти годы он пишет безвкусные, пошлые портреты, используя контрастные яркие краски, жесткую светотень и избитые приемы. Друзья посоветовали Тыранову уехать на родину, и три года он живет у старшего брата в Бежецке. В 1849 году возвращается в Петербург, где пытается наладить новую жизнь, но его искусство уже совсем не пользуется спросом.

Несчастный, одинокий, никому не нужный и потерянный, он уезжает в Кашин к семье своего брата и умирает там в 1859 году в возрасте 51 года.

В 1830-е годы школа Венецианова постепенно приходила в упадок. Как ни бился Алексей Гаврилович в поисках средств, как ни старался поддержать свою школу, все напрасно — денег не было. Ему пришлось отказаться от практики «иметь учеников на своем содержании, а сделались у него ученики приходящими», и как вспоминал он позднее: «долгов на нем накопилось 14 тысяч и из жалованья его начали вычитать». Правда, не только безденежье послужило причиной угасания школы.

В 30-е годы как-то незаметно падал авторитет и самого Венецианова, и того направления в искусстве, к которому он всей душой принадлежал. В те времена наибольшей популярностью и любовью пользовалась романтически-возвышенная историческая живопись, живопись, увлекавшая человека подалее от бременной земли с ее скучными заботами и тяготами в область высокой мечты, героических подвигов и необыкновенных дерзаний. Бытовой жанр, и в частности искусство Венецианова, казался милым, но уж слишком приземленным и бескрылым.

А кроме того, школа Венецианова всегда считалась частным учебным заведением, и никакими юридическими правами ее питомцы не обладали. Поэтому для того, чтобы вполне официально утвердить своих учеников в качестве свободных художников, Венецианов пристраивал их в Академию, которая давала им право преподавать, могла отправлять их за границу и так далее. К сожалению, эта вынужденная практика обучать

А. В. ТЫРАНОВ. Портрет ржевской купчихи.
Вторая половина 1820-х гг.

Г. В. СОРОКА.
Вид на озеро Молдино в усадьбе Островни.
Конец 1840-х - начало 1850-х гг.

Н. С. КРЫЛОВ. Зима. 1827 г.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ. Гумно. 1822—23 гг.

учеников у себя дома — по своей собственной, оригинальной методике, а затем отдавать их в Академию, где учили совсем иначе — сказывалась отрицательно и на самих учениках, и на их работе. В конце концов все заканчивалось тем, что авторитет Академии и ее профессоров, в особенности Карла Брюллова, перевешивал, и ученики, один за другим, изменяли Венецианову и его искусству и переходили в противоположный стан. Так поступил в свое время Тыранов, так поступят и другие: Михайлов, Плахов и Мокрицкий.

Из поздних учеников Венецианова самой колоритной фигурой был Лавр Кузьмич Плахов. Плахов в молодости — «настоящий огонь, в высшей степени даровитый юноша с посредственным образованием и сильно развитым воображением, весельчак, рассеянный до странности, хороший товарищ и трудолюбивый ученик». Венецианов встретил его у литографа Бегрова, к которому отец Плахова отдал сына в обучение по контракту на шесть лет. Как и всегда в подобных случаях, Алексей Гаврилович пожалел паренька и через князя Волконского добился, чтобы Лавра направили ему в ученики. Плахов оказался художником способным и плодовитым, но легкомысленным и небрежным. Его главным коньком стали жанровые сценки, изображающие кузнецов, столяров, водовозов и кучеров за работой в их мастерских и подвалах. Плахов научился довольно мастерски и уверенно передавать фигуры людей, их движение, но это были чисто бытовые, описательные, «физиологические» изображения, и поэтому их нельзя отнести к типично венециановским вещам. В них совершенно отсутствуют тот венециановский лиризм, теплота, поэтичность, та очарованность жизнью в любых ее проявлениях, которая так резко выделяет школу Венецианова среди всех других художественных явлений. В картинах Плахова все плоско, однозначно и... скучно. Тем не менее его незастойливые жанровые сценки пользовались большим спросом, а «Пирушка водовозов» имела такой успех, что художник копировал ее несколько раз.

В 1835 году Лавр Плахов, учившийся и в Академии, получил две золотые медали, а в 1836 году удостоивается звания «классного художника 1-й степени». Ему прочат блестящее будущее. Тогда же у Плахова объявился и богатый покровитель, «один добродетельный человек», предложивший оплатить его трехлетнюю поездку в Германию. Радость Плахова не знала границ. Первое время он занимался в Берлине у модного художника Писторнуса, а затем переехал в Дюссельдорф к Адольфу Шредтеру. Полтора года жизнь Плахова за границей складывалась весело и беззаботно, но внезапно его щедрый покровитель объявил себя несостоятельным, и в жизни художника наступили печальные деньки. С большими трудами, и то с помощью Жуковского, с которым Плахов встретился за границей, ему удалось наконец-то вырваться из Германии и вернуться в Россию. Но и тут, увы, его поджидали одни неудачи. Шестилетнее пребывание в Германии, немецкая школа живописи пагубно отразились на его искусстве, «фантастики-немцы, — писал Венецианов, — положительное из него все вывели». Одно время он жил у Венецианова в Сафонково, но потом поссорился с учителем и переехал к его

соседу — помещику Стромиллову. Пробует писать жанровые картинки в прежнем духе и посылать их в Петербург, в Общество поощрения художников, но, видимо, они оказались настолько слабы, что Общество постановило их «возвратить и впредь не принимать».

Умер Плахов в Петербурге в 1881 году — в полной нищете...

Самым же последним и самым талантливым учеником Венецианова, его радостью и болью стал крепостной художник Григорий Сорока. В случае с Сорокой судьба словно посмеялась над Венециановым. Всю жизнь он хлопотал об одаренных крепостных художниках, и каждый раз ему удавалось выцарапать их из неволи, даже Шевченко выклял у вздорного Энгельгардта, а тут — под самым боком, у его соседа и друга в дворне обнаружился настоящий талант, и он оказался бессилен что-либо сделать. Николай Петрович Милюков, чьим крепостным был Сорока, ни в какую не соглашался отпустить его. Почему так упорствовал Милюков, мы не знаем, вероятно, причину тому — талант Сороки, уж больно не хотелось помещику выпускать из рук собственного «придворного» живописца. Однако обучаться у соседа-академика он позволял, и Григорий подолгу гостил у Венецианова в Сафоновко, проходя вместе с ним весь сложный курс обучения: здесь и пейзажи учился писать, и обязательные интерьеры, и копировал старых мастеров.

В годы общения с Венециановым Сорока написал один из самых красивых интерьеров в истории венециановской школы: «Кабинет дома в Островках». По своей проникновенности, лиризму, поэтичности и мастерству эта картина равноценна лучшим страницам русской прозы.

Совершенно особое место не только в творчестве самого Григория, но и в истории всего русского искусства занимают его ранние пейзажи и в особенности самое большое и известное полотно «Рыбаки. Вид в Спасском». В этой картине с самым обычным и заурядным сюжетом — мальчишки удят рыбу в пруду — есть что-то совершенно исключительное и необычное, то, что заставляет сразу же выделить ее из сотен подобных пейзажей и навсегда удержать в памяти, как нечто единственное и неповторимое. Ее мир так хрупок, молчалив и странно неподвижен, так замкнут и сосредоточен на самом себе, что, кажется, будто и не явь писал Григорий, а сон, мечту, видение, пригрезившееся ему ранним утром. Стеклозастылость вод, прозрачная чистота и нежность красок делают похожим этот чисто русский пейзаж на пейзаж во фресках итальянских художников.

Сорока пережил своего учителя на семнадцать лет: 10 апреля 1864 года его не стало. Незадолго до смерти Григорий вместе с односельчанами подал жалобу Александру II на своего бывшего помещика, однако, как бывает в подобных случаях, жалобу переслали в Тверское присутствие, где ее и прочел сам Милюков. По его просьбе Сороку вызвали в волостное управление и приговорили к аресту и телесному наказанию. О том, что происходило дальше, рассказывают документы: «...он 10 числа ходил, задумавшись, по деревне и не пьяный, а потом около вечерен ушел оттуда и куда-

то скрылся. Жена его, видя отсутствие мужа, пошла искать его и нашла в обжигальной избе повесившегося... Отчего Сорока лишил себя жизни, никто ничего не знает и полагают, по приключившейся безумной задумчивости от пьянства...»

Так закончилась жизнь одного из самых загадочных и пронзительных русских художников — последнего ученика Венецианова.

Разумеется, далеко не все ученики Венецианова кончали жизнь трагически, были среди них и такие, которые прожили ее вполне достойно и благополучно. Например, Аполлон Мокрицкий, «однокорытник» Гоголя по Нежинской гимназии, оставивший о своем учителе довольно ценные воспоминания, или Сергей Зарянка, ставший профессором и преподавателем в Московском училище живописи и ваяния. Правда, ни тот, ни другой, при всем их благоговейном отношении к памяти Венецианова, не остались верны его принципам, его пониманию задач искусства. Мокрицкий повторил судьбу многих учеников Алексея Гавриловича, избрав себе еще в тридцатые годы кумиром Брюллова, а Зарянка, при всем своем кажущемся внешнем сходстве с венециановским реализмом, безнадежно далеко отошел от него: он подменил трепетно-нежное, любовное вглядывание в натуру и в человека, свойственное Венецианову, безупречной выписанностью, «вылизанностью» формы, салонным лоском.

Таким образом, создается впечатление, что колоссальные усилия и громадные материальные средства, вложенные Венециановым в развитие собственной школы, оказались в значительной степени потраченными впустую. То, что, вероятно, грезилось ему: развитие правдивого реалистического искусства в России — не получило в обществе должной поддержки. Художественная критика, а вместе с нею и публика поклонялись тогда совсем другим богам — академической и исторической живописи, казавшейся им несравненно более высокими и достойными, чем простой и безыскусный реализм Венецианова. В который раз общество оказалось слепо к собственным гениям, не разглядело тех бесценных сокровищ, которые содержала в себе простодушная венециановская живопись, не поддержало вовремя тех хрупких ростков, которые в будущем принесли бы России роскошные плоды. Спустя годы в России восторжествовал реализм, но это был уже совсем другой реализм — критический, обличающий, недовольный, гневно указующий обществу на его пороки и язвы, в нем не осталось и следа мягкости, лирики и задушевности, отличавших венециановцев. Нежная венециановская живопись так и не привилась к суровому древу российского искусства, но иногда его сердечность и теплота сквозят то в крошечных жанровых сценках Соломаткина, то в шедевре Саврасова «Грачи прилетели», а то — в изумительных поленовских картинах «Бабушкин сад» или «Московский дворик». И все-таки только благодаря Венецианову — его терпению, мудрости, его доброте и исключительной любви к искусству — мы имеем и «Рыбаков» Сороки, и «Ржевскую купчиху» Тыранова, и «Зиму» Крылова, и многие, многие другие «перлы раннего реализма», как справедливо называл их Александр Бенуа.

Читатель- смена- читатель

Г Здравствуйте! Я вообще-то журналы и газеты не читаю, но слышал о «Смене», что она интересная. Пишу вам, потому что хочется выговориться.

Употребляю наркотики уже три года и не могу бросить. Все началось незаметно... Как-то в компании, куда меня привел приятель, я сильно напился. Мне было семнадцать лет, а там все были старше. Парень по кличке Поручик предложил попробовать анаши. Я согласился. Мы выкурили на троих один косяк. Помню — интересное ощущение, мне стало весело, я все время смеялся. Потом часто бывал в этой компании. На тусовках мы все время были обкуренные. Некоторые кололись, но я боялся иглы и отказывался. Но где-то через полгода все же попробовал. Поцаривилось. Сначала давали дозу бесплатно, потом стали требовать деньги. Родители у меня богатые, денег навалом, они мне давали, сколько ни попрошу.

Так я втянулся. Стал прогуливать занятия в техникуме, потом совсем перестал ходить. Какая учеба, если все мысли только о том, как бы поскорее уколоться. Однажды после укола я вышел из квартиры Поручика. Не помню, как оказался на крыше. Смотрел на закат над городом, и захотелось полетать. Уже хотел прыгнуть, но тут пошел отходняк, я испугался, меня вытошнило и стало коло-

тить, как в лихорадке. Потерял сознание. Очнулся под утро и сразу пошел к Поручику. Звонил в дверь, но никто не открывал. У меня выворачивало все суставы, мышцы сводила судорога, чуть не умер.

А три месяца назад на дискотеке познакомился с классной девчонкой. Сразу в нее влюбился, она в меня тоже. Скрывал от нее, что я наркоман, даже стал меньше колоться. Месяц назад мы остались дома одни и решили заняться сексом. Но у меня ничего не получилось! Хотя раньше проблем не было. А потом она увидела мои вены... расплакалась и прогнала. Как-то я ее подкараулил, и у нас был разговор. Она сказала: «Выбирай — или наркотики, или я». Я пробовал объяснить, что не могу жить без нее, но и без иглы тоже. Она сказала: «Иди лечись», — повернулась и ушла. Мне было очень плохо, я пошел к Поручику и укололся. А потом решил вскрыть себе вены, чтобы показать, как я ее люблю. Заперся в ванной, порезал бритвой руку и подставил под кран. Тут в дверь стали ломиться, вырвали крючок и вытащили меня. Поручик меня избил и вытолкал из квартиры.

Родители мной не очень интересовались, но тут, увидев меня, чуть не померли. Закрыли в комнате и никуда не выпускали. Но я вылез в окно и спустился по пожарной лестнице. Ночь провел на

вокзале, а утром опять побежал к Поручику. Купил дозу, укололся...

Сейчас живу у знакомых, домой идти боюсь, денег нет. Не знаю, что делать дальше. Пошел бы лечиться, но там начнут выпытывать, кто да что, а я не хочу никого закладывать. Наверное, со мной все кончено. Жить так больше не могу. Может, подскажете, что мне делать?

С.Т.

Санкт-Петербург

От редакции: К сожалению, С.Т. прислал письмо без обратного адреса и потому лично помочь ему у нас нет возможности. Но, так как он читает наш журнал, мы надеемся, что наши читатели, знающие, что в подобных ситуациях надо делать, подскажут С.Т. выход из кризиса и спасут тем самым парнишку. Мы обязательно напечатает все ваши письма!

Г Хоть я и не молодой — мне за 50, но больше всего читаю «Смену». Может быть, оттого, что за долгие годы службы (а я уже пять лет как военный пенсионер — подполковник в отставке), мотаясь по командировкам, привык именно к вашему журналу...

Теперь о деле. В 91-м году, когда вышел на заслуженный отдых, считал, что неплохо устроился — все-таки военная пенсия и еще удавалось подзаработать. Но началась гайдаровская «шокотерапия», и я почувствовал, что не успеваю за молодыми. Тогда я взял да и уехал из столицы в деревню. (Нет, не совсем — все-таки москвич в пятом поколении...) Представляете: военспец с техническим образованием обустроился в Тверской области, чтобы крестьянствовать.

..Нынче у меня свое хозяйство: корова, телочка, два бычка и

прочая живность. (Открою тут «страшную тайну» — я-то сам графских кровей. Мои предки по матери графы Сельские имели поместье в Пензенской губернии. Видать, все же пересеклась жизнь одного из графов с крестьянской. Оттого, видно, и потянуло к земле. И не жалею!..)

В последний свой приезд в Москву взял я «Смену» аж за полтора года и прочитал все от корки до корки. И ничего, ни словечка о таких, как я, молодых пенсионерах. А ведь нас целая армия, у кого судьба так внезапно и круто изменилась. И вот что хочу сказать...

Бывшие офицеры, инженеры, конструкторы, проектировщики, оставшиеся не у дел по своей воле, — не отчаивайтесь! Всегда есть шанс наладить жизнь. Да так, чтобы она была не хуже, а то и лучше прежней. Надо только понять одно: теперь никто в «клюв» не положит — самим о прокорме заботиться следует. Работы вокруг полно. Не нужно мурлыкать ее, ждоть маньяк небесной. Ну и что с того, что был вчера майором, а теперь — фермер или «челнок»? Главное, ты сам за себя отвечаешь, сам себе определяешь, что и как делать. Не по указке живешь, а по собственному разумению.

Понимаю, больно, трудно рвать с привычным, но хныкать, клясть всех вокруг, а самому палец о палец не ударить — противно! Я так считаю! И если кто по-другому думает — что же, давайте вместе порассуждаем, поспорим...

Владимир Г.,

деревня Райки, Тверская обл.

Г Пишу о том, что называют «заниматься любовью».

Мне 40 лет, женат, двое детей... И работа хорошая – я строитель, спрос на нашу профессию сейчас есть. Так что вроде бы не на что жаловаться. И квартира, и дачка небольшая, и жигуленок – все в комплекте. Но года два назад почувствовал, что жизнь семейная дает трещину. Нет, не зашла я, не загулял, а достал меня этот самый... секс. Сейчас объясню: сам я владимирский, из райцентра, в Москву попал после армии, по «лимиту». И сразу на стройку. Вскоре женился, комнату дали... Жена тоже не москвичка, с Урала. Ну откуда нам было про постельные тонкости знать? Это нынче на каждом углу картинки, пособия, по телевизору растолковывают, даже в песнях: «позиция № 1», «позиция № 2»... А у нас с женой, сами понимаете, все «номер раз»! И любили друг друга, конечно, и дети родились, и в доме достаток – чего жаловаться? Но – ласки не хватало. Как выяснилось позже, и мне, и ей...

Кто-то скажет, дурит мужик, с жиру бесится, завел бы себе бабу на стороне – и порядок! Да какой же порядок, а бы душой извелся. Ведь дом-то для меня – всё! А чувствую в постели с женой ну ничего не выходит. И не то чтобы надоели мы друг другу, а механически как-то получается (ну, понимаете, о чем я!), будто и впрямь долг выполняешь. Утром друг на друга смотреть не можем... Уж я и журналы всякие притаскивал, и «видик» на кухне ночью смотрел – как это у них выходит. Теоретически вроде понял. А толку-то что?

Словом, худо дело. Жена нервная стала, издерганная. Да и я смурнею. Это же надо, каждая ночь – как обяэаловка, и при том в душе-то и любовь, и жалость есть... И на сторону не тянет.

Что делать?

А на стройке, в бригаде моей, есть парень лет 25. Он после института к нам пришел. Инженер копейки имеет, а у нас в бригаде около 3 «лимона». Хороший парень. Спокойный, не дерганый, хоть и молодой. Решил я с ним поговорить. Рассказал все. Он не ухмылянулся, понял. И говорит: ты не дрейфь. Это дело поправимое. Ведь и читать, и умножать, и дом монтировать тебя специалисты, профессионалы учили. А женщину уметь любить – посложней, чем высотку построить. Дам я тебе телефончик, на меня сошлешься...

Так я познакомился с Евгенией. Профессия ее понятна. Раньше я и подумать не мог, что свяжусь с такой. А теперь вот... Ей лет 28-30. И она сразу сказала: ты для меня – пациент, а я вроде «скорой помощи». Ну, процедуры, конечно, не бесплатно... Но дело не в том, ведь в журнал ваши пишу не для того, чтобы своим «кобелизмом» похвастаться. Таких, как я, годных да необученных – хватает. И жизнь наша в смысле секса домашнего – не мед. И жены от этого тоже, бывает, на стенку лезут. А кто понимает? Психотерапевты? Экстрасенсы? Да вы подумайте, пойдет ли к ним вечерашняя «лимита»? Среди мужиков за кружкой пива о бабах поговорить – одно дело. А вот так, глаза в глаза, доктору, да еще когда жена рядом – слово в горле застрянет. С Евгенией – другое дело. Она и в постели, и в разговорах многому меня научила. Главное – как жену удовлетворить. И словом и... делом!

Может, глупость делаю, что пишу об этом. Но ваш журнал как раз умеет об интимном, вроде бы непристойном сказать тонко и точно. И, возможно, моя история кому-то хоть малость да помо-

жет. Заставит задуматься, что семейная жизнь – не только квартира, деньги, баракло всякое. И даже не только душевные отношения. Но и секс. И этому учиться надо. И стыдиться тут нечего! А то «супружеский долг» обернется тягостной обязаловкой. И точно будет обоим... А с женой у нас теперь все лучше и лучше. Она, может, и догадывается, откуда у меня «прыть» такая, но молчит.

С.В.,
Москва

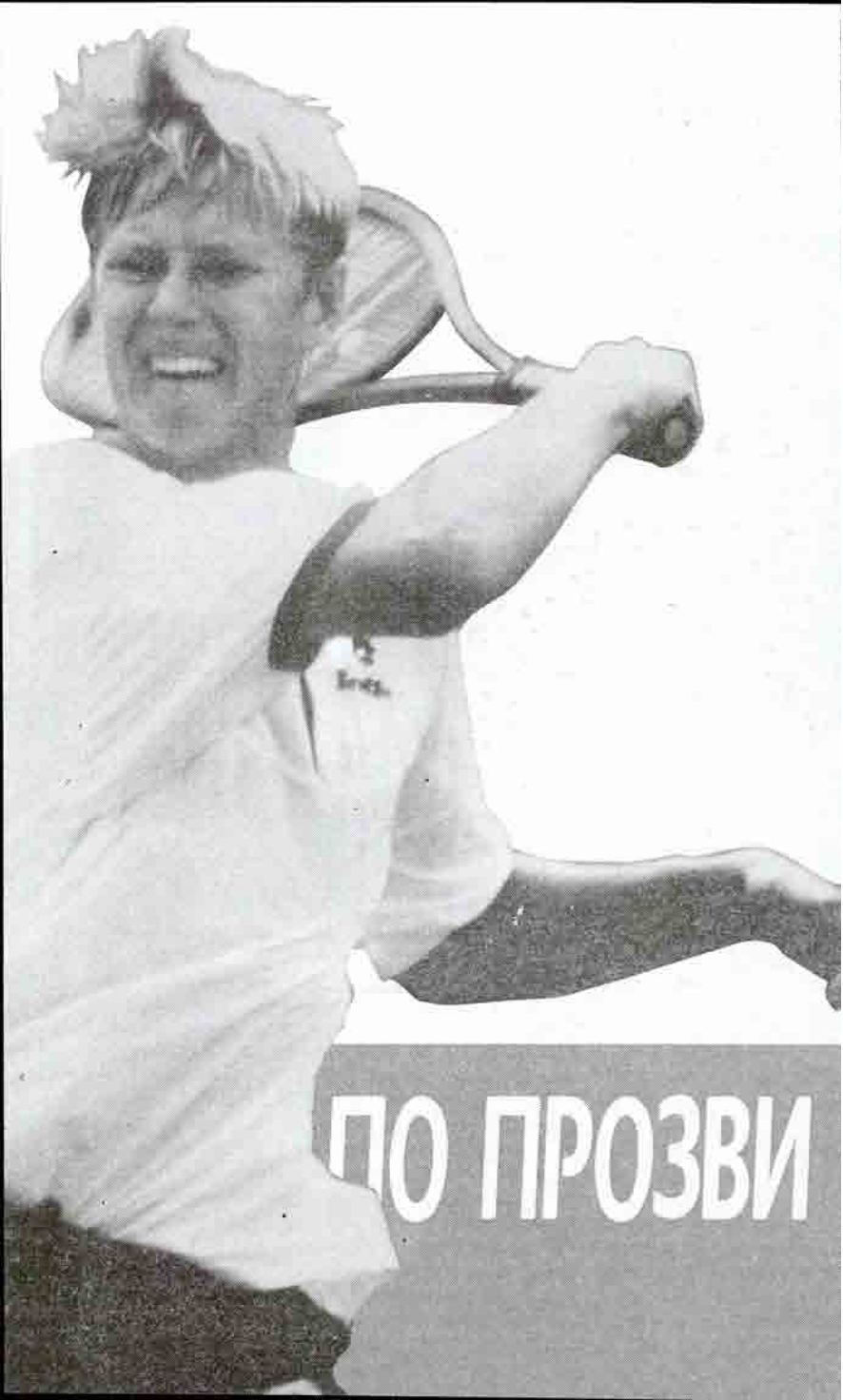
Г Хочу выразить Кларе Скопиной и редакции глубокую благодарность за статью «Хотите попробовать другую жизнь?» в № 10 за 1995 год.

Уверен, что писем с благодарностью за эту публикацию редакция получила немало. Я многие годы являюсь подписчиком «Смены», но отзываюсь с таким опозданием потому, что во второй половине прошлого года находился в больнице, перенес две сложные операции, а номера «Смены» лежали на книжной полке – из-за болезни я стал их читать совсем недавно. Прочитал и статью К.Скопиной о профессоре А.Я.Чижове и о лечении по его методу «горным воздухом». По указанному в статье номеру телефона записался на прием.

Незабываема первая встреча с профессором Алексеем Ярославовичем Чижовым и его верным помощником и женой Татьяной Александровной. Доброжелательность, редкое внимание во время первой же беседы и тщательного осмотра вселили надежду на преодоление моего болезненного состояния: бессонница, полный упадок сил, острые невралгические боли, в общем, небо для меня было мрачным в солнечный день...

И вот позади 20 сеансов горного воздуха, несколько электропроцедур... Выражаясь спортивным языком, я приобрел «второе дыхание». Такова целебная сила метода профессора Чижова и его «горного воздуха», о котором я бы ничего не знал, если б не получал «Смену». Еще раз низкий поклон редакции и автору.

Александр Кузьмич УКОЛЬЧЕВ,
диктор,
ветеран Всесоюзного Радио,
Москва

ПО ПРОЗВИ

Евгений Кафельников — знаменитый теннисист, первая ракетка России — родился 22 года назад в Сочи. За это время успел вырасти до 190 сантиметров и сделать головокружительную спортивную карьеру. В рейтинге теннисистов-профессионалов в 1992 году он занимал лишь 314 строчку. Сейчас — на пятом месте в десятке сильнейших теннисистов мира. Кафельников — единственный российский спортсмен, кому удалось выиграть Открытый чемпионат Франции...

— Трудным оказался путь к финалу?

— «Роллан Гаррос» — один из турниров серии «Большой Шлем», прогулкой его не назовешь... В четвертьфинале мне выпало играть с очень сильным голландским теннисистом Рихардом Крайчеком. Два сета удалось «взять» сравнительно легко (6 : 3 и 6 : 4), но в третьей партии при счете 5 : 1 Крайчен заиграл, как Бог — лишь на тай-брейке удалось вырвать победу. А в полуфинале путь преградила первая ракетка мира Пит Сампрас. До этого мы с ним встречались на командном Кубке мира. Фортуна тогда оказалась на моей стороне. И на этот раз мне снова удалось одолеть Сампраса... В финал я вышел в хорошем настроении и обыграл немца Штиха.

— Чтобы добиться таких результатов, наверное, нужно влюбиться в теннис с самого детства?

— Ракетку мне в руки вложил папин приятель Валерий Песчанко. Он как-то сказал отцу, что из меня может получиться неплохой теннисист. Может, в шутку сказал, а отец за это ухватился. С того времени у меня и появилась теннисная ракетка... Валерий показал, как правильно держать ее, как бить по мячу справа и слева. Рассказал про подачу и удары с лёта... Но я относился к теннису с прохладцей и предпочитал ходить на рыбалку. На море, когда рыба клевала, всегда был азарт, хотелось наловить больше, чем у других. Долбить же мячом мне быстро надоедало. Часто хитрил, говоря тренеру, что растянул руку или ногу.

— Потом тебя подобрал другой тренер — Шишкин?..

— О Валерии Владимировиче можно говорить долго. Это уникальный в своем роде человек. Он только в 26 лет впервые взял в руки теннисную ракетку. До этого занимался многими видами спорта: есть такие люди, увлекающиеся всем новым. Когда Шишкина пригласили на работу в Сочи, меня еще продолжал тренировать Песчанко. Он и привел меня и своему тезке. Во время первого занятия с новым тренером мы в теннис не играли и технику не отработывали. Вместо этого Валерий Владимирович предложил пробе-

ЩУ "КАФЕЛЬ"

нать по набережной ни много ни мало пять километров! Я понимал, что дистанция не для меня, но отказываться не стал. Вторую часть пути тренеру пришлось нести меня к финишу на себе. Многие после таких «знакомств» на тренировку больше не приходят.

— Ты был обижен на тренера?

— Нет. Я рос хилым пацаном и мне хотелось стать сильным и выносливым. Тренер сам видел это, поэтому он начал с того, что сделал упор на физподготовку. Сколько тогда километров мы с ним набегали, сколько раз гантели поднимали... Я сначала уставал настолько, что еле добирался домой, хотя жили мы по соседству с kortами. Через несколько месяцев почувствовал, что силенок прибавилось: даже ракетка стала казаться невесомой. Вскоре стал обыгрывать ровесников, и тренер нередко ставил против меня ребят постарше. С ними было интереснее играть, особенно — выигрывать.

— Когда ты впервые попал в Москву?

— В 1980 году, в год Олимпиады. Тогда я впервые и увидел легенд российского тенниса — Александра Метревели, Анну Дмитриеву, Шамиля Тарпищева...

— В юношескую сборную ты «вжился» сразу?

— Я неплохо себя показал на корте, но отношения с тренерами не сложились. Во всем нужна была дисциплина, а с ней у меня вечные проблемы. Не понимаю, почему я должен вести себя так, а не иначе? Кто устанавливает все эти правила? У меня всегда было и есть свое мнение, которое может отличаться от мнения большинства. Я жил и живу своей головой и редко прошу у кого-то совета. Многие взрослые не могли, а порой не хотели понимать, что у парня может быть своя точка зрения. Словом, я не вписывался в «отряд» столичного бомон-

да, который во всем должен слушаться старших.

— Можно об этом подробнее? Чем ты «отличился» тогда?

— Много лет назад с юношеской сборной мы были в Таллинне. Для меня это было необычно: тогда Прибалтика для многих казалась границей. Во время одного из турниров я познакомился с симпатичной девочкой, и мне захотелось — впервые в жизни — пригласить ее на свидание. Тренеры же нам категорически запрещали прогулки по городу. Я попытался втихаря спуститься с третьего этажа по трубе, но не рассчитал силы, упал и сломал руку... А однажды по поводу моей персоны объявили республиканский розыск. Случилось это в Минске. Я умудрился перелутать гостиницы. Не сильно расстроившись, взял обратный билет домой. Тем временем тренер заявил о моем исчезновении в милицию... Два дня меня искали по всей Белоруссии и не могли найти. А я в это время приехал домой и первым делом отправился на любимую рыбалку.

— Как ты впервые оказался за границей?

— Нам с тренером удалось побывать в Штатах, в знаменитой на весь мир академии Ника Боллеттери во Флориде, где в юные годы проходили стажировку многие нынешние теннисные звезды. Ребята там не только тренируются на десятках kortов, но и учатся в частных школах. У «папы Ника» побывали Борис Беккер, Монина Селеш, Пит Сампрас...

— Что особенно запомнилось у «папы Ника»?

— Моя первая игра с нынешней первой ракеткой мира Питом Сампрасом. Тогда Петя, как я его называл, выиграл у меня два сета, но затем начался дождь, и мы доигрывали в зале. Третий сет я у него отобрал, но победа оказалась на его стороне.

— У нас теннис считается элитарным видом спорта. Ну а за рубежом?

— Там теннис развивался по восходящей многие десятилетия. У нас же он считался «буржуазной игрой». Нам всегда нужна была массовость. По этой причине теннис долгие годы был в забвении. На Западе нет такой проблемы с кортами, как у нас. В Москве самые высокие в мире цены на аренду площадок. У нас умудрились взвинтить плату за час игры от 40 до 80 банков!

— Говорят, ты не всегда выдержан на корте?

— Не у всех нервы железные. И не всегда судьи справедливы к игрокам. Хотя сейчас и изобрели электронного судью, который следит за подачей. На «линиях» — живые люди, которым свойственно ошибаться. Иногда они это делают не специально, иногда кому-то попросту подсуживают. И когда я вижу, что мяч не попал в корт, а судья говорит наоборот, нервы порой не выдерживают... Меня уже несколько раз штрафовали за то, что бросал ракетку или колотил ею о корт...

— Правда, что в таких ситуациях многие теннисисты матерятся?

— Во время любого турнира на корте можно услышать мат на любом языке мира. Но это считается непозволительным. Судьи за этим строго следят. У них даже есть что-то похожее на словарь, где собраны крепкие выражения на разных языках мира. Кто-то из игроков пошлет судью «куда подальше» — жди штрафа, который назначается в зависимости от крутизны выражения. Вот уж тут действительно «молчание — золото».

— Ты доволен своими заработками?

— За это время только призовыми получил более трех миллионов долларов. Для двадцатидвухлетнего парня из Сочи это совсем неплохо. В прошлом году я выиграл турниры

в Милане и Санкт-Петербурге, Гштадте и Лонг-Айленде. Всего же у меня восемь побед на турнирах АТР — Ассоциации теннисных профессионалов. По их количеству мне удалось обойти даже ветерана российского тенниса Андрея Чеснокова, которому недавно стукнул тридцатник. Но, несмотря на возраст, Андрюха здорово играет. Чего стоит его победа над Михай Штихам в полуфинальном матче на Кубок Дэвиса между сборными России и Германии, когда он принес победное очко нашей сборной! Недаром ему дали за это орден Мужества!

— На что тратишь деньги?

— Люблю делать себе хорошие подарки. Некоторые меня упрекали, когда я позволил себе купить массивную золотую цепочку. А что делать с «бабнами», которые так быстро у нас обесцениваются?.. Мне нравятся красивые и быстрые автомобили. По примеру Андрея Медведева купил «Феррари» за 225 тысяч «зеленых». Но в двигателе моей «тачки» всего восемь цилиндров, а у Андрея на четыре больше. Недавно пришлось немало раскошелиться на квартиру в Москве. Сейчас вообще расходы значительно возросли: у меня появилась подруга.

— Кто она?

— Ее зовут Маша, и теперь она меня сопровождает по всему миру...

— Во Франции она помогла победить? Многие журналисты, комментаторы обратили внимание, что ты частенько поглядывал на трибуну, где Маша была... Эмоционально «подзарядился»?

— Вполне возможно... Ведь кто, как не женщины, вдохновляют нас на победы. Еще недавно я говорил, что женюсь, когда стану первой ракеткой мира. Наивно думал, что можно жить одним теннисом. Но жизнь — штука сложная, здесь нельзя все запрограммировать.

— По гороскопу ты Водолей...

— Правящая планета Водолея — Уран. Водолеи обычно очень верны в человеческих отношениях. Люди этого знака чувствуют себя лучше всего, когда видят вокруг себя знакомые лица, места. Они всегда ищут пути самовыражения в чем бы то ни было. Вот я и самовыражаюсь на корте. Некоторые журналисты за мою игру окрестили меня Калашниковым, хотя это сравнение мне и не нравится. Я просто Кафельников или, как меня еще прозвали, Кафель. Но пока есть силы, буду играть в теннис, а в плиточники вряд ли пойду.

— Как ты относишься к славе?

— К хорошему быстро привыкаешь... Еще недавно я был простым парнем из Сочи, и меня никто не узнавал даже на сочинских улицах, а теперь где-то за тридевять земель в австралийской Аделаиде за спиной могут сказать: «Зис из мистер Каффелникофф — ван оф зе бест ин зе волд!» От этого даже мурашки по спине ползут... Здорово, когда спортсмена узнают по всему миру. Но за рубежом многие приходят посмотреть на российского теннисиста, надеясь увидеть меня в валенках или полушубке, в шапке-ушанке или в бескозырке, и порой очень расстраиваются, что «мистер Каффелникофф» практически ничем не отличается от других теннисистов... А после неудачного выступления хочется поскорее попасть в гостиницу, но на выходе с корта тебя порой «достают» фанатики с просьбой дать автограф. И приходится это делать, так принята во всех странах. Не надо настраивать против себя публику. Тебе это ничего не стоит, черкнуть пару слов, а человеку на всю жизнь память. Взять автограф у русского, да еще теннисиста, да еще у первой ракетки России — ну не кайф ли это?!

— У тебя есть хобби?

— Про рыбалку уже говорили, но из-за хронической нехватки времени все отходит на второй план. Когда выпадает свободное время, люблю смотреть телевизор. Особенно «Евроспорт», канал, где практически круглые сутки идут прямые репортажи о различных соревнованиях в разных уголках мира.

— Твои отношения с прессой?

— Обычно я приветлив с людьми. Особенно с журналистами, ведь порой на вашего брата не так посмотришь, а в печати тут же пройдет сообщение, что «Кафель» игнорирует пишущую и снимающую братию. В свое время Иван Лендл не смог найти общего языка с прессой и потом очень жалел об этом. Мне это ни к чему. С журналистами надо дружить. Но мне не нравится, когда некоторые хотят похлопать меня по плечу или отлавливают в любое удобное для них время. Иногда перед матчем мне надо сконцентрироваться, побыть одному, а у меня просят автограф... Пока я к этому не привык, и многие обижаются. Но, пойми, я не могу быть «своим парнем» для всех...

— Тебя считают замкнутым, крайне немногословным человеком.

— Нередко журналисты мне задают вопросы типа, каким я вижу себя со стороны. Они хотят, чтобы я не только мастерски играл на корте, но и блистал в разговорах... Во-первых, не надо забывать, что родился и вырос я не в столице, а в провинциальном Сочи. А во-вторых, журналисты получают деньги за умение четко и ясно излагать свои мысли, а я — за свои достижения на спортплощадках. Никто же не требует от них ставить спортивные рекорды!.. Да, говорят, что Кафельников нелюдим. На самом деле я не такой: очень общительный молодой человек. Спросите об этом у Маши...

Беседа вел НИКОЛАЙ ЗУЕВ.

Увидеть себя...

Владимир Чейшвили вот уже 28 лет бессменно снимает для «Смены». Уверен, давние читатели журнала помнят снимки и юного Володи, и зрелого Владимира Васильевича. Объездив всю Россию, весь Советский Союз (и не раз!), Владимир не просто «перекладывал» жизненные мотивы на пленку, а всегда пытался оказаться «в нужное время в нужном месте». Думаю, фото Чейшвили – это в определенной мере наша память о времени и о себе. Причем память не застывшая – пульсирующая, живая...

Он конкретен – большинство фотографий его можно без труда соотнести с местом и датой съемки. Он снимал строителей, спортсменов, воинов, геологов, крестьян... Они не позировали – занимались своим делом. А Володя – своим. Вот этот «деловой подход», сопряжение труда и личности, быта и души есть в лучших фотографиях Владимира Чейшвили.

Я бывал с ним в командировках, видел его в работе. И меня всегда поражала стремительность его «включения». Он не «расскачивается» – в гущу событий входит мгновенно, успевает везде, но ловит не момент, не кадр, а дух, настроение.

Всегда ли удастся ему «поймать» это? Вот снимки – судите сами...

Он пришел в «Смену» сразу же после службы в армии. Сегодня ему – пятьдесят.

Но нынешний фотOVERнисаж не подведение итогов, а творческая проверка нашего (надеюсь, и вашего, читатель) доброго друга и серьезного журналиста.

Посмотрим на время его глазами – и, вполне возможно, увидим приметы нашей личной жизни.

Что не сохранит память, прочно хранит пленка фотомастера...

День ВДВ. Десантура вспоминает

Арбуз - на любой вкус!

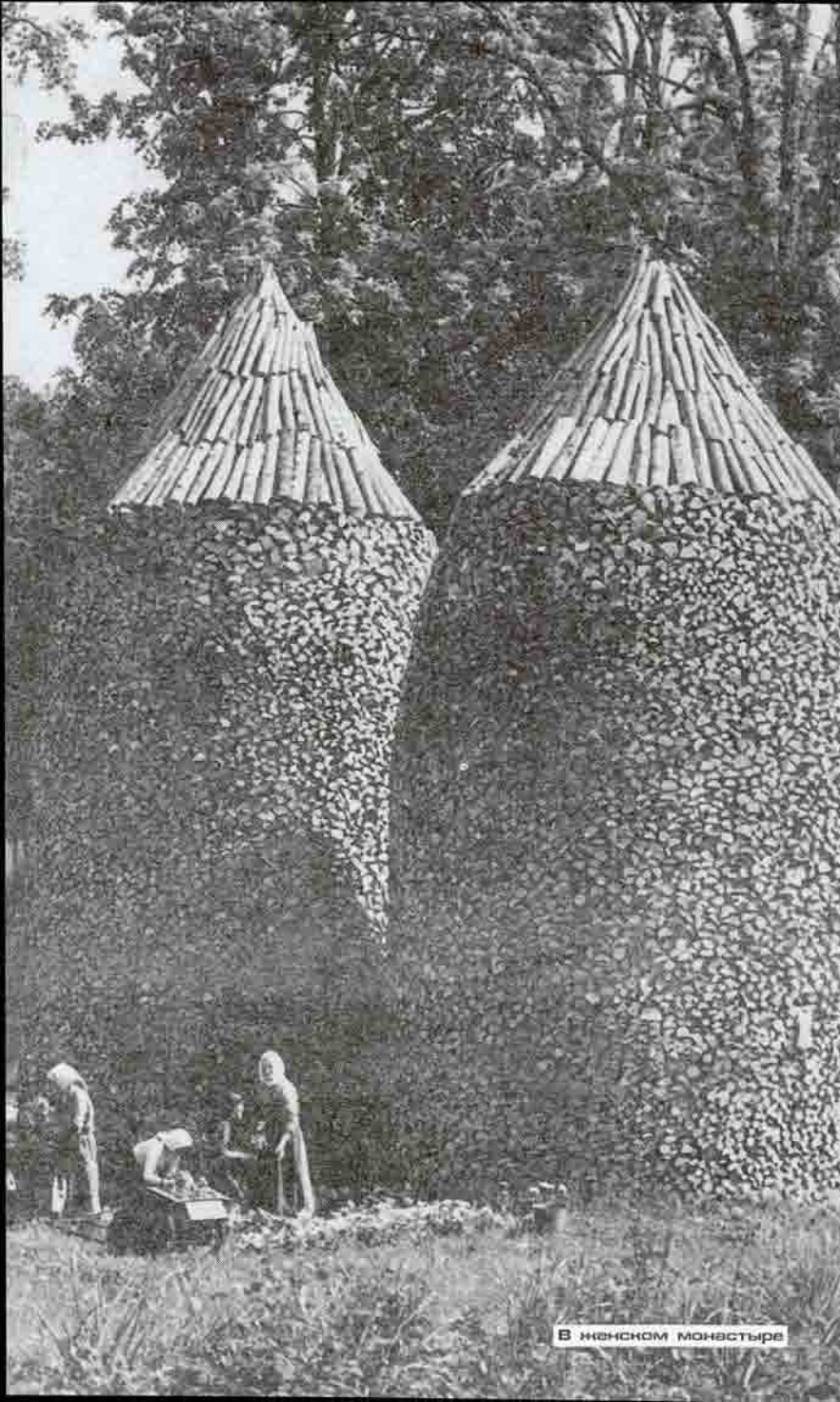
«Отслужу, как надо...»

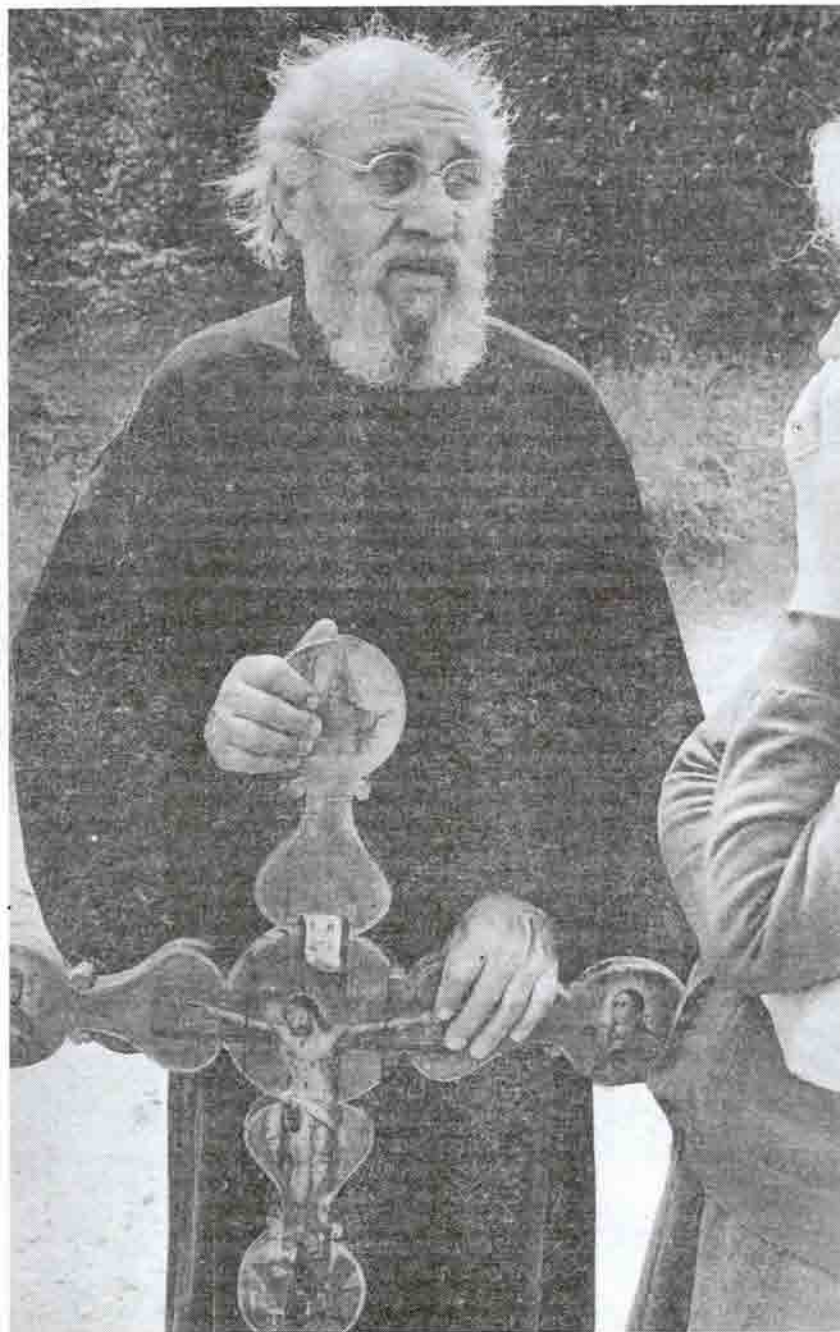
Planet

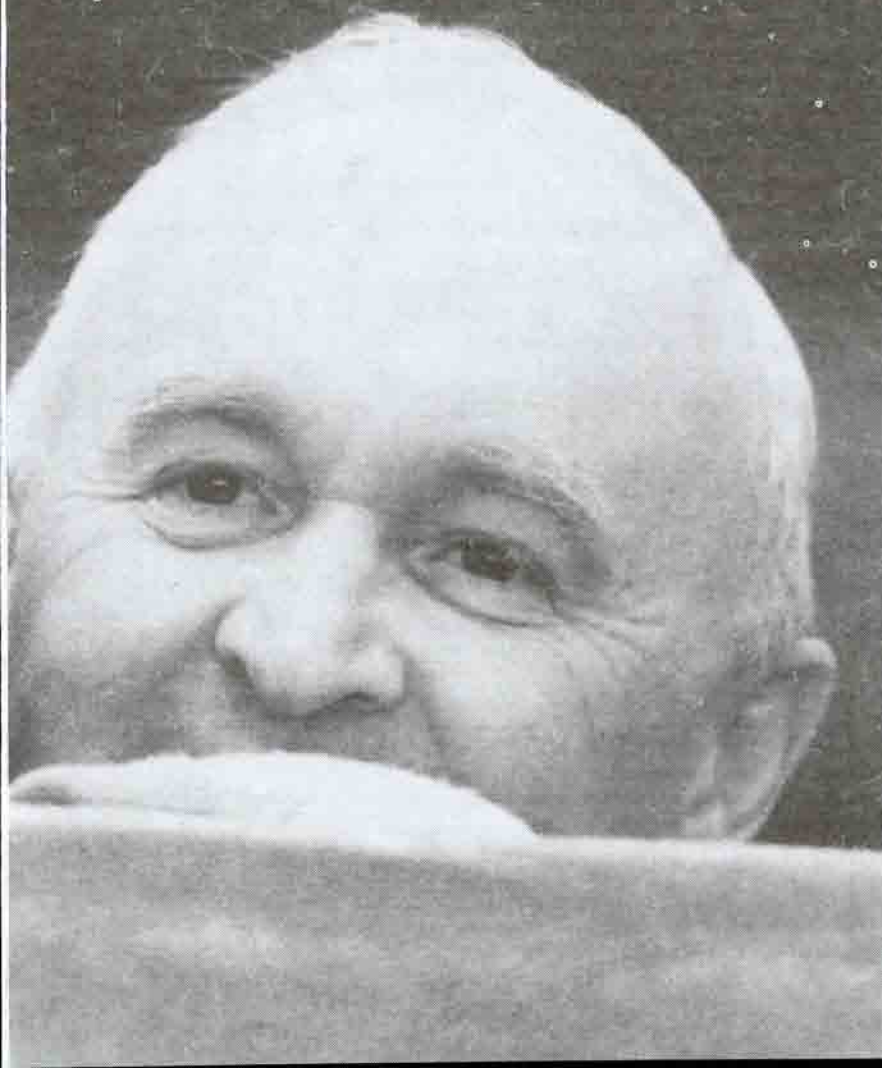

В женском монастыре

Батюшка из Ивангорода

«РАБЫ НЕ МЫ»

Те, кто не понаслышке знаком с проблемами, порожденными в нашем обществе сектантством, знают, что острее является проблема **р а б л и т а ц и и** — освобождения людей от сектантской зависимости (в ходу еще выражения «депрограммирование», «раскодирование»).

Что происходило и происходит на глазах изумленных родителей? В

щин. Их лишают жизни. И порою, увы, в самом прямом смысле...

Наглядно это можно продемонстрировать на деятельности уже запрещенной на территории России секты «Аум Синринё». Назалось бы, секта исчезла — прекратилось ее вещание на радиостанции «Маяк», теле вещание на канале «2x2», арестованы ее банковские счета, закрыты семь филиалов в Москве. Может быть, и проблем больше нет?

СВЕТЛАНА КОЛОСОВСКАЯ

**5 МИЛЛИОНОВ
МОЛОДЫХ
РОССИЯН СТАЛИ
РАБАМИ,
ИХ ЖИЗНИ
УГРОЖАЕТ
ОПАСНОСТЬ.**

ИЗ

считанные недели их неверующие, атеистически воспитанные дети превращались под воздействием неких «гуру» в фанатинов, страстных пропагандистов религиозных догм.

Около 5 миллионов россиян, главным образом молодых, вовлечены нынче в так называемые новые культы. Они теряют семьи, им запрещают служить в армии, участвовать в политической жизни страны. Они становятся рабами сектантских об-

Как утверждают родители, после запрета секты их дети в подавляющем большинстве домой не вернулись. После «аумовской» обработки состояние их таново, что они просто не способны жить в условиях обычного общества, без привычного уже психодовлеющего воздействия секты. Двое юношей 22 и 24 лет, вырвавшиеся из секты самостоятельно, панически боялись темноты. Когда на ночь вы-

ключался свет, они кричали, как маленькие дети. С ними приходилось сидеть, пока они уснут. Большая часть адептов секты осталась жить на квартирах, которые в свое время были «пожертвованы» секте. В комнатах не было ничего, говорили родители, кроме голых стен. Спали аумовцы вповалку на полу. Ели редко, плохо и мало...

Старшие квартир замыкаются на российское руководство «Аум». А ру-

РИМОН

ководство это, в свою очередь, управляется японцами. После запрета секты ее «начальники» создали ряд коммерческих структур, которые и по сей день занимаются операциями с недвижимостью, международным туризмом, торговлей...

Рядовые члены «Аум» торгуют на рынках, работают подсобными рабочими на стройках, ремонтируют квартиры. То есть они, по сути, рабы сенты.

При встрече с сыном-аумовцем 26 лет мать спросила:

— Сынок, что же ты такой истощенный, почему так плохо одет, ведь ты же работаешь?

— Организации нужны деньги для расширения, а нам ведь, ты знаешь, ничего не нужно...

Неожиданно (это произошло нынешней весной) аумовцы вернулись по домам. Там решило подпольное руководство секты: ведь следствие по делу Аум не завершено, лучше не искушать блюстителей общественного порядка.

Чем же заняты эти аумовцы? Все тем же, работой на секту.

Рассказывает одна из матерей: «Сыну 26 лет, имеет высшее образование. После возвращения домой не отходит от компьютера — пишет программы на продажу. В кармане у него по-прежнему ни копейки, живет за наш счет. Вернее, секта живет за наш счет. Он, как и раньше, в полном подчинении у секты и уйти из дома может в любой момент. Раб. Что делать, как открыть ему глаза на происходящее, не знаем...»

...Официальный представитель далай-ламы в России Лама Тинлей говорит:

— Я глубоко скорблю вместе с пострадавшими российскими семьями. То, что делает здесь Асахара, не имеет ничего общего с буддизмом. Более того, использование аумовских «прантик» — прямой путь в психиатрическую клинику.

Лама Тинлей как в воду глядел. Уже после запрета секты, нацсообщил комитет по спасению молодежи, по подполью Аум прокатилась волна непонятных смертей (от рака скоропостижно скончались мужчины 28, 38 лет...), в том числе самоубийств. С балкона выбросился 12-летний мальчик, вовлеченный в секту матерью. Некоторые в состоянии депрессии, предельно истощенные морально и физически, были помещены в психиатрические клиники...

Так что же это за воздействие, жертвами которого становятся молодые и дееспособные люди? И можно ли от него освободиться?

Психиатры, исследующие так называемую духовную прантину многих новомодных религиозных общин, приходят к выводу: сектанты действительно используют специальные приемы внушения, в том числе работы прикладной психиатрии. Есть и носвенные доказательства этого: во многих сектах контакт с психиатром считается тяжким грехом и искупается он (в частности, в «Аум Синрикё») жесточайшим постом и рядом изнуряющих послушаний...

В газеты и журналы, стоит им хотя бы вскользь упомянуть о реабилитации или депрограммировании, секты направляют обширные разработки на эту тему, будто заранее заготовленные. Схема проста, но весьма действенна: сначала на все лады порочат людей, занимающихся депрограммированием, а затем звучит панегирик в защиту религиозной свободы. Характерный пример: в августе прошлого года газета «Сегодня» опубликовала статью профессора Ф.В. Нондратьева «Сектантство в России глазами психиатра», в которой он дал научно обоснованные рекомендации людям, пытающимся освободиться от пут сектантства. Секты тут же выпустили на арену своего «правозащитника» Дмитрия Фролова, который сработал по испытанной схеме. Сначала назвал известнейшего (и в России, и за рубежом) профессора Научного центра социальной и судебной психиатрии им.В.П.Сербского («до сих пор неизвестным профессором-антипсихиатром»), а затем, извратив смысл статьи, «развенчал» то, что сам придумал и приписал психиатру. Берегитесь, мол, граждане, «Белое Братство» и «Аум Синрикё» — это только повод для обоснования кампании по выявлению «контингента»; для того, чтобы всех без разбору отправлять в

психушни... В общем, с большой головы на здоровую... Знакомый прием, не правда ли?

(В снобках отмечу: мне тоже довелось испытать подобное «давление». Статья «Хаббардизация» всей страны?» — («Смена» N 1, 1996 г.) — вызвала в Центре дианетики прямо-таки взрыв негодования. В редакцию пришло обширное «опровержение», совершенно неаргументированное, на уровне «А ты сам кто такой?». На него можно было бы не обращать внимания. Но в этой связи следует сказать об общей тактике сект. Последние имеют в своих структурах представителей («по связям с общественностью»), которые не только отслеживают любое упоминание их организации в прессе, но тут же реагируют по определенной схеме: звонками, письмами (официальными и частными), петициями протеста, угрозами в адрес журналистов и редакций. Затем посылаются объемные, заранее заготовленные по западным образцам аналитические материалы, которые зачастую являются уже готовыми ответами на вопросы, которые в России еще не возникли, зато на Западе уже были предметом судебного разбирательства. Цель преследуется одна: прекратить объективные, критические публикации, показывающие истинное лицо секты. Если не удастся уговорить или напугать, пытаются донять, «достать» объемами переписки, чтобы довести редактора до состояния, когда он возопит: «Надоели! С нас хватит, пусть о них другие пишут!»)

Синдром зависимости

Профессор Ф.Кондратьев считает, что сектантство требует такого же серьезного отношения, как проблема наркомании. «Анализируя этот вопрос, — сказал он на семинаре

«Деструктивные культы и их жертвы», проходившем в Государственной Думе России в декабре 1995 года, — я нахожу все больше общего между наркоманией и «сектоманией». Беру на себя смелость ввести в обиход это новое словосочетание, исходя из его сути. Дословно «мания» означает крайнее, болезненное пристрастие к чему-либо, сосредоточение всех представлений и чувств на чем-нибудь одном. Как наркотики бывают разные, так и секты бывают разные, но в основе — синдром зависимости».

Синдром зависимости возникает в результате ранее не испытанного или психологического — неважно. Вначале человек получает определенное облегчение, а затем незаметно для себя привыкает и онаявляется во власти постоянной потребности этого воздействия. Когда человек уже не может себя чувствовать комфортно, свободно, самостоятельно, без о з д е й с т в и я — это уже синдром зависимости, то есть психическое расстройство.

Да, не все люди становятся наркоманами, не все становятся и сектоманами. Существует определенная предрасположенность, определенные факторы риска. Эти факторы риска и у наркоманов, и у сектоманов настолько сходные, что практически все, что относится к одним, относится и к другим. Условия, превращающие факторы риска в реальную патологию, идентичны. Во-первых, общая личностная инфантильность. Она имеет два источника — биологический и социальный. Из-за эволюционного и генотипного неблагополучия (в первую очередь — алкоголизма родителей!), патологии родов, тяжелых детских инфекций формируется биологическая слабость головного мозга. Эта фоновая невропсихическая слабость мешает нормальному психическому развитию человека, становлению его индивидуальности. К этому нужно прибавить духовную инфантильность, но-

торой — увы! — поражена большая часть нашего общества. Ведь мы сейчас живем с постоянным и гнетущим ощущением пустоты жизни. А этот «вануум» легко могут заполнить различные эрзацы, дающие ощущение счастья. Ассортимент таких средств широк, начиная от психотропных средств (алкоголь, наркотики), порносенсуальности до имитаторов духовных истин. Пристрастившись к любому из этих эрзацев, человек ощущает, что будто бы нашел, наконец, единственно правильный путь...

Сектомафия

— Мне пришлось ввести в оборот, — продолжает профессор Кондратьев, — словосочетание «сектомафия», ибо здесь я также нахожу много общего с наркомафией. И та, и другая предлагают простой и быстрый путь к успеху. Одна — «Понури», «Сядь на иглу», другая — «Иди к нам, тебе напрямую, без тернистого пути, откроются божественные истины, смысл бытия, ты выйдешь из серой массы, тебя ждет духовная элитарность». Для человека, находящегося в острой кризисной ситуации, все это может показаться очень привлекательным. Но, как дебютант-наркоман не ожидает преждевременной смерти в муках абстинентной ломки, так вряд ли кто из религиозных неопитов, вступая в секту, предполагает, что превратится, например, в робота на заводах Муна или будет распылять ядовитые газы в тоннельском метро. Словом, станет «зависимой личностью», бросит семью, распродаст имущество — все это отнюдь не для духовных целей «духовных» авторитетов...

Добавим, что и та, и другая мафии имеют достаточно средств для привлечения необходимых специалистов; имея внутреннюю конкуренцию, они объединяются для корпоративной защиты (считая, например,

что закрытие одной секты — провал наркозвена — может вызвать эффект «домино»). И наконец, и наркомафия, и сектомафия несут социальное зло, вред духовному и физическому здоровью настоящего и будущего поколений. Однако наркомафия встречает сопротивление государства, а сектомафия, увы, нет!

Правомерно ли говорить о сектомафии как сложившемся явлении у нас в стране? Бесспорно и однозначно — да, правомерно.

Новые культовые образования имеют огромные финансовые возможности. Как мы знаем, для них в равной степени доступно арендовать стадионы, строить огромные здания, оборудовать современные типографии, использовать электронные средства вещания. При такой финансовой мощи они не упустят возможности привлечь для своей защиты юристов, психиатров, профессиональных правозащитников.

И только «во-вторых» — психиатр

После семинара я встретила с профессором Кондратьевым.

— Федор Викторович, родственники тех, кто оказался вовлеченным в секты, возлагают на психиатрическую науку большие надежды.

— Психиатрическая наука в России, да и не только в России, к этому не готова. После того, как стали известны мои выступления против культовых новообразований, практически ежедневно я слышу обращения за помощью со стороны родственников, уведенных в секты. Вот пример. Звонит мать, у которой дочь уведена в «свидетелям Иеговы». Остался зять и внучка. Зять с горя запил, внучка перестала спать, все зовет маму, стала заикаться. Семья разрушена. Слезные просьбы: профессор, помогите! Увы, моя помощь

пока ограничена возможностью бить в набат.

Понимая всю сложность проблемы, пагубность сектантства, я, к сожалению, вынужден выступать главным образом как общественный деятель, как гражданин, чтобы побудить общество, государственные структуры осознать, признать проблему; принять правовые решения, чтобы прекратить приток будущих пациентов в психиатрические клиники.

Что же касается реабилитации — у нас в стране нет этого опыта. Если судить по опыту западных психиатров (которым сектомафия всячески препятствует в работе), задача эта — очень сложная. Помочь можно только тому человеку, у которого самостоятельно появилась установка, желание — освободиться. Совершенно аналогично обстоит дело с лечением алкоголизма и наркомании. Как отмечают канадские и японские психиатры, разрушение сектантских установок возможно. Но если образующаяся духовная пустота не будет заполнена соответствующими смыслообразующими ценностями, все это «лечение» может закончиться для бывшего адепта suicidом.

— Наблюдали ли вы жертвы сектантства?

— Недавно я присутствовал на освидетельствовании пострадавших от деятельности «Аум Синрикё». По решению Генеральной прокуратуры, возбуждавшей в марте 1995 года уголовное дело против этой секты, комиссия Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского должна была исследовать вопрос: наносит ли духовная практика этой религиозной общины вред психическому здоровью ее адептов? Сначу несколько слов о двух экспертизах — посмертной и очной. Начну с последней. Мы обследовали состояние 35-летней женщины, на которую явно оказывалось острое психическое воздействие; у нее наблюдались гал-

люцинации, она слышала голос Асахары из Японии, постоянно ощущала его воздействие на свои мысли. Себя она считает совершенно нормальной, уверена, что секта исповедует принципы чистойшей нравственности и гуманности. И собрались там благороднейшие люди. «Наши братья и сестры мухи не могут убить, не то чтобы выступить против людей!». У этой женщины сформирована психологическая установка, поэтому реальные факты, противоречащие этой установке, даже если они произойдут у нее на глазах, — для нее не доказательство.

Второй случай касался посмертной экспертизы. Здесь следует сказать, что секты оказываются весьма привлекательными для людей, страдающих начальной стадией шизофрении. Ныне покойный «аумовец», психологическое состояние которого и было предметом рассмотрения, судя по всему, пошел в секту для того, чтобы понять особый смысл своего бытия, заполнить свою индивидуальную пустоту. До поры его, как могли, использовали. Между тем болезнь прогрессировала, а лечения он не получал. Он стал надолго исчезать из дому; наконец повесился в лесу...

— Скажите, профессор, как формируется эта «психологическая установка»?

— Люди с хорошим здоровьем и дурной совестью — речь, естественно, идет о руководителях сект — несомненно, используют гипноз. Я, к примеру, тоже владею гипнозом и могу, сназем, внушить человеку, что через полчаса, во время его выступления на Ученом совете, он снажет нелепую фразу: «А не пойти ли нам всем за грибами?» И он говорит это. Но никто, в том числе и я, не сможет объяснить, почему он пошел у меня на поводу, я ведь не колдун... Наука до сих пор не раскрыла природу гипноза. Это — загадка. А в применении к сектам — корысть и дурная совесть...

Секты и Православная церковь

А что же духовный пастырь России, Православная церковь — как она относится к появлению такого большого числа «конкурентов»?

На фоне сектантской публичности, хлесткого темпа вербовки новых adeptов Церковь наша представала в общественном мнении пассивной, не поспевающей за темпом жизни, не способной ответить на брошенный ей вызов...

О слабости русского Православия говорил в свое время еще Достоевский. Однако никогда цвет русской культуры, все те, кто отождествляются нами с понятием «золотой XIX век», не приходили к осуждению Церкви, не смели возвыситься над ней. (Речь идет, конечно, не об интеллигенции — предтече социал-демократии и атеизма.) Что же касается русской классической литературы, то она, несомненно, велика еще и потому, что, неся заряд духовности в мир, помогала Православию, укрепляла духовный стержень нации. Нельзя, конечно, требовать такого подвига от нынешней интеллигенции, воспитанной в традициях воинственного атеизма. Но помнить о прекрасных, высоких отечественных традициях — должно...

Я позволила себе эту сентенцию именно потому, что намерена рассказать о здоровых, сильных и вдохновляющих начинаниях Православия, которые мне пришлось наблюдать в последнее время.

На упоминавшемся уже семинаре собрались большей частью люди, искренне обеспокоенные бедами, принесенными сектантством, но в целом преобладал настрой некоторой безысходности.

— Ещё немного — и будет поздно, — говорили одни. — Идет цепная сектантская реакция...

— Мы начинаем терять молодое поколение, — вторили другие.

— Сознание этих людей невосстановимо, — сокрушались третьи.

И вот на этом фоне, что становился уже привычным, я вдруг услышала:

— При содействии центра реабилитации за 1995 год секты покинуло 250 человек...

В Храме на Большой Ордынке

Отец Олег уже более трех лет руководит центром реабилитации жертв нетрадиционных религий памяти А.С.Хомякова, что при Храме Всех Скорбящих Радости на Большой Ордынке, 20. Проблема эта для него не нова, как не нова для Церкви и проблема сектантства, и возникла она не три года назад. Отец Олег занимается реабилитацией уже пятнадцать лет. Сначала были баптисты, пятидесятники, протестантские секты; затем уже появились сайентологи, кришнаиты, «аумовцы», приверженцы «Белого Братства»...

— Деление на традиционные и нетрадиционные религии или культы, — говорит о.Олег, — довольно условно, и мы не делаем на этом акцента. Адвентисты седьмого дня в первой половине XIX века мало чем отличались от «Белого Братства». Они дванды назначали приход конца света, все распродавали. В итоге — оказывались духовными банкротами... Набор еретических заблуждений окончательной сформировался к VII—VIII вв. нашей эры. После этого происходит только перебор идей на каком-то следующем, новом витке. Любой человек, знакомый с историей Церкви, знает: что бы ни исповедовали сегодня основатели вновь появившихся религий, все они — плагиаторы.

Полгода назад я встречался с российским лидером секты Муна господином Семеновым и задал ему вопрос, который адресую всем руководителям сект: «Вы говорите о новом «откровении»... Так что же нового сказал Мун?» Мой оппонент пытался что-то ответить, но когда я ему показал, что одна его идея взята из Талмуда, другая из Корана, третья из писаний древних евреичков, он вынужден был согласиться. Тот же вопрос во время диспута с представителями Хаббард-центра я задал им. В ответ то же замешательство — кроме плагиата, там ничего быть не может.

— Беда, которая обрушилась на нас как бы вдруг, — продолжал о. Олег, — подготавливалась семьдесят лет. После падения «железного занавеса» в образовавшийся духовный вакуум со свистом, гиканьем, мегафонами, большими деньгами устремились иноземные миссионеры... В основном у нас получают распространение так называемые тоталитарные секты, что безусловно связано с нашим прошлым. Когда общаешься с сектантами, все больше убеждаешься, что они эксплуатируют энергию тоталитарного мышления...

— Хочется верить, что проблема сектантства со временем потеряет свою остроту, но что же нынче делать с сотнями тысяч людей, над которыми проведен столь безжалостный эксперимент?

— Церковь не считает сектантов погибшими людьми. Они стали — верующими. Искренне заблуждающимися, но религиозными. Взамен «псевдорелигиозности» им нужно предложить здоровую религиозность. Негатив заменить позитивом. Когда сектант видит, что ему предлагают не голую отрицательную пустоту, а религиозную альтернативу, с ним гораздо легче найти общий язык.

— Из чего складывается работа центра реабилитации?

— Каждый вторник с 12 до 16 часов в храм могут прийти те, чьи

родственники, дети стали сектантами. У нас их ждет помощь, совет... Все они — наши дети. Если нужно, приходим в дом к странствующим. Когда мы весной 1995 года проводили диспут в центре «Аум» на Звездном бульваре, многие аумовцы испытывали состояние настоящего шока; когда они увидели, что их лидер Пуно Сейгоши не разбирается ни в христианстве, ни в буддизме, что он попросту невежда, то обратились к нам: «Почему же мы вас раньше не встречали? Почему наша первая встреча с православием произошла в буддийском храме?...»

— Отец Олег, о чем вы говорите с матерью, сын которой ушел в секту?

— Очень важно, чтобы была верно понята первая фраза: «Ваш сын ушел из семьи. Он ушел от вас». Можно обвинять общество, которое допустило в страну секты, можно обвинять секты, но куда деться от того факта, что человек ушел от самых близких? Труднее всего признать вину за собой... Дело в том, что современные секты спекулируют на такой проблеме, как конфликт в семье — они «разыгрывают» энергию скандала. Православная церковь учит чтить своих родителей. Цель сект — разрушить самые близкие, родственные связи с тем, чтобы человек оказался в полной зависимости от секты, чтобы ему нигде было больше податься, вернуться... Тех, кто покидает секты, мы просим написать, к а н они попали туда. Оказывается, чаще всего — из-за непонимания в семье.

— Чтобы дети вернулись домой, нужно изменить обстановку в семье, — советует отец Олег. — Ведь наши дети зачастую не получают ни в обществе, ни в семье даже элементарного духовного образования. Когда мы беседуем с родителями, они начинают понимать, что без собственного духовного образования им не вернуть детей в семью... Однажды юноша-аумовец заметил дома (а навещивался он только тогда, ко-

гда все были на работе) православные книги, иконы... Первый раз он задержался из обычного любопытства и удивления, ведь ничего подобного в доме никогда не было. Он не онидал, что когда-либо вообще сможет поговорить со своей матерью на темы духовности. Задержался один раз, задержался другой... И ниточка между душами была протянута, возможно, та самая — ариаднова нить...

— Поддерживаете ли вы связь с вашими бывшими подопечными?

— В сенты они не возвращаются, но и церковь регулярно не посещают. Эти люди просто возвращаются к обычной жизни, начинают работать, растить детей. Нам показывают мои наблюдения, они не любят вспоминать сектантский период своей жизни, избегают встреч с бывшими сотоварищами... Но эти люди сохраняют благодарное отношение к Православной церкви, которая оказалась рядом с ними в трудную минуту.

— Ваши знания, образованность, умение вести дискуссии с руководителями различных сент — сайнтологов, кришнаитов, мунитов — вызывают большое уважение. И все же, когда я узнаю, что после посещения центра реабилитации лишь за прошлый год 250 человек покинуло сенты, то воспринимаю это как чудо...

— Может быть, вам покажется странным, но и для меня каждая группа воцерковленных, на светском языке — прошедших реабилитацию, — тоже чудо. И если вы меня спросите, как это происходит, я не смогу ответить. То есть рационального объяснения, которое удовлетворило бы чисто логически мыслящего человека, дать не могу. Но я верующий человек, священник, и происходящее имеет быть именно в храме, где находится чудотворная икона Всех Скорбящих Радости. Меня услышат те, кому дано услышать этот язык: «Чудо» состоит и в том, что работники цен-

тра, актив которого составляют десять семей, — обычные миряне, бескорыстно помогающие попавшим в беду. Некоторые на себе познали, что такое пребывание в сенте... Центр, храм возвращают бывших сектантов обществу. Светские методики пока что не дают такого результата. Отрадно, конечно, что к нам пришло признание: сейчас идет волна мощной поддержки наших инициатив. Различные общественные организации оказывают нам материальную поддержку; приходят люди, предлагающие бескорыстную помощь. Но в то же время прослеживается стремление систематизировать наш опыт, поставить все на официальную основу. Боюсь, что на этом пути, пути «кампанейщины», мы потеряем не просто «что-то», а главное — «чудо».

— Но центр не может, наверное, охватить всех желающих получить помощь, совет. Грех другим не воспользоваться вашим опытом.

— Не следует думать, что наш храм — это единственное место, где занимаются реабилитацией жертв новых культов. Сегодня есть достаточно много православных священников — к примеру, отец Артемий (Владимиров), — которые делают ту же работу, не создавая никаких «центров». Но мы же не сектанты, мы не трубим об этом на всех перекрестках. Следует сказать также, что нас поддерживает информационно-консультативный центр Ирины Лионского, дьякон Андрей Кураев... Последнее время активизировалась миссионерская деятельность Патриархии в целом. Недавно в Свято-Даниловом монастыре прошла презентация Миссионерского фонда, программы реабилитации, программы построения храмов в новых микрорайонах тех городов, где активность сектантов особенно возросла...

— Не считаете ли вы, отец Олег, что только Церковь может помочь в деле реабилитации бывших сектантов?

— Я отнюдь не исключаю и научные методики психологической реабилитации. Однако на безрелигиозной основе сделать это будет чрезвычайно сложно.

Наука и религия

Наше воспитание и образование приучили нас к тому, что наука и религия — понятия, увы, взаимоисключающие. Исповедовать и то, и другое — некоторый нонсенс, эпатаж, экстравгантность. Имея в виду тонкость, уязвимость проблемы состыковки этих явлений, я намеренно разделила их в изложении, чтобы дать читателям возможность определиться в своих склонностях. Действительно, так ли все это взаимонеприемлемо и не связано, если сама жизнь заставляет священника и психиатра искать точки соприкосновения? Известный религиозный философ Владимир Соловьев говорил: «Христианская истина не боится мысли и знания человеческого». В конце XIX века он полагал, что доказательство и обоснование этого тезиса станет высокой задачей будущего поколения отечественных мыслителей. Увы, от захватывающей дух идеи Вл. Соловьева мы оказались отброшенными так далеко, что сегодня не всякий и в толк возьмет, что же это такое.

Плачемся: за семьдесят лет утратили духовные традиции предков, основополагающие мировоззренческие ценности, а признаться себе в том, что это не китайская грамота, а доступные каждому христианские, библейские истины — духу не хватает. Переступить порог храма, отсюда эти глобальные духовные ценности никогда и никуда не девались, не позволяет гордость (слово «гордость» писать тут следует с маленькой буквы, ибо это человеческое качество, согласно Библии, достойно сожаления). Не готовые сами, с ревностью и непониманием смотрим на пытающихся переступить этот порог...

Труднее всего признать собственную вину, собственное недостоинство. Для постижения традиционных духовных истин, которыми жили наши отцы, нужны усилия, а мы — сподвигнемся ли? И только беда, расплата за духовную леность, начинает нас отрезвлять, наше жеманство и прямолинейную логику суждений как рукой снимает...

Православная церковь, сама за столько десятилетий обескровленная, все же помогает вернуть обществу и семьям души детей, израненные исцелителями поживы. И делает она это, как ей и положено, — спойно, незаметно, смиренно. И, как мы видим, небезуспешно.

Придет ли к тем же результатам наука?..

От редакции. Открытый, пристрастный разговор в российской прессе о сектантстве, о том, что несет оно нашим детям (вспомните хотя бы публикацию в «Смене» № 1 за нынешний год об «эксперименте» сайентологов над черныбыльскими подростками) не остался без внимания правительства России.

Сообщаем нашим читателям, что Министерство здравоохранения РФ своими недавними приказами (№ 245 и № 254) ставит реальный заслон оккультно-мистической прантине сект, калечащих и души, и здоровье. Резко осуждены и запрещены в отечественном здравоохранении методы сайентологии, дианетики — «производные» учения Л.Р.Хаббарда.

Проще говоря, наконец-то наша официальная медицина четко и недвусмысленно определила свое отношение к «чудесам» сектантства.

Надеемся, что это станет как бы точной отсчета в нашем движении к здоровому смыслу — в том, что касается культового оболванивания россиян. Вера и фанатизм — в корне разнятся: одно — лечит, другое — калечит. Слава Богу, начинаем понимать это...

ВАДИМ
КАЗАЧЕНКО:

"Я СКРОМЕН ДЛЯ АРТИСТА"

В конце 80-х годов магнитофонные ленты с записями Вадима Казаченко и группы «Фристайл» заполнили всю нашу некогда необъятную страну. Прошли годы, некоторые музыкальные коллективы времен перестройки распались, другие — на грани выживания. А вот Казаченко до сих пор выходит на сцену, раздражая при этом недоброжелателей.

— Вадим, что вас вынудило покинуть популярную группу «Фристайл»? Ходило очень много слухов по этому поводу: говорили даже, что вас выгнали... Неужели вы такой неживучий?

— Дело не во мне. Как-то после аншлагового концерта руководитель «Фристайла» прилюдно заявил, что не желает со мной больше работать, не сообщив даже, по какой причине. Впрочем, до этого он часто советовал, что я, по его мнению, очень заметно лидирую и отрываюсь от коллектива. Не понимал, солист выделяется не по своей воле: вполне естественно, что зрители больше внимания обращают именно на главного исполнителя. После того, как меня «попросили» из коллектива, я не заставил себя долго ждать, ушел в тот же день. Все, чего добился, пришлось просто бросить. Но спасибо судьбе, встретил Владимира Мальцева, нынешнего моего директора и большого друга. И вовремя. А то хо-

тел все бросить и уехать домой в Полтаву.

— На этом ваши отношения с «Фристайлом» оборвались?

— С директором — да. А с ребятами из группы иногда общаюсь, мы ведь все-таки из одного города.

— Как вы «поделили» свои песни после ухода?

— Никан. Я ведь первый их исполнитель, а руководитель группы — автор. Потому и включаю эти песни до сих пор в свои концерты. Кстати, были случаи, когда на гастролях «фристайловцы» пользовались... моим голосом: никогда не певший гитарист группы открывал рот под записанную мною фонограмму.

— Первый раз вы вышли на сцену в составе этой группы?

— Все начиналось на моей родине, в Полтаве. Тогда наш полтавский коллективчик напоминал обычную команду ребят, реализовавших свою мечту — играть в ансамбле на свадьбах и танцах. Когда в Полтаве

работы не стало, поехали, как и водится, в Москву «счастье искать». Но повезло нам не сразу. Долго сидели без работы и без денег. В 1989 году меня пригласили в «Фристайл». В тот момент группа осталась без солиста. Поработал и в ресторане «Измайлово», уж там не приходилось выбирать репертуар. Пел все: и советское, и американское. Кстати, пробовал себя и в роле, в группе «Угол зрения». Но визуально на роле не походил, потому что длинные волосы не люблю носить, а на жонаную куртку денег не хватало.

— *«Фристайл»* опять на волне популярности, но уже с новым солистом, манера пения которого точно-точно напоминает вашу.

— У меня нет особой неприязни по отношению к новому солисту. Хочется им петь «под меня», пусть поют. Тем более их теперешний хит «Ах, каная женщина» многие ассоциируют именно со мной и часто просят меня исполнить эту песню на концертах.

— *Вы выступаете с группой музыкантов. Почему у вашего коллектива нет названия?*

— Посоветовавшись с ребятами, пришел к выводу, что этого делать не надо. Только путаница возникнет. К тому же мне пока с составом не очень везет. Первое время несли потери: гитарист уехал в Америку, остальные поглядывали в сторону Канады и Германии. На данный момент ребята более стойкие подобрались; хотят работать здесь, со мной.

— *Вас часто обвиняют, что поете вы в нарочитой манере и что ваши песни напоминают «мыльные» телевизионные оперы...*

— Моя музыка по-русски мелодична и душещипательна. Считаю это достоинством. Да, на мои концерты ходит не только молодежь, но и люди преклонного возраста, которые в большинстве своем являются поклонниками телесериалов. Пусть кто-то меня считает примитивным

певцом, но не надо забывать, что работаем мы, артисты, не для критиков. Я обычный эстрадный певец, и мои песни мало чем отличаются от песен, к примеру, Вячеслава Добрынина, поющего о синем тумане, похожем на обман. А он считается «доктором-шлягером», и любовь публики к нему не исчезает. Хотя, действительно, публика сейчас предпочитает, к сожалению, примитивную музыку. Моя же работа — петь, поэтому подбираю песни, которые бы нравились слушателям.

— *Я была свидетелем, как одна взволнованная поклонница, приехав издалека, вручала вам подарки. А вы бы смогли вот так просто подойти к своему кумиру и что-нибудь подарить?*

— Наверное, нет. Такая мысль даже в голову не пришла бы. Мне интереснее смотреть на все со стороны. Я уже четыре года на эстраде и знаю, если сотворить себе кумира, затем приблизиться к нему, то разочарования не миновать. Артисты в жизни совсем иные, чем нажуются со сцены. Что касается поклонниц, то меня не пугают поднидающие возле выходов из концертного зала взволнованные девочки. Всегда уделяю им внимание. Не могу отвернуться и уйти. И вообще, я не строю из себя невесту: не отказываюсь выступать, если мне не предоставляют на гастролях шикарный автомобиль и королевские апартаменты. Смогу переночевать в гостинице и без горячей воды. Мне приятно, что на концертах я получаю много положительных эмоций и могу даже с кем-то ими поделиться. У меня есть музей из подарков, которыми я очень дорожу. Часть находится у мамы в Полтаве, часть — в моей маленькой квартирке.

— *Складывается впечатление, что вы искренне любите свою работу. А можете представить себя человеком другой профессии?*

— Мне нравится то, что я делаю, но если придется расстаться со сценой, уверен, без работы не останусь. Люблю водить машину, могу стать таксистом. Но хотелось, чтобы случилось это не раньше, чем лет через десять.

— Как-то в одной из центральных газет подсчитали внебрачных детей Вадима Казаченко. Как относиться к подобному рода публикациям?

— Заметки подобного толка мне понравились, но уж много в них неточностей: в некоторых городах, где сейчас проживают «мои» дети, я в указанное время просто не был. Точно могу сказать, что у меня есть дочь от первого брака, и живет она в Поптаве.

— То есть для вас работа и личная жизнь не совместимы?

— Именно. Да и вообще я скромнее артиста. С девушкой не могу познакомиться на улице, комплексую, вдруг она меня узнает и сочтет за наглость мой поступок. Должна быть любовь ко мне как к человеку, а не как к «звезде»...

— Но романы с коллегами вы не иск.почаете?

— Имеете в виду роман с солисткой группы «Комбинация» Татьяной Ивановой? Действительно, было такое. Год мы жили вместе и считали, что нашли свое счастье. Но оназало — ошиблись. О причине разрыва мне бы не хотелось говорить, да и о своей личной жизни вообще. Хочу, чтобы людей больше интересовало мое творчество, а не скандалы вокруг моей персоны.

— Вы изменились с тех пор, как приобрели известность?

— По-моему, нет. Я как был не очень коммуникабельным, таким и остался. Предпочитаю проводить время в компаниях уже проверенных временем и обстоятельствами друзей. Люблю сидеть где-нибудь в углу, наблюдая за происходящим. Популярность, как таковая, меня мало интересует.

— Как у вас соотносятся слова «деньги» и «творчество»?

— Провокационный вопрос. В нашей работе эти понятия тесно связаны друг с другом. Всегда получается по-разному, иногда поешь для души, не обращая внимания на гонорар, иногда — подработать нужно. Я ведь обычный человек. Кроме того, у меня своя группа, мои музыканты — все люди семейные, детей воспитывают, а значит, им не только себя кормить нужно. Но сегодня многие исполнители, к сожалению, забыли, что они выходят на сцену не только для того, чтобы потом купить новый «мерседес». Легче всего сделать деньги на музыке, напоминающей плевни в лицо публике. И через это проходят многие. Но задерживаются в этом «жанре» либо те, кому больше нечего сказать, либо те, кто сознательно эксплуатирует низменное начало в людях, делая из этого выгодный бизнес. Для меня, не считите за банальность, любовь — созидательная сила. Сразу всплывают в памяти слова толстовского князя Андрея: «Любовь — есть Бог, Бог — есть любовь». Энзюпери всю жизнь укреплял крепость души верой, надеждой и любовью. И это не просто красивые литературные образы, а нормальный духовный человеческий труд. А там, где дымчатся духовные руины, там и возникают «Мальчишники», зашибающие деньги, извините, на голой заднице. И люди от такой музыки лучше и счастливее не становятся.

— А вы счастливый человек?

— Конечно, судьба мне подарила встречи с потрясающими людьми, я получил возможность самовыражения через песни. Другой доли не хочу. Думаю, в ближайшее время стабилизируется и личная жизнь, ведь дом — это серьезно. И если уж стану семейным человеком, то тогда никто меня не сможет назвать несчастным.

Откройте для себя мир "ИСКАТЕЛЯ"

Подписывайтесь на журналы «Искатель» и «Мир «Искателя», и вам откроется удивительный и притягательный мир фантастики, детектива и приключений. Широко известные у нас и за рубежом авторы братья Стругацкие и Вайнеры, Александр Казанцев и Сергей Павлов впервые опубликовали свои произведения — «Понедельник начинается в субботу», «Гонки по вертикали» и «Лекарство против страха», «Лунная радуга» — в «Искателе».

И сегодня лучшие отечественные писатели Виктор Пронин — автор серии книг «Банда», Данил Корецкий — известный по роману «Антикиллер», Кир Булычев, Юрий Маслов и многие другие отдают предпочтение «Искателю», который теперь стал ежемесячным.

А это значит, что в 1997 году вы budete иметь возможность первыми познакомиться с их новыми произведениями.

Как и всегда, в журнале переводы популярнейших зарубежных мастеров детектива и фантастики.

Кроме того, читателей ждут увлекательные путешествия в непознанный мир таинственных явлений.

Новое о загадочном Тунгусском метеорите;
о вечных скитальцах — НЛО;

о воспоминаниях лейб-астролога Гимmlера;

о поисках легендарного ковчега Ноя на горе Арарат и неожиданных результатах, полученных в ходе экспедиции;

о спонтанном возгорании людей; о левитации и телекинезе;

о прорицателе Иоанне, который еще в XIII веке более точно, чем Нострадамус, предсказал многие важные события последних столетий, — все это можно будет прочитать в журнале с коротким, но красивым названием «Искатель».

Взяв в руки каталог Федеральной почтовой связи (обложка зеленого цвета), откройте его на 104-й странице, где представлены индексы наших изданий.

Подписная цена на сегодняшний день вполне приемлема.

«Искатель» — 5500 руб. за один номер;

«Мир «Искателя» — 7500 руб.,

льготная подписка на полугодие на оба журнала составляет всего 40000 руб.

ИСКАТЕЛЬ
ФАНТАСТИКА | ПРИКЛЮЧЕНИЯ

БРОЮ

Пролог

До дембеля оставалось шесть месяцев, когда удача отвернулась от сержанта Вадима Данина по кличке «Кобра».

День начался красиво. Накануне бойцы то ли выменяли, то ли украли барана, освеживали; среди ребят нашлись специалисты, мясо замариновали, и на завтрак сержант получил шашлык, какого в жизни не пробовал. Утолив голод, предусмотрительный Данин завернул несколько постных кусков с собой. После завтрака лейтенант указал фронт работ. На середине шоссе, если так можно было назвать вьющуюся в горах дорогу, громоздилась скала высотой с двухэтажный дом. Свалилась она в результате нашей же бомбардировки, движение оказалось перекрыто, потому преграду требовалось немедленно взорвать, а дорогу очистить.

Кобра оглядел скалу. Дураку ясно, что душманы решат — придут русские, начнут дорогу расчищать и пострелять их тут сам Аллах велел. Сделав столь неутешительный вывод, Кобра взглянул на лейтенанта охраны. Тот стоял в самом подходящем для снайпера месте, смотрелся красиво. Данин нашел щель, узкую и глубокую, как раз для одного человека, после чего, осмотрев обломок, который следовало убрать, начал соображать, как его взорвать и при этом не оставить на шоссе яму, все равно ее потом придется заделывать. Работая, он старался не выходить на простреливаемую сверху дорогу, держался у основания горного хребта.

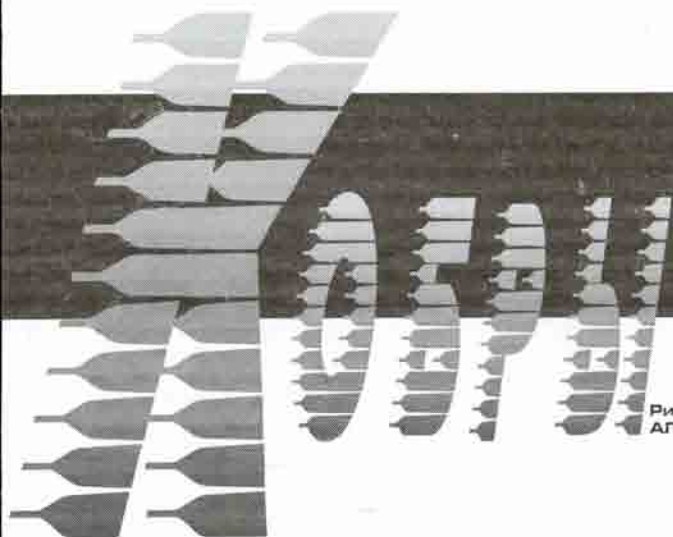

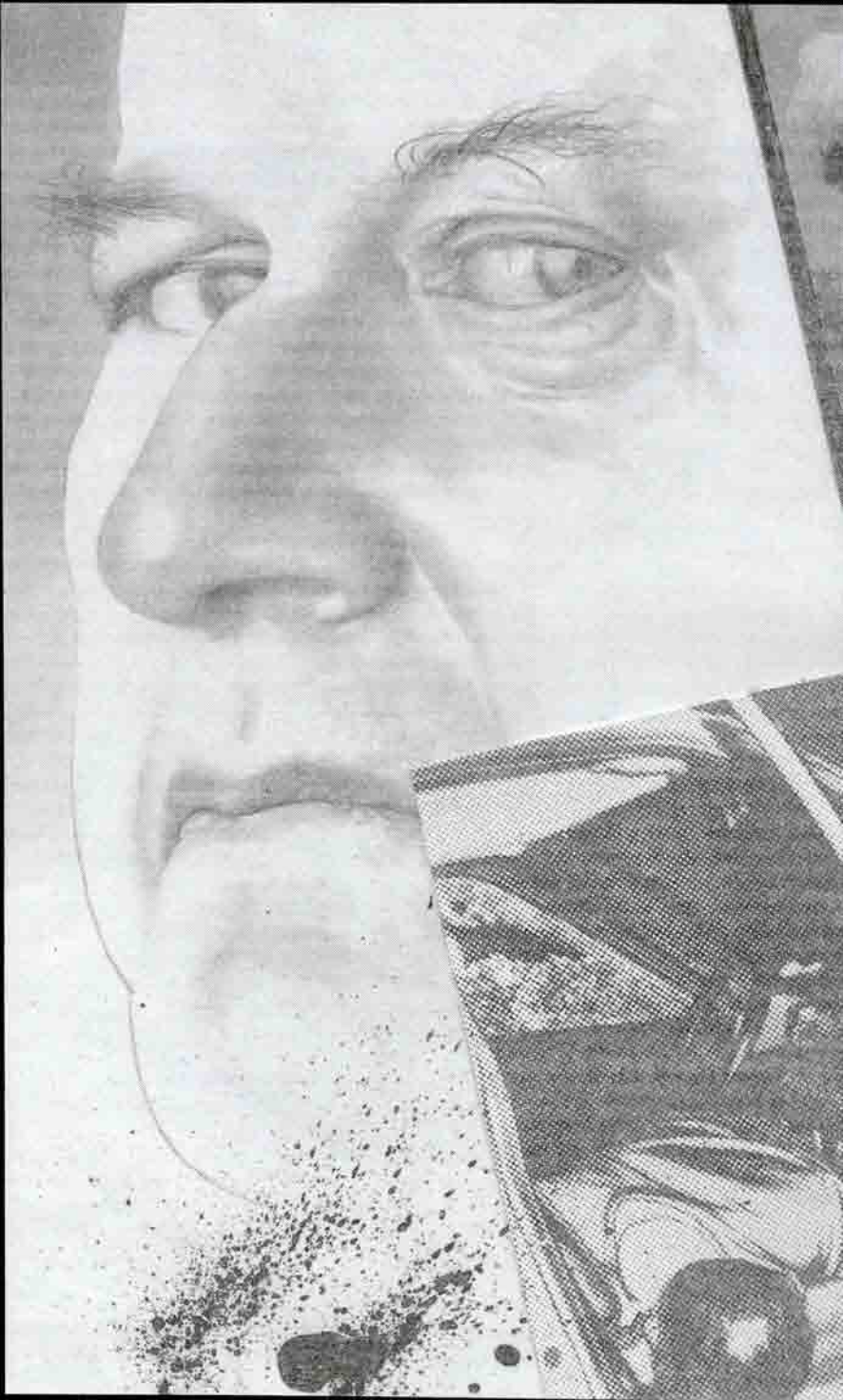
Рисунок
АЛЕКСЕЯ ОСТРОМОНЦА

Как известно, на войне стреляют всегда неожиданно. Раздался хлопок, лейтенант упал на колени, ткнулся лбом в камень. Кобра в два прыжка оказался у облюбленной ранее щели и налетел на бойца, который обожравшись бараниной, устроил из укрытия сортир. Данин метнулся в сторону. Сверху поливали свинцом. Саперы даже не успели схватить автоматы, а у сержанта оружия при себе вообще не было, автомат остался рядом с вещмешком, а положенный ему пистолет Кобра принципиально не носил. Пистолет в бою не оружие, лишь опознавательный знак наиболее ценной мишени.

Бойня продолжалась пару минут. Когда автоматы и пулемет над головой замолчали, Кобра понял, что афганцы спускаются на дорогу за трофейным оружием и за его, Вадима Данина, головой или яйцами, это, как говорится, на любителя.

Он стоял совершенно один. Засранец, оккупировавший облюбленную щель, лежал неподалеку, изрешеченный пулями, видно бросился за оружием. Кобра, все еще не придя в себя от шока, автоматически вынул пачку сигарет, закурил.

На дорогу выбежали вооруженные люди, стреляли, добивая раненых, и не сразу увидели сержанта, стоявшего, прислонившись к скале и курившего, словно ничего не происходит. Заметив его, афганцы оторопели. Кто-то выпустил автоматную очередь, умышленно целясь выше его головы. Осколки камня впились ему в лицо, он отер кровь и продолжал курить. Афганцы собирали оружие, обыскивали трупы. Высокий, ши-

рокопечий горец торопил товарищей. Кобра обратил внимание на мужчину, стоявшего в стороне. Хотя он был одет, как и афганцы, но походил на европейца. Атлет, командовавший бойцами, вопросительно поглядывал на европейца, но тот упорно не замечал его взгляда и пристально смотрел на сержанта.

Кобра чувствовал — незнакомец решает его судьбу. Он смял в пальцах сигарету, бросил под ноги. Европейец подошел к нему.

— Почему без оружия? — он говорил по-русски почти без акцента.

— Не люблю стрелять, мое дело — взрывать. — Кобра посмотрел ему в глаза, но тот взгляд не отвел, лишь недовольно поморщился.

— Коммунист и смерти не боишься? — в голосе незнакомца звучало любопытство.

Кобра решил рискнуть и спокойно произнес:

— Вы меня не тронете. Труп вещь бесполезная, а хороший взрывник — человек нужный.

— Готовы, спасая свою шкуру, предать Родину?

— Россия здесь ничего не теряет, я никого не предаю. И вообще, я сам за себя. — Кобра по-блатному оскалился, изображая улыбку.

— Сидел, значит, — утвердительно сказал незнакомец. — Ну, ладно, поглядим, какой ты специалист.

Глава первая

170

В кабинете начальника главка уголовного розыска генерала Орлова присутствовали его заместители, начальники отделов и два старших оперуполномоченных по особо важным делам, полковники Гуров и Крячко.

Петр Николаевич Орлов сидел во главе стола. Все присутствующие прекрасно знали, что генерал терпеть не может совещаний, а предпочитает разговаривать с каждым отдельно, и сбор, подобный сегодняшнему, событие редчайшее.

— Коллеги, в нашей работе приятные сообщения — редкость, потому я не буду оригинален, — начал Орлов, оглядывая собравшихся. — Аналитический отдел пришел к выводу, что значительная часть заказных убийств происходит по одной и той же причине.

— Передел сфер влияния среди авторитетов, — сказал седой полковник и сняв очки, начал их протирать кусочком замши.

— Верно, только ради того, чтобы сообщить прописную истину, я не стал бы вас собирать, отрывать от работы, — вздохнул Орлов. — Выявлена новая причина, которая обусловлена слабостью нашей судебной практики. Суды не справляются с рассмотрением исковых заявлений. Люди, корпорации, даже банки не могут получить долги с кредиторов и обращаются за помощью в криминальные структуры, а уж они-то решают данные вопросы оперативно и без проволочек. Но в последнее время тенденция получения долгов при помощи автомата Калашникова стала

нормой. Впрочем, и это не новость. — Генерал замолчал, выпил воды, после небольшой паузы продолжил:

— Новостью является достаточно обоснованное предположение, что объявился человек, который данный процесс централизовал, создал подпольный синдикат наподобие «Бюро добрых услуг». Если раньше получение долгов происходило кустарным способом, каждый заимодавец решал свои проблемы, как мог, то сегодня создана организация. Дело поставлено. Но... Раз создано такое «Бюро», то возможно, что его руководители берутся не только получать долги, но и решать политические споры.

— Мы — уголовный розыск, существует Управление охраны, контрразведка, — подал голос Гуров. — Петр Николаевич, нельзя объять необъятное, давайте решать свои проблемы и по мере их появления.

Все присутствующие прекрасно знали, что Гуров работал с генералом еще в МУРе, знакомы издавна, дружат, но в служебных вопросах личными контактами никогда не пользуются. Вот и теперь Орлов взглянул на встрявшего в разговор сыщика неприязненно:

— Я не спрашивал вашего мнения, прошу не перебивать. Убийство и по политическим мотивам остается убийством. В верхах могут принимать любые решения, создавать свои группы расследования, уголовный розыск никого от исполнения прямых обязанностей не освобождает. Я удивлен, Лев Иванович, что вы предлагаете следовать за событиями, а не пытаться предвосхитить их.

Гуров смотрел прямо перед собой, на его жестком лице не дрогнул ни один мускул, словно генерал высказал замечание не в его адрес.

— В общем, коллеги, совещаться не о чем. Примите информацию к сведению, проинструктируйте оперативный состав, взаимодействуйте с МУРом. Если «Бюро» организовано, то руководство, безусловно, обитает в Москве. Копии всех агентурных сообщений о взимании долгов немедленно ко мне на стол, мы должны выявить новообразованную организацию и обезглавить ее. Работают все, руководит операцией полковник Гуров. — Орлов поднялся, перешел за свой стол. — Трясите агентуру, на сходках должны обсуждать данный вопрос. Все свободны, Гуров, задержитесь.

Когда все вышли, Гуров перешел к окну, открыл форточку, закурил. Крячко выровнял стулья за столом совещаний, деловито оправил зеленое сукно.

— Станислав, я твоего имени не называл, — улыбнулся Орлов, — но на правах друга и подхалима можешь задержаться.

— Обидеть подчиненного — дело не хитрое. — Крячко горестно вздохнул.

— Лева, что ты собираешься предпринять? Поделись.

— Все по старинке, Петр. — Гуров затянулся, выпустил дым в форточку. — Встречусь с людьми, поговорю за жизнь, пролистаю розыскные дела по нераскрытым убийствам. — Затем, поморщившись, продолжил:

— Необходимо найти Павла Усова, узнать, как живет, где работает.

Павел Петрович Усов, в прошлом полковник милиции, был заарестован уголовным авторитетом. Изобличив Усова, вину его не доказали, из-под стражи освободили, но из милиции уволили.

— Если, как ты, Петр, выражаешься, «Бюро добрых услуг» существует, то в его организации не обошлось без участия бывшего сотрудника спецслужбы. Это может быть Усов, Иванов, Сидоров, но в прошлом он не вор в законе, не уголовный авторитет, а оперативник, следовательно, возможно, прокурор.

— Даже если мы его выявим, интересно, как доказывать станем? — пробормотал Крячко.

— Не сможем доказать, ты его убьешь, — спокойно ответил Гуров.

Белесые брови Орлова поползли вверх, он засопел, сказал сердито:

— Подобные шутки в моем кабинете недопустимы, полковник.

— Я не шучу, господин генерал. — Гуров погасил сигарету, окурок бросил в корзину для бумаг. — Я сказал, убьет, значит — убьет. — Он вытянул руки, словно пытаюсь остановить готового вспылить генерала. — Наш выстрел всегда второй, в порядке самозащиты.

— Организатор такого масштаба не носит оружия, тем более не станет стрелять, — заметил Крячко.

— Два года назад я в порядке самообороны застрелил Виктора Живолуба. Вы знаете, что я мог его не убивать, только ранить... Вы два года молчите, я два года молчу, жизнь продолжается. Если выявлю организатора похоронного «Бюро», то мы либо докажем его вину, либо убьем. Второй раз преступника, подобного Усову, я освободить не позволю.

— Вы свободны, господа, считайте, что я ничего не слышал, — Орлов кивнул и подвинул к себе какую-то папку.

— Как хорошо быть генералом, — закрывая за собой дверь, пропел Крячко.

Вернувшись в свой кабинет, сыщики долго молчали. Гуров занялся просмотром почты, Крячко поливкой чахлах цветов, стоявших на подоконнике. Наконец не выдержав, он недовольно сказал:

— Зря ты так, Лев Иванович. Если случится стрелять, все равно никуда не денешься, а так выходит, что с заранее обдуманным намерением. Ты Петра вроде соучастником делаешь.

— А почему все говно должен я глотать в одиночку? — Гуров выбрал из документов несколько листов, сколол их скрепкой и перебросил на стол Крячко. — Лучше скажи мне, душелюб и че-ловековед, почему ребята в конторе с того момента, как я установил, что Пашка Усов нас предает, смотрят на меня, словно я виноват в чем?

— Тебе чудится. Большинство уж все и подзабыло. Ты же помнишь, а они чувствуют, что ты помнишь. Людям неприятно. И потом, видишь ли, командир, теплоты в тебе нет, ты словно под сте-

клянным колпаком живешь. Мы с Петром привыкли, знаем, ты мужик нормальный, в жилах у тебя кровь, красная и горячая, но масочку носишь довольно неприятную. Посчитай, сколько раз в день ты улыбнешься и не из вежливости, а от души. Я тебя молодым помню, ты порой смешливый был, а теперь... Да, сам отлично знаешь.

— Как себя чувствую, так и веду.

— Вот-вот, получается, что ты честный, а другие только прикидываются. И вообще, Лева, ты мне надоел, давай о деле.

Гуров взглянул недоуменно, пожал плечами.

Крячко нагнулся через стол, ткнул в Гурова пальцем.

— Друг мой, тебе жениться надо, ребятенка родить...

— И сделать его сиротой! У меня сейчас вроде романа. Маша хочет регистрироваться и рожать.

— Давай организуем!

— Рожать?

— Дурак, свадьбу организуем!

— Если у меня будет семья, я стану трусом.

— Значит, я трус?

— Тебя я берегу, меня убережь некому. Только я сам. Один.

— А я? А Петр?

— Петр поручил мне розыск «Бюро», ты же промолчал. А понимаешь, что если такое «Бюро» существует, и я приближусь к нему, то сразу окажусь в зоне прямого огня. — Гуров смял лежавшую перед ним бумагу, швырнул в корзину. — Не знаю, люблю я Марию или лишь увлечен, но втягивать ее в омут не имею права... Да еще ребенок! С ума можно сойти.

— Лев Иванович! — Крячко вышел из-за стола и на манер Гурова стал рассказывать по кабинету. — Сотни ментов женаты и имеют детей!

— Я не такой, как все, и сделать ничего не могу. Но я к тебе прислушиваюсь. Буду следить за собой, постараюсь быть мягче, интересоваться, как здоровье, как супруга, в какой класс перешел ребенок...

— Не надо! — перебил Крячко. — Лишнего не надо, людей напугаешь.

Звякнул телефон. Гуров снял трубку.

— Здравствуйте, слушаю вас внимательно, — и подмигнул Крячко.

— Здравствуй, Лев Иванович, ты здоров? Это Гойда.

— Привет, Игорь! Как здоровье, как жена, дети, дома все в порядке? Прокуратура на месте?

— Что с тобой? — удивился следователь прокуратуры.

— Выкладывай, что случилось?

— Вот, узнаю сыщика Гурова, — довольно произнес следователь. — Я получил анонимку, думаю, она тебя заинтересует.

— Анонимка? Это вряд ли!

— Шибко занят?

— Начинаю одно дело...

— Вот и прокатись ко мне, тем более, что у тебя новая машина.

— Насплетничали?

— Не каждый день ФБР дарит российскому менту автомобиль.

— Раз говоришь надо, приеду. — Гуров положил трубку.

Кабинет старшего следователя прокуратуры не отличался от армии своих чиновничьих собратьев. Окно, боком к нему двухтумбовый стол, в углу сейф, три стула, у стены диван с высокой спинкой. Когда Гуров видел этот диван, всегда вспоминал молодость, первые годы работы в МУРе. Похожий диван стоял в его кабинете и являлся гордостью не только опергруппы, но всего отдела. Дежурный оперативник всегда мог вздремнуть на этом ложе.

Когда Гуров вошел, следователь лишь кивнул и продолжал быстро писать. Если сыщик добывает свой хлеб, бегая трусцой по улицам, лазая по подвалам да чердакам, то следователь постоянно пишет или печатает на машинке. И ни один бывалый сыщик не променяет порой бессмысленную засаду в промозгом, вонючем подъезде на теплый кабинет следователя. Однако следователь свой геморрой, синюшную бледность лица тоже не променяет на сыщицкую долю. Каждый сходит с ума по-своему.

Следователь писал быстро, строчки ложились ровно, словно по линейке. Наконец он расписался, взглянул на Гурова задумчиво.

— Сегодня восемнадцатое сентября одна тысяча девятьсот девяносто пятого года от Рождества Христова, — сказал Гуров и закурил.

Гойда написал число, захлопнул папку и начал массировать затекшие пальцы. Сыщик и следователь работали вместе сравнительно недавно, но относились друг к другу бережно, зная, что дружба профессионалов родственных профессий — явление достаточно редкое. Ведь кошка с собакой тоже живут в одном доме, порой лакают из одной миски.

— Ну что, дружище, служишь, нарушаешь закон? — Гойда откинулся на высокую спинку кресла.

— Обязательно, — улыбнулся Гуров. — Когда по самому краю ходишь, то нет-нет, а оступишься.

— Дерьмовые дела в нашей доблестной милиции.

— Равняемся на прокуратуру, она, как правофланговый, смотрит прямо, а мы по сторонам, вот и заносит.

— Если изредка заносит, терпеть можно. — Гойда достал из папки конверт, протянул через стол.

Гуров взял конверт, вынул из него несколько снимков, мельком просмотрел.

— Я трупы однажды видел. Мужчина лет сорока, расстрелян из автомата, осмотр проводили ранним утром, — он вложил фотографии в конверт.

— Почему ранним утром? — удивился Гойда.

— Я не прав?

— Прав. Ты слишком умный.

— Мог бы сказать и по телефону. Долго разбегаешься, прыгай.

— Очередное заказное убийство. Управляющий банком застрелен при выходе из дома.

— Случается. Кто из сыщиков задействован?

— МУР, ребята неплохие, стараются.

— Игорек, говори, не тяни резину.

— Понимаешь, банк разорился, неплатежен, обычная история. Покойный был человеком, судя по всему, порядочным, за последний месяц продал дачу, две машины, выплатил, что сумел... Жена и дочь у него живут то ли в Австрии, то ли в Германии, а брат в Москве. Брат якобы получил предупреждение: если в течение двух недель не будут выплачены пятьсот тысяч долларов, включаем счетчик, а через месяц заказывай место рядом с покойным.

— А брат может выплатить такие деньги? — Гуров смотрел на следователя заинтересованно.

— Он — член правления того же банка.

— Ты сказал, что он якобы получил предупреждение. Так получил или нет?

— Мне сообщили, что получил. Фамилия братьев Аляшиных, покойный — Анатолий, живой — Борис. Я его допрашивал, вскользь спросил, не было ли после смерти брата угроз, каких-либо требований. Он отрицает, мне кажется, он врет, чего-то боится.

— У Аляшина семья?

— Нет, одинок.

— Дай мне все его данные.

Следователь начал писать. Гуров спросил:

— Что с тобой, Игорь? Ты же умница, а заблудился в двух со снах.

— Поясни, — следователь протянул Гурову листок с полными данными на Бориса Аляшина.

— Долги банка невозможно покрыть суммой, вырученной с продажи дачи и машин. Покойник, скорее всего, собирался выехать за рубеж, но, как говорят мои клиенты, жадность фрайера стубила. Ему следовало все бросить и улететь.

— Лев Иванович, я думал об этом. Судя по всему, покойный пытался выплатить не все долги банка, лишь какой-то конкретный долг. При обыске квартиры заграничного паспорта не обнаружили, а он выдавался. Есть основания предполагать, что паспорт забрали вместе с билетом на самолет.

— Возможно, покойный перевел значительные суммы на имя брата. Мафия разделалась с одним, принялась за другого. Сегодня утром генерал сообщил, что существует подозрение, что в криминальных структурах...

— Новообразование, — перебил следователь. — Аналитики пришли к выводу, что создана организация, скупающая долги.

— Верно, мы называли ее «Бюро добрых услуг».

— Тогда на крематории следует вывесить транспарант «Добро пожаловать».

— Ну и циник же ты. — Гуров поднялся, начал расхаживать по кабинету. — Возможно, мы имеем дело именно с «Бюро». Среди кредиторов банка есть знакомые лица?

— Егор Владимирович Яшин.

— Старый приятель, ничего не могу с ним поделать... Ну ладно. Если в милиции и прокуратуре известно, что долги начали выбивать централизованно, то руководство «Бюро» об этом уже предупреждено, — Гуров сед, вздохнул. — Положение у меня, мягко выражаясь, хреновое.

Гуров, расхаживая по кабинету, диктовал, а Станислав Крячко, сидя за своим столом, писал.

— Установить за Аляшиным наружное наблюдение, телефон поставить на контроль.

— Кто исполнитель? — полюбопытствовал Крячко. — Кто будет бороться с прокурором?

— Генерал-лейтенант Орлов.

— Шутки записывать?

— Записывать, записывать, — пробормотал Гуров. — Если начальник главка и наш любимый друг полагает, что его участие в предстоящей разработке ограничивается общими указаниями, он глубоко заблуждается.

— ... заблуждается, — повторил Крячко, но записал, конечно, иное.

Гуров на шутку не отреагировал:

— В задании «наружке» особо указать, что разработчиков главным образом интересует, не ведется ли за Аляшиным наблюдение. В случае, если такое будет обнаружено, следует переключить свое внимание с Аляшина на ведущих наблюдение, о чем немедленно доложить разработчику. Написал?

— Бумага все стерпит.

— Посетить квартиру Аляшина и проверить, не установлены ли в ней подслушивающие устройства.

— Может, слово «посетить» расшифровать?

— Я не преподаватель ликбеза, потому не собираюсь учить профессионалов, как им проникнуть в квартиру. Они могут отключить телефон и прислать мастера, либо придумать иной предлог. — Гуров начинал раздражаться, однако продолжил спокойным тоном: — Ты прав, слово «посетить» сродни «нанести визит» и абсолютно не годится. Напиши просто: проверить, нет ли в квартире Аляшина подслушивающих устройств.

— А если устройства имеются? — спросил дотошный Крячко.

— Тогда плохо. Контрразведка в жизни не признается, а мы будем гадать, кто подслушивание установил. То ли коллеги, то ли авторитеты. Работу с агентурой в этом плане указывать не станем.

— Хотя именно агентура может дать конкретный результат.

— Я же не сказал, что с агентурой по данному делу не работаем. Просто хочу иметь папку, которую в любой момент можно предъявить министру, замам, даже журналистам, считаемым, что от них нет и не должно быть никаких секретов. Агентурные сообщения и работу по ним будем хранить отдельно.

— Мои помощники не имеют выхода на должный уровень, — заметил Крячко.

— Догадываюсь. Думаю, даже мой Харитонов, правая рука авторитета Лялека, мало чем поможет. В лучшем случае нам

укажут дверь, за которой хранятся секреты, но открыть ее не может никто. Станислав, как ты представляешь человека, способного организовать подобное «Бюро»?

Крячко положил авторучку, отодвинул папку с бумагами, задумался. Гуров терпеливо ждал, распахивая по кабинету.

— Они консервативны, к новшеством относятся настороженно, даже нетерпимо, так как их авторитет опирается на древние воровские обычаи.

— Однако человек должен иметь авторитет в определенных кругах, иначе сразу попадет под прессинг рэкета.

— Значит, он из ментов, либо из бывшего КГБ, прекрасно знающий принципы агентурной работы, — Крячко выдержал паузу. — Допустим, таким промыслом занялся бы я, старший опер-важняк. Первое, самое сложное, подбор людей. Опасаясь проникновения агента, мое окружение должно не превышать трех человек. Желательно, чтобы они не знали друг друга.

— Согласен. Отношения со всеми тремя доверительные, но на каждого иметь компромат, — дополнил Гуров. — Один из троих должен быть вор в законе, осуществлять связь с ворами и зонами.

— А на кой нужна связь с ворами? — возразил Крячко. — Их время прошло.

— Верно, прошло, только воры этого признавать не желают. И зоны держат именно воры. С ними можно не сотрудничать, но и воевать сложно. Что ни говори, а вор в законе в организации нужен.

— Необходим и оперативник угро, либо контрразведки, чтобы подчинить ему боевиков. Такого человека лично я отыскал бы из своего прошлого. Лучше, если б он и сейчас работал, но сгодится и уволенный, желательно не судимый. — Крячко задумался, покачал головой. — А может, лучше судимый?

— Вопрос спорный, — ответил Гуров. — Еще нужен молодой, головастый, управляемый бандит, имеющий авторитет среди «отмороженных».

— У них нет авторитетов.

— Есть, Станислав, другое дело, что они долго не живут. Состав окружения понятен, мы, конечно, ошибаемся, но, думаю, не намного. Как говорится, возможны варианты. Полагаю, что главарь русский. Прибалт исключается, украинец или белорус в Москву не полезет, азербайджанец, любой кавказец — это национальные распри. Русский в уголовной среде как бы не имеет национальности.

— Хорошего ты о нас мнения.

— Это не я о нас, а мы о себе, — усмехнулся Гуров. — К тебе за помощью обращается человек, ты ему протянешь руку только потому, что он русский? Нет. А чеченец — чеченцу, абхазец — абхазцу и так далее протянут, да не одну руку, а обе. Нас много, империя была Российской, бывший Союз ходил под Москвой, потому русские объединяются не по национальному признаку, а по интересам. В общем, это сложный вопрос. Считаю, главарь преступного новообразования — русский.

— От тридцати пяти до сорока пяти лет, — Крячко сунул в рот жвачку. — Орбит без сахара. Тебя не раздражает, что я жую?

— Ты, главное, думай. Я бы допустил и тридцать лет. Сейчас банкирами становятся в двадцать пять.

— Пусть тридцать, но не старше сорока пяти. Не семейный, я имею в виду жену и детей, родители могут быть, но живет отдельно.

— Скорее всего. — Гуров перестал расхаживать, присел на угол стола. — Он человек закрытый, хотя изображать способен новость что, обязательно тщеславный, с комплексом неполноценности.

— У каждого человека, даже у тебя, имеется комплекс неполноценности.

— Имеется, имеется, — голос у Гурова словно треснул. — Я похож на рыбу, которая не любит воду, но жить в иной среде не способна.

— Не понял! — Крячко чуть не подавился жвачкой.

— Я русский и живу в России. Еще я сыщик и терпеть не могу свою профессию. Так что у меня комплексов выше крыши!

— Ладно, прекрати, не наговаривай на себя... На чем мы остановились?

— На том, что ты меня уговариваешь жениться на Марии, а я не могу забыть Татьяну, которую убили по моей вине.

— Я сказал тебе — прекрати! Нельзя все мерзости жизни взваливать на свои плечи. Давай выпьем и на сегодня закончим.

— Я больше не держу в кабинете спиртное.

— Поехали к тебе, принципиальный ты мой. Я выпью, а ты будешь наливать и упиваться своей силой.

Крячко собрал со стола бумаги, убрал в сейф.

Трагедия произошла минувшей весной. Гуров встречался с молодой женщиной, режиссером телевидения, Татьяной. Они были близки, подумывали о женитьбе, но событий не форсировали, понимали, что штамп в паспорте значения не имеет.

Однажды поздним вечером Татьяна уговорила Гурова разрешить ей сесть за руль его «Жигулей». Так как машин в это время на улице было мало, сыщик уступил просьбам. И именно в этот вечер на Гурова напали. Сыщик расправился с нападавшими, но Татьяна погибла, и он в смерти женщины винил себя. Дочь погибшей забрала к себе родная тетка. Гуров, бывший уже на пороге семейного благополучия, вновь остался один. Все попытки Крячко вытащить друга из «берлоги» кончались неудачей. Тогда Станислав позвонил телевизионному ведущему Александру Турину, грубо напомнил, что не так давно полковник Гуров спас «звезде» жизнь и потребовал помощи. Александр начал приглашать сыщика на светские вечера — премьеры, презентации, в модные клубы, в которые популярного телеведущего зазывали непрестанно.

Гуров иногда неохотно соглашался, но когда понял, что бестолковая суетня светских сборищ отвлекает его, а порой

развлекает и смешит, начал сопровождать Турина с удовольствием.

На одном из таких вечеров Гуров и встретил Марию. Актриса театра, лет тридцати пяти, она была хороша собой, но в кино снималась редко, на телеэкране почти не показывалась, ее знали и признавали только профессионалы да театроманы.

Познакомились они случайно. Был аля-фуршет. Далеко не бедные и уж точно не голодные люди вели себя у стола довольно агрессивно. Гуров в схватке участия не принимал, взял бокал шампанского и сел в сторонке, с интересом наблюдая за происходящим. Он забыл спросить у Александра, по какому поводу банкет, и сейчас пытался определить, кто же виновник торжества.

— Интересно? — спросила женщина, присаживаясь на соседнее кресло.

— Очень. — Гуров взглянул на соседку, отметил, что она красива и крайне раздражена. — Вам что-нибудь принести?

— Увольте, — резко произнесла женщина. — Если вы столь любезны, угостите сигаретой.

Гуров открыл портсигар, щелкнул вмонтированной в него зажигалкой.

— Благодарю, — соседка неумело пыхнула сигаретой. — В наше время портсигар? Вы старомодны?

— Видимо, — ответил Гуров, не мог же он сказать, что носит портсигар с собой, так как на его полированную поверхность удобно снимать пальцевые отпечатки.

— Завтра по телевидению покажут премьеру фильма, где я в главной роли. На экране я красивая.

— Вы и в жизни красивая и прекрасно об этом осведомлены. — сдержанно произнес Гуров, передвигая пепельницу, чтобы актрисе было удобнее стряхивать пепел.

— Спасибо, вы в театре не бываете?

— К сожалению, — Гуров пожал плечами и улыбнулся, так как за столом два популярных артиста сражались за блюдо с заливной осетриной и изощрялись в остроумии.

— Вы улыбаетесь, неужели вам не противно?

— Напротив, очень интересно. Такая непосредственность.

— Это Жорка-то непосредственный? Вы дитя, — соседка протянула руку. — Мария, — и назвала фамилию.

Гуров понял, что фамилия Марии должна произвести на него впечатление, потому встал, поцеловал руку.

— Рад знакомству. Гуров Лев Иванович.

— Гуров... Гуров... Простите, вы где снимались?

— Я юрист, уголовное право.

— Как же вы оказались на этой тусовке?

— Пригласил приятель.

— Кто? Или это секрет?

— Саша Турин. Он тоже не артист, хочет договориться об интервью, а я лишь сопровождающий.

— Вроде телохранителя?

— Почему вроде? — Гуров не смотрел на актрису, не хотелось изображать заинтересованность. — Я профессиональный охранник.

— Я вам совсем не нравлюсь? — неожиданно спросила она.

— Пока еще не определился, — схамил Гуров и в упор взглянул на актрису. — Последний раз я влюбился с первого взгляда в классе девятом.

— У вас красивые глаза, но взгляд недобрый, — актриса не смутилась, говорила легко, — но человек вы, по-моему, не злой.

— Я разный, и хватит обо мне, расскажите, какой фильм завтра покажут по телевизору.

— Глупости, просто брякнула от злости. Не люблю кино, потому что кино не любит меня.

— Машенька, куда ты запропала? — К ним подошел мужчина, взглянув на Гурова, обронил: — Извините, — и взял актрису под руку. — Пойдем, Мария, я тебя покормлю.

— Увидимся, — актриса кивнула Гурову и пропала в толчее у стола.

Сыщик забыл о новой знакомой, как взрослый мужчина забывает красивую актрису, увиденную на экране. Красивая чужая женщина, не имеющая к тебе никакого отношения.

На следующий день Александр Турин позвонил Гурову на работу, но сыщик торопился на встречу с агентом, и разговора не получилось. Однако вечером Турин позвонил вновь, сказал, что находится неподалеку, и спросил разрешения зайти. Вскоре он появился, но не один, а с Марией. Вторая встреча разительно отличалась от первой. Актриса была без яркого макияжа, держалась спокойно, даже стеснительно. Турин рассказывал телевизионные байки, стараясь создать непринужденную обстановку, но актриса и сыщик молчали, лишь изредка роняя короткие фразы. В конце-концов телеведущий выпил рюмку водки и заявил:

— Все! Мой запал кончился, надоело. Я вас познакомил, вы люди взрослые, разберетесь. Я не массовик-затейник, даже не ведущий развлекательной программы. Маша, этот мужик не опасен, я с чистой совестью покидаю тебя.

Когда Турин ушел, Мария скинула туфли, по-домашнему поджала ноги, устраиваясь в мягком кресле удобнее, и сказала:

— Мы будем разговаривать на «ты». Не бойся, это тебя ни к чему не обязывает. Налей мне водки.

— Меня обязать сложно, — Гуров наполнил рюмку, подал гостю.

— Лев Иванович, ты не пьешь в принципе? — спросила Мария.

Гуров усмехнулся:

— Я как раз в принципе пью. У меня есть друг, который год назад сказал, что я злоупотребляю.

— Понятно. — Мария выпила и протянула Гурову свою пустую рюмку. — А ты действительно знаменитый сыщик?

— При жизни сыщики знаменитыми не бывают. — Гуров вновь наполнил рюмку гостю. — Я живой сыщик, а это немало.

— Понимаешь, сыщик, мою квартиру сейчас занимает человек, которого я видеть не хочу. Саша мне сказал, ты живешь один, так вот, не уступишь мне свой диван на пару дней, пока я с постояльцем не разберусь? Конечно, я могу устроиться у подружки, но, честно сказать, очень не хочется вести бабские разговоры. Я тебя не шокирую?

— Оставайся, — Гуров взглянул на гостью внимательно и добавил: — Ты мне сегодня нравишься.

— Спасибо. Я постараюсь уладить свои дела побыстрее и тебе не мешать.

— Ладно, — Гуров кивнул, принес из спальни подушку, чистое белье, а также женскую пижаму, оставшуюся после Татьяны.

Мария осмотрела пижаму, но ничего не спросила, уложила все на диван.

— Ты во сколько ложишься? — она начала убирать со стола.

— По-разному. Я порой не ночую, буду предупреждать звонком. Если не сумею позвонить, в двенадцать запирайся на засов, на звонки в дверь не открывай, к телефону не подходи, я буду звонить с интервалом два. Понятно?

— Понятно.

— Мой номер никому не давай. Ключи я тебе дам, постарайся их не потерять.

— Ключи у тебя не возьму, обычно я возвращаюсь поздно, сам откроешь.

— А если я не приду?

— Не волнуйся, совершеннолетняя. Не хочу доставлять тебе неудобства.

— Как знаешь, — Гуров взглянул на часы. — Укладывайся, ванная рядом. Я немного почитаю, уляжешься, свистни, зайду пожелать тебе спокойной ночи.

— Хорошо. — Мария отнесла посуду на кухню, начала мыть и сказала Гурову, который стоял на пороге: — А фильм мой сейчас закончился. Между прочим, я впервые снялась в кино в главной роли. Режиссеры меня почему-то не привечают, говорят, нет индивидуальности, просто красивая баба. Интересно, в театре я играю характерные роли, а в кино у меня нет индивидуальности.

— Какие твои годы, еще сыграешься, — равнодушно заметил Гуров, вытирая тарелки и думая о своем.

— Тридцать семь, вроде не много, но для героини достаточно. — Мария видела, что хозяин ее не слушает, и говорила, чтобы не возникала неловкая пауза. — Вот Гурченко после «Карнавальской ночи» не снималась сто лет, сегодня она звезда. Я с Людмилой талантом не равняюсь, но ведь такую актрису чуть не закопали. Мне надо попасть в команду. У всех больших режиссеров своя команда... Мне один мафиози сказал... Назови режиссера, дорогая, — Маша начала говорить с кавказским акцентом, — только имя его скажи, обещаю, он будет тебя снимать.

— И теперь этот «продюсер» живет в твоей квартире? — Гуров взял у Марии мокрую тарелку.

— Мои проблемы — это мои проблемы.

— Как знаешь, — Гуров повесил полотенце и ушел в спальню.

Он включил торшер, взял томик Азимова и сел в кресло. Удружил Сашка, сукин сын, только подобной головной боли мне и не хватало. Девчонка хорохорится, но у нее беда, ясно, как таблица умножения. Но я ведь не пожарная команда, черт побери.

— Лев Иванович, я устроилась, а свистеть не умею, — крикнула из гостиной Маша.

— Ну этому я тебя научу, — Гуров вошел в комнату, опустился в кресло, стоявшее рядом с диваном. — А жить не научу, так как сам не умею.

— Ты очень сильный, тебе проще.

— Серьезно? Кому проще, тебе — примадонне театра, или студентке первого курса ВГИКА? Ее взяли на эпизод, уже успех.

— Ты прав. На каждого верблюда грузят столько, сколько он может унести. Дай сигаретку.

— Не дам. Ты не куришь и не к чему учиться. Спокойной ночи. — Он выключил свет.

— А прощальный поцелуй?

— Завтра утром. — Гуров ушел в спальню и закрыл за собой дверь.

Маша долго не могла уснуть, размышляла о том, что напрасно полагала, будто знает мужчин. Хозяин — экземпляр редкостный, ранее не встречавшийся. Остаться на ночлег разрешил из вежливости, не скрывает, что присутствие в доме женщины его в восторг не приводит. И при этом не скрывает, что незваная гостя ему нравится, даже не прочь с ней переспать, но первым руку не протянет. Ну-ну, господин сыщик, посмотрим, надолго ли вас хватит. С такими мыслями Мария и заснула.

Утром они почти не разговаривали. Быстро позавтракали — чашка кофе и бутерброд, из дома вышли вместе.

— Тебе куда? — спросил Гуров. — Если недалеко, подброшу.

— Не беспокойся, доберусь, — сухо произнесла Маша.

— Ты не ответила на вопрос, — Гуров отключил охранное устройство стоявшей у тротуара иномарки.

— Какая это марка?

— «Пежо», Франция.

— Довези до Маяковской, — Мария села в машину. — Надеюсь, это недалеко?

Он не ответил, сел за руль.

— Когда думаешь вернуться?

— Спектакль заканчивается в десять, — она назвала свой театр.

— Я тебя встречу. Если буду занят, тебя встретит мой друг. Его зовут Станислав. А в принципе, это неудобно. Следует вопрос с твоим возвращением решить. Мало ли что случится, мы можем быть заняты.

Мария раздраженно ответила:

— Постараюсь подстраховаться, если в десять минут одиннадцатого вас не будет, поеду к подруге.

— Договорились.

— Ты всегда ездешь так аккуратно?

— Всегда.

Марии захотелось вывести Гурова из себя, заставить разозлиться.

— Интересно, сколько стоит такая машина и на какие деньги ты ее купил?

— Сколько она стоит, не знаю, машину мне подарили.

— Просто взяли и подарили? Вроде взятки?

— В знак благодарности. — Гуров постоянно смотрел в зеркало заднего вида, на язвительную соседку не обращал внимания.

— Кто же тебе так благодарен? Или секрет?

— Отстань. Машину мне подарило ФБР. Мы вместе работали, я американцам немного помог, — Гуров выехал на Садовое кольцо. — Значит, если ничего не случится, в десять я тебя встречу.

В Министерство Гуров приехал злой, весь день писал бессмысленные отчеты, справки, запросы, затем коротко обрисовал ситуацию Крячко и спросил:

— Мне это надо?

— Надеюсь, она хороша собой? — усмехнулся Крячко.

— Хороша, хороша, — раздраженно ответил Гуров. — Но она актриса, привыкла к вниманию, а я человек свободный...

— Извини, — перебил Крячко. — Давай встретим ее у театра, отвезем в ее квартиру, постояльца выселим. Если актриса врет, оставим с хахалем, пусть разбирается. Ты не пожарная команда.

Глава вторая

Через три дня совместного проживания в одной квартире с красивой женщиной Гуров понял, что если не влюблен, то увлечен серьезно. Мария это мгновенно почувствовала и, ни слова не говоря, перебралась из гостиной в спальню.

Около месяца они жили, словно новобрачные, разговаривали мало, взаимоотношений не выясняли. Серьезного дела у Гурова в то время не было, утром он отвозил Марию на репетицию, вечером забирал ее после спектакля или концерта, был сдержан, но внимателен, дарил цветы, порой ходил на спектакли. Мария чувствовала, что Гуров чего-то напряженно ждет, но вопросов не задавала, так как поняла: сыщик не любит, когда ему досаждают вопросами.

Терпи, говорила себе Мария, терпи и жди. Вцепись, держись крепче, таких мужиков уже давно не делают, если ты, дура, его потеряешь, будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Никогда в жизни Мария не чувствовала себя так спокойно и уверенно, казалось, актриса стала талантливее, значительнее, перестала обращать внимание на театральные и киношные дразги, сплетни. Однако в глубине души ей было неспокойно, словно боялась проснуться. Считала, что так хорошо долго продолжаться не может. Да, он придавал ей силы, но в то же время она чувствовала его отстраненность, как будто он чего-то ждал.

Гуров действительно ждал. Знал, затишье в его работе — дело временное. Раньше он не боялся приближающейся бури, за двадцать с лишним лет службы пережил не одну. Сейчас понял,

когда грянет гром, то окажется более уязвим, чем обычно, защищать только себя легче, привычно, защищать двоих значительно труднее. Кроме того, Гурова преследовало воспоминание о гибели Татьяны, которую расстреляли по ошибке, ведь пули предназначались ему, сыщику.

И настал день, когда генерал Орлов поручил полковнику Гурову разыскать «Бюро добрых услуг», профессиональных убийц, принявших заказы на взимание долгов и ликвидацию неугодных...

Станислав Крячко любил бывать у Гурова дома. Такие вечера выпадали не часто, в основном, когда оперативники вели серьезную разработку. Так и сегодня они приехали к Гурову. Хозяин сразу отправился на кухню, а Станислав позвонил жене, предупредить, где находится.

— Передавай Льву Ивановичу привет и учти, я позвоню дежурному по ГАИ, предупрежу, что ты водишь машину в нетрезвом состоянии.

— Спасибо за заботу, родная, но учти, расходы, связанные со звонком, за твой счет. Целую.

Станислав пришел на кухню, открыл холодильник.

— Супруга спровоцировала меня на сто грамм.

— Закусывать будешь пельменями. Имеется овощной салат, но ты его не получишь, — Гуров налил в кастрюлю воды, бросил щепотку соли. — Мария, кроме овощей, на ночь ничего не ест, извини.

— Ты ее сегодня встречаешь?

— Нет, режиссер привезет.

— Не ревнуешь?

— Как когда, сегодня не ревную.

— Женись и быстрее рожай сына, тебе уже черт знает сколько лет. — Крячко достал из холодильника початую бутылку водки, налил половину стакана, выпил, хрустнул огурцом.

Гуров вскрыл пакет с пельменями:

— Как полагаешь, Егор Владимирович Яшин для получения долгов может обратиться в криминальную структуру?

— Считаю, он от криминала отошел, — Крячко убрал бутылку в холодильник. — У тебя вода кипит.

— Яшин умный, однако трусоват. Нам надо же с чего-то начинать.

— Подождем результатов наблюдения за Аляшиным. Ты рас судил верно, Аляшина могут «пасти». Если мы выйдем на тех па стухов...

— То ничего хорошего не выйдет, — перебил Гуров. — Мы получим третьесортных исполнителей, которые ничего не знают.

— Так какого черта ты затеял всю эту историю?

— Сам знаешь, если завел папку, то в нее нужно класть бумаги.

— Значит, для галочки? — Станислав взглянул недоуменно. — Сколько тебя знаю, ты никогда...

— Старею, становлюсь циником, — вновь перебил Гуров. — Честно сказать, не хочу так быстро вылезать на линию огня. Ес-

ли за Аляшиным наблюдают, то это люди переднего края, автоматчики. А нам нужны штабисты.

В дверь позвонили.

— Мария. — Гуров взглянул на часы. — Странно, она должна быть на съемках.

Мария ворвалась в квартиру, снимая на ходу плащ, чмокнула Гурова в щеку, взъерошила волосы Крячко.

— Привет, Станислав! — глаза у нее радостно блестели. — Мальчишки, у меня потрясающая новость!

— Тебе сделал предложение принц Монако. — Гуров снял с плиты кастрюлю с кипящими пельменями.

— Откуда ты знаешь? Ты всегда все знаешь, с тобой неинтересно! Я тоже хочу пельмени! К черту диету, налейте мне рюмку. Гуров, сегодня ты тоже выпьешь!

— Ну-ну, — Гуров стал накрывать на стол. Мария пыталась жестами что-то объяснить Крячко, но он покрутил пальцем у виска, мол, дурак и не понимаю, и женщина убежала в ванную.

— Станислав, кажется, мне улыбнулось счастье, Машка куда-то уезжает. Самое время. Мне сейчас она будет мешать, — сказал Гуров.

— Ты же ее любишь!

— Именно поэтому и будет мешать...

Вернулась Мария, оглядела стол, театрально всплеснула руками.

— Станислав, почему не налить?

— Простите, мадам! — Станислав ловко разлил водку.

— Сели! — Мария подняла рюмку. — За мой талант и удачу!

— Ура! — Крячко чокнулся с Марией и выпил.

— У меня сегодня были пробы у очень славного человека, но посредственного режиссера, — начала рассказывать Мария, — сценарий и роль так себе, в общем, работа за деньги, не более того. Ну, пробы, пробы... Я сосредоточилась, покойную маму вспоминаю, у меня по роли душевная травма, нервничая. А по сценарию он влюблен в меня, должен гореть, глаз не сводить. Я уж и так, и эдак, не могу его достать и все тут. И сорвалась, что со мной редко случается, швырнула тарелку об пол, как закричу на него, рубашку на груди рванула. Ты мужик или нет, ты же меня любишь, хочешь! На площадке тишина, Володька, режиссер, заметался, успокаивает. Неожиданно за моей спиной кто-то громко хлопнул и басом: «Браво, Маша! Bravo! А мне говорили, у тебя темперамента нет!» А я рубашку-то порвала и по пояс обнаженная. Разозлилась, чувствую, горю вся, повернулась, а мне со света не видно, кто там хлопает и комментирует... — она замолчала, смутилась.

— Так кто же из великих появился на ваших пробах? — спокойно спросил Гуров.

Мария назвала фамилию известного режиссера.

— Я всегда мечтала сняться у него в фильме.

— Что же ты мнешься, словно девица на выданье. Он сделал тебе предложение?

— Сделал! Оказывается, он ради меня и на пробы приехал, и с нашим режиссером уже договорился.

— Как же он с режиссером договаривается, актрису не спросив? — удивился Гуров.

— Я же на пробах, считай, почти замужем.

— Короче, Маша, чем все закончилось?

— У мэстро российско-итальянская постановка, фильм уже в производстве, а героиня тяжело заболела. Денег на западную звезду нет, приехали в Россию, чтоб подешевле найти. Оказывается, мэтр давно ко мне присматривался. А тут я такой экспромт выдала... Все сложилось.

— Когда улетаешь? — Гуров взглянул на Крячко, мол, я же говорил.

— Ты ревнуешь? Пойми, я не могу отказаться. Такие предложения случаются раз в жизни.

— Я рад за тебя, Мария, — сдержанно произнес Гуров, стараясь не выдать охватившую его радость. — Когда улетаешь?

Женщина внимательно посмотрела ему в глаза, когда заговорила, голос у нее дрогнул:

— Я боялась, ты расстроишься, а ты обрадовался. Ты рад не за меня, больше — за себя.

— Друзья, послушайте человека со стороны. В жизни далеко не всегда надо выяснять отношения. Я, возможно, вульгарен, но давайте выпьем за ваш успех.

Паспорт, визы, авиабилет Марии были оформлены за три дня. Она улетала днем, и Гуров приехал из Министерства домой около двенадцати. Два чемодана и спортивная сумка стояли уже в гостиной. Мария обняла Гурова, прошептала:

— Как же ты тут без меня?

Фальшивые слова из какого-то спектакля, подумал Гуров. Он погладила актрису по голове, поцеловал в висок:

— Постараюсь не подвести.

— Я вернусь, и мы поженимся, верно?

— Будем решать неприятности по мере их поступления, — усмехнулся Гуров. Он усадил Марию на диван, принес из кухни бутылку коньяка, рюмки. — По русскому обычаю, на дорожку.

— Мы выпьем в Шереметьево, все вместе.

— Я не поеду в аэропорт, — сказал Гуров и, чтобы смягчить свой отказ, соврал: — Служба. Вызывают к министру.

— Ты врешь и ты сердисься! — Мария отставила рюмку. — Неужели не понимаешь, что означает для меня такая картина? В главной роли в ленте такого мэтра! Это наверняка Канны, пропуск в мировой кинематограф!

— Я все прекрасно понимаю, — искренне произнес Гуров. — Тебе улыбнулась удача, я рад за тебя и желаю всего, всего наилучшего, — он поднял свою рюмку.

Серые глаза женщины потемнели от гнева.

— Ты говоришь так, словно я уезжаю не на съемки, а из твоей жизни.

— Не надо театра, дорогая, — Гуров чокнулся с рюмкой Марии. — Мы были счастливы больше месяца, не всем людям такое выпадает в жизни. А будущее... До него надо дожить.

— Скажи, что будешь ждать!

— Я тебя буду очень ждать, — Гуров улыбнулся, так улыбается взрослый человек на вопрос ребенка.

— Гуров, ты страшный человек!

— Если тебе легче расстаться поссорившись, не отказывая себе ни в чем, — Гуров закурил и этим как бы остановил предстоящие объятия и поцелуи.

— Хочешь ты или не хочешь, но я вернусь!

Гуров согласно кивнул. Он понимал, в данный момент Мария говорит искренне, но когда самолет наберет высоту, она окажется уже в другом мире, в котором будет своя правда.

За Марией приехали два молодых человека, подхватили чемоданы, попытались уговорить Гурова проехать в аэропорт. Сыщик ответил холодной улыбкой. Обняв Марию, сказал:

— Ни пуха! — и остался один. Он прошелся по квартире, в спальне убрал в тумбочку будильник Марии, в ванной стер с зеркальной полочки пудру и брызнул на стены дезодорантом. Подумал, он похож на преступника, который убирает опасные следы.

Неожиданно приехал Крячко, огляделся:

— Не бери в голову, скоро вернется. Сейчас в Италии, наверное, тепло, девушка загорит.

— Мы с тобой, Станислав, ее загар не увидим. — Гуров прошел на кухню, включил чайник.

Крячко молча уселся за стол, после небольшой паузы философски заметил:

— Не увидим в жизни — увидим на экране.

— Обязательно, — усмехнулся Гуров. — Марии нужен муж-клонник, который бы встречал и провожал знаменитую жену, ревновал ее успехи и неудачи, ревновал, в общем, вел себя соответственно отведенной ему роли. А мне нужна жена-домохозяйка, чтобы встречала, и провожала меня, а главное — ждала. — Он вздохнул. — Жизнь следует принимать такой, какая она есть, и не изображать из себя Геракла.

— Я сейчас виделся со старшим группы наружного наблюдения, — сказал Крячко. — Они установили, что за Борисом Аляшиным ходит «хвост». Не профессионалы, но люди достаточно квалифицированные. — Он достал из кармана конверт, положил на стол. — Вот фотографии.

— Чего же ты молчал? — Гуров вынул из конверта снимки, начал разглядывать. — Вот здесь, на втором плане... Кавказцы?

— Похоже. У тебя чайник кипит, сделай мне кофейку.

— Почему московская группировка использует кавказцев? — Гуров начал заваривать кофе.

— Снимок плохой, второй план размыт, может, чудится.

— Ты сегодня же сядешь в машину к ребятам и глянешь на этих людей.

— Уже договорился, — Крячко взглянул на часы. — Они подъедут к твоему дому через десять минут.

На столе перед Крячко лежали записи, но он говорил, не заглядывая в бумаги.

— Наблюдение за Аляшиным ведется на трех машинах, но не одновременно, а попеременно. Владельцы двух машин установлены, третья — двадцать четвертая «Волга», числится за гаражом, обслуживающим депутатский корпус, персонально ни за кем не закреплена. Наблюдение ведут посменно семь человек. Я наружное наблюдение с Аляшина снял, выставил за неким Рзаевым Назимом Баба-оглы. Судя по всему, он старший, прописан в Москве, ночует последние два дня в гостинице «Минск». Есть основания полагать, что у него в гостинице знакомая женщина. Группа интернациональная, кроме азербайджанца в нее входят узбек, казах, грузин и трое русских. Личности устанавливаются.

Отмечено, Аляшин часто пользуется телефоном-автоматом, что для москвича — явление редкое. Автоматов исправных мало. Пожалуй, на сегодня все, Лев Иванович.

— Каковы твои соображения? — спросил Гуров.

— Мы имеем дело с группировкой. Размер ее сейчас определить трудно, но три машины и семь человек — не кот чихнул.

— А если нам попросить помощи у контрразведки?

— С каких пор ты возлюбил данную организацию? — удивился Крячко.

— Можно обратиться к Паше Кулагину, он год назад получил отдел, которым некогда руководил Ильин. Год — срок солидный. Павел наверняка подобрал надежных парней. А наше дело сильно попахивает коррупцией.

— Обратиться напрямую к Кулагину ты вправе, но он без санкции сверху решение принять не сможет. Значит, придется подклячь Петра Николаевича, а то и кого-нибудь из замов, и тогда река выйдет из берегов.

— А может, это и к лучшему?

Крячко в недоумении уставился на друга. Существует избитая истина: чем дальше преступник не знает, что начался его розыск, тем больше шансов на успех. Также известно: чем выше уровень задействованных в деле генералов, тем скорее происходит утечка информации. И не потому, что генералы хуже полковников оберегают секреты, просто генералов обслуживает большее количество людей. Если делом занимается Главк, то все чиновники, машинистки и помощники оказываются в курсе дела. А если в работу включается заместитель министра, тогда десятки людей передают друг другу совершенно секретные документы, печатают их на машинке, регистрируют входящие и исходящие документы. Министерство затихает и бережно хранит секрет Полишинеля. Крячко прекрасно знал, когда Гуров вел секретную разработку, то даже на имя Орлова не писал секретных бумаг, таким образом отсекая секретаря Верочку с ее книгой входящих и исходящих. До окончания операции все новости и планы сообщались устно, лишь позже оформлялись соответствующим образом. Начать переписку с контрразведкой, значит выпустить информацию из рук.

— Я тебя не понимаю, — растерянно произнес Крячко.

— Мы исходим из того, что в криминальной среде создано новое образование по взиманию долгов и устранению неудобных лиц. Как ты представляешь, Станислав, какой уровень чиновников привлечен к работе такого «Бюро»?

— Мы уже обсуждали этот вопрос. Координатор и три зама, не контактирующих между собой, каждый имеет криминальный окрас и ведет свое направление.

— Такое положение лишь на заключительной стадии, когда боевики берутся за автоматы. Но ведь прежде наверняка используются легальные способы давления. Например, какая-нибудь фирма не может получить долги с крупного банка, или наоборот. Кредитор обращается не в арбитраж, где ждут его многомесячные мучения и обесценивание долга, а в новое явление «Бюро». Что ж, по-твоему, оговорив стоимость услуг, «Бюро» сразу высылает мордоворотов? Начинает стрелять, взрывать машины и двери? Ничего подобного. По своим каналам, через своих людей обращаются к соответствующему министру либо в аппарат Президента, руководителю депутатской фракции или главе администрации.

— Допустим, но мы здесь при чем?

— Должнику перекрывают кислород. Один не получает сырье, другому отказывают в кредите. В большинстве случаев этого оказывается достаточно, должники расплачиваются. Но случается, клиент упрям, либо самонадеян, предпочитает закрыть лавочку и, не заплатив долги, скрыться. Тогда начинается пресинг, прямое физическое воздействие вплоть до уничтожения.

— И если мы преступников берем, то волна жалоб катится обратно, наверх.

— Верно. Министр не знает, что его используют криминальные структуры, или, чаще всего, не хочет знать. Но за то, что он не вникает в бюрократические сложности и создает для кого-то условия наибольшего благоприятствования, его собственная дача строится особым способом.

— Я тоже не хочу все это знать! — вспыхнул Крячко. — Ответь мне по-простому, почему ты хочешь раструбить о нашей работе на всю вселенную?

— Потому, Станислав, что, если мы не заручимся поддержкой прессы, то кроме боевиков-исполнителей нам никого тронуть не позволят.

— Ты что же, собираешься общаться с корреспондентами?

— Зачем? — удивился Гуров. — Мы лишь допустим утечку информации. Газеты и телевидение сами все раскопают, начнется кампания по разоблачению... И так просто расследование не прикроют.

— Значит, мы ввязываемся в большую политику... Дерьмовое это дело, Лев Иванович. — Крячко тяжело вздохнул и матерно выругался.

Наружное наблюдение переключалось с Аляшина на его преследователей. По забитым машинами улицам следовали друг за другом «мерседес» с Аляшиным, «Волга» наружного наблюдения, «Жигули» ГАИ, в которых вместе с инспектором находился

полковник Крячко, в хвосте этой кавалькады ехал Гуров в своем «пежо».

Когда Аляшин выехал с Садового кольца на проспект Мира, Гуров приказал по рации:

— Станислав, начинай.

— Понял, — ответил Крячко. «Жигуленок» ГАИ поравнялся с «Волгой» преследователей, замигал правым поворотом. Инспектор, опустив боковое стекло, махнул жезлом, приказывая остановиться.

Водитель «Волги» удивленно взглянул на инспектора ГАИ, затем повернулся к сидевшему рядом Назиму Рзаеву:

— Придется тормозить, не отстанут.

Тот проводил взглядом удалявшийся «мерседес» Аляшина и не обратил внимания на «пежо» Гурова, следовавший за «мерсом».

— В чем дело? — грубо спросил Рзаев у инспектора. Но гаишник, не обращая на пассажира внимания, обратился к водителю:

— Права, техпаспорт.

— Я ничего не нарушал, командир, — водитель протянул документы. — Обслуживаю депутатский корпус.

Крячко, подойдя к машине с другой стороны, спросил у Рзаева:

— Извините, вы депутат Думы?

— Я человек!

— В машине присутствует депутат Думы? Нет? Прошу всех предъявить документы.

— Ты кто такой? — вспыхнул Рзаев.

Сидевший на заднем сиденье русский парень ткнул Рзаева в бок и протянул Крячко свой паспорт:

— Что-нибудь случилось?

— Случилось. — Крячко положил паспорт в карман. — Проедем в отделение, там объясню. А вы пока втолкуйте своему товарищу, что в Москве не принято так разговаривать с сотрудником милиции.

— Вы в штатском.

— В отделении я предъявляю свои документы, вам мало не покажется, уж можете мне поверить, — ответил Крячко.

Инспектор забрал у водителя права и техпаспорт, сказал:

— Перейдите в нашу машину, «Волгу» поведу я сам.

— Знал, что этим кончится. — Водитель направился к машине ГАИ.

После того, как «Волгу» преследователей остановили, Гуров догнал «мерс» Аляшина, посигналив, показал в окно жезл ГАИ. Аляшин припарковался. Гуров пересел в его машину, предъявил удостоверение:

— Борис Федорович, нам необходимо поговорить. Подъезжайте на Житную к Министерству, я буду вас ждать у центрального входа.

В кабинете Гуров указал Аляшину на стул.

— Присаживайтесь, Борис Федорович, разговор предстоит неприятный.

— Снова о брате? Убили Анатолия, убили. И я не знаю, кто и за что убил. Я говорил в прокуратуре это десятки раз. Что вы от меня хотите?

Гуров смотрел на Аляшина, молчал.

— Думаете, у меня нервы не в порядке? Хватит, меня мучали в прокуратуре! На ваши вопросы я отвечать отказываюсь!

— Тяжелый случай, — пробормотал Гуров. — Полагаю, в вашем поколении клинические дураки перевелись. Скажите еще, что будете жаловаться прокурору.

— Говорить не собираюсь, пожалуйюсь обязательно. Зря я поехал добровольно, надо было вас послать, куда подальше.

— Действительно, жаль. — Гуров оглядел полную рыхлую фигуру парня, которому не исполнилось и тридцати. — Окажи вы сопротивление, я с таким удовольствием набил бы вам морду. Хватит дурака валять, может, у вас времени неупреждение, а у меня оно ограничено.

Гуров редко разговаривал так грубо, но что-то в сидевшем напротив парне крайне раздражало его, и сыщику стало стыдно, что позволил себе сорваться. Ведь бравада, с которой держался Аляшин, лишь дешёвый блеф, на самом деле парень расстерян и сильно трусит.

— Хорошо, — Гуров достал сигареты, предложил Аляшину закурить, но тот отказался. — Извините, что позволил себе говорить в подобном тоне. Начнем сначала. Вашего старшего брата Анатолия Федоровича Аляшина расстреляли из автомата. Человека не расстреливают случайно, по ошибке, пьянке или сгоряча. Банк, которым руководил ваш брат, разорился, оказался несостоятельным должником. Верно?

— Я член правления, но это чистая фикция. Я никогда ничего не решал, лишь выполнял отдельные поручения брата.

— Вам не известно, от брата требовали срочно вернуть деньги, угрожали?

— Как это не известно? — возмутился Аляшин. — Постоянно требовали и угрожали!

— После смерти брата его наследником являетесь вы? Насколько велика задолженность банка, и собираетесь ли вы ее выплачивать?

— Все зависит от того, поддержит ли нас Центробанк и расплатятся ли с нами должники.

Гуров понял, что ведет разговор неверно. Сыщик ничего не понимал в банковском деле. Он выдержал паузу.

— Знаю, что вам выставлены определенные условия. Вы способны их удовлетворить?

— Я уже сказал, погашение долгов зависит не от меня.

— Однако ваши кредиторы считают иначе, и вы прекрасно об этом знаете.

— Ерунда, ничего я не знаю.

— Судя по материалам, которыми располагаю я, вас убьют в ближайшее время, — спокойно ответил Гуров. — Счет идет на дни.

— Откуда? — Аляшин поперхнулся, вытер лицо платком. — Вы ошибаетесь. Кредиторам моя смерть невыгодна.

— Я тоже так считаю, но у них другая точка зрения, — Гуров выложил на стол фотографии, сделанные наружным наблюдением. — Вам знакомы эти люди?

Шанс на то, что Аляшин узнает кого-либо из преследователей, был минимальным, но иного способа разговорить парня Гуров не видел. Аляшин рассматривал фотографии внимательно, перекадывал их, смотрел одну и ту же фотографию повторно. Явно кого-то узнал и тянул время, обдумывая ответ.

— Не понимаю, какой смысл убивать должника, ведь с покойника точно ничего не получишь, — задумчиво произнес Гуров. — Когда убили вашего брата, то припугнули вас, рассчитывали, что вы с выплатой долгов поторопитесь. На что вы рассчитываете, какую цель преследуют ваши кредиторы, мне не понятно. Либо вы с нами откровенны и мы сотрудничаем, либо я от дела устаню и вы решаете свои проблемы единолично. Скажу, ваши шансы остаться в живых расцениваю, как один к ста. Не будьте наивны, выехать из страны вам никто не позволит. Я имею в виду не милицию и пограничный контроль.

Глава третья

Боря Гай родился в пятьдесят пятом году в центре старой Москвы, на Гоголевском бульваре, который начинался на Арбатской площади и заканчивался у метро «Кропоткинская». Борис был единственным ребенком в обеспеченной семье, занимавшей трехкомнатную квартиру, в те годы она считалась роскошными апартаментами, в старом, но удивительно прочном доме.

В период оттепели, когда родился Борис, его отец неожиданно оказался на волне, которая забросила его сначала на комсомольскую, затем на партийную работу. Отец Бориса был для партии человеком незаменимым. Пунктуальный, аккуратный, лишенный всякого самолюбия и тщеславия, он знал свое место: смотрел с обожанием вверх и с пренебрежением вниз.

Мать Бориса, в молодости деревенская красавица из тамбовской глухомани, пробралась в Москву через Казанский вокзал. Имея аттестат зрелости, устроилась на стройку, но, благодаря броской внешности, не лазила на строительные леса, а выписывала наряды и кокетничала с бригадирами. Мечтала Настасья Ивановна выйти замуж за москвича. Чернобровая, голубоглазая, с ярким румянцем и русой косой, она, несмотря на простоту манер, отличалась умом, деликатностью. С годами ее внешность утончилась, появилось внутреннее благородство.

Деревенская девица и коренной москвич с Арбата поженились, когда сын подросток, роли в семье поменялись. Отец — типичный парташпаратчик, а мать — красивая женщина, преподавательница английского языка, читавшая Шекспира в подлиннике и смотревшая на мужа свысока и даже с состраданием.

Борис рос ни папин, ни мамин, сам по себе, как росло множество городских мальчишек. Увлекался спортом, музыкой, девушками, учился без особой охоты, чтобы только родители не приставали. На юрфак университета поступил без блата и особых усилий. Зажил обычной студенческой жизнью: семестр гу-

ляем, в сессию вкалываем. К двадцати годам в Борисе начала проявляться индивидуальность, выяснилось, что он незаурядный психолог, любит власть и деньги. Природа наградила его наблюдательностью, пониманием окружающих его людей. Он часами слушал разговоры отца с сослуживцами. Партийные «руководители» относились к парню иронически, покровительственно, порой шутили, ты, Борис, слушай, учишься уму-разуму, да особо не лезь, у нас умных не любят. Вот закончишь свой ликбез, возьмем тебя к себе, будешь умным, станешь сильным, получишь власть. А власть не у лидера, он лишь игрушка в руках серых кардиналов. Настоящая власть у среднего звена, людей не гордых, но с большими связями. Борис согласно кивал, но неизменно про себя добавлял: и богатых. Ваши машины, дачи и спецпайки в один прекрасный день заберут, а хорошо пристроенные деньги останутся. После окончания университета приятель отца пригласил его на работу в ЦК. Но Борис Гай от столь лестного предложения отказался и остался в аспирантуре. Когда стал кандидатом юридических наук, отец пристроил его на работу в хозяйственное управление Совета Министров РСФСР, на небольшую, но очень хлебную должность. Борис Гай не подписывал бумаг, по которым распределялись материальные блага, он стоял у окошечка, через которое эти блага непосредственно выдавались. И тут как нельзя кстати пригодилось его умение безошибочно понимать людей. Кто конкретно из получателей стоит на ступеньку ниже, но находится на эскалаторе, идущем вверх, а кто, хотя и выше, но его лесенка ползет вниз. Он обрстал нужными связями, получал подарки, обогащался. Начальство быстро заметило таланты молодого чиновника. Бориса стали приглашать в кабинеты, где решались вопросы, какое прошение подписать, а какое отложить. Вскоре Гай получил участок в престижной зоне и разрешение на строительство дачи за свой счет. Строительное управление получило привилегии в получении дефицитных материалов, потому для молодого «хозяина» расстаралось, за счет экономии на участке построили и гараж, и баню.

Вскоре началась перестройка. Деловые люди, которых еще вчера считали уголовниками, начали поднимать головы. Характер Бориса Гая к этому времени уже полностью сформировался. Образованный, умный и спокойный, он выделялся среди сверстников солидной неторопливостью и рассудительностью. Пять лет он лавировал между новыми русскими, быстро меняющимися министрами и с трудом удержавшимися на плаву партаппаратчиками. Несмотря на свое чутье, Борис не знал, к какому берегу пристать, жизнь и ситуации менялись слишком быстро. Он не завидовал знакомым, ставшим в короткий срок миллионерами. Куда бы нас ни бросало, рассуждал он, как бы ни заносило, но в конце концов мы встанем на якорь. И тогда миллионы конфискуют, хозяев посадят либо разметают по всему свету. Борис успел открыть счет в далеком банке и решил временно о нем забыть. Солидные бизнесмены, хорошо знавшие его, часто обращались к нему за советом. Постепенно стали привлекать Гая к улаживанию спорных вопросов, к переговорам. Гай нашел себе

крышу в виде международного концерна, где числился рядовым адвокатом. Комиссионные получал из рук в руки, налогов не платил, жил спокойно. Об истинной роли Гая знал лишь Председатель правления.

Однажды случилось непредвиденное, надежный партнер Концерна задолжал несколько миллионов долларов и оказался на грани банкротства. Гая пригласили в главный кабинет и разъяснили ситуацию, задав вопрос: «Что делать?». Борис попросил два дня на раздумья и поехал к должнику в загородную резиденцию.

Переговоры продолжались больше суток с небольшими перерывами на сон и еду. И соломоново решение было найдено.

Концерн, которому грозило банкротство, перечисляет всю наличность на счета хозяев Бориса Гая. После чего должник обращается в Центробанк с просьбой о крупном займе. Получив отказ, объявляет о своей несостоятельности. Миллионы мелких вкладчиков остаются без штанов, а, когда банкротство юридически оформляется, добычу делают.

Все развивалось по сценарию, когда в одно ненастное утро председателя-банкрота взорвали в его собственной машине. Взрыв уничтожил всю документацию о сделке между двумя концернами. И хотя Борис Петрович Гай киллеров не нанимал и о происшедшем узнал из газет, на работу в тот день он не вышел, решил выждать, сказался больным. Вскоре позвонил хозяин:

— Как здоровье, дорогой Борис Петрович? — осведомился он вежливо, но Гай почувствовал в голосе шефа скрытое напряжение. Считает, что партнера замочили по моему указанию, понял Гай и, выдержав паузу, ответил:

— Врачи говорят, что гипертонический криз, а я просто хреново себя чувствую, слабость. Скоро оклемаюсь.

— Ты слышал, какое несчастье произошло?

— В газете прочитал. Ужас. Сегодня финансист, словно мистер, может ошибиться только раз. Шеф, вы бы подъехали ко мне вечером, есть о чем поговорить. Часиков в семь... — Гай продикувал адрес.

Готовясь принимать высокого гостя, Борис протер в гостиной пыль, приготовил изысканный ужин и почувствовал прилив сил. Тщеславие и жажда власти, таившиеся в глубине его души, рвались наружу, но он твердо знал, что необходимо их обуздать. Шеф приехал ровно в семь, сдержанно поздоровался, осмотрел квартиру:

— Было время, строили на века... Правильно сделали, что не переехали в новостройку. Отец еще служит или уже на отдыхе?

— Консультант в одной фирме, по торговле недвижимостью.

Борис проводил гостя в ванную вымыть руки, пригласил к столу. Налив в рюмки водки, поднял свою, вздохнул:

— Помянем раба божьего, он был неплохим человеком и хорошим партнером. — Гай выпил. Почувствовав на себе цепкий взгляд шефа, спросил: — Как будем жить дальше?

Наступил решающий момент. Если шеф признает, что благодаря Гаю корпорация сохранила капиталы, то он, Гай, предстает

уже в новом качестве. На несколько ступенек выше. Если прикинется недоумком, то разговор предстоит тяжелый. Гай выигрышную позицию отдавать не собирался. Хотя как конкретно реализует случайно полученное преимущество, толком не знал.

— Какие будут предложения? Я готов тебя выслушать. — Ответ прозвучал совершенно естественно, но Гай взбеленился. Звякнув ножом по тарелке, взглянул на шефа вызывающе.

— Я сумел сократить предстоящие убытки почти на три четверти, — произнес он тихо, четко выговаривая слова, что придавало им особую значимость. — А несчастный случай сильно изменил ситуацию, и вы, лично, стали богаче на миллион долларов.

— Восемьсот пятьдесят тысяч, — поправил шеф и отер вспотевший лоб. — Богатеть за счет человеческой жизни безнравственно, но я не могу эти деньги отдать на погашение долгов погибшего. Пойдут ненужные разговоры...

— Все под Богом ходим. — Гай широко перекрестился.

Шеф побледнел и воскликнул:

— Я действительно не могу вернуть деньги, ведь о нашей договоренности никто не знал! Началось следствие, но я в стороне, так как погибший долги нашей фирме погасил. Зачем же мне высовываться, объясняться? Более того, признаваться в нелегальной сделке?

Гай понял, что полностью завладел инициативой, и на глупые вопросы отвечать не собирался. Он вновь наполнил рюмки:

— Выпьем за живых, пожелаем им удачи. — Выдержав паузу, Гай решил прояснить ситуацию, продолжил: — У меня были расходы, а на согласование с вами времени не оказалось.

— Сколько?

— Двести тысяч. Наличными. У моих кредиторов нет счета в банке. Да и сами понимаете, сегодня засвечивать такие выплаты опасно, могут неправильно понять.

— Хорошо, я распоряжусь.

— Не годится. Выпишите деньги на свое имя и передадите мне из рук в руки. — Гай уже открыто диктовал условия. И хотя впрямую об убийстве не было сказано ни слова, получалось, что Гай признавал, что принимал непосредственное участие в ликвидации партнера.

Шеф отчетливо понял — время его всевластия в корпорации минуло, Гай человек серьезный, с ним необходимо считаться. Тот словно услышал мысли гостя, спокойно произнес:

— Нам надо интеллигентно расстаться. Два медведя в одной берлоге не зимуют. Двести наличными вы отдадите сразу, а мою долю в компании выплатите частями. Я организую свое дело, под видом дочернего предприятия, конечно, с вашим непосредственным участием, а позже вы из него выйдете. Таким образом, мы будем в расчете.

— Какое дело, или секрет?

— Никаких секретов, хочу прикупить казино. Владелец не поладил с властями, уступит недорого.

— Казино — это чистый криминал.

— Мнение обывателя. На Западе владельцы казино — уважаемые люди. Сделаем все не торопясь. Когда волна ажиотажа вокруг убийства спадет, следствие войдет в обычное чиновничье русло.

— И как вы, Борис Петрович, оцениваете свою долю? — шеф и не заметил, как перешел на «вы».

Гай лишь улыбнулся:

— А вы поручите бухгалтерии провести расчеты. Все должно быть законно, с учетом инфляции, прибыли на день расчетов. Вот эту сумму вы и вложите в мое дело на правах соучредителя. Кстати, шеф, настоятельно рекомендую позаботиться о личной охране, времена уж больно беспокойные.

Борис Петрович Гай возобновил переговоры с хозяином казино. Тот неожиданно согласился на значительные уступки, о которых совсем недавно и слышать не желал. Гай насторожился. Уж не местная ли мафия обложила казино непомерным налогом, и он приобретет его вместе с долгами? Принимать на себя чужие долги, тем более воевать с местным авторитетом Гай не собирався, потому сразу объявил:

— Прежде, чем мы отправимся в банк и к нотариусу, я хочу познакомиться с районными властями. И не только с представителем префектуры и налоговой инспекции, но и с авторитетом, курирующим твое заведение.

Хозяин казино явно смугился:

— Плохие люди, я с ними говорить не буду.

— Тогда сделка не состоится. Я не фрайер, и брать на себя твои долги не собираюсь.

— Я ничего не должен!

— Я тебе верю, но надо, чтобы не было претензий ко мне.

— Договаривайся сам, Борис Петрович. Могу дать телефон. Верх тут держит авторитет Лялек, но он не разговаривает, а только стреляет. Поговори с его правой рукой Борисом Михайлом Харитоновым. Он человек нормальный, хотя и больно хитрый.

Гай задумался, неожиданно у него появилась довольно сумасшедшая мысль, но он ничем не рисковал, а в случае удачи мог выиграть многое. Набрав номер, Борис к своей радости услышал интеллигентный голос:

— Вас слушают.

— Здравствуйте, Борис Михайлович, вас беспокоит человек, собирающийся приобрести казино «Фламинго».

— Здравствуйте, как ваше имя-отчество?

— Гай Борис Петрович, я сейчас служу в компании. — Гай назвал свою фирму и перешел к главному: — Мы партнерствовали с «Фениксом», который, к сожалению, разорился и их председатель недавно погиб, его машину взорвали.

— Слышал, — ответил Харитонов. — Значит, Борис Петрович, вы тот самый человек, который вел переговоры?

— Да, но я лишь представлял своего хозяина.

— С вами, я слышал, «Феникс» рассчитался, а потом взрыв... Такое несчастье!

— В страшное время живем, — поддержал Харитонов Гай.

— Мой хозяин был недружен с нынешним владельцем казино, но мы, естественно, заинтересованы в деловых партнерах, — осторожно сказал Харитонов.

— Давайте встретимся. Если договоримся, я куплю казино. Предупреждаю, платить не буду, но ваши интересы соблюду. Вы войдете в долю, причем не облагаемую налогом, и поможете мне в решении кое-каких мелких проблем.

— Хорошо, перезвоните послезавтра утром, — не очень охотно согласился Харитонов. Лялек не любил коммерцию, и доленое участие для него — понятие сложное, он предпочитал наличный доллар сегодня, чем акцию на пять долларов, но завтра.

Неожиданно для Харитонova разговор с Ляльком сложился легко. Узнав, что человек, желающий приобрести казино, выказывает ему должное уважение, Лялек хмыкнул:

— А конкурента, говоришь, взорвал? Нам такие нужны. Пусть покупает казино, притягивает в район кошельки.

— Тачку с человеком точно взорвали, — осторожно заметил Харитонов. — Но сделал ли это тот самый человек — лишь предположение.

— Давай, действуй, потом разберемся.

Харитонов ужинал с Гаем в скромном чистеньком кафе. Прежде, чем встретиться с новым деловым партнером, Харитонов навел о нем справки. Побывал на работе Гая, в его доме на Гоголевском, и остался доволен.

— Вы не пьете? — спросил Харитонов, заметив, что рюмка Гая почти полная.

— Воздерживаюсь, — улыбнулся Гай. — Хотя порой и случается.

— Извините за любопытство, почему вы решили вложить деньги в игорный бизнес?

— Меня привлекает антураж, чистота, тишина, холеная публика, красивые женщины. — Гай говорил совершенно искренне, но Харитонов ему не поверил.

— Слышал, вы собираетесь баллотироваться в депутаты Думы, — продолжил он. — Широкая публика не станет голосовать за хозяина притона.

— Раз вы наводили обо мне справки, то вам должно быть известно, что, еще не став хозяином казино, я уже вложил деньги в строительство детского сада и обустройство двух школ.

— Даже так? — удивился Харитонов. — Поздравляю, у вас долгосрочные проекты, но мой хозяин... — он замялся, — человек, живущий сегодняшним днем. Вам будет сложно с ним уживаться.

— Я и не собираюсь, Борис Михайлович, — улыбнулся Гай. — Я буду иметь дело только с вами. Ямщиков, так кажется фамилия Лялька, — временщик, его вскоре убьют или посадят. А вот вы останетесь...

Харитонов, услышав столь откровенные слова, вздрогнул:

— Вы располагаете информацией?

— Нет, это лишь мое предчувствие. Время откровенных бандитов в Москве прошло. Сейчас нужны люди respectable, вхожие в официальные кабинеты, имеющие связи.

— Теоретически все верно, но практически... Боюсь, вас самого убьют прежде, чем вы у нас обоснуетесь.

— Но ведь вас не убили, хотя вы сами не стреляете и даже не носите оружия.

Харитонов почувствовал себя неуютно, словно на приеме у врача, цинично рассматривающего снимки его внутренних органов.

— Я шел к своему месту годами, а вы желаете прыгнуть на ходу, как на проходящий мимо трамвай.

— А я ничего не желаю, — сухо ответил Гай. — Лишь приобрести казино и жить в мире с людьми, которые в данном округе имеют авторитет. Если я вам подхожу, договариваемся, нет — я ухожу. Тихо, будто меня и не было.

Смотри, какой жесткий мужик, а внешность и манеры рядового служащего, подумал Харитонов.

— Мне вы подходите, но решаю не я.

— Так передайте Ямцову, что в районе хочет обосноваться человек, который в этом году станет депутатом Думы. Буду избираться от вашего округа, а вы лица заинтересованные. Казино станет выплачивать вам семь процентов от чистой прибыли. Чтобы деньги не облагались налогом, я стану их перечислять на счет благотворительного фонда. Ваша задача — обеспечить охрану избирательных участков и моих гостей. В казино я наведу порядок сам, а вот порядок на автостоянке должны обеспечить ваши люди.

Казино Гай купил. На улице, где оно располагалось, появился милицейский пост, ветхие палатки заменили на новые, нарядные, что было сделано по распоряжению мэрии города и выполнялось районной префектурой. Но жители микрорайона считали это заслугой Гая.

Харитонов жил своими заботами. Продолжал контактировать с Ляльком и его группировкой, и так как сам оружия в руки не брал и ни в каких операциях участия не принимал, то чувствовал себя абсолютно спокойно. Но однажды вечером, когда он вышел из казино и направился к своей машине, возле него остановилось темно-серое «пежо». Правая дверца открылась, и спокойный голос произнес:

— Борис Михайлович, присядьте, покатаемся минут несколько, есть разговор.

Харитонов заглянул в машину и узнал полковника Гурова. Как овца на заклание, Харитонов обреченно забрался на переднее сиденье. В ближайшем переулке Харитонов набрался храбрости и укоризненно произнес:

— Как же так, Лев Иванович, вы же обещали...

— Во-первых, здравствуй, Борис Михайлович, рад тебя видеть в здравии. Во-вторых, как живешь? Впрочем, на такой идиотский вопрос можешь не отвечать. — Гуров весело подмигнул ему. — Так чего я тебе обещал и не выполнил?

— Вы сказали, мы в расчете, больше никаких вопросов задавать не будете.

Гуров, памятуя совет Крячко, заулыбался.

— Теперь скажете, что наша встреча случайна, и вы желаете мне спокойной ночи, — сыронизировал Харитонов.

— Борис Михайлович, у тебя родственники где-нибудь на периферии имеются?

— Тетка в Барнауле, — растерянно ответил Харитонов. — Мы даже не переписываемся. К чему вам?

— А ты бы не мог к тетке в Барнаул или еще куда на недельку уехать?

— Зачем?

— Не скажу. Лишние знания укорачивают жизнь.

— Вы собираетесь брать Лялька? — Харитонов поежился.

— Лично я не занимаюсь вашей группировкой. Но в ближайшие дни могут произойти некоторые события, тебе лучше из Москвы уехать.

— Если я внезапно исчезну и произойдут ваши события, так мне лучше не возвращаться.

— Давай думать. — Гуров закурил, опустив стекло, выпустил дым. Сыщик всегда старался относиться к агентам с пониманием. Иногда их отношения становились чуть ли не товарищескими, однако случалось, что он агента не любил. Так произошло и с Харитоновым. Когда Гуров выполнил задание, ради которого и завербовал Харитонova, то расстался с ним с радостью и облегчением, хотя не исключал возможность, что с этим скользким типом придется восстановить отношения. Сейчас такой необходимости не было, обстоятельства сложились иначе.

В области на «мокром» попались два бойца из группировки Ямщикова—Лялька. Так как парней взяли в бою, с оружием в руках, то они вскоре пошли в полную сознанку. Назвали Лялька, проскочила в их показаниях и кличка Барин. Самого Барина никогда не видели, слышали только, что он — правая рука самого Лялька. Кличка принадлежала Харитонову. Хотя он сам непосредственно участия ни в чем не принимал, однако мог легко сгореть. Сжег бы его сам Лялек, которого коллеги Гурова собирались брать при очередном налете. Ведь если Лялька возьмут, то подчистят и все окружение, к примеру, бухгалтеров, экспедиторов, сторожей, секретарей. В сеть попадет и Харитонов, и тогда на очной ставке с Ямщиковым может произойти всякое. К примеру, Лялек попытается прикрыться Харитоновым, выдать его за главаря группировки, а сам отойдет в тень, как рядовой исполнитель.

Гуров все просчитал, понял, что законсервированный агент на грани провала, и при всей своей антипатии к нему решил отвести Харитонova в сторону. На место Лялька придет другой авторитет, соберет оставшихся, приведет новых бандитов, все вернется на круги своя. Иметь в новообразовании агента такого уровня, как Харитонов, — значит держать всю новую группировку под контролем.

— Ну и что ты надумал? — Гуров погасил сигарету.

— Так я же не знаю, от чего спастись, — осторожно ответил Харитонов.

Гуров разозлился, но виду не подал.

— Если Лялька с поличным возьмут, он на очной ставке тебя сдаст, или один «паровозом» пойдет?

В машине наступила тишина, казалось, и город за окнами на время притих.

— Если плотно возьмут, он мной не прикроется. Я для такого прикрытия маловат. А может, и не возьмут. Сейчас Лялек чистый, если его предупредить, чтобы в свежее дело не лез, то перезимуем. — Харитонов взглянул на Гурова, облизнул пересохшие губы.

— Мысль интересная, — Гуров улыбнулся, подобный фортель он предвидел. — Кто же конкретно предупредит? И как этот безумный храбрец объяснит Ляльку, откуда получил информацию?

— Можно анонимно стукнуть...

— Борис Михайлович, совсем двинулся, со мной, как с подельником, разговариваешь.

— Извините, Лев Иванович, это от страха... Значит, из Москвы уматывать?

Гуров взял с заднего сиденья папку, положил сверху чистый лист, шариковую ручку.

— Пиши адрес, фамилию, имя, отчество тетки и текст телеграммы. Дескать, тетка совсем плохая, не знаем, что делать с домом, срочно прилетай.

Харитонов послушно написал. Гуров убрал лист в папку, бросил ее на заднее сиденье.

— Получишь телеграмму, покажешь Ляльку, от себя добавишь, что у тетки имеется золотишко. Билет на самолет я тебе возьму.

— Чтобы я без вас делал, Лев Иванович? — льстиво произнес Харитонов.

— Мой телефон помнишь?

— Век не забуду, — Харитонов повторил номер.

— По прибытии сразу позвонишь Ямщикову, скажешь, тетка пошла на поправку. Умирать ей нельзя, твой хозяин, хоть и не Спиноза, факт смерти может и проверить. Через неделю позвонишь мне, скажу, когда возвращаться. У Ямщикова в Барнауле могут быть приятели, веди себя осторожно.

— Понял, спасибо, все учту.

— Ну, что в районе новенького? — поинтересовался Гуров.

— Без перемен. Правда, в казино хозяин сменился, прежнего Лялек выжил.

— Кто новый?

— Не по вашей части, Лев Иванович. Некто Гай Борис Петрович. Мужик головастый, финансист, собирается в Думу баллотироваться, — ответил Харитонов, утаив, что Гай налаживает связи с местной администрацией и милицией и вообще далеко не так прост, как хочет казаться.

Гуров почувствовал фальшь в словах агента, но решил, что тот лезет к финансисту в долгу, потому и недоговаривает. В то

время сыщик еще не получил задание разыскать «Бюро добрых услуг», а внутренний голос его промолчал. Гуров лишь вскользь подумал, что, если операция с бандой пройдет успешно, то Харитонов займет в новой группировке подобающее место, то новым хозяином казино стоит поинтересоваться. Но вскоре сыщик познакомился с Марией, потом навалилась работа, и этот разговор забылся.

Борис Петрович Гай, осторожный и предусмотрительный, не торопился с нововведениями в своем казино, считая, что очень важно работникам понравиться, установить с ними доверительные отношения. В подобном заведении, несмотря на строгую униформу, официоз внешней атрибутики, должна царить тихая уютная обстановка, уважительная и дружелюбная. Он собирался не торопясь познакомиться с каждым своим сотрудником и, по возможности, каждого понять.

Учитывая национальность прежнего хозяина, в казино работало много кавказцев. Если театр, как известно, начинается с вешалки, то казино — со швейцара. Высокий и солидный швейцар, с сильным акцентом, с презрением во взгляде и фальшивой улыбкой на губах, не годился стопроцентно. Его требовалось убрать не только от дверей казино, но и, разузнав у Харитонова его связи с местной мафией и милицией, убрать из района, что, как выяснилось впоследствии, оказалось далеко не просто.

Но главные неприятности ожидали нового хозяина не в самом заведении. Гай даже не представлял, насколько значима фигура хозяина казино в районе и с каким количеством людей ему придется иметь дело. Он еще не успел вникнуть в суть работы, как в его кабинете уже побывали сотрудники милиции и контрразведки, налоговой инспекции и префектуры. Все вели себя интеллигентно, пили кофе, хотя некоторые рассчитывали на большее. Но Гай решил никакой выпивки никому не выставлять. Серьезный человек на рюмку не купится, а пускать пыль в глаза и приучать к своему кабинету шушеру в лице мелких чиновников он не желал.

Неожиданно позвонил бывший шеф. Справился о здоровье, что Гая насторожило, так как расстались они холодно. Шеф долго мялся, затем сказал:

— Меня осаждают вопросами, каким образом удалось без потерь разойтись с компаньоном. К вам хочет обратиться с просьбой очень солидный человек. Мое скромное мнение, господина Самойлова следует принять и выслушать.

— Завтра в десять утра. Всего доброго, — Гай положил трубку. Хотя он и почувствовал тревогу, однако отказываться от встречи было в высшей степени неразумно.

На следующий день, ровно в десять, охранник пропустил в кабинет мужчину неопределенного возраста и национальности.

— Господин Самойлов? — получив положительный ответ, Гай отпустил охранника, пригласил гостя присаживаться. — Я вас слушаю, только без вступительных слов.

— Предлагаю заработать семьсот тысяч. — Судя по выговору, родная фамилия у посетителя была отнюдь не русская.

Гай выразительно посмотрел в сторону двери. Гость понимающе улыбнулся, покачал головой.

— Мой папа, мудрый человек, говорил, что торопиться всегда плохо. Но вы, уважаемый Борис Петрович, захотели сразу услышать суть. Чувствую, в таком кастрированном виде она вас не устраивает. Не буду злоупотреблять вашим терпением. Один человек должен мне два миллиона сто тысяч долларов и не отдает. Деньги у него имеются, у меня его расписки. Вы получаете деньги, оставляете себе треть суммы. Считаю, это справедливо.

— Почему вы пришли ко мне? Удивлен и категорически отказываюсь от вашего предложения.

— Сорок процентов.

У Гая мелькнула мысль, что за пятьсот тысяч парни Харитоновы выбьют долг из кого угодно.

— Вам, конечно, необходимо подумать. — Гость с русской фамилией положил на стол плотный конверт. — Здесь все данные должника, копии его расписок и пять тысяч долларов за время, которое вы на меня потратили.

Гай помолчал, наконец решил.

— Я попытаюсь выполнить вашу просьбу, но на определенных условиях. Мне необходимо знать, почему вы пришли именно ко мне, кто назвал вам мое имя.

Гость покачал головой.

— Сказать ничего не могу, так как дал слово. А мой папа, человек умный, говорил, человек стоит столько, сколько стоит его слово.

— Хорошо, господин Самойлов. — Гай убрал конверт в стол. — Оставьте свою визитную карточку, я вам позвоню.

— Не стоит беспокоиться, я сам...

— Дайте вашу визитку, — потребовал Гай. — Я начну с того, что установлю, кто вы такой.

— Вы мудрый человек. — Гость положил на стол визитную карточку. На ней скромным шрифтом было написано: «Самойлов Виктор Сергеевич, инженер, ремонт телевизоров».

Борис Петрович Гай начал новую жизнь, хотя в тот момент и не подозревал об этом...

Глава четвертая

В понедельник, двадцать пятого сентября, сыщики находились в своем кабинете на своих местах. За неделю, когда генерал Орлов «предложил» полковнику Гурову принять меры к розыску организации, которая взяла на себя тяжкий труд получать с людей долги, никаких перемен не произошло.

— Почему ты молчишь? — Гуров остановился напротив Крячко. — Ждешь, пока я не придумаю, как нам выбраться из тупика?

— Версия с Аляшиным — ложная версия. Аляшин отказывается давать показания? Факт. — Крячко загнул палец. — Проверка людей, которые за ним следили, ничего не дала. Тоже факт. Я тебе говорю, в этом аквариуме рыбы нет, ловить нечего.

— У тебя есть другой аквариум? — поинтересовался Гуров.

— У меня есть начальник. Он гений сыска и должен вывести меня на дорогу.

— Наличие начальника не освобождает от обязанности думать самостоятельно. Аляшин явно боится, но на контакт с властями не идет. На что он рассчитывает?

— У него с кредиторами имеется какая-то договоренность, — ответил Крячко. — Непонятно, почему его держат под наблюдением?

— Боятся, что сбежит, а разыскивать за рубежом — дело хлопотное и дорогое. Я все происходящее мог бы понять, если б не состав группы преследования. Здесь все по-уродски. Почему используется машина, обслуживающая депутатский корпус? Почему наблюдающих четверо, хотя вполне достаточно двоих? Ответай, Станислав, что ты уставился в окно?

— Я ж тебя не попрекаю, когда ты носишься по кабинету как очумелый, — Крячко крутанулся в кресле. — Ты что, забыл, что мы в России живем? У нас ведь самые нелепые противоречия составляют суть бытия. Почему машина из гаража обслуживания? Да, Господи, хозяин деньги на транспорт выделил, а у меня дружок в гараже работает. На кой черт отдавать деньги дяде, когда лучше с приятелем поделиться. Почему работают четверо вместо двоих? Платят хорошо, работа не пыльная, катайся себе да глазами хлопай. Начальство в кабинете сидит, любые объяснения слопают. К примеру, можно соврать, что объект беспокойный, часто заходит в большие магазины, вдвоем его легко потерять.

— Мелешь черте что, сам своей брехне не веришь. — Гуров присел на край стола. — Дело ставят профессионалы. Они все продумали, прекрасно знают, где хватит двух человек, а где необходимо четверо. Ты беседовал с ними, сам говоришь, двое — бывалые, а двое — случайные. Складывается, что нам просто голову морочат, будто ловят на живца.

— Ты и рыбу-то в жизни не ловил, — фыркнул Крячко. — Слово знаешь, а смысла не понимаешь. Если уж с рыбалкой сравнивать, то нас не на живца ловят, мы на такую дохлятину никогда не бросимся. Скорее к определенному месту прикармливают, хотят знать, где и когда нас можно найти.

Гуров смял сигарету, которую только что вынул из пачки, слез со стола и неторопливо прошел на свое место. Прочно уселся в кресло. Задумался. Станислав не понял, что в его словах так озаботило друга, притих, ждал, когда Гуров выскажется.

— Ты сказал, что один из четырех, катавшихся в машине за Аляшиным, в недавнем прошлом сотрудник угро. — Гуров оперся на стол, от его недавней рассеянности и лениности не осталось и следа.

— Ну? — Станиславу передалось напряжение друга. — Дуров Артем Григорьевич, старший опер райуправления, прослужил в милиции пятнадцать лет, от роду — тридцать восемь, уволен за систематическую пьянку.

— Ас, в самом соку, и только старший опер. — Гуров покачал головой. — Когда ты с ним разговаривал, запах чувствовал? А с лицом у него как? Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Запах был, — задумчиво ответил Крячко. — Но не стойкий перегар, а свежий, словно пару рюмок только махнул. Лицо нор-

мальное, выглядит моложе своих лет. Я тогда удивился... С этим бывшим ментом что-то не так. Глаз ясный, хитрый, мне почудилось, он меня знает. Улыбочку пару раз проглотил, вроде хотел по-свойски шуткануть, да передумал. Сейчас работает охранником в казино «Фламинго».

— Стоп, стоп. Месяца три назад об этом казино у меня был разговор, — Гуров щелкнул пальцами, — точно, с Харитоновым. В казино сменился хозяин. Ладно, я отвлекся. Странно, в таком возрасте, со стажем, и всего старший опер района.

— В кадрах сказали, что он месяцами не просыхал.

— У нас в кадрах, когда человека уволят, могут сказать, что он мать родную убил. Наверное, у него вздорный характер, либо показатели не выводил, вот начальство и не привечало мужика. Охранник в казино... Работа в основном поздняя, значит, днем Дуров свободен. Интересно. Твоя фраза, Станислав, о прикормке рыбы и присутствие в машине бывшего розысчника наталкивают на дурные, мрачные размышления.

— Что нас с тобой готовят к ликвидации, — брякнул Крячко.

— Грубый ты человек, Станислав. — Гуров встал, запер сейф.

— Прежде чем человеку подобную вещь сказать, его требуется морально подготовить. На худой конец обедом накормить.

— Да я за тобой хоть в огонь, хоть в воду, а в столовую, так бегом, — засуетился Крячко.

Уволенный из милиции полковник Павел Петрович Усов охранял дачу члена Правительства, которая находилась в одном из самых престижных мест — на Николиной Горе.

Поселили его в крохотном домике близ барского особняка. Две комнатки, кухня, верандочка, все удобства, телефон. Особняк по полгода пустовал, хоть приемы устраивай, хоть в футбол гоняй.

Семья от Усова отказалась, потому жил он уединенно, но крайне активно. Нанял дворника, бывшего старшину милиции, человека выпивающего, но работающего, а главное, молчаливого. Дворник Осман, неустановленной национальности и вероисповедания, был крепок, жилист и трудолюбив. Аллеи в любое время года чисто выметал, дрова для шашлыка заранее заготавливал, стоявшая в гараже машина благодаря его стараниям, сверкала.

Вставали Усов и Осман около семи, летом раньше, работали до темноты, зимой часиков до восьми. Усов начинал день с легкой гимнастики, потом кормил собак, супружескую пару немецких овчарок, обходил по периметру двадцать пять соток, проверял крепость замков, исправность сигнализации. После завтрака вместе с Османом, который выпивал рюмку настойки, Усов просматривал газеты, смотрел телевизор и надолго садился к телефону. Звонков было множество, но все разговоры отличались лаконичностью — несколько слов, междометий, и конец связи.

Если особняк пустовал, Усов после обеда часа на два-три уезжал в город. Где полковник бывал, с кем встречался, никто не знал.

Усов создавал свою криминальную структуру. Он был молод, ему не исполнилось и пятидесяти, полон энергии. Хотя не блистал особыми талантами, но был умен, хорошо знал жизнь. Четверть века он служил, теперь хотелось поруководить.

Как все опытные розыскники, Усов был нетороплив. Около трех месяцев он подбирал людей. Встречался с бывшими сослуживцами, вел долгие беседы, проверял на спиртное, давал деньги взаймы. Усов не знал, чем конкретно займется, когда команда окажется в сборе. По газетам и телевизору следил за уголовными процессами, определял направления ударов, которые наносили преступные группировки. Вскоре понял, экономик и бизнесменов душат взаимные неплатежи. Если стать посредником в решении споров, можно приобрести состояние и власть. Но требуется соблюдать умеренность, не лезть в высшие сферы, не светиться. Переговоры вести мирным путем, но за ними должен стоять господин «Калашников». Следовательно, необходима группа боевиков, никоим образом, даже тонкой ниточкой, не связанная с ним, полковником Усовым.

Так как без убийств не обойтись, то, рано или поздно, розыском займется Гуров. При мысли о неминуемой встрече с ненавистным Гуровым у отставного полковника появлялись мурашки, тело холодило озноб. Усов боялся этой встречи и жаждал ее. Боялся, зная, как Гуров силен и непредсказуем, жаждал, так как мечтал о расплате за разоблачение, арест, позор и развал семьи. Усов решил, что в штате новой компании должны быть, кроме него самого, три не связанных друг с другом человека. Кроме того, необходим финансист с определенной репутацией, которого следует использовать втемную, и через него получать заказы, вести денежные расчеты.

Именно под негласным руководством Усова умный, но в оперативных разработках не сведущий Борис Петрович Гай приобретал известность на стыке криминальных и финансовых сфер.

В этот сентябрьский ясный вечер министра и его семьи в особняке не было. Усов обходил свои владения, овчарки спокойно рыскали по кустам. Рядом с отставным полковником шел его заместитель по оперативной части, бывший розыскник Артем Дуров.

— Рано Гуров появился на нашем горизонте, слишком рано. И твоя встреча с Крячко тоже не совсем вовремя, — рассуждал Усов, высвечивая фонарем дорогу.

— Раньше, позже, этого все равно не миновать, — ответил Дуров. — Станислав опознал во мне сотрудника сразу. Я и не скрывал, чего дурака валять.

— Крячко опасных вопросов не задавал?

— Легенду задержания он двинул нормальную. Мол, схожая «Волга» в розыске и была использована при нападении на инкассатора. В принципе, полковник вел себя дружелюбно и открыто.

— Его манера, эту открытость люди в зоне часто вспоминают.

— Спросил, где мы депутатскую машину раздобыли. Я ответил, что сегодня зарплаты никому не хватает.

— О том, что вы следили за кем-либо, не проговорился?

— Обижаетесь, Павел Петрович, Станислав розыскник, а не фрайер.

— Он тебе нравится? — Усов остановился у своего домика, ударил хворостиной кобеля. — Гулять, Гром, гулять! — Собаки с радостным визгом рванули в темноту.

— Крячко нормальный мент, дело знает, — ответил Дуров. — У него «мерседес-200», у Гурова — «пежо-405». Гуров часто оставляет машину у Министерства, к дому его подбрасывает Станислав.

Усов согласно кивал, думая о чем-то своем. Затем он расстелил на столе карту центра Москвы.

— Дай выпить, знобит, — Дуров повел плечами.

Усов достал из шкафа бутылку коньяка, два стакана, налил себе и выпил.

— Не больно ты радушный хозяин.

— Я не хозяин, ты, Артем, не слуга, мы — партнеры. — Усов разглядывал карту.

— Леня Голубков и Мавроди тоже партнеры.

— Не понял! — Усов взглянул сердито. — Ты считаешь, я ущемляю твои интересы?

— Я считаю, что ты ведешь свою игру и держишь меня за болвана. У тебя с Гуровым личные счеты, вижу, выслеживаешь его маршруты. А в нашем деле ничего личного не должно быть. Если собираешься Гурова ликвидировать, я тебе не партнер.

— Все сказал? — Усов провел пальцем по вычерченной на карте линии. — Гурова необходимо ликвидировать, иначе мы будем постоянно находиться в опасности. Ни ты, ни я участия в ликвидации принимать не станем, обойдутся без нас.

— Кто?

— Парень Назима Рзаева. Он сидит на игле и полностью зависим.

— Наркоман и черный! — усмехнулся Дуров. — Какие же у него шансы против Гурова! Тот и подойти к себе не даст.

— Согласен. Гуров ориентируется и стреляет очень быстро. Ты прекрасный оперативник, Артем. Но ты тактик, а здесь нужна стратегия.

— Какая, к черту, стратегия? — Дуров возмутился. — Допустим, ты сумеешь поставить парня в нужное время в нужном месте. Допустим, Гуров оплошает. Хотя я в это верю слабо. Гуров и мальчишка-наркоман! Смешно. В твоем плане не стратегия, а сплошные дырки. Если хочешь, чтобы я с тобой работал, говори все, использовать себя втемную я не позволю.

— У меня нет секретов, да мне без тебя и не обойтись. — Усов налил в оба стакана, один протянул Дурову. — Твое здоровье, Артем, и слушай, какую я собираюсь провернуть операцию.

Артем вывел свои «Жигули» на Минское шоссе и направился в сторону центра. Выслушав Усова, Дуров признал, что операция задумана толково. Даже если она и не удастся, руководители, то есть Усов и Дуров, остаются вне поля зрения ментовки и прокуратуры. Тем не менее настроение у бывшего опера было парши-

вое. Остановив машину у сверкающих палаток, он купил бутылку водки. Артем редко напивался, но сегодня почувствовал, ему необходимо. Одно дело — добывать деньги нечестным путем, иная история — убивать своих бывших товарищей. Слушая Усова, Артем понял, что Гуров и Крячко — это только начало. Ну, уберут сыщиков, на их месте появятся другие. Не сытые генералы, не номенклатурные кадровики, а свои парни — оперативники, жизнь которых сложилась удачнее, чем у него, Артема Дурова.

Что за страна Россия, где последовательно при всех режимах уничтожают лучших, а верных сынов превращают в непримиримых врагов, расчищая путь наверх бездарностям и проходимцам? Когда он начинал работать в милиции, в ней наверняка служили издоимцы. Но они тщательно прятались, были исключением. Как говорится, в семье не без урода. Служить в розыске считалось делом почетным. Оперативника, если он порядочный человек, даже отпетый уголовник-рецидивист уважал. Ненавидел, но уважал. Я ворую и рискую, ты меня ловишь и тоже рискуешь. Коррупция в милицию пришла сверху, когда в руководство стали насаждать партаппаратчиков. Тогда у Артема отношения с начальством не заладились. Лишь вчерашние опера относились к нему с уважением, ценили профессионализм и преданность делу.

Начальство начало прятать материалы на детей власть имущих. Там хулиганка, там изнасилование, а подозреваемый — сынок директора, который дружен с секретарем. И началось. Это оставь, то придержи. Еще вчера дружная оперативная команда расслоилась. Кто боялся «возникнуть» либо желал выслужаться — в одну сторону, остальные — в другую. В «другой» стороне оказался Артем Дуров.

Его обходили должностями и задерживали очередное звание. Приклеили ярлык — пьяница, а так как в розыске не употребляли только больные и очень хитрые, то взять опера с поличным оказалось делом несложным. Кончилась его карьера грандиозным скандалом. Один сынок депутата Думы изнасиловал несовершеннолетнюю, нанес ей увечья. На крики девчонки по вызову соседей выехал Артем. Дело оказалось ясным, как выеденное яйцо. Опер материал оформил надлежащим образом, следовательно прокуратуры из штанов выпрыгивал, но помочь насильнику не смог, так как Артем дал информацию в газету. Дело пришлось передавать в суд. На беду насильника судья оказалась женщина, и сынок депутата Думы получил на полную катушку. Начальника РУВД понизили в должности, а Артема Дурова уволили из милиции за «систематическое употребление спиртных напитков в служебное время».

Дуров подался было в частное сыскное бюро, но взаимоотношения там не заладились. Виной всему оказался хреноватый характер Артема. Ко всему прочему, парень был озлоблен, кидался на людей без причины. В такой момент и позвонил ему Павел Петрович Усов, пригласил в «имение». Они поговорили по душам, после чего Усов устроил Артема в казино, порекомендовал вести себя там тихо.

Они встречались почти ежедневно, говорили о жизни, о службе в розыске. Бывший полковник очень медленно и тщательно готовил Артема к решающему разговору, засекая реакции опера на те или иные примеры коррупции среди сотрудников милиции.

Наконец Усов решился и сделал Артему конкретное предложение.

— Я помог одному человеку получить солидные деньги. Он же считает, что все произошло случайно. Надо открыть ему глаза и забрать свою долю.

— Сколько? — спокойно спросил Артем.

— Он получил двести тысяч. Считаю, должен отдать семьдесят. Я ему создал репутацию крутого мужика. А недавно подтолкнул к нему еще одного просителя, тут дело пахнет сотнями тысяч, а то и миллионом.

— Я его знаю?

— Знаешь, — улыбнулся Усов.

— Это шеф, Борис Петрович Гай, — утвердительно сказал Артем. — Он мужик умный, с ним легко иметь дело.

Дуров вошел в кабинет Гая в одиннадцать утра, когда хозяин проверял счета и никого не принимал, все сотрудники казино об этом знали. Гай взглянул на охранника настороженно, молча кивнул на кресло.

— Борис Петрович, вы горькое лекарство пьете сразу или сначала пробуете? — спросил Артем, усаживаясь.

— Стараюсь не употреблять лекарства, ни горькие, ни сладкие, — Гай закрыл лежавшую перед ним папку.

— Вы вышли из прошлого бизнеса, получив двести тысяч отступного. Хотя по занимаемой в компании позиции не могли претендовать даже на один доллар. Вы умело обыграли неожиданное убийство вашего партнера по переговорам. Считаете подобную ситуацию нормальной?

— И не собираюсь что-либо считать, — спокойно ответил Гай. — Я никогда не брал в руки оружия и не нанимал убийц. В Москве убивают каждую минуту. Кто и какие выводы делает из убийств, мне не известно.

— Вы ввели в заблуждение своего бывшего шефа, и он сделал выгодные для вас заключения.

— Вы, Артем Григорьевич, человек опытный, юрист и прекрасно знаете, что доказать можно, а что нельзя.

Дуров посмотрел в глаза хозяина и заскучал. Проведший за время службы несчетное количество допросов и душевспасительных бесед, он понял, Гая не уговорить. Его пора убивать.

— Намедни к вам обратился инженер по ремонту телевизоров. Ему не возвращают долг. Пустячная сумма — два миллиона сто тысяч долларов. Инженер по ремонту телевизоров, как любой гражданин, имеет право давать займы и возмущаться, когда ему долги не отдадут. Вы, шеф, будете продолжать валять дурака, или перейдем к решению конкретных вопросов?

— Каких вопросов? — еле выговорил Гай.

— Вы — самозванец. Беретесь за работу, которую не способны выполнить. Получать криминальные долги — это не ваша работа,

а Якова Семеновича Ямщикова, по кличке Лялек. Если не верите, проконсультируйтесь у Бориса Михайловича Харитоновна.

— Я не собираюсь ни у кого отбивать хлеб.

— Хватит болтать. Если Лялек узнает о нашем разговоре...

— Не узнает! — воскликнул Гай.

— Короче, шеф, на сегодня расклад такой. — Дуров сделал паузу, но так как Гай молчал, продолжил: — Семьдесят тысяч вы нам должны за ликвидацию вашего партнера. В отношении заказа инженера по ремонту телевизоров, — он усмехнулся, — давайте думать.

— Семьдесят тысяч долларов — солидные деньги, и отдавать их под складные разговоры я не собираюсь. Шантаж у вас не пройдет. — Гай собрался с мыслями, обрел некоторую уверенность. — Если речь пойдет о создании корпорации с четким распределением обязанностей и прибыли, то вопрос можно обсудить. Если хотите получить деньги за информацию, которой обладаете, то вы ошиблись. Мне проще отдать мастера по ремонту телевизоров Ляльку и забыть вас, как дурной сон.

— Мы выполняем заказ, который вы неосмотрительно приняли, вы получаете деньги, отдаете две трети и долг. В дальнейшем мы обеспечиваем вас новыми заказчиками. Договорились?

— Мне надо подумать, — ответил Гай.

— Надеюсь, пяти минут вам хватит. — Дуров взглянул на часы и удобно устроился в кресле.

Слежка за Аляшиным прекратилась. Наружное наблюдение проследило за Рзаевым и его молодым соотечественником, убедилось, что они сели в самолет и улетели в Баку. Артем Дуров работал в казино, в свободное время отсыпался в своей однокомнатной квартире, ни в чем предсудительном замечен не был. «Волга», которую в свое время задержали для проверки, возила депутатов. Затем ее закрепили за председателем комиссии, рьяным коммунистом, депутатом Котовым Григорием Давыдовичем.

Сыщики Гуров и Крячко оказались у разбитого корыта. Больше часа они вели пустопорожние разговоры в кабинете генерала Орлова. Гуров вспоминал Павла Усова, утверждал, что без бывшего коллеги данное дело не обошлось.

— Я устал от тебя, Лев Иванович, — сказал наконец Орлов. — Ты просто зациклился на Павле. Мы уже трижды проверяли, он работает на даче министра, почти не выходит с территории. Установить за дачей наблюдение нам никто не позволит. Зону курируют достаточно квалифицированные люди. И хватит об этом. Если у тебя появится что-нибудь конкретное, готов выслушать.

Когда сыщики вернулись в свой кабинет, Крячко сказал:

— Что-то тебя гложет, Лев Иванович, поделись.

— Ты, как и Петр, любишь оперировать фактами, у меня их нет, — ответил Гуров. — Я могу лишь рассуждать на отвлеченные темы. Начнем с наблюдения за Аляшиным. Оно выглядит странным, необъяснимым. Но если предположить, что между

Аляшиным и организатором убийства его брата достигнута договоренность, то все становится ясно.

— Мне можно встреть или помолчать? — поинтересовался Крячко.

— Валяй.

— Коли достигнута договоренность, к чему наблюдение?

— Станислав, ты так привык изображать из себя недоумка, что и со мной играешь, — раздраженно ответил Гуров. — Аляшина припугнули, и он согласился долги брата вернуть. Но страх — чувство проходящее. А когда за тобой постоянно следует машина с четырьмя амбалами, страх не проходит, а усиливается. Мы с тобой ломали головы, почему их четверо, когда вполне достаточно двоих. Организатор действия умышленно засветил свое наблюдение и прессинговал жертву. Когда вы остановили «Волгу», рядом с водителем сидел Рзаев? А на заднем сиденье, между прочим, сидел молодой русский парнишка.

— Володин Степан Иванович, двадцать четыре года, после армии год проработал в милиции, — заметил Крячко. — Сейчас охранник — шестерка в мелком СП.

— Разумно в машину наружного наблюдения рядом с водителем сажать усатого азербайджанца? — спросил Гуров и вздохнул. — Наши наблюдатели не работают, а отбывают номер. Они должны были в первый же день сообщить, что объект умышленно засвечивается. И с тобой Рзаев вел себя вызывающе. Думаю, пацана Володина в экипаж взял бывший опер Дуров. Он присматривается к мальчишке, имеет на него виды. Вот тебе и весь фокус с наблюдением.

— Но были и другие машины, и другие люди.

— Нам не сообщили, как «вели» Аляшина. Просто организатор действия тоньше и умнее наших обычных клиентов. Он такой, как ты или я, опытный сыщик.

— Опять Павел Усов? Ты, Лев Иванович, не решаешь задачу, а подгоняешь решение под нужный тебе ответ.

— Полагаешь? — Гуров посмотрел на друга грустными, казалось, поблекшими глазами. — Возможно, возможно, однако вряд ли, Станислав. Подожди, я сейчас возьму себя в руки и тебе врежу. У тебя ничего нет? — он щелкнул себя по горлу.

— Я законопослушный чиновник, не держу.

— Ну ты и садист! — Гуров поднялся из-за стола, потянулся, распрямил плечи. — Какие основные качества присущи Павлу Петровичу Усову? Тщеславие и стремление к власти.

— Обычные мужские слабости.

— Пашу они разрывали на части. Его на этом и завербовали. И вот, в один день, человек лишился всего. Он не слабак и не мог сломаться, например, просто запить. Если бы такое случилось, его не держали бы в резиденции министра. Убежден, он блюдет себя, поддерживает в хорошей физической форме. При его связях и биографии у него не было заманчивых предложений? Да такие люди сейчас на вес золота. Однако он поселился в глуши, наступил на собственную гордость, прислуживает черт знает кому.

— Сегодня любой министр, в первую очередь, человек нужный, управляемый. Другие там не задерживаются.

— В любом случае министр — человек занятой, на даче долго не бывает, приехал на день отдохнуть, провел нужные переговоры и в стойло. В имении гуляет семья и прихлебатели, им-то Павел Усов и прислуживает. Хотя не удивлюсь, если он отыскал в этой команде пару подходящих холуев, которых можно на водке и девочках подловить и вербануть. Но дело не в этом. Такая берлога очень подходит для человека, готовящегося к броску. Уединение хорошо охраняется, телефон, пять минут от Москвы. Он подбирает людей, обдумывает план, возможно, уже действует.

— Он именно тот человек, которого мы ищем, — Крячко рассмеялся.

— Напрасно веселишься, Станислав. Вся наша жизнь состоит из самых невероятных совпадений.

Зазвонил телефон, Крячко снял трубку.

— Приемная полковника Гурова. Здравствуйте. Говорит его помощник. Девушка, в нашей организации не занимаются розыгрышами. Из Италии? Хорошо, соединяю, — и передал трубку Гурову.

— Здравствуйте. Гуров. Спасибо. От кого? Большое спасибо, обязательно подъеду. Проточный переулок, восемь, в семь часов, — повторил Гуров. — До свидания. — Он положил трубку, взглянул на Крячко. — Какая-то актриса привезла мне из Италии от Марии сувенир и письмо.

Сыщики подъехали к Смоленской площади в начале седьмого, припарковались и пошли к Проточному. Переулок был сумеречный, грязный, весь изрытый. Шли они по разным сторонам.

Не станет Мария ничего посылать, думал Гуров. Тем более, писать. Все это очень похоже на ловушку. Но откуда противнику известны Мария и Италия? Он зашел в подъезд, расположенный почти напротив дома восемь, закурил. Чувствовал он себя отвлеченно, как-то противоречиво. С одной стороны, звонок самый обычный, опытному сыщику стыдно так перестраховываться. С другой — настораживало место встречи. Старая Москва, облупленные дома, в которых доживали свой век старики, не согласившиеся уезжать на окраины, а в центре им квартир не давали.

Темнело, в переулке было малоллюдно. Если это засада, то киллер будет один, и его надо брать. Но он может ждать машину и находиться так же в подъезде или во дворе. Если действительно появится актриса, то она выскочит из подъезда, начнет оглядываться. А может, она стоит у окна и ждет машину, а он, как дурак, прячется, боится собственной тени?

Станислав спустился по переулку, и Гуров неожиданно услышал его громкий веселый голос:

— Мамаша, здравствуйте! Да не бойтесь, я трезвый и абсолютно безопасный.

— Чего надо? — голос у женщины был грубый, пропитый.

— Должен был к семи подъехать, да машина заглохла. Девушка меня тут ждет, а я номер дома забыл! — Крячко говорил громко, словно разговаривал с глухим.

— Чего орешь? В округе самая симпатичная девушка — это я! — женщина хрипло рассмеялась. — У тебя в плаще ничего слышим не заваливалось? Или только в штанах?

— Озорная ты, мать! — Кричко хохотнул.

И тут Гуров увидел вышедшего из двора мужчину. Его неприметная фигура сливалась на фоне серого облезлого дома.

Гуров достал патрон, снял предохранитель. Мужчина стоял у дома, не двигаясь.

— Некогда мне, — произнес женский голос, и рядом стукнула дверь.

— Эй, приятель, — голос у мужчины был молодой, ломкий. — Огоньку не найдется?

— Не курю! — ответил Кричко и побежал. Неизвестный выхватил пистолет, выстрелил, но догнать Станислава не стал, пересек переулок и оказался в двух шагах от Гурова. Сыщик вышел на тротуар, ударил парня по тонкой шее и отнял пистолет.

— Станислав, отбой! — крикнул он, держа парня за рукав, как держит учитель провинившегося ученика.

— Отпусти! — тот вяло дернулся. Гуров смотрел в его худое изможденное лицо, в большие глаза наркомана и чувствовал себя неловко, словно был в чем-то виноват.

Подошел Кричко, посмотрел на парня, сплюнул и сказал:

— Дожили, нас уже и за людей не считают. Куда же мы его теперь повезем?

— Куда? Ко мне домой! — Гуров выругался. — У меня не квартира, а санпропускник.

— Карикатура какая-то. — Кричко не успел договорить, раздался вой сирены.

В переулок влетели две машины, над крышей первой горел спецсигнал. Гуров втащил задержанного мальчишку в подъезд, из которого только что вышел. Кричко вбежал следом.

Они поднялись на второй этаж, осторожно выглянули из окна. Из милицейского «мерседеса» выскочили три рослые фигуры в пятнистой униформе, с автоматами и черными масками на головах. Из второй машины, РАФика, никто не выходил. Автоматчики стояли, широко расставив ноги, водили автоматами, явно не зная, в какую сторону их направить.

Гуров и Кричко наблюдали за происходящим, как сидящие в ложе зрители смотрят на театральную сцену. Так поставить машины мог только полный идиот. Фары освещали не стены домов, а друг друга.

Наконец из «мерседеса» вылез майор милиции с мегафоном.

— Ты что-нибудь понимаешь? — прошептал Кричко.

— Внимание! — заорал майор в мегафон. — Вы окружены! Выходите по одному с поднятыми руками.

Гуров приложил ладони ко рту и громко ответил:

— Майор! Говорит полковник милиции. Прекратите этот цирк, не пугайте людей! Уберите своих фантомасов, иначе я их перестреляю, как курей.

Неожиданно один из автоматчиков полоснул очередь по окну. Брызнули осколки кирпича, пули впились в потолок. Гуров вытащил пистолет и выстрелил под ноги автоматчика.

— Майор! Я сказал, уберите ряженных и поднимитесь ко мне. Выполняйте!

В этот момент из РАФика вылез человек с кинокамерой.

— Не позорься, майор! — крикнул Гуров.

— Выходите сами! — майор попятился к машине.

— Майор, тебя снимает камера и слышит весь переулочек, вернись в машину, я выйду.

Видимо, майор понял весь идиотизм создавшейся ситуации. Он отдал команду, и пятнистые парни стали усаживаться в «мерседес». Гуров вышел на тротуар, следом Крячко вывел захваченного киллера. Предъявив майору удостоверение, Гуров подошел к оператору, поздоровался за руку:

— Телевидение? Александра Турина знаете?

— Конечно.

— У нас с Сашей к вам просьба, вы этот материал пока придержите.

— Секреты? — из РАФика выскочил молодой человек с микрофоном.

— Чего же вы прятались? — насмешливо спросил Гуров. — Ваш товарищ с камерой вышел, а вы притаились. Нехорошо. — Он повернулся к оператору: — Вы сняли милицию с голой жопой. У нас и без этих кадров достаточно невысокий авторитет. Майор! Отправляйте свою команду, поедете со мной.

Глава пятая

Гуров приказал ехать на Петровку. Оказалось, что в районе, из которого прибыл майор с группой, уже три дня работает съёмочная группа, выезжает вместе с экипажем по вызовам и тревожным звонкам. Дежурному по МУРу сообщили, что в Проточном переулке предстоит перестрелка. Он передал сообщение в район, а там, на беду, дежурил оператор с камерой, решили, что эффектной надеть маски... И закурилось.

На Петровку приехал начальник районного управления. Криминальной была только очередь из автомата. Гуров пообещал в рапорте о стрельбе не сообщать. Все понимали, инцидент лучше замать. Отобранный у наркомана-мальчишки ТТ, совершенно новый, еще пахнувший заводской смазкой, оказался заряженным холостыми патронами.

Заместитель начальника МУРа, хорошо знавший Гурова и Крячко, пригласил их в кабинет, устало спросил:

— Что будем делать?

— Парня задержите для проверки личности, — ответил Гуров. — Я завтра с ним побеседую. Уверен, дело пустое, парень наркоман и ничего не знает.

— А пистолет? Похоже он из партии, что недавно наши уголовнички получили из Риги.

— Что мне вас учить? Занимайтесь. Нас такие вещи не интересуют. К парню пригласите врача, пусть поддержит его, а то еще в камере загнетса.

— Глупейшая история, — полковник МУРа взглянул на сыщиков испытующе. — Вы будете отписываться на имя генерала Орлова?

— Лить грязь не собираемся. История глупейшая, но и страшная. Вышлете пацанов с автоматами, они поливают от живота в центре города.

— Лев Иванович, — поморщился полковник, — сам понимаешь, дойдет до газетчиков...

— Ты меня не уговаривай, там оператор телевидения работал. Я постараюсь его погасить, но за результат не отвечаю.

— Спасибо. А что, собственно, произошло? Откуда появился наркоман с незаряженным пистолетом, вы сами, звонок дежурному?

— Все не так глупо, как выглядит. Я не секретчу, полковник, просто нет настроения размазывать по тарелке. Мы поехали, завтра появляюсь.

Возвращаясь с Петровки, Крячко остановил машину у киосков, купил бутылку водки.

— Не хочу пить за твой счет и выслушивать нравоучения, — сказал Крячко, проходя на кухню.

Гуров достал из морозилки традиционные пельмени:

— Надо бы позвонить Петру, он, возможно, еще у себя.

— Ты старший, — ответил Крячко, разливая водку по стаканам. — Остаюсь у тебя ночевать. Эти парни в масках напугали меня до полусмерти.

Гуров прошел в гостиную, позвонил Орлову. Генерал находился еще в кабинете, сразу снял трубку:

— Мне уже сообщали, доложите завтра. Ты пересиль себя и напиши подробный рапорт на мое имя.

— Хорошо, Петр, — вздохнул Гуров. — Но я напишу только по факту происшествия, без анализа в целом.

— Согласен, свои соображения доложишь лично. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, поклон супруге. — Гуров положил трубку и отправился на кухню, где Крячко накрывал на стол и тихо матерился.

— Что-то в этой истории не складывается.

— Верно, Станислав, — задумчиво ответил Гуров. — Я поторопился. Майора следовало слегка встряхнуть, из него бы посыпалось. Завтра он придет в себя и разговаривать будет бессмысленно.

— Причем здесь майор? — удивился Крячко. — Обыкновенный милицейский придурок.

Они молча выпили, ждали, когда закипит вода для пельменей.

— Зачем подослали мальчишку-наркомана с незаряженным пистолетом? — Крячко подошел к плите, открыл пачку пельменей, взял с полки соль. — Пригнали парней в десантных комбинезонах, с автоматами, в масках. Псих дал очередь, он вполне мог засадить и в соседнее окно, в жилую квартиру. Где мы живем?

— В России, друг мой. Мы живем в России, на нашей Родине. И мне следовало стрелять придурку не под ноги, а засадить в плечо. Написал бы на три рапорта больше. Будь все проклято! — Гуров выпил.

— Как они стояли в свете фар? — Крячко вновь начал ругаться. — Живые покойники! Их что, никто ничему не учил?

— Ты давно не был на рынке, супруга ходит. Знаешь, как ловко они ставят безоружных людей враскоряк? Какие они уверенные и ловкие? Ладно! Все! Станислав, так что у тебя не складывается?

— Звонок свидетельствует, что организатор тебя знает. Мария, Италия и прочее... В первой части все по уму, а дальше шиворот-навыворот. Большой мальчишка с холостыми патронами...

— В том-то и дело, что он меня знает. Гуров быстро ориентируется и хорошо стреляет. У меня было время разглядеть парня, а могло и не быть. И я на его выстрел ответил бы выстрелом на поражение, возможно, убил. Уголовное дело. Киносъемка, шум в прессе. Полковник, опер-важняк убивает безоружного большого мальчишку! Возмущенная общественность! Ты представляешь количество стервятников, начавших рвать меня на части?

— Так мальчишку умышленно подставили? — Рука у Крячко задрожала, он поставил стакан. — А может, ряженных с автоматами тоже подставили? Мы же могли устроить бойню!

— Теперь у тебя складывается? Этот майор отнюдь не дебил. Когда он увидел, что парнишка жив, то растерялся. Из него можно было что-нибудь вытряхнуть. Я поторопился, хотя почувствовал неладное изначально. На мое удостоверение майор глянул лишь мельком, а ведь должен был вцепиться мертвой хваткой, я же стрелял.

— А может, все и к лучшему? По горячке майор сказал бы какую-нибудь неосторожную фразу, не больше. Теперь же мы аккуратно его обложили. Если ты рассуждаешь верно, то майор коррумпирован. У него должна быть связь, ниточка, ведущая к фигуре покрупнее. — Крячко замолчал, почесал в затылке. — Нужны люди, а нам их не дадут.

— Здесь наружка и прослушивание не помогут, Станислав. Нужен агентурный подход.

— Твой Харитонов, — подсказал Крячко. — И еще тот, как его, который сдал Усова?

— Талызин. Он давал показания. Наверняка сейчас не у дел, а может, и из Москвы умотал. Я проверю, но вряд ли он поможет. Харитонов вернее. Но операция против группировки Ямщикова—Лялька не состоялась, значит, Харитонов мне ничего не должен. Могу с ним встретиться, но если он почувствует, что я пришел с просьбой... — Гуров покачал головой. — Нет, с таким человеком нельзя встречаться безоружным. Он не станет работать, тем более, что я уже прогнал его в Барнаул впустую. Как агент, он почти потерял, и вернуть его можно только на сильном компроматериале. Дуров Артем?

— Битый мент. Ему все обрыдло, и он балансирует на грани фола. Довольно обычная история.

— Потому он не может топтаться на ничейной полосе. Просто играет против нас.

— Дурова дважды видели на пути к Николиной Горе.

— Чего же ты молчал?

— Следовать за ним не решились, на чью дачу приезжал — неизвестно. — Крячко говорил раздраженно, что с ним случалось крайне редко. — Допустим, мы установили, Дуров поддерживает контакт с Павлом Усовым. И что? Такая разработка под силу подразделению контрразведки, а не двум ментам.

— Подполковник Кулагин стал начальником отдела.

— Думаешь, начальник отдела ФСК по дружбе окажет нам содействие, выделит людей? Он что, удельный князь?

— Ты прав. — Гуров слил из кастрюльки воду, разложил по тарелкам пельмени. — У нас имеется резиденция министра, где служит Усов, и казино «Фламинго», там работает Артем Дуров. Хозяин казино человек новый, он либо платит группировке Ямщикова, либо связан с ними по иным каналам.

— Гай Борис Петрович — коммерсант, его проверяли, поверхностно, конечно, но установки на него ничего не дали.

— А если обратиться к нашему приятелю Юдину? Он в коммерческом бизнесе сто лет, может, знает Гая и подкинет нам что-нибудь интересное?

— Зачем ему ввязываться, своих дел не хватает?

— Что ты все отрицаешь! Предложи что-нибудь, черт тебя подери! — Гуров с трудом подавил раздражение. — Они попытались меня не ликвидировать, а нейтрализовать, вынудить мотаться по высоким кабинетам и оправдываться. Значит, боятся. А испугаться они могли лишь задержания «Волги», твоей проверки.

— Да, создалось впечатление, что Артем Дуров меня знает. Если так, то меня мгновенно связали с тобой.

— Но раз они так переполошились, значит, у них наклеивается дело. А людей, судя по всему, немного.

— Майор, — подсказал Крячко.

— Только на подхвате, и втемную, — возразил Гуров. — Иначе его бы не использовали в сегодняшней операции. Подстрели я мальчишку, майор, как основной свидетель, давал бы интервью.

— Чего ты тогда шумишь, что слабо использовал ситуацию? Если майор лишь замазан, то пользы от него, как от козла молока.

— А я не компьютер, не просчитываю все мгновенно, вот только сейчас сообразил, — огрызнулся Гуров. — И возможно, ошибаюсь, и роль майора гораздо значительнее. У нас на руках дерьмовая карта, но они этого не знают. Надо блефовать, изображать активность, они занервничают и наделают глупостей.

— А так как действовать предстоит Станиславу Крячко, то ответная глупость напрашивается сама собой. Неразумного Стасика ликвидируют.

Гуров вздохнул.

— Тебе следует сменить машину, на твоём «мерсе» не наблюдение вести, а Бисковитого сопровождать. У кого в управлении имеется новый «Жигуль»?

— У Вальки Нестеренко.

— Звони. Договаривайся, что на несколько дней меняешься с ним машинами.

— Да ты что! Валька лихач, ему нельзя садиться за руль хорошей машины.

— Хочешь, я позвоню?

— Ты телефона не знаешь.

— Звони дежурному, узнай телефон и договаривайся.

Второй день Станислав Крячко ездил по Москве на «Жигулях», после «мерседеса» это оказался тяжелый труд. Сыщик решил сосредоточить внимание на Дурове, считая бывшего оперативника объектом наиболее перспективным. Крячко отметил, что Дуров не опасается наблюдения, не проверяется. Ездил аккуратно, держался общего потока, без надобности не перестраивался. Маршруты у него были простые, от дома до казино, днем заезжал обедать в кафе, за столиком сидел один, ни с кем не встречался.

В условиях Москвы вести наблюдение на одной машине — дело пустое. Крячко это прекрасно понимал, как понимал и то, что задание получил из-за беспомощности Гурова, который не мог ничего предложить толкового. На второй день Крячко серую «пятерку» Дурова «потерял», но не сомневался, что это произошло случайно. В районе Тимирязевской Дуров свернул направо. Крячко уже двинулся следом за ним, когда из двора выполз трейлер и наглухо перекрыл узкий переулок.

Трейлер не мог развернуться, въехал назад во двор. Крячко на всякий случай запомнил его номер, рванулся по переулку, но впереди «пятерка» не просматривалась.

Вчера Дуров в этот район не заезжал, сегодня ехал неуверенно, притормаживал на перекрестках, явно искал нужный поворот. Еще одно доказательство, что трейлер появился случайно. Дурное дело — не хитрое, начнем поиски, решил Крячко, разворачиваясь. Начну от трейлера, стану поворачивать в каждый переулок, их всего три, и заглядывать в каждый двор. Конечно, такой розыск — сплошной идиотизм, зато будет что доложить начальству. Станет издеваться, отвечу, мол, каково задание, таково и исполнение.

Павел Петрович Усов выехал из резиденции министра утром, нашел исправный автомат и позвонил должнику «инженера» Самойлова. Усов не сомневался, что с нужным лицом его не соединят, и придется долго объясняться с секретарем либо каким-нибудь помощником, но ошибся. Сняла трубку девушка, услышав, что просят шефа, тут же соединила. Ответил молодой ба-ритон:

— Слушаю.

— Сергей Львович?

— Он самый, с кем имею честь? — голос звучал уверенно, принадлежал человеку, явно довольному собой.

— Мое имя вам ничего не скажет, Сергей Львович. Называй-те меня просто — Иван Иванович.

— Как вам угодно, — голос неуловимо изменился. — Чем обя-зан, Иван Иванович?

— У меня на руках ваши расписки на сумму два миллиона с копейками. Хотел бы встретиться, обсудить вопрос, когда смогу эти деньги получить.

— Никаких расписок я Иван Ивановичу не давал. Всего добро-го...

— Не совершайте опрометчивых поступков, Сергей Львович, — быстро проговорил Усов. — Конечно, вы не давали мне расписки. Я их купил.

— И совершили ошибку. Кто же платит деньги за подделку? Но раз вы заплатили, приезжайте ко мне в контору, переговорим.

— Я подошла своего представителя.

— Завтра от двенадцати до часу.

— Договорились, Сергей Львович.

Усов вернулся в усадьбу, позвонил Дурову, пригласил в гости. В тот вечер Дуров уехал из казино рано, Крячко проводил его до дома и поехал к Гурову ругаться. Поездку опера на дачу министра он пропустил.

Беседа Усова с Артемом Дуровым проходила в накаленной обстановке.

— У Сергея Львовича Сабирин широко поставленный официальный бизнес, — убеждал напарника Усов. — Оптовая торговля мехами. Убежден, это только вывеска, прикрытое. Сабирин ворочает сотнями миллионов. А этого недоумка Самойлова запутал, напугал. Взял у него деньги на раскрутку, видимо, хотел отдать, а когда увидел, что человек слабенький, решил кинуть. Поговори с Сабириним солидно, ты умеешь. Он поймет, что кредитор сменился, ситуация перевернулась, и не станет рисковать делом, которое стоит в десятки раз дороже.

— Вы меня убеждаете, что приехать к нему в офис безопасно, как в кино сходить. Так поезжайте сами. Проведете переговоры лучше меня, — сказал Дуров, которому затея явно не нравилась. — Задумываете вы все отлично. Мальчишку-наркомана с незаряженным пистолетом в руках придумали мастерски. Но не на того человека рассчитали.

Усов разозлился не на шутку, тем более, что опер высказал истинную правду.

— Если такой умный, почему молчал раньше? Учти, отказываешься среди бела дня ехать в официальный офис, значит, отказываешься от денег. Дело твое, я пошлаю другого человека.

Нет у тебя подходящего человека, подумал Артем, имеешь стрелков не ахти каких да финансистов хреновеньких. Но вслух произнес:

— Допустим, я соглашусь и приеду к этому дельцу. Кого я представляю? Кто за моей спиной?

— У Сабириня имеется официальная охрана и боевики, но не постоянные, а по найму.

— Завтра к двенадцати он их и пригласит, — упрямо сказал Дуров, понимая, что его слова противоречат здравому смыслу. Кто же устраивает засаду в собственном кабинете? Но опера раздражал самоуверенный тон Усова, его привычка командовать, посылать людей в пекло, оставаясь в стороне.

— Может, пару амбалов и пригласит, попытается напугать, — неожиданно согласился Усов. — Если так сложится, ты неохотно уступай, соглашайся на меньшую долю. Мол, за тобой хозяин, твое слово не решающее. Дай понять, что хозяин, хоть и криминальный авторитет, но способен и к властям обратиться, на деньги наплевать, а счета свести.

— Не годится, — категорически ответил Дуров. — Среди авторитетов такое не принято. Ты засиделся в большом кабинете, господин полковник. Если у человека имеются люди и стволы, он решает свои проблемы сам, лично, в ментовку и ГБ не обращается.

— Хорошо, — устало согласился Усов. — Тебе виднее. Но в любом случае, если торг возникнет, особо не упирайся. Скажи, что передаешь чужие слова, решать не вправе. — Провожая гостя до ограды, Усов добавил: — Ты ко мне больше не приезжай, звони только из автомата. Поставить на прослушивание номер министра никто не решится, а тебя взять на контроль могут. Ты проверяешься, на тебе не висят?

— Не мальчик, — уверенно ответил Дуров, делиться своими сомнениями он не собирался.

— Тогда с Богом.

Двор, в котором находилось двухэтажное желтое строение с черной, коряво нарисованной двойкой на стене, походил на сотни других дворов. Чахлые деревца, замусоренная песочница, кособокий деревянный стол, прогнившие скамейки. У подъезда БМВ, свидетельствовавший, что хозяин на месте. У двери скромная металлическая доска. С такой рекламой много не наторгуешь, подумал Дуров, останавливаясь у подъезда и пытаясь прочитать, что на доске написано. Неожиданно дверь открылась, молодой парень в пятнистой униформе с пистолетом на боку, не переставая перемалывать жвачку, спросил:

— Что ищешь?

— Это тебе «Макаров» дает право обращаться ко взрослым на «ты»? — Дуров внезапно обрел былую уверенность, будто у него в кармане лежало удостоверение, а за спиной стояла контора.

Пятнистый сопляк, еще хорохорясь, но уже совсем другим тоном сказал:

— Проходите, гражданин.

Дуров шагнул прямо на охранника, парень еле успел отскокнуть.

— Где кабинет Сергея Львовича?

Ближайшая дверь приоткрылась, головастый амбал лет тридцати вышел в коридор, бросил через плечо:

— Пошли, — и косолапо зашагал в глубь здания.

Табличка «Секретарь» была на месте, но сама секретарша отсутствовала, что Дурову не понравилось. Мальчишка в дверях, косолапый амбал и тишина дома настораживали. Если здесь офис начальника и контора, то должны толкаться служащие, томиться ожидающие.

— Шеф, к вам какой-то мужик просится, — сказал амбал, приоткрывая обитую кожей дверь.

— Минуточку, — ответили из кабинета.

До опера донеслись несколько быстрых фраз, затем стукнула телефонная трубка.

— Заводи! — раздался тот же голос.

— Руки назад, или можно войти свободно? — полюбопытствовал Дуров, переступая порог кабинета.

— Руки вверх! — амбал захлопнула дверь и умело обыскала гостя.

— Я, кажется, ошибся адресом, — отстраняясь, сказал Дуров. — Мне нужна солидная фирма по торговле меховыми изделиями, а не КПЗ. — Он сделал вид, что хочет выйти, и быстро отскочил в сторону.

Кулак амбала рассек воздух. Дуров ударил его за ухом и ногой в живот. Тот хрюкнул, опустился на колени. Хозяин кабинета спокойно сидел за столом, словно ничего не происходило.

— Выйди и закрой дверь с той стороны. — Он брезгливо поморщился.

Когда амбал убрался, хозяин встал из-за стола, подошел к встроенному шкафу, откинул дверцу. Блеснули разнокалиберные бутылки.

— Мне, Сергей Львович, минералки, я за рулем, — Дуров сел в кресло.

Сабинин был худощавым брюнетом, среднего роста, лет тридцати. Красивые очки в тонкой золотой оправе придавали ему интеллигентный вид, но только что произошедшая сцена, конечно, заранее заготовленная, свидетельствовала, что внешность обманчива. Дуров, словно хорошо выдрессированная собака, верхним чутьем улавливал знакомый запах зоны, хотя Сабинин и пользовался дорогим французским одеколоном.

— Служили в уголовке? — Хозяин поставил перед гостем бокал с тоником, себе налил виски. — Курите. Кто вы сегодня, кого представляете?

— Я представляю тридцать стволов, — ответил Дуров. — Таких сопляков, что у вас, мы не держим. Лучше заплатить, обойдется дешевле. — Дуров мельком взглянул на окна. На них были решетки, но он хорошо помнил, окно в коридоре без решетки и рама хлипенькая. Если решили убить — убьют, но такое мало вероятно, какой смысл? Скорее всего захватят и начнут торги.

— Покажите ваши бумаги.

Дуров бросил на стол конверт с копиями расписок и обязательства о выплате процентов. Хозяин мельком просмотрел содержимое конверта, разорвал бумаги и выбросил в стоявшую на полу корзину.

— Какие только глупости я не совершал в жизни, — он осуждающе покачал головой. — Старо, как мир, но за свои ошибки необходимо платить. Сколько вы хотите?

— Всю сумму, проценты мы вам прощаем.

— Что за глупая шутка? Двадцать процентов и никакой торговли.

— За пятьдесят тысяч баксов, что составляет четверть долга, мы найдем ребят, которые сожгут вашу лавочку к чертовой матери.

— Возможно, — хозяин кивнул. — Вы оплатите услуги, потеряете полмиллиона и не получите от меня ни цента.

— Где вы обучались, Сергей Львович? Думается, несколько лет провели в зоне строгого режима.

— Стоп, мент, я знаю все, что ты можешь сказать, — голос хозяина сорвался. — Ваш козырь в том, что вы нас знаете, а мы вас — нет. Но ты ведь здесь, и ты нам расскажешь, где найти твоего хозяина.

— Вам меня отсюда не вывезти, — Дуров почувствовал, как ослабели ноги, рубашка прилипла к спине. Будучи оперативником, он много видел трупов после подобных разборок.

Крячко выждал, пока машина Дурова не скрылась во дворе, и медленно въехал следом. «Жигули» стояли у желтого двухэтажного строения, прямо под корявой жирной двойкой, которую рисовал не отличник. Сыщик осмотрелся. Пыльный и все равно роскошный БМВ, песочница, прогнивший стол, за которым сидели два парня. Перед ними стояла бутылка и два стакана. Крячко ухмыльнулся: парни в таком прикиде никогда не пьют во дворе, и двух стаканов в подобном случае не бывает. Сыщик моментально просчитал ситуацию. Своего парня захватили бандиты! Почему своего? Одни бандиты захватили другого бандита. И если он, полковник Крячко, вмешается, то сорвет всю операцию.

Но он не хотел думать о последствиях. Опустил пистолет в карман плаща, запер свои «Жигули» и направился к ряженым алкоголикам. В любом случае начинать следовало с них.

— Привет, мужики, в долю не возьмете? — весело спросил он, оценивая, которого из двоих следует сразу вырубить. — У меня и закусь имеется. — Молниеносным движением он выхватил пистолет и рукояткой ударил по голове ближайшего парня. Тот уткнулся лицом в грязный стол.

Его напарник пытался вскочить, но Крячко приставил пистолет к его груди.

— Ты чего? — с трудом произнес парень, завороченно глядя на пистолет.

— Я ничего, а ты чего? — Крячко, оказавшись позади, ловко сковал наручниками правую руку одного бандита к левой руке второго. Затем вынул из карманов их кожаных курток пистолеты, рассовал по своим.

— У меня разрешение...

— Ментам предъявишь... Друга поддержи, чтобы не завалился. Где Артем?

— У хозяина, они договариваются, — в голосе парня появилась уверенность. — Ты за Мишку ответишь...

Станислав резко толкнул его стволом под ребра, тот замолчал. Крячко сел рядом.

— Все под Богом и все ответим, — он взял бутылку, разлил по стаканам, понюхал. — Артема увозить собрались на его машине?

— Наше дело маленькое.

— Я тебя спросил, — Крячко вновь ткнул соседа стволом, — отвечай.

— Не договорятся — отвезем на его тачке.

— Они не договорятся, — уверенно сказал Крячко.

Дуров понимал, надо принимать любые условия, лишь бы отпустили. Если его начнут резать и жечь, то путь к переговорам будет закрыт. И тогда в лучшем случае его убьют сразу.

— Я могу согласиться на что угодно, но мои слова мало стоят. Хозяин поставит на мне крест, и начнет разбираться с нами.

— Скажи его имя, как его найти. Мы его возьмем, а тебя зачислим в нашу команду.

Дуров, не задумываясь, сдал бы Усова, но знал, ему лично это не поможет.

— Вы без меня его не возьмете. Я вам нужен живой и здоровый.

— Ты утверждаешь, что твой хозяин серьезный авторитет. Назови имя, я проверю, и ты свободен. — Сабинин улыбался, понимая, что сидевший перед ним человек блефует.

Крупный авторитет не пошлет на переговоры одного безоружного человека. Прибыли бы на трех тачках, с автоматами, окружили бы дом. И имя свое авторитет на переговорах скрывать не станет.

— Имя и телефон, — Сабинин взял ручку. — Я позвоню, переговорю, и ты свободен.

— Не держи за мальчика, Сергей Львович, — Дуров вскочил, схватил стул. — Слушай, ты, коммерсант хренов! — крикнул он. — Я из-за денег на крест не пойду! Поехали, я покажу вам забор, сумеете перелезть, валийте!

— Наручники, и в машину! — приказал хозяин появившимся в дверях охранникам.

Дуров понял, терять уже нечего. Со всей силы он рубанул стулом ближайшего амбала и бросился к выходу. Хлопнул выстрел. В коридоре рванулся к окну. Память не подвела, решетки не было. Закрыв лицо руками, он плечом вышиб раму и вывалился на улицу. В нем было столько злости, что удара и порезов не почувствовал. Вновь раздался выстрел, до «Жигулей» оставалось несколько метров. «Ну жели не успею?» — подумал он. За спиной прокричали:

— Там, в окне! Брось пушку, дурак, коли стрелять не умеешь!

Дуров уже выезжал со двора. Крячко ранил охранника, прыгнувшего на подоконник, затем выстрелил в колеса БМВ и побежал к своей машине.

Глава шестая

Генерал Орлов сидел за ничейным столом в кабинете своих сыщиков и делал вид, что решает в журнале кроссворд. Солировал Гуров. Крячко внимательно изучал чахлый цветок на подоконнике.

— Ты попал в критическую ситуацию и выбрался из нее, как сумел. Я не берусь анализировать ситуацию в целом. В конкретном случае мы выгадим не как старшие офицеры Главка, а словно партизаны в тылу врага. Ты двух человек покалечил, од-

ного ранил. Без твоих показаний мы не можем заниматься данной группировкой.

— А чего мои показания? — фыркнул Крячко. — Если начнется следствие, сто свидетелей подтвердят, что в помещение офиса ворвался пьяный, напал на кассиршу. Когда охрана пыталась его скрутить, он выбросился в окно. Сообщник прикрыл убежавшего выстрелами.

— Подобную историю я слышал час назад от заместителя райуправления по оперчасти, — Орлов отложил журнал. — Работаем мы плохо. Я имею в виду милицию в целом. Конечно, эта контора в райуправлении известна, кто-то из ментов там прикармливается. Позор! Официального расследования не будет. Не потому, что берегу честь мундира, просто жалко тратить время и силы на пустую работу. Занимайтесь своими непосредственными делами. Сначала вас обстреляли в переулке, затем во дворе, завтра обстреляют на площади.

Орлов тяжело поднялся. Когда он прикрыл за собой дверь, Крячко смачно выругался.

— Что же мы от поколения к поколению все хуже и хуже?

— Так не бывает, Станислав. Иначе бы вновь на деревья залезли, либо вымерли, как мамонты. Просто сегодня в России зигзаг не в ту сторону. — Гуров встал, прошелся по кабинету. — Убежден, Дуров тебя не узнал.

— Ему не до того было. Он в мою сторону и глянуть не успел.

— Теперь ты убедился в связи бывшего опера с бывшим полковником?

— Ничуть. Ты замкнулся на Пашке по личной злобе. Ясно, бывший мент кого-то представляет. Может, Усова, а может, своего хозяина. Гай Борис Петрович фигура очень колоритная.

— Согласен. Но в Проточном дело ставил оперативник и человек, знающий полковника Гурова.

— Ты знаменитый. — Крячко вырвал из настольного календаря листок, начал мастерить кораблик. — А может, они все как-то повязаны. Загадал я им загадку, головы сломают, не разберутся. Хотя, — он хитро взглянул на Гурова, — ты знаешь, Дуров парень себе на уме, может не сказать, что его отход прикрыли. Зачем делиться славой? Начнут допытываться: кто? как? да почему?хлопотно. А так все самолично! Герой!

— И откуда у тебя такие мысли?

— Система Станиславского, — Крячко постучал пальцем по своей голове. — Я себя на его месте представил и понял, а на хрена козе баян?

— Молодец. А ты не представил, что твои предположения в корне меняют ситуацию? Не знаю, какого ума твой Дуров, но начальник у него точно умен. Кроме милиции прикрыть бывшего опера было некому. Этот меховщик, или кто он там на самом деле, подумает, что заявились люди предусмотрительные. Но сам Дуров и его шеф ведь отлично знают, что никакого прикрытия не было.

— Хочешь сказать, Дуров недолго меня будет высчитывать. И если понял, что стрелял во дворе опер, значит мент «вел» Дурова от казино, стало быть лавочку придется закрывать.

— Или расширять, — возразил Гуров.

Дуров позвонил около часа. Выждав пять звонков, Усов снял трубку:

— Я в своей машине у Триумфальной арки, нужны йод и бинты, — услышал он. Приехав, Усов увидел, что Дуров совсем плох, потерял много крови. Пришлось ехать в больницу. Врачам объяснили, что он мыл окно, упал со стремянки. Милицию вызывать не стали. Дурову наложили швы, сделали переливание крови и отпустили домой с видимым облегчением.

Машину Усова забросили в резиденцию, затем поехали в пансионат, где у бывшего полковника работал завхозом знакомый мент-отставник.

Приятель легенду о стремянке даже слушать не стал, сказал, что места есть и в сезон, а сейчас — тем более. Чтобы не привлекать к себе внимания, взяли обычный номер на двоих.

Дуров открыл бутылку коньяка, залпом выпил полный стакан:

— Как осуществляется твой план, господин полковник?

— Вначале расскажи ты, надо разобраться, — осторожно ответил Усов. — Что произошло, как получил порезы?

— Они требовали твою шкуру. — Дуров откинулся в кресле, ждал, когда коньяк прибудет по назначению. Но алкоголь не мог пересилить нервную встряску, которую пережил Дуров, и он находился в странном состоянии, уже не трезвый, но еще не хмельной. — Они собирались вывезти меня за город, допросить с пристрастием. Полковник, ты видел такие трупы?

— И ты им ничего не сказал? Артем, не считай меня идиотом, — Усов тоже глотнул коньяка. — Бизнесмен Сабирия не должен был пойти на такие фокусы.

Дуров вновь наполнил стакан коньяком и выплеснул содержимое в лицо Усова.

— В следующий раз сам поедешь, будешь на собственной шкуре проверять свои теоретические выводы.

— Ты прав. — Усов пошел в ванную, умылся, вернувшись, снова сел в кресло. — Я бы не вырвался, подписал что угодно. Расскажи, как удалось уйти?

— Выбросился в окно. Кабинет на первом этаже.

— И окна без решеток?

Дуров долго не отвечал, затем открыл вторую бутылку, выпил.

— Хочу спать. После расскажу о решетках и еще о том, какие мы с тобой мудаки.

Он начинал пьянеть, но был уверен, разговор следует отложить.

Усов разобрал кровать, помог ему раздеться и лечь, задернул шторы, вышел и запер дверь.

Пансионат пустовал. Усов пошутил с администратором о вреде алкоголя, вот приятель разбил мордой витрину, сейчас отсыпается, а ему, несчастному, необходимо созвониться с начальством, объяснить, что их пару дней не будет.

— Сегодня пятница, — администратор указал в глубину холла, где имелся телефон.

— Пятница это хорошо, — согласился Усов, хотя на самом деле наступление уик-энда было некстати. — У нас частный бизнес, пару деньков имеют малое значение.

Первому он позвонил «инженеру по ремонту телевизоров», посчитав, что «инженер» — единственная ниточка, за которую может ухватиться «меховщик», если станет после происшествия искать человека, желающего получить старый долг.

Разговор с дамой, судя по голосу, не очень молодой, Усова озадачил.

— Его нет, когда будет — неизвестно. Моря уехал на юга, но думаю, что врет. И перестаньте трезвонить, все равно я его не рожу, возраст не тот...

— Благодарю, извините за беспокойство. — Усов положил трубку.

Значит, «инженер» оказался предусмотрительным, знал, что его «просьба» связана с риском. Однако не предупредил. Сволочь. Ничего, если дело дойдет до денег, учтется все.

Усов позвонил Гаю, у того было занято, и полковник соединился с виллой. Трубку сняла какая-то нетрезвая девица.

— Хелло, — ответила она, пытаюсь что-то проглотить. — Резиденция министра. — В доме любили иностранные слова.

— Девушка, в резиденции есть кто-нибудь постарше и потрезвее? — сухо спросил Усов.

Через некоторое время ответил мужской голос.

— Говорит помощник Степана Митрофановича.

— Виктор? — Усов узнал парня, который очень редко бывал в загородном доме. — Это Усов. Меня день-два не будет. Как тебя угораздило забраться в «гнездышко»?

— Шеф с супругой улетели, мне дали этого охранника алкаша, а он уже... Молодежь гуляет.

— Сочувствую, помочь не могу. Держись, Виктор. Я утром на часок приеду, — он разъединился, вновь набрал номер Гаю.

Когда хозяин казино ответил, Усов, не представляясь, произнес:

— Борис Петрович, выполняя ваше поручение, служащий казино Артем Дуров заболел. Несколько дней его на работе не будет, — и, не ожидая ответа, положил трубку.

Все неотложные звонки сделал, теперь необходимо решать с «меховщиком». Два миллиона долларов очень большие деньги, отпускать Сабирину нельзя. Если понадобится, Усов может организовать пять-шесть приличных стрелков. Только ему нужны деньги, а не война. Необходимо, чтобы бывший опер рассказал правду в полном объеме. Он не лжет, но что-то недоговаривает. О чем Дуров умалчивает? Его отпустили на определенных условиях?

...Дуров проснулся от боли в руке, неловко подвернутой во время сна. Он сел, огляделся. На соседней кровати лежал полковник, спал. Дуров вспомнил события прошедшего дня. Задумался. Он явно расслышал, как за спиной гроыхнуло два выстрела. И еще этот уверенный голос: «Там, в окне! Брось пушку, дурак!» «Там, в окне!». Значит, стрелявший стоял во дворе. Кто? Кому понадобилось его, бывшего опера, спасти? Между прочим, стрелявший ри-

свола жизнью. В окнах находились профессионалы, да и дружки их наверняка уже бежали через парадный вход. Но голос! Так кричат только менты... Пока не будет ответов на эти вопросы, разговаривать с полковником нельзя. Он посмотрел на часы — половина восьмого. Видимо, утро. Значит, он проспал больше десяти часов. Он подошел к столу, налил стакан коньяка.

— Может, хватит? — недовольно спросил Усов.

— Может, — согласился Дуров и одним махом опрокинул стакан.

— У нас цейтнот, а ты, вырубленный, валяешься.

— Так живой! Глаза и яйца — на месте. А могло быть все отменно.

Усов поднялся и начал быстро одеваться.

— Мне необходимо появиться на даче. Я быстро, туда и обратно. Прошу, Артем, не пей много, нам следует все обсудить. — Он зашел в ванную, начал бриться.

Гуров, назвавшись сотрудником МУРа, осматривал офис Сабирова. Серьезного расследования по факту происшедшей стрельбы проводить не собирались, но все формальности необходимо было соблюсти, иначе у хозяев могли возникнуть ненужные предположения.

Вчера следователь и оперативники районного управления уже проводили осмотр и допросили нескольких сотрудников конторы. Легенда, сочиненная Сабировым, была чудовищна по своей неправдоподобности, но так как ее подтверждали несколько человек, то, прикинувшись недоумком, не стоило особо копаться в мелочах и хвататься за концы, которые не сходились друг с другом.

Звучала легенда следующим образом. Примерно в тринадцать часов в кабинет директора явился человек, назвавший себя представителем северного охотхозяйства, и предложил крупную партию песка. Сабирин ответил, что, не видя образца, не станет вести даже предварительные переговоры. Тогда незнакомец выхватил пистолет и приказал открыть сейф. Сабирин нажал кнопку скрытой сигнализации и направился к сейфу. В этот момент ворвалась охрана, произошла схватка. Бандиту удалось выпрыгнуть в окно, расположенное в коридоре. Охрана начала преследование, но со двора раздались выстрелы, одного из охранников ранили в плечо. Преступник успел сесть в свои «Жигули» и скрыться. Его сообщник убежал в другую сторону, видимо, у него там находилась машина. Под окнами стояла БМВ хозяина, но переднее колесо оказалось прострелено, организовать погоню не удалось.

Гуров выслушал весь этот бред молча. Допрашивать никого не стал, а, попросив чашку чая, остался в кабинете наедине с хозяином.

— Вы хотите, чтобы я вашему рассказу поверил? — спокойно полюбопытствовал Гуров.

— Не понимаю, почему МУР заинтересовался подобным происшествием? — хозяин снял очки и начал тщательно протирать сте-

кла кусочком замши. — В Москве ежедневно стреляют, и более метко. Вчера господа из района уже всех подробно допрашивали.

Гуров внимательно разглядывал хозяина офиса.

— Кто из авторитетов «курирует» ваше торговое заведение?

— Не понял, — Сабирин надел очки. — Я не поддерживаю связей с преступниками.

— Ваш район контролирует мой старый знакомый Аким Леонтьев по кличке Ленчик, — Гуров скупно улыбнулся. — Вы собираетесь ему жаловаться? Ведь непорядок: деньги берет, а охрану не обеспечивает.

— Не понимаю, — упрямо повторил хозяин.

— Какие требования выдвигал ваш «грабитель»?

— Требовал открыть сейф.

— Вы не новичок в сегодняшнем бизнесе, понимаете, что происшедшее лишь пролог, последует глава вторая... третья...

— Не мотайте мне душу! — сорвался Сабирин. — Вам не защитить меня от мафии, я разберусь сам.

— Наконец-то вы сказали правду, — Гуров поставил чашку на стол. — А чай у вас дерьмовый. Члена мафии нельзя защитить от мафии, как невозможно человека защитить от себя самого. С вас требовали оплатить долг, позавчера вы отказались, сегодня готовы платить. Вы уверены, что вам не нужна наша помощь?

— Чего вы добиваетесь?

— Когда и где вы будете передавать деньги? Мне нужен человек, который начал против вас эту кампанию.

Сабирин завороченно смотрел в красивое лицо собеседника, в его голубые, с легкой смешинкой, глаза. Допустим, полковник нейтрализует Ленчика и даже захватит шантажиста, но тогда вскроется весь криминальный бизнес, и он, Сергей Львович Сабирин, потеряет все, а не два миллиона долларов. Этот полковник, Сабирин забыла фамилию сотрудника, страшнее сегодняшних противников, от него не откупиться.

Гуров внимательно наблюдал за Сабириним. Понял, что ничего не добьется, но, не привыкший отступать, сказал:

— Вы неверно оцениваете мою скромную персону. Ваша деятельность меня не интересует. Этим будут заниматься налоговая инспекция и управление по борьбе с экономическими преступлениями. Происшедшее позавчера никак не повлияет на ваши отношения с вышеупомянутыми организациями. Меня интересует лишь один человек. Если вы поможете до него добраться, я даю вам слово не заниматься вашими торговыми махинациями.

— Слово? — Сабирину было не смешно, но он улыбнулся.

— Много я вам не обещаю, но жизнь сохраню. — Гуров поднялся. — Место и время передачи денег. — На настольном календаре Сабирина он написал свой телефон и вышел из кабинета.

Уборщицы уже успели потрудиться. Усов нашел особняк в относительном порядке. Он прошел на кухню, где завтракали один из личных охранников министра и помощник министра Виктор, с которым Усов разговаривал накануне.

— Ну как? Обошлось? — спросил он.

— Бог милował, Павел Петрович, — Виктор взял Усова под руку, вывел на закрытую веранду. — Около одиннадцати приехали трое из управления охраны, держались вежливо, но жестко, молодняк разогнали, спрашивали вас. Один остался в вашем доме и ждет.

— Ты документы проверил?

— Проверил. Да и этот... — Виктор брезгливо поморщился, кивнул в сторону кухни, — приехавших знает.

— Кто сейчас в доме?

— Колюшка уже позавтракал, в своей комнате, наверняка занимается. Юлия еще не появлялась. По-моему, у нее кто-то ночевал и еще не уехал.

У министра было двое детей: скромный парнишка и распутная дочь.

— Ладно, пошел к себе, узнаю, кто там прибыл по мою душу. Ты меня обожди.

В его домике в кресле у окна сидел мужчина, курил и читал газету.

— Здравствуй, Павел Петрович. Извините, переночевал без разрешения, — он пожал Усову руку, протянул удостоверение.

— Здравствуй, — Усов внимательно посмотрел документ. — Олег Артемьевич. Слушаю вас, чем обязан?

— Как здоровье Дурова?

— Спасибо, удовлетворительно, — ответил Усов, пытаясь не показать, насколько удивлен неожиданным вопросом.

— Он в больнице?

— Нет, отдыхает за городом, господин майор.

— Значит, не ранен, только порезался. Давайте присядем, надо поговорить, — майор пересел за письменный стол, подождал, пока сядет хозяин, и продолжил: — Я с крайне деликатной миссией, господин полковник. Вас не раздражает, если я буду к вам обращаться по званию?

— Отнюдь, господин майор.

«Неужели управление охраны Президента связано с меховщиком?» — подумал Усов и тут же получил ответ.

— Мы не поддерживаем контактов с криминальным миром, но порой вмешиваемся в его жизнь. Постараюсь быть краток. Учитывая ваше прошлое и настоящее, не сомневаюсь в вашей скромности. Исключения не составляют ни Артем Дуров, ни Лев Иванович Гуров, если вы с ним встретитесь.

Усов побледнел, напрягся.

— Мы могущественная организация, в которой я занимаю скромное положение. Однако мне доверили провести с вами переговоры, и, убежден, вы сделаете правильные выводы. — Майор смотрел многозначительно.

Усов молчал.

— Мы обратили на вас внимание с того момента, как вы уволились и поступили сюда на службу. Полковник-розыскник, бывший начальник отдела Главка, мог рассчитывать на место получше, ваш выбор настораживал. Согласны?

— Ничуть, — Усов пожал плечами. — Я устал, тысяча долларов в месяц и жизнь на природе меня устраивает.

— Зачем же тогда начали восстанавливать свои связи среди сотрудников милиции, причем людей далеко не лучших, либо уволенных, либо изрядно скомпрометированных? Зачем в конце концов вам понадобился выброшенный за борт Артем Дуров? И последнее, почему вы взялись получать деньги с Сабина? Последнее совсем неразумно.

Подполковник достаточно быстро просчитал ситуацию: «инженер»-заказчик являлся обыкновенной подставкой. Люди, интересующиеся Усовым, хотели взглянуть, клюнет он на такую приманку или пройдет стороной.

— Вы знали, что представляет собой Сабин? — спросил Усов, раздражаясь на самоуверенность майора. — Решили попробовать меня на Тартаковского?

— Чего? — не понял майор. — Какую фамилию вы назвали?

— Почитайте Бабеля на досуге, тогда поймете. А если бы я пошел сам и меня убили?

— Мы вас достаточно изучили, вы не боевик. Ну а если бы рискнули, значит, мы в вас ошиблись.

— Вот так просто? — возмутился Усов.

— Только без мелодрам и дешевой фальши! — голос майора стал жестким. — Вы послали Артема Дурова, не особенно заботясь о его здоровье.

— Значит, это вы помогли Артему бежать?

— А ему помогли? Он работал без прикрытия?

Усов не поверил в искренность майора и решил сменить тему.

— Хорошо, произошло то, что произошло. Объясните цель вашего визита. Каковы предложения?

— Требования, — бесцеремонно поправил майор. — У нас имеются отличные исполнители, снайперы, мастера рукопашного боя. У нас сильный мозговой центр, стратеги высшего уровня, но нам не хватает людей среднего звена. Вы человек, знающий оперативную и агентурную работу, то, что нам нужно.

Опять начальники, опять зависимость от великих стратегов, в сущности, бездарей, страдающих манией величия, подумал Усов. Он чуть было не отказался, но вовремя сообразил, что его немедленно уберут из особняка, получить деньги с меховщика не дадут, оставят на пенсии. Если начнет дергаться, попросту ликвидируют.

— Как с долгом Сабина?

— Решайте вопрос собственными силами. В дальнейшем ваше место в организации четко определят.

Усов решил показать зубы. В любом сообществе, как на рынке, хочешь получить свою цену, запрашивай больше. Иначе купят за копейки, еще и дураком обзовут.

— Разговор вы провели интересный, я его выслушала. Теперь хотел бы встретиться не с распространителем рекламных проспектов, а с кем-то из директоров.

— Я имею полномочия...

— Это знаете вы, — перебил Усов. — Я знаю лишь то, что разговариваю с достаточно осведомленным майором службы безопасности.

— Управление охраны...

— В тонкостях не разбираюсь. Мне необходимы конкретные предложения и серьезные гарантии.

— Выдвижение кандидатом в депутаты Думы?

— Шутите? Я же находился под следствием, сидел в камере...

— А кто не сидел? — майор рассмеялся. — Мы включим вас в список кандидатов от нашей партии. Юрист, профессионал, пострадал от нынешней власти, значит, человек принципиальный. Депутат — человек неприкосновенный, никакой Гуров вам будет не страшен, даже смешон.

Майор знал, куда ударить, но Усов на ногах устоял, ответил твердо:

— Я человек служивый, хочу разговаривать с хозяином.

— Если вас включают в список кандидатов, придется отсюда уехать. Ваше место займет Артем Дуров. И последнее, необходимо решить вопрос с семьей!

— Это невозможно!

— С женой и сыном поговорят на должном уровне, объяснят, что вас оклеветали, компрометирующие материалы сфальсифицировали. Решайте свои вопросы, в дальнейшем вам помогут.

— Приветствую, командир. — Дуров приложился к горлышку бутылки с коньяком. — Осуждаешь?

— К чему? Ты мужик умный, край знаешь.

— Чего нового придумал? — вызывающе спросил Дуров.

— Думать будем вместе, — спокойно ответил Усов, глядя на полуголового, в кровавых бинтах Дурова. — Скажи, человек, который тебя прикрывал со двора, стрелял здорово?

— Какой человек?

— Какой — не скажу, — усмехнулся Усов. — А что он был и стрелял, знаю.

— Что ж, молодец, — Дуров начал одеваться. — Стреляли у меня за спиной, но, судя по тому, как замолк пистолет с глушителем и осел БМВ, стреляли подходяще.

— Профессионал, — Усов взглянул на часы. — Нормальные люди в такой час отдыхают, но бандиты могут и работать, — он подвинул телефон, набрал номер.

— Слушаю, — ответил знакомый баритон.

— Сергей Львович, в вашем возрасте в такое время следует резвиться в бассейне с девушками. А вы, извините, словно райкомовская шестерка, на службе.

— Что же вы звоните с обычного телефона, а не с автомата? А если я ребят подошлю?

— С деньгами? — осведомился Усов. — Успели собрать? Поздравляю. Только по вашей вине накладочка произошла. Теперь с вас еще и проценты.

— Деньги получишь, только не наглей. Два с половиной, позвони в понедельник.

— Но учти, никаких номеров. У меня в заложниках твоя жизнь. Если что, на деньги наплюю, и ты умрешь.

— Не пугай... Где, когда?

— Давненько я не был в Большом театре. Во вторник или в среду у Большого, между четвертой и пятой колоннами. Днем.

— С какой стороны считать?

— Тебя в Москву в мешке привезли? У Большого театра во- семь колонн. — Усов положил трубку.

— Круто ты с ним. Круто. А кто пойдет?

— Тот, кому можно доверить два с половиной миллиона долла- ров, — ответил Усов.

Артем допил бутылку, вздохнул:

— Придется с выпивкой завязывать, иначе такую сумму до машины не донесу.

Глава седьмая

Гуров и Крячко сидели у себя в кабинете, листали розыскные дела по заказным убийствам, на отдельных листах делали толь- ко им понятные выписки.

— Встречаются исключения, но в большинстве случаев уро- вень киллеров низкий, работают по шаблону, без фантазии, — рассуждал Крячко. — Охранники дерьмовые. Создается впечат- ление, либо они не верят в возможность покушения на их хозяев, либо им наплевать на собственные жизни.

Зазвонил телефон. Гуров удивленно посмотрел на часы, снял трубку.

— Слушаю вас внимательно.

— Лев Иванович? — спросил приятный баритон. Гуров сразу узнал голос, но виду не подал.

— Да. Я слушаю.

— С вами говорит человек, в чьем офисе вы недавно были и записали свой телефон на календаре.

— Здравствуйте, Сергей Львович, — ответил Гуров. — Че- рез сколько времени вы можете подъехать к зданию Верховно- го суда?

— Минут через сорок.

— Прекрасно. Притормозите напротив Верховного суда, я ся- ду к вам в машину.

Около девяти вечера Гуров вышел из «мерседеса» Крячко, и пересел в БМВ Сабирина.

— Перейдите в мою машину. — Гуров кивнул сидевшим на заднем сиденье двум охранникам.

БМВ и «мерседес» свернули в переулок, соединяющий Повар- скую с Новым Арбатом, и остановились.

— Итак, Сергей Львович, вам сообщили, что долг возрос, на- мекнули, что убьют, и предложили привезти деньги в установ- ленное место.

— Какие деньги? — вяло возразил Сабинин. — Я ничего не го- ворил о деньгах.

— Они пришлют за деньгами, конечно, того парня, который ушел от вас через окно. — Гуров сделал паузу, давая возмож- ность собеседнику ответить, но тот молчал. — Решили сделать официальное заявление о вымогательстве?

— Конечно, нет, — встрепенулся Сабинин. — Я напрасно поз- вонил вам. Представитель официальной власти обязан дейст- вовать только согласно закону. — он испытующе взглянул на Гурова.

— Если решаете, стоит ли предложить мне взятку, то напрасно. Последние двадцать четыре года я взятку не беру, а раньше не предлагали.

— Знаю, меня предупредили. И зачем я с вами встретился, не пойму.

— Да уж, положение ваше, скажем прямо, незавидное. Если к нам обратитесь официально, мы связного и деньги захватим, начнем официальное следствие. Сумма, как я понимаю, через бухгалтерию не проведена, так называемый «черный нал».

— Так зачем мне все это надо?

— Действительно. Расписки давали?

— Да, но их к оплате не предъявят.

— Допустим, вы, желая помочь органам изблечь преступника, передаете в условленном месте «куклу»?

— Меня убьют.

— Какая сумма? Перестаньте изображать девственницу, мне надо знать, о какой сумме идет речь. Тогда решу, будут вас убивать или подожгут.

— Два с половиной миллиона, — прошептал Сабинин.

— Солидные деньги, однако могли бы заплатить, не поднимать волну. — Гуров нарушал один из главных принципов агента: отталкивал человека, который шел на вербовку. Но уж слишком несимпатичен ему был этот человек. Под внешностью рафинированного интеллигента скрывался жестокий, совершенно беспринципный гад. Хотел вывезти Дурова в застенки, пытать — жечь и резать, добываясь необходимых сведений. Теперь, когда сила на стороне противника, ищет поддержки у властей. Кроме личной антипатии, была и более серьезная причина, восстанавливавшая сыщика против Сабирова. Ниточка, за которую он ухватился, не вела к инициатору, организатору кампании против Сабирова. Получать деньги явится безусловно Артем Дуров, фигура и без того розыску известная. Захватить бывшего опера — дело техники. Что дальше?

Затянувшееся молчание нарушил Сабинин:

— Господин полковник, вы обещали сохранить мою жизнь.

— К сожалению, обещал. — Гуров закурил. — Сделаем следующим образом. Вы подтвердите свое согласие вернуть деньги, но в настоящее время у вас необходимой суммы в наличии не имеется.

— Действительно, не имеется. Да, забыл вам сказать, господин полковник, сегодня позвонили не как обычно из автомата, а из городского номера.

— Что? Вы номер записали?

— Конечно, — Сабинин достал из кармана бумажку. — Вот, пожалуйста. Мне удалось установить, что номер принадлежит пансионату, расположенному за городом. Думаю, это ничего не дает. Мало ли кто может звонить из пансионата?

Гуров посмотрел на листок с номером телефона и заулыбался.

— Рано или поздно, все совершают ошибки, необходимо их только найти, — он аккуратно сложил бумажку и убрал в карман.

— Не понимаю, — недоуменно произнес бизнесмен.

— Да и не надо. Значит так. Прямо сейчас вы со своими дебилами едете в этот пансионат. Ночуете.

— Так тот человек, наверное, уже съехал. И зарегистрирован под вымышленной фамилией. Какая наивность, господин полковник.

Гуров взглянул так, что бизнесмен поежился.

— Повторяю для тупых. Вы едете в пансионат, регистрируетесь под своей фамилией, ночуете. Объясняете администратору, что ищите старого знакомого, фамилию его забыли. Ваш знакомый останавливался здесь с приятелем и описывает человека, который был в вашем офисе и столь удачно выпрыгнул в окно. Рука у него забинтована, а может, и голова. Ясно? Платите администратору деньги и выясняете приметы съехавших сегодня гостей.

— Администратору, скорее всего, уже заплатили, он назовет мне приметы Алена Делона.

— Хорошо. Встречаете горничную по этажу, расспрашиваете ее о съехавших жильцах. Потом возвращаетесь в свой офис и ждете условленного звонка. Упорно стойте на своем: согласны передать деньги только в руки человека, который вам звонил. Никаких посредников. Ваши условия вполне разумны, возразить на них нечего. Либо они получают деньги, либо отказываются от своих претензий.

— Неужели вы думаете, что мне удастся столь прямолинейным способом установить приметы лидера?

Гуров открыл дверцу машины:

— Звоните мне завтра в десять утра из автомата. Ваш номер могут поставить на прослушивание.

— Собираемся и сей минут уезжаем, — сказал Усов, доставая чемодан. — Сейчас на каждом аппарате имеется определитель номера абонента. Я, извини, просто старый мудака, распустил хвост!

Дурову долго объяснять не требовалось. Казалось, он мгновенно протрезвел и начал быстро собирать вещи.

Усов напялил седой парик, седые усики и очки с простыми стеклами. Прощаясь с администратором, Усов умышленно задержался у стойки и, направляясь к выходу, слегка хромал.

Он отвез Дурова к его дому, пересел в частную «Волгу», хозяин которой подрабатывал, и отправился в резиденцию министра.

Понедельник он провел, как обычно, проверял ограждение, кормил собак, Сабирину не звонил, прекрасно зная, что ничто не изматывает нервы больше, чем ожидание. Во вторник утром вернулись министр с супругой. Мадам сразу же исчезла в своих покоях, слуги унесли чемоданы, а министр, довольно улыбаясь, пожал подошедшему Усову руку и неожиданно сказал:

— Павел Петрович, я слышал, в вашей жизни намечаются серьезные перемены. Рад за вас. Вечером соберутся гости, узкий круг, только свои. Прошу вас к столу.

— Благодарю, Степан Митрофанович, но давайте не опережать события. Я встречу гостей как обычно. Многие не любят резких перемен.

Министр взглянул задумчиво, хотел что-то сказать, но промолчал и ушел в дом.

Вечером прибыли гости. На одного из них, мужчину лет пятидесяти, Усов обратил внимание, так как дверцу его шикарного «мерседеса» угодливо распахнул майор Сухов, а судя по улыбкам и поклонам министра с супругой, встречавших гостя на крыльце, тот был лицом очень важным.

Собрались гости в столовой. Усов, как обычно, прогуливался по веранде. Отметил, сегодня за столом необычно тихо, голоса звучали приглушенно, солидно. Вскоре к полковнику присоединился майор:

— Будешь обходить ограду, собак с поводка не спускай, в парке люди.

— Тогда зачем брать собак? Они поднимут лай, — ответил Усов. — Может, вдвоем прогуляемся?

— Можно, — согласился майор. Был он сегодня какой-то вялый, пришибленный.

— Кого это ты привез, что хозяин встречать вышел?

— Не узнал? — майор хмыкнул. — Мой главный шеф. Он решает, Сам только подписывает. Кстати, почему сегодня за стол не сел, вроде решено было, что ты среди гостей?

— Высовываться не люблю.

— Ну-ну... Кстати, Сабинин платить собирается?

— Ты же сказал, это дело мое.

— Все течет, все изменяется. Мне за тебя шею намылили, начальство в детали вникать не любит. Решай вопрос с получением долга и возвращайся к себе.

Павел Петрович Усов служил много лет, привык, что на чиновничьей лестнице каждый занимает свою ступеньку, и высокое начальство в дела нижестоящих не вмешивается. Но чтобы высший чин, приближенный Президента, проявлял интерес к криминальным разборкам?

Майор понял, о чем задумался бывший полковник, сказал устало, не с превосходством, а с сожалением в голосе:

— Ты, Павел Петрович, сыщик опытный, а политик никудышный. На всех уровнях стоят лишь люди, каждый гребет под себя, — он замолчал, словно спохватился, что сказал лишнее. — Если уцелеешь, со временем поймешь, а пока забудь. Я не говорил, ты не слышал. О своих делах докладывай мне ежедневно. Я тебе не начальник, лишь посредник. Понял?

Глава восьмая

Сабинин не отходил от телефона, даже обед ему приносили в офис. Но нужный человек на связь не выходил. Сабинин собрал необходимую сумму, упаковал в два кейса, убрал в сейф. Очень жалел, что связался с полковником Гуровым. Решил ему не звонить, а в случае, если сыщик объявится сам, сказать, что вопрос разрешился и помощь не нужна.

Во вторник Гуров позвонил и строго произнес:

— Не валяйте дурака, Сергей Львович. Перезвоните немедленно, — и положил трубку.

Кляня себя последними словами, бизнесмен отправился в соседний с офисом подъезд, где имелась однокомнатная квартира, в которой Сабинин изредка принимал девочек. Он набрал номер полковника.

— Ну что, сомнения одолели? — весело спросил Гуров.

— Я все выполнил. Был в пансионате, получил описание нужного человека. Деньги собрал...

— И решили мне не звонить, — перебил Гуров. — Авось обойдется?

— Я ценю вашу помощь, господин полковник, и буду следовать вашим указаниям. Убежден, человек придет за деньгами. Его описали досконально, подмены я не допущу.

— Надеюсь. Так как же он выглядит? — Услышав рассказ бизнесмена, сыщик рассмеялся. — По таким приметам вы будете его разыскивать всю оставшуюся жизнь. Но не расстраивайтесь. Судя по вашему поведению, она у вас коротка.

Гуров проинструктировал, как следует разговаривать с абонентом, после чего сказал:

— Его правильные приметы, фамилию, имя и отчество вы узнаете после того, как сообщите мне место и время передачи денег.

— Вы мне не верите? — возмутился бизнесмен.

Но Гуров оставил его слова без внимания.

— Мы не станем задерживать вашего делового партнера в момент получения денег, так как придется брать вас обоих. Следовательно, если вы всучите ему «куклу», это станет известно третьему лицу. Тогда за вашу жизнь я не отвечаю, — Гуров выдержал паузу, спросил: — Вы меня поняли?

Бизнесмен хотел признаться, что место встречи уже определено, но пока решал да собирался с духом, полковник положил трубку.

В среду утром раздался телефонный звонок. Бизнесмен не торопясь снял трубку.

— Вас слушают.

— Здравствуйте, я по вопросу предстоящей встречи. Должен был позвонить раньше, утром, увы, выезжал за город.

— Знаю, в пансионат «Рассвет». Довольно милое место. Как отдохнули?

— Спасибо. Вы располагаете нужной суммой?

— Признаться, не люблю отдавать деньги.

— Завтра, в двенадцать дня.

— Сожалею, смогу лишь в пятницу. И передам деньги только вам лично. Никаких посредников и подставных лиц. Я прекрасно знаю, как вы выглядите.

— Прокатились в пансионат? — Усов сделал вид, что сердится. — На кой черт? Администратор расскажет участковому, местному оперу. Вам не хватает внимания?

— А мне нечего скрывать, — ответил Сабинин. — Я регистрировался под своей фамилией, без седого парика, накладных усов и очков. Так что если вы действительно хотите получить деньги, приезжайте за ними сами, а не передавайте камуфляж напарнику.

Усов растерялся, закричал в трубку:

— Алло! Алло! Вас не слышно, я перезвоню.

— Думай, перезванивая, только никуда тебе не деться, — довольно хохотнул Сабинин. — Любишь кататься — люби и саночки возить. — Он был очень собой доволен и в данный момент несколько не жалел, что связался с Гуровым. Мент сумеет взять делового мужика так, что к нему, бизнесмену Сабирину, не протянется и паутиночки. Он не верил в Бога, но неожиданно подумал, что деньги, полученные обманом, не могут принести счастья, и черт с ним! Зато с врагом рассчитается.

Телефон вновь зазвонил. Сабинин снял трубку, лениво произнес:

— Алло. Вы все обдумали?

— Да, только хочу сменить место встречи.

— А мне нравится Большой театр, — из чистого упрямства возразил Сабинин. — Центр. Много людей, милиция, безопасно.

— Итак, двадцать второго, в двенадцать дня.

— Я подойду один, пустой. Удостоверюсь, что вы прибыли лично и тоже один, — бизнесмен усмехнулся. — Не беспокойтесь, деньги будут в нескольких шагах от четвертой колонны.

Крячко пришел на Театральную площадь за тридцать минут до назначенного времени, в половине двенадцатого. Две машины встали у Малого театра, три оперативника с девушками расположились в скверике напротив театра. Но оттуда было плохо видно, что делается между колоннами, потому они следили непосредственно за Крячко, который должен подать сигнал, означавший, что объект появился.

Операция была задумана просто. Когда деньги будут перенесены из БМВ Сабирина в машину получателя, последнюю возьмут под наблюдение. Проследуют за ней до Лубянки, другого пути с Театральной нет, и, выбрав подходящее место, устроят небольшую аварию — столкновение. Поток машин очень плотный, такой удар не вызовет подозрения. Обычное дорожное происшествие. Долларовые купюры ночью пометили, остальное — дело техники.

БМВ от офиса вел сам бизнесмен, на заднем сиденье расположился один охранник, сопровождал БМВ неприметный «Москвич» с оперативниками.

Предусмотрели все. Главное, чтобы за деньгами пришел сам Усов. Крячко прошел от метро до ЦУМа, развернулся и направился в обратную сторону. В это время в передатчике услышал ровный голос Гурова:

— Прервалась связь с машиной сопровождения. Думаю, обычное разгильдяйство.

— Дай Бог, — ответил Станислав. — Вижу Пашку Усова. Ты угадал, чертов гений. Он идет от ЦУМа в сторону метро. Сопровождения не наблюдаю, возможно, он один... Хотя нет, у сквера появился Дуров с какой-то девицей... Явно провинциалочка... Усов развернулся в обратную сторону, смотрит на часы... Направился в сквер и сел на скамейку вместе с нашими.

Дальше рассказывать не о чем. БМВ с Сабириним, охранником и долларами не появился...

«Разбор полетов» происходил в кабинете генерала Орлова.

Выяснилось, что «Москвич», сопровождающий БМВ с валютой, был сбит самосвалом на Пятницкой. Самосвал обнаружили во дворе, буквально в пятидесяти метрах от места аварии, приметы преступников устанавливаются.

БМВ остановила машина ГАИ. Нашли свидетельницу, молодую женщину с ребенком, которая видела, как милиционеры в форме что-то вынимали из багажника БМВ и переносили в свою милицейскую машину. Через час БМВ обнаружила поисковая группа. Сабирин и охранник были убиты выстрелами в голову, медэксперт считает, что стреляли в упор из пистолета с глушителем.

В кабинете Орлова присутствовали и представители ГАИ, и оперативники, обнаружившие БМВ и трупы, и врач, проводивший первичный осмотр. Заехал ненадолго помощник прокурора города, давнишний приятель генерала Федул Иванович Драч. Посидел в уголке с Гуровым и Крячко, которые ждали, когда все разведутся.

Около шести вечера Орлов, Гуров и Крячко ели бутерброды и пили кофе. Молчали. Говорить было не о чем. Розыском свидетелей занимались оперативники МУРа и райуправление. Уголовное дело возбудила прокуратура. Ответственность за срыв операции возложили на Орлова и Гурова.

— Значит, Лева, — сказал Орлов, — через двадцать пять минут нам следует доложить результаты заместителю министра.

— Я уже здесь, — произнес генерал-лейтенант Бардин, входя в кабинет, — Здравствуйте, господа. Сидите, вы сегодня уже набегались.

— Здравствуйте, Николай Ильич, — Гуров встал, подвинул замминистра стул. — Сегодня мы в основном сидели.

Бардин работал в милиции третий год. В работе уголовного розыска разбирался поверхностно, но, как человек образованный и умный, понимал это. В профессиональные тонкости не лез, к Орлову относился с искренним почтением, так как был значительно моложе.

— В общих чертах мне ситуация известна. Что будем докладывать министру? Что сообщать прессе? — Бардин смотрел на Орлова.

— Министру, Николай Ильич, не до нас. Ему других забот хватает, — ответил Орлов. — И вопрос не в том, что докладывать, а в том, что предпринять. Дело гораздо сложнее, Николай Ильич, чем выглядит.

— Догадываюсь, Петр Николаевич, — без всякой обиды ответил Бардин, — не первый год вас знаю. БМВ сопровождала группа оперативников, операцию проводил полковник Гуров. Что вы мне хотите сказать? Доложите коротко, самую суть.

— Одна преступная группировка должна была передать другой преступной группировке два с половиной миллиона долларов. О готовящейся передаче знали только мы, здесь присутствующие.

— Знали и те, кто передавал, и те, кто получал, — Бардин недовольно посмотрел на Гурова. — Я понимаю, конспирация, дела агентурные и прочие ваши хитрости. Но почему БМВ сопровож-

дала лишь одна машина? Кстати, мне не доложили, среди сотрудников милиции жертвы имеются?

— У одного лейтенанта перелом ноги, остальные с ушибами уже отпущены домой, — ответил Орлов.

— И то, слава Богу, — Бардин вновь повернулся к Гурову. — Что думаете о происшедшем?

— Извините, Николай Ильич, — вмешался в разговор Крячко. — У нас сейчас имеются только предположения, и заместителю министра не гоже докладывать фантазии, которые порочат высших чинов нашей власти.

— А ты меня не прикрывай, я за свои слова всегда отвечаю, — сказал Гуров и задумался, решая, как сообщить о своих предположениях покороче и аккратнее.

Гуров и Бардин относились друг к другу хорошо. Бардин ценил Гурова за талант и принципиальность. Сыщик уважал заместителя министра за то, что того власть не портила, и перед вышестоящими он не лебезил.

— Ну что ты, Лев Иванович, сосредоточился, будто с китайского на русский собираешься переводить.

— Хуже, Николай Ильич. Я перевожу с оперативного на чиновничий.

— Обижаешь.

— Значит так, — решил Гуров, — получатель долларов о готовящемся нападении не знал, на место встречи прибыл и находился под нашим наблюдением. Передающая сторона попросту убита. Полагаю, утечка информации произошла через сотрудников Управления охраны Президента. Убийства совершили и забрали валюту сотрудники спецслужбы, а не уголовники. Причем к преступлению не имеют отношения ни уголовный розыск, ни контрразведка.

— Все сомневаются, один Гуров всё знает, — съязвил Орлов. — Откуда в тебе столько самоуверенности?

— Ну хорошо, поясните, Лев Иванович, — сказал Бардин. — Откуда столь категорические выводы?

— Преступление совершено лишь на первый взгляд профессионально. Во всех действиях просматривается рука могущественная, но не сведущая. Так подобные дела авторитеты не совершают. — Гуров говорил спокойно, но в его голосе все сильнее проступала злость. — К примеру, откуда уголовники могли узнать, что в БМВ находятся доллары, если сами ребята не ведали, что «ведут» машину с валютой? И еще... Не станут уголовники задействовать самосвал. Это сложно. Легче полоснуть «Москвич» из автомата. То же с машиной ГАИ и ружьями. Уголовники могут использовать форму сотрудника при нападении на квартиру. Но не разъезжать в ней по городу. Слишком рискованно. Проще опять прибегнуть к «Калашникову». Пойдем дальше. Если бы дело ставили наши коллеги или контрразведчики, они бы обязательно все эти факторы учли и светиться не стали. «Мазали» б под уголовщину. Напрашивается вывод: наверняка действовала спецслужба, решившая захватить два с половиной миллиона наличными. Наглые, самоуверенные люди, убежденные, что нет силы, способной их выявить и привлечь к ответственности.

— Речь прокурора перед судом присяжных, — заметил Крячко.

— Что предлагаете, Лев Иванович? — сухо спросил Бардин. Ему и в голову не приходило объявлять войну всеильному Управлению охраны Президента.

Гуров понимающе улыбнулся:

— Предлагаю данный разговор забыть. Мы имеем то, что имеем. Заместитель министра располагает официальными данными о нападении и убийствах. Начальник Главка требует от своих подчиненных разыскать преступников. Оперативники стараются, как могут. Что дальше — жизнь покажет.

— Правильно! — Крячко вскочил. — Разрешите идти?

Орлов взглянул на Бардина.

— Да-да, конечно, — кивнул тот.

— План оперативно-розыскных мероприятий будет готов завтра к обеду, — сказал Гуров и вышел, сопровождаемый Крячко, который аккуратно прикрыл за собой тяжелые двери.

— Едем ко мне? — предложил Гуров.

— Ну, если ты очень просишь, — Крячко развел руками.

Глава девятая

Полужинав супом из пакетиков, друзья перешли в гостиную. Крячко разлегся в мягком низком кресле, Гуров расхаживал по комнате, курил.

— Благоверная грозитя выписать из квартиры. Говорит, что сын узнает меня только по фотографии.

— Станешь бомжем, — Гуров раздавил окурок в пепельнице, опустился в кресло. — Меня порой на пустом месте зашкаливает, только удивляться приходится.

Крячко понял, что начался серьезный разговор, подобрал вытянутые ноги, сел прямо.

— Смотри, какая глупость вышла. Три недели назад Петр сообщил нам, что аналитики пришли к выводу, мол, создана некая организация, занимающаяся получением долгов и ликвидирующая злостных неплательщиков. Я упирался в Пашку Усова, мы выходим на Сабирину, получаем некоторые результаты.

— И нам тут же обрубают руки, — заметил Крячко.

— С одной стороны, ты прав, но обосновываешь свои выводы неверно. Усов не может стоять во главе преступной группировки по двум причинам. Она начала действовать, когда он служил еще здесь. Усов попал в уже сложившуюся структуру. Главное же, полковник милиции мелок, чтобы возглавлять такой преступный синдикат. Неплатежи исчисляются десятками, даже сотнями миллионов долларов.

— Сегодня взяли два с половиной.

— Они, видимо, хотели отдать мелкий куш Усову и Дурову, но затем передумали. Может, срочно понадобилась наличность. Ведь огромные миллионы лишь шатают между банками, сами доллары в руки не возьмешь. А повседневные расходы требуют наличных денег. Убеден, действующие оперативники синдикату нужны. Банкиры, финансисты-консультанты имеются, политики и генералы-руководители есть, исполнителей с авто-

матами им поставял Афганистан, сегодня стрелки приходят из Чечни. А среднее звено, способное связать землю с верхами, в большом дефиците. Синдикату не хватает наличных денег, они лежат на земле, их нужно уметь взять. Сегодняшняя операция организована хреново, она доказывает мою правоту.

— Возможно, ты и прав. Но если так, то почему они выбросили за борт Усова и Дурова?

— Их не выбросили, а поставили на место, — возразил Гуров. — Им выдадут кусок с барского стола и прикажут: «Служи!».

— Ладно, Лев Иванович! — Крячко вылез из кресла, с хрустом потянулся. — Давай расставим все точки над «i». Мы сейчас вдвоем, можем все называть своими именами. Ты говоришь Главное управление охраны Президента. Значит, генерал Коржанов. Я человек нормальный и воевать с ним отказываюсь. Нас с тобой элементарно спустят в канализацию. Ты видел, как сбледнул с лица Бардин? А он замминистра, имеет соответствующие связи.

— Не изображай из себя труса, не получается!

— Я ничего не изображаю! — повысил голос Крячко. — Я просто нормальный человек, готов драться, имея один против десяти. А в стопроцентную безнадегу не подписываюсь. Ты Петра спроси! Он тебе то же самое заявит.

— Все сказал? — Гуров нервно зевнул.

— Тебе мало показалось?

— Я Коржанова не знаю. Но, судя по всему, генерал непосредственно с преступным синдикатом не связан. Не тот масштаб.

— А тебе заместителя генерала мало?

— Мало! Существуют вопросы, которые без санкции первого лица не решаются, — убежденно сказал Гуров.

— Стену головой не прошибешь.

— Согласен. Но давай сначала дойдем до этой стены. Нет, так нет, снова уволимся, нам не впервой.

— Дай слово. Когда мы стукнемся об нее, то отступим. Дай слово.

— Договорились, — Гуров пожал другу руку.

— С чего начнем? — спросил Крячко.

— А у нас лишь один ход.

— Он на вербовку не пойдет.

— Артем Дуров настоящий опер, которого смешали с грязью. Думаю, он терпеть не может Усова. Его можно перетащить на нашу сторону.

— Вот и перетаскивай.

— Жизнь Артему спас ты, а не я.

— У меня самолюбия — во! — Крячко чиркнул пальцем по горлу. — Есть вещи, которые я делаю хуже тебя. Разговаривать с Артемом Дуровым будешь ты. Конец связи!

Павел Петрович Усов сидел в скверике у Большого театра. Минула половина первого, а на такие встречи приходят вовремя или не приходят вообще. Павел Петрович уже никого не ждал. Просто сидел. Очень не хотелось двигаться. Им овладела апатия. Приезжая на встречу, он просчитал различные варианты, вплоть до кошмарных, например, встречу с Гуровым. Но подоб-

ного результата даже в расчет не брал. Бизнесмен не мог не явиться на встречу. Значит, его убили, а деньги забрали. Собственные охранники? Возможно, люди, у которых Сабинин занимал деньги, собирая нужную сумму. Мимо скамейки в третий раз прошел Артем Дуров.

Усов тяжело поднялся, зашагал к машине. Когда с ним поравнялся Дуров, полковник сказал:

— Поехали ко мне.

— Может, не стоит, завернем в кафешку?

— Брось, хуже не будет.

До резиденции добрались быстро, в час дня поток машин временно ослаб. Усов выяснил, что в главном доме никого, кроме прислуги, нет, и прошел с напарником к себе.

— Что ты думаешь? — спросил Усов, переступив порог.

— Чую, нас наблюдали, кто именно, понять не могу, — ответил Дуров. — А нашего миллионщика грохнули, это точняк. Два с половиной миллиона зеленых! Свои охранники и замочили, я их морды видел.

Усов начал накрывать на стол, Артем остановил:

— Я не буду. Надо в казино заглянуть, хозяина повидать. Что я ему скажу? Там же была и его доля.

— Скажи, как есть, — ответил Усов. — Все под Богом ходим.

Зазвонил телефон, Усов снял трубку.

— Резиденция министра, говорит начальник охраны.

— Здравствуйте, Павел Петрович, знаю, день у вас выдался тяжелый. Но, как говорится, все хорошо, что хорошо кончается.

Усов узнал голос майора из Управления охраны.

— Нервничаете? Так успокойтесь, Павел Петрович. Велено передать, все закончилось благополучно, деньги поступили по назначению, вам выражают благодарность.

— Благодарность — это слишком много, не заслужил, — язвительно ответил Усов.

— Гонорар вы получите, — майор коротко рассмеялся. — Но, конечно, не всю сумму. В деле участвовали и другие люди, расходы велики. Вскоре встретитесь с моим начальством. А пока успокойтесь, всего доброго.

Усов бросил трубку.

В казино хозяин отсутствовал. Начальник охраны, которому официально подчинялся Дуров, уже привык, что этот парень приходит и уходит, когда пожелает, и помалкивал. Он был полковником КГБ в отставке, в оперативной работе ни черта не смыслил и бывшего опера побаивался.

— Стрижем купоны? — Дуров протянул отставнику левую руку, так как правая была перебинтована и еще побаливала.

— Пока лишь точим ножницы, — ответил гэбист. Так они приветствовали друг друга ежедневно. Между ними существовал негласный договор о ненападении. Опер знал, что полковник тридцать лет писал бумаги и не отличит пистолет от мясорубки. Отставник понимал, что бывший мент — человек хозяина, никаких заданий Дурову не давал, держался с ним наравне.

— Вот, был на перевязке, — поднял Дуров забинтованную руку, — шов разошелся, болит, едрена мать.

— Ну и шагай домой. Шеф звонил, сказал, сегодня не будет. Возьми девочку, она за тобой поухаживает.

Дуров взглянул на двух проституток, сидевших у стойки. Встретившись с одной из них взглядом, кивнул. Девушка соскочила с высокой тумбы, подошла, улыбнулась:

— Привет, Артем, что с рукой?

— Спасибо, Вика, до свадьбы заживет. — Он поцеловал девушку в щеку.

Гэбзшник усмехнулся и отошел.

— Артем, ты плохо выглядишь, поедем к тебе, покормлю, сделаю массаж, — сказала Вика просительно.

— Прекрасно, милая, но спасибо.

Вика поняла, что получила отказ, и капризно надула пухлые губки.

— Парень, я начинаю о тебе плохо думать.

— Я днями обязательно приглашу тебя в гости. А сегодня, — Артем замаялся, — хочется побыть одному...

Вика заглянула в глаза Артему и неожиданно сказала:

— Побереги себя. Я, как и ты, на этом свете одна, — и походкой манекенщицы направилась к бару.

Он поехал домой. Возле своего дома зашел в недавно открытый новый магазин. Артем часто заезжал в него, хотя цены там были выше обычных. Ему нравилось сюда приходить. Чистота, приятный запах, а не прокисший воздух, который тут висел прежде. Нет привычных очередей, девушки за прилавком ухоженные, уже приметили Артема, ненавязчиво кокетничают, знают вкус клиента.

— Здравствуйте, хозяйка, — сказал Артем, подходя к винному отделу. Еще находясь у Усова, он решил крепко напиться. — Что пьет ваш муж, когда у него плохое настроение?

Продавщица растерялась. Неожиданно из-за плеча Артема раздался насмешливый мужской голос:

— Кристалловскую водку. Сколько взять? Одной бутылки на двоих мало, две — много.

Дуров повернулся. Высокий, стройный мужчина лет сорока с небольшим, одет добротно, несколько старомодно, весело подмигнул Артему. Тот сразу почувствовал, что мужик из «конторы» и появился здесь не просто так.

— Две бутылки «Столичной», — распорядился Гуров и объяснил Артему: — Видите ли, как-то не принято являться в дом с пустыми руками. — Он расплатился. Одну бутылку протянул Дурову, другую сунул в свой карман плаща. Когда они вышли из магазина, Гуров сказал:

— Езжай домой, Артем Григорьевич, я прибуду через несколько минут. — Он нажал кнопку на брелоке и снял защиту со своего «пежо». — Вроде никого не было, но я прокачусь на всякий случай.

Артем проводил взглядом отъехавшую машину. По внешности и машине — мужик гэбист, а манера ментовская, прямая, без прикрытия, гэбзшники вечно кем-то прикидываются.

Он жил в однокомнатной квартире, как говорится, улучшенной планировки. Квартиру построили вместе с женой десять лет

назад, тогда цены на кооператив были еще приемлемые. Жена работала в торговле, ментовский оклад ее просто смешил. Когда любовь и страсти поутихли, жена ушла к директору базы, однокомнатную «клетушку» оставила милиционеру. Скандалов, даже разговоров о разделе не возникло.

Артем вошел в квартиру, сунул бутылку в морозилку. Задумался. За мной никакого криминала. Если бы решили навесить сегодняшнее убийство, так никакой водочки и конспирации, под руки в машину и в кабинет. Да еще и морду бы начистили для острастки.

Звякнул звонок. Артем открыл дверь, впустил гостя.

— Проходи и покажи свою ксиву.

— А чего на нее смотреть? — Гуров осмотрелся. — Как и я,обыдем живешь, — он протянул руку. — Лев Иванович.

— А, знаменитый Гуров! — Артем ответил крепким рукопожатием. — Я должен был догадаться. Ну раз пришел, располагайся.

Он прошел на кухню. Достал тарелки, вилки, поставил стаканы, начал резать хлеб.

— Тебя по какой статье уволили?

— Я номер статьи не помню. Выгнали за пьянку, записали, как по служебному несоответствию.

— Ну и как тебе в казино, нравится? Я сам уходил, служил в фирме, платили хорошо, однако вернулся. Ты сколько в сыске отпахал?

— Пятнадцать. А ты, полковник, никак меня обратно звать будешь? — Артем разлил водку, выпил, не чокаясь.

Гуров пожал плечами:

— Я в розыске больше двадцати лет, знаю, кого можно вербовать, кого — нет. — Он взболтнул в стакане водку и выпил. — У меня положение хреновое, у тебя того хуже. Рука болит?

— Терпимо, — взгляд Артема стал цепким. — Так это ты меня прикрыл?

— Станислав.

— Полковник Крячко? Такой плотненький, круглолицый, под простак работает?

— Он не нарочно, у Станислава это врожденное.

— Значит, ты пришел должок получить?

— Я в долг только даю, ни у кого возврата не требую. Хочет человек расплатиться, дело его.

— За горло берешь! Усов сволочь, но я его не отдам.

— Оставим разговор, я Павла без тебя возьму. — Гуров достал сигареты, закурил.

— Кто убил Сабирину и забрал деньги?

— Мне тоже интересно. Ты не отвлекайся. Я вопрос задал, ты не ответил. Как дальше жить собираешься?

— С Усовым и компанией завяжу, буду служить в казино. Платят прилично, работа не пыльная.

— Сколько в розыске? Пятнадцать? Мог бы и подучиться за столько лет.

— Что ты хочешь сказать? Не выпустят? А чего на меня есть?

— У них на тебя ничего, а у тебя на них — достаточно.

— Много ты знаешь! — возмущился Артем. — У меня ничего конкретного, так, одни догадки.

— Они могут считать иначе. Пока в упряжке, ты для них безопасен, как уйдешь, все переменится. Но тебя в нейтральной воде долго держать не станут, замажут в мокрое. Либо заставят, либо подставят.

— Зачем пришел? — вспыхнул Артем. — Чего пугаешь, чего хочешь?

— Хочу, чтобы понял, между двух стульев не усидеть. Нельзя служить в бардаке и оставаться девственницей.

— Тогда надо из России уматывать! А я в другой стране жить не могу!

— Обнимемся и поплачем друг у друга на груди. Все! Я на правах старшего объявляю перерыв. Давай поедим и поговорим о женщинах. Вот ответ мне на вопрос. Почему мы с тобой, нормальные мужики, живем бобылями?

— Ну ты даешь, полковник! Это не простой, самый сложный вопрос. У меня есть остатки щей, давай подогреем?

— Лучше сделаем яичницу.

Они поели, выпили кофе.

— Мне следует уехать, скрыться, они не станут меня искать, — вернулся Артем к разговору.

— Они? — Гуров почувствовал — мигнул огонек, который можно разжечь. — Ты не знаешь, кто вышел на связь с Усовым? Скорее всего, фигура небольшая, но представитель верхов. Усов хотел стать сборщиком долгов, собрать армию, стать командующим. Но ему объяснили, полководцев хватает, а ему, коррумпированному менту, могут предложить только небольшую должность. Так?

— Похоже, — согласился Артем. — Хотя моего положения это не меняет. Если впрягся с Усовым, или должен лямку тянуть, или порвать и уйти.

— Они собирают наличные деньги, необходимые для предвыборной кампании. У них на счетах сотни миллионов, но нужны наличные доллары. Вы лишь исполнители, и вас будут держать исполнителями, тебя в первую очередь. Тебя кто с позором из милиции выгнал? Они! Те, кто рвутся к власти. И снова ты рискуешь шкурой, а они считают деньги.

— Да я их не знаю, не видел никогда.

— А такие, как мы с тобой, их никогда не знаем.

— Как мы с тобой? — Артем взглянул насмешливо. — Значит, мы в одной лодке? Ох и хитры вы, Лев Иванович.

— Я не Станислав, простачком не прикидываюсь. Пашка кого хочешь продаст, он меня больше не интересует. Мне нужны ОНИ, те, кто выше. А Пашку, помани мое слово, свои зарежут. Все переговоры ведутся на даче министра, за высоким забором. Ментам такое дело не по зубам. Коррупция в высших сферах — дело контрразведки... — Гуров замолчал, взглянул на Артема оценивающе. — Так-так, належ-ка...

Артем наполнил Гурову стакан, сыщик выпил, закурил:

— Я тебе вопрос подброшу, не удивляйся.

— Ну-ну, господин полковник, — Артем был заинтригован.

— Ты в контрразведку опером пошел бы?

— Агентом или официально, на должность?

— Должность, звание, все, как положено. Ну а документы у тебя могут быть хоть водопроводчика или как сейчас, охранника казино.

— Вряд ли меня возьмут. Анкета грязная.

— Могу кое с кем переговорить. Дело перспективное. Гэбэшникам перед выборами раздолбать такой змеюшник очень кстати. Всем доказать, что делом занимаются, не зря деньги получают.

— Ерунда! — Артем ударил кулаком по столу. — Никто не возьмет в ФСК человека, уволенного из милиции за пьянство!

— Много ты знаешь, капитан. — Гуров поднялся, направился в прихожую. — Требуй у Усова выхода на верха, говори, что хочешь иметь гарантии. Будь здоров. Я найду тебя.

Он спускался по лестнице, довольно насвистывая, но неожиданно подумал, что торжествовать рано. Жизнь полосатая, как пижама, быстрая удача в большинстве случаев — предвестник неприятностей.

Сыщик остановился в подъезде, но на улицу не вышел. Постоял, прислушиваясь к своему внутреннему голосу. Похвалил себя, что оставил машину за углом. Осторожно поднялся на пролет выше. Выглянул в окно, осмотрел грязный двор, проржавевшую водосточную трубу, затем свой чистый плащ. «Придется вспомнить молодость», — подумал он, впрыгивая на подоконник.

Труба затрещала, но выдержала. Через несколько секунд он спрыгнул на асфальт, прошел двором. Выждав, когда мимо подворотни пройдет группа подростков, выскользнул в переулок. Хотя начало уже темнеть, и народу по переулку шло много, Гуров увидел «наружку» почти сразу же. Двое сидели в машине и перекусывали, чтобы не пронести мимо рта, они оставили дверь приоткрытой, и салон был освещен. Третий стоял у двери булочной напротив подъезда, в котором жил Артем Дуров, и тоже жевал. Сыщик свернул за угол, сел в машину и уехал.

Крячко еще находился в кабинете. Увидев друга, хотел что-то сказать, но Гуров махнул на него рукой, снял телефонную трубку.

— Слушаю, слушаю, — недовольно ответил Артем.

— Дружбан, я тут намедни заскакивал к тебе...

— Кто говорит?

— Ну вот, Тема, как водку за мои бабки трескать, так нормалек, а теперь не узнаешь, — укоризненно произнес Гуров. — Небось все допил?

— Осталось, сержант. Может, заглянешь, прикончим?

— Я бы рад, да моя половина сильно не в духе, пасет меня, как скотину. Понял?

— Чего не понять, и со мной случалось.

— Ну, бывай, не кашляй, уже прислушивается, с кем это я калякаю. — Гуров положил трубку, подмигнул Крячко. — За Дуровым выставили «наружку», полагаю, чисто профилактическое мероприятие. Но господа относятся к нему серьезно, имеют виды.

— Когда ты их засек?

— Уже после встречи, при выходе из его дома.

— Ты их засек, а они сквозь тебя глядели?

Гуров снял плащ, начал его чистить.

— Я через окно во двор по водосточной трубе спустился, — рассмехался он. — Словно пацан.

Крячко шутивого тона не принял, смотрел серьезно:

— А кто тебе подсказал из подъезда не выходить, а лезть через окно?

— Ты чего скучился? — Гуров был весел, сегодня все складывалось. — Я придумал один ход, позже расскажу. В общем, Артем нам поможет. Вышел от него, радуюсь, и тут мне увиделась полосатая пижама... Короче, вылез через окно... потом проверил, они на месте, перекусывают, видно проголодались. — Он смутился, сел за свой стол. — Мне звонили?

Крячко сидел, насупившись.

— Если бы ты не увидел пижаму и вышел подъездом, то Артема, как помощника, можно было хоронить, — после небольшой паузы он добавил: — Тебе звонил Михаил с Масловки, не признался, я по голосу узнал.

— Ну-ну, рожай, Мишка зря звонить не станет.

— Велел передать, что тебе стоит встретиться с Акимом. Где его найти, ты знаешь. Это Леонтьев—Ленчик, он вроде в большие авторитеты вышел?

— Конечно. Что он о Ленчике мог узнать? Они совсем разной масти.

— Ладно, Лев Иванович, едем на Речной?

— Можно, — Гуров взглянул на часы. — Только ты за рулем.

— Бензин за твой счет.

— Перебьешься, — Гуров поднялся.

Когда они сели в «мерседес» и отъехали от Министерства, Крячко спросил:

— Как ты его уговорил?

— Когда я в криминальной среде ищу помощника, то в первую очередь ищу единомышленника. Почти в любом человеке можно отыскать нечто для себя близкое, понятное.

— Далеко не в каждом, — усмехнулся Крячко. — И, главное, ты же склоняешь человека к предательству. А предатель, он и есть предатель, и никакой он тебе не единомышленник.

— Артем Дуров предатель? — рассердился Гуров. — Сильный и честный человек, которого оскорбили и выбросили за ненадобностью. Вот Павел Усов действительно предатель. Хотя если в нем как следует покопаться, то можно отыскать нечто стоящее и ухватиться.

— Постригись в монахи, прими сан, исповедуй, — сказал Крячко. — А сейчас готовься к встрече с матерым уголовником.

— Аким никогда не убивал и других на убийство не посылал, значит, имеет совесть. В нем силы с избытком, ему требуется пар спустить...

— Ладно, ты его год не видел, как бы он не пар, а курок не спустил, — Крячко свернул с Ленинградского шоссе, подкатил к зданию Речного вокзала.

На стоянке стояло несколько машин, среди них выделялся сверкающий БМВ, в котором сидел водитель.

— Куплен на пожертвования прихожан, — заметил Крячко. — За рулем сидит инок. Он сначала стреляет, потом спрашивает, чего тебе надо.

— Не гунди. — Гуров направился к зданию. — Раньше ресторан был на втором, а на первом — заведение типа рыбацкой таверны, — он переложил пистолет в карман плаща.

— Готовься отпускать грехи...

— Заткнись. Смотримся мы с тобой классно, два типичных мента.

— Менты — не люди? Не могут в свободное время зайти, рюмку выпить?

В ресторане швейцар преградил им дорогу, молча указал на гардероб. Крячко снял плащ, перекинул через руку.

— Уважаемый, а где традиционное русское «пожалуйста, господа»?

— Мы на минуточку, хозяин. — Гуров тоже снял плащ, прошел в зал, который был почти пуст. — Как говорится, на посошок и в стойло.

— Вот тут и присядем, — Крячко подошел к столу, стоявшему у дверей. Сел так, чтобы видеть и зал и вход одновременно.

Швейцар мялся. Чувствовал, мужики не простые гуляки, либо из ментовки, либо деловые, а в зале сидел Ленчик с бабой и своими ребятами.

— Иди, иди, родной, — сказал Крячко. — Нервы береги, мы люди мирные.

За одним из столов гуляла изрядно выпившая шумная компания молодежи, парни и девчонки, чувствующие себя хозяевами, в стороне сидел Аким—Ленчик с дамой. Даже со стороны было понятно, что разговор у них не амурный, чисто деловой. За соседним столом расположились три коротко стриженных качка, все в коже. Они одновременно повернулись, взглянули на вновь вошедших, затем на хозяина. Увидев оперативников, Аким что-то им сказал, и охранники отвернулись.

Крячко заказал сто пятьдесят водки и салат из крабов, Гуров — чашку кофе. Официантка к скромному заказу отнеслась спокойно, улыбнулась.

— Хоть чай заказывайте, только не стреляйте.

— Какой ужас! — Крячко схватился за голову. — Неужели случается?

Дурашливость гостя опытную официантку не обманула. Она поджала губы, улыбка с лица исчезла.

— Вам все одно, а у меня двое.

— Дожили, мать твою, — сказал Крячко, когда официантка отошла. — Словно на вулкане живем.

Сыщики ждали. Решать Акиму, подойти ли к ним, вызвать из зала, а может, вообще не узнавать. Крячко выпил водки, ковырял вилкой салат и тихо матерился.

— Цены капиталистические, остальное — как при большевиках.

Гуров пил кофе. Прошло минут тридцать. Наконец Аким поднялся, подхватил свою даму и в сопровождении охранников двинулся на выход. Швейцар услужливо распахнул двери. Один охранник подошел к столу оперативников, спросил:

— Ждете кого?

— Возможно, еще не знаем, — Крячко чуть отодвинулся от стола.

Это движение качку не понравилось, он оценивающе смотрел на незнакомцев. Его размышления прервал вернувшийся в зал Аким.

— Спокойно, — Аким хлопнул качка по плечу. — Я этих гостей знаю, люди Лялька. Идите, нам потолковать требуется.

Охранник молча пошел к своему столу. Аким сел, повернулся к Гурову.

— Здравствуйте, Лев Иванович, какими судьбами?

— Здравствуй, Аким, — ответил Гуров. — Ехал из Шереметьево, решил заглянуть. Не нравится мне здесь. Люди какие-то дерганные, запуганные, встречают неласково. Да и ты распустился, брюхо появилось, стыдоба.

— Воспитываешь? — раздраженно спросил Аким и покосился в сторону Крячко.

Подбежала официантка, поставила на стол бутылку коньяка, вазочку с черной икрой и быстро отошла.

— У меня двух парней убили, — Аким налил в бокалы. — Беспредел.

— А зачем они милицейскую форму надели и людей убивали? — спросил Гуров таким тоном, словно разговор велся о пустяках. — Им что же, убивать можно, а их не тронь? Это твой беспредел, Аким?

— А вы, Лев Иванович, откуда знаете, о чем я говорю?

— Догадливый.

— У меня солидные люди, из ваших, попросили двух ребят должок получить. Никакого разговора о мокром деле не велось. Чего не пьете?

— Я за рулем, — Гуров кивнул Станиславу, тот с удовольствием выпил. — Почему решил, что обращались наши?

— Знаю, — коротко ответил Аким. — Хочу их найти.

— Заяви в отделение. Где нашли трупы?

— В Солнцево, у дома, где братья жили. Их пришили автоматной очередью из машины.

— Вот, по месту преступления и заяви, — Гуров приподнял бокал, пригубил. — Ты сказал «наши», они с тобой разговаривали?

— Ну?

— Опиши приметы. Такое дело не наказуемо. Ты убивать не посылал, а долг получить — дело святое.

— Заяви... Приметы дай, — рассмеялся Аким.

— Я сегодня с тобой разговаривать не буду, — грубо сказал Гуров. — Но учти, если убийц найду я, то тебе их не отдам, сам заберу. И еще. Раз твоих пацанов убрали, — он неожиданно матерно выругался. Крячко аж вздрогнул, — значит, ты на очереди.

А эти сопляки, — Гуров посмотрел в сторону телохранителя, — тебя не уберегут...

Гуров поднялся и направился к выходу. Крячко походкой верного пса засеменил за ним.

В машине Станислав спросил:

— Думаешь, после такого разговора он позвонит?

— Сегодня иначе говорить было нельзя, — Гуров подумал и добавил: — Он врет. Наверняка знал, что дает парней для ликвидации. Ему наплевать на ребят, боится за свою шкуру. Уверен, кое-кому шеллнул, что знает полковника Гурова и может с ним встретиться. Полагал, видимо, наша встреча обезопасит его. Дурак.

Крячко остановил машину.

— Лев Иванович, давай вернемся. Заберем его в машину, будем трясти, пока не назовет приметы заказчиков.

— Поезжай. Я устал, хочу домой. Аким врет. С ним встречались люди не из спецслужбы. Наши не выйдут на встречу с авторитетом напрямую. Сказки. Но во всем этом вранье что-то интересное для нас имеется. Не могу сообразить, что именно. Чувствую. Надо отдохнуть, выспаться, затем будем думать.

Усов прошел вдоль забора. Овчарки вели себя спокойно, изредка исчезали в кустах и вновь возвращались. Он зажег фонари, проверил запоры на воротах, поговорил с дворником Османом, который сообщил, что у него ломает кости, значит, завтра будет дождь. Обычно Усов с удовольствием возвращался вечером в свой домик, где было тепло, уютно, можно выпить рюмку и посмотреть телевизор. Но сегодня там сидел майор охраны и идти домой не хотелось. Ему было стыдно, что он, полковник и розыскник, позволил себя так просто обойти, превратить в рядового исполнителя. Противно подчиняться неизвестно кому, иметь в качестве связника соплявого майора, который, хотя и держится уважительно, фактически руководит им. Усов подозревал собак, командовал:

— Гулять, Гром! Гулять, Дуня! Сторожить!

Псы, довольно повизгивая, унеслись в темень листвы. Он вышел на дорожку, направился к своему домику. Майор, сидя в кресле, смотрел телевизор. Увидев хозяина, лениво поднялся, выключил телевизор.

— Павел Петрович, начальство очень довольны вами, а для службиста это главное. Я тут принес кое-что. — Майор поднял с пола кейс, поставив его на стол, начал вынимать бутылки и свертки.

Усов достал тарелки, приборы, стал накрывать на стол:

— Олег, ты работаешь со мной грубо...

— Павел Петрович! — возмутился майор. — Вы не агент, я не вербовщик, мы просто сослуживцы.

— Слова, Олег, только слова. Сколько же «руководство» положило мне за работу?

Майор обиженно поморщился, выложил на стол плотный конверт.

— Сто тысяч. Вам и вашему помощнику.

— Я не возьму. — Усов отодвинул конверт в сторону. — Артем рисковал жизнью, кроме того, я должен заплатить Гаю и Самойлову. Вы, а не я, создали такую цепочку. От двух с половиной миллионов это смешные деньги.

— Гаю и Самойлову заплатят особо.

— Так не работают, майор. Мы не колхоз, где выплачивают трудодни. И должен быть один хозяин, а не несколько. Вы не агентуристы, а дилетанты. Использовать таких опытных оперативников, как я и Дуров, втемную, неразумно, даже опасно.

Майор к такому повороту разговора был не готов, растерялся. Усов это мгновенно понял, продолжал еще жестче:

— Ты молод, майор, типичный исполнитель. Оперативник не может идти от столба до столба. Он должен знать весь путь полностью, от станции отправления до последней остановки. Понял? Деньги за бери, передай, мы не шестерки. Мне не нужна ваша стратегия, я не политик, но тактику я должен понимать в полном объеме. И перспективой протирать штаны в Думе, лебезить и нажимать нужную кому-то кнопку, вы меня не купите. А если Артем сорвется? Он мужик с гонором, ему ваши фигли-мигли вообще ни к чему. Ему что за белых, что за красных. Он уйдет с концами, что тогда? Вы его ликвидируете? Но сначала найдите людей, которые справятся с опытным опером. Я так понимаю, на вас работают ошметки спецподразделений типа «Альфы». Чего молчите?

— Удивлен, — майор кашлянул. — Чего вы взорвались, мало заплатили?

— Как ликвидировали Сабирину? Наверняка красились под авторитетов? Да Гуров ваших ряженных влет расколет. Жизнь вас ничему не научила. Снова наверху партайгеноссе надувают щеки, ни хрена не понимая, принимают решения.

— Так не у нас, а во всей России! — сорвался майор. — Нужны не умные, а верные.

— Преданный дурак опаснее врага. — Полковник сел за стол, устало сказал: — Наливай.

— Расклеились вы, Павел Петрович, — майор разлил по стаканам коньяк. — Да и неудивительно, живете, как в тюрьме. Люди в Думу рвутся, жизнь, можно сказать, кладут, а вам предлагают — вы нос воротите.

Усов выпил залпом, шумно выдохнул.

— Скажи своему шефу, хочет, чтобы я служил, пусть встречается лично.

— Ну он мне не шеф, между нами ступенек — лезть да лезть, — ответил майор. — Коржанов на личный контакт не пойдет, вы, Павел Петрович, плохо представляете его уровень. К нему министры попасть не могут.

— Удивил! Министр никуда попасть не может, даже в сортир боится из кресла на минутку вылезти. Да черт с вами! — Усов взял конверт с долларами, убрал в карман. — Предупреждаю, сторите. В Думу, говоришь? Давай в Думу! Только в семью мою не лезьте, супруга у меня с характером, на руку быстрая. Для нее что Чубайс, что Шахрай — пацаны и лгуны, не более того. Я сам попробую разобраться.

Когда подполковник Кулагин вошел в кабинет, Крячко вскочил.

Гуров вышел из-за стола, пожал гостю руку, подал стул.

— Земля завертелась в обратную сторону, — произнес Крячко. — Начальник отдела ГБ в гостях у оперативников милиции.

— Петр Николаевич сказал, что вы, Лев Иванович, хотели меня видеть, — Кулагин довольно улыбался.

— Приятно, что с повышением у тебя не отшибло память, — Гуров многозначительно взглянул на Крячко, но тот, уже направляясь к двери, сказал:

— Я передам Верочке, чтобы она вам кофе принесла, — и вышел.

Гуров и Кулагин были знакомы больше трех лет и, хотя работали в службах, издавна друг с другом враждующих, находились в дружеских отношениях. Не так давно было совершено покушение на лидера думской партии, предотвратил убийство Гуров, а лавры достались Кулагину, в результате чего тот стал начальником отдела. Кулагин не страдал самомнением, признавал, что полковник, как оперативник, выше классом, и относился к нему с почтением.

— Ты коррупцией в верхах занимаешься? — прямо спросил Гуров.

Кулагин пожал плечами, смутился.

— Не имею права вас одергивать, Лев Иванович, но службы у нас разные.

— У нас только начальники разные, а Президент один. Кстати, можешь обращаться на «ты». Я, Паша, с тобой крутить не собираюсь, влез я в историю и оказался на твоём огороде.

Гуров подробно все рассказал, уточняя при этом, что является фактом, а где лишь домыслы. Упомянул об Артеме Дурове, дав ему отличную характеристику. Кулагин слушал внимательно.

— Интересно, Лев Иванович. Мы кое-чем располагаем, но близко подойти не удастся. — Он умолчал, что министр, на даче которого служит Усов, уже давно интересуется контрразведку. — Парень твой, конечно, просто находка, но только в качестве агента. Взять его на службу, даже разговора быть не может. Сам знаешь, начальник отдела таких вопросов не решает.

— Так доложи своему генералу. Артем не станет работать агентом. Либо офицерская должность, либо ничего. Это его условия.

— Смеешься. Не знаю, как кадровые вопросы решаются у вас, а у нас сложно. Он бывший мент — уже минус, уволен за пьянку — конец разговора. Он связан с коррумпированными чиновниками, замешан в убийстве. Хочешь, чтобы меня понизили в должности?

Гуров оценивающе взглянул на Кулагина, неожиданно спросил:

— Слушай, а ты не трус?

— Как сказать? — Кулагин смутился. — Я не совершал поступков, доказывающих, что храбрец. В атаку не ходил, особо опасных один на один не брал.

— Ответ хорош. У тебя есть возможность проверить себя.

— Доложить генералу? Это не проверка, а самоубийство.

— Я тоже не самурай, не предлагаю харакири. — Гуров явно тянул разговор, не решаясь сказать главное. Наконец, понизив голос, словно их могли услышать, он сказал: — А если все представить как разработку? Ввод сотрудника в среду. И что Артем Григорьевич Дуров начал твоей разрабатываться еще два года назад. Его «пьянство» и увольнение из органов организованы. Подставили бывшего опера коррумпированному, уволенному полковнику Усову, который работает в загородном доме министра, где бывают сомнительные личности и высокопоставленные чиновники. Я тебе гарантирую, что там гадюшник. В момент предвыборной кампании вытащить на свет Божий хотя бы одну гадюку, уже большое дело.

— Лев Иванович, вы предлагаете фальсификацию.

— Да, — согласился Гуров. — Но только в бумажном оформлении. Я предлагаю ход, который дает тебе возможность обойти вышестоящих генералов, ни черта в оперативной работе не понимающих.

— Генералов не обойти. Они должны подписать документы, датированные задним числом.

— В случае успеха они получат ордена, а ты, инициатор и разработчик, месячный оклад, в лучшем случае, именные часы. Показать? — Гуров начал снимать часы.

— Ну, ты и змей, Лев Иванович...

Дверь кабинета открылась, Крячко принес кофейник, чашки и вазочку с вафлями.

— Спасибо, Станислав, — Гуров взял у друга поднос, указал взглядом на дверь.

Крячко, сделав обиженную мину, вышел. Гуров разлил по чашкам кофе.

— Тебя совесть мучает или ты за свою задницу боишься?

— С совестью я договорюсь, — Кулагин отпил кофе, вздохнул. — Кресло, конечно, жалко, недавно получил. Но все возможно, все возможно, — Кулагин подумал, что в случае успеха он получит не будильник, а генеральскую должность.

Гуров догадался о мыслях контрразведчика, но простодушно спросил:

— О чем задумался, детина?

— Быть? Или не быть? — рассмеялся Кулагин. — Решаю, с кого из генералов начать? Непосредственный начальник трусоват, а шагнешь через него — можно схлопотать.

— Начинать надо не снизу вверх, а сверху вниз. Иди к начальнику управления, только не бери бумажек, объясняй на пальцах. Он с Коржановым на ножах, быстро сообразит, что к чему. И запомни, мальчик, идеи должны соответствовать должности, ни в коем случае не быть выше. Я тебе подал генеральскую идею, ты должен изложить ее генералу, а он уж воплотит ее в жизнь.

— Здорово! — Кулагин взглянул на Гурова и насупился. — Но сами, Лев Иванович, вы так не делаете.

— Ты со мной не равняйся, — сухо ответил Гуров. — Я говорю, что хочу, потому и опер. А с бойцом ничего не сделаешь, он с передовой и так не вылезает.

— Я и не равняюсь, — сказал обиженно Кулагин, пожимая syllику руку.

Гуров проводил гостя до двери.

— Учти, Артем находится под наблюдением. Думаю, это временное профилактическое мероприятие. Его готовят к выполнению нового задания.

Кулагин уже взялся было за ручку двери, услышав такую новость, остановился.

— Так как же мне с ним встретиться?

— Ты оперативник, сообразишь, — улыбнулся Гуров. — Потом, я не говорил, что от дела устраниюсь. У меня свой интерес.

— Но, может, на него не виды имеют, а подозревают.

— Исключено. Артем котировается очень высоко, просто я тебе не все рассказал.

— Так какого черта, Лев Иванович?

— Спокойно, приятель, — Гуров похлопал контрразведчика по плечу. — Я умолял о хорошей характеристике кандидата, хочу, чтобы он изложил тебе все сам.

Усов расхаживал по своей квартире, из которой ушел пять месяцев назад, сразу после освобождения из тюрьмы. Жена, еще привлекательная, хотя и располневшая, характером совершенно не соответствовала своему внешнему облику домашней хозяйки. Женщина волевая, даже жесткая, это она произнесла решающую фразу: «В этом доме предатели не живут», после которой Усов из дома ушел.

Валентина стояла на пороге, скрестив руки под высокой грудью, и наблюдала за некогда бравым оперативником, всегда носившим под мышкой пистолет. Только позже она выяснила, что его коллеги носили пистолет лишь в случае необходимости и терпеть не могли наплечные кобуры. Она прекрасно понимала, что муж оттягивает момент объяснения, так как правду сказать не захочет, а врать жене не умел.

— Подковник, — во время ссоры она всегда называла мужа по званию, — все вещи на местах, ничего не пропало. Ты можешь сесть. Если хочешь, я тебе для храбрости налью.

— Я уже давно не полковник, — он сел за свой стол. Жена принесла начатую бутылку коньяка, рюмки. — Я перед тобой виноват... Баба была, остальное пришили, — он выпил. — Служебных нарушений полсейфа наберется, так на них вся ментовка держится. Сейчас меня в Думу выдвигают.

Она сердцем чувствовала, он говорит правду и глазом не косит, как обычно. Все мужики одинаковые. Если бы за каждую измену мужчин держали в тюрьме по четыре месяца, то на Москву не хватило бы Черемушек. Подумав так, она фыркнула.

— А с того дня, как взяли, у меня ни одной женщины! — Он широко перекрестился.

— Расскажи, кто и в какую Думу тебя выдвигает? — спросила она.

Здесь легенда была готова, Усов излагал ее гладко, насмешливо:

— Я на правительственной даче обосновался, охранником, — начал он. — Народ там разный бывает, но в основном оттуда, — он указал на потолок. — Хозяин знал, кто я такой, видно, похвастался, что у него ворота бывший полковник охраняет. Замы и даже министр стали при встрече за руку здороваться. Посчитали, что Павел Петрович Усов пострадал от антинародного режима и что он истинный правозащитник, человек смелый и принципиальный, юрист. А на Руси испокон веков пострадавших от властей уважают и любят, давайте его выдвинем в Думу. Я посмеялся, а оно вон как обернулось.

Валентина призадумалась. Одно дело — жена милиционера, иное — супруга депутата.

— Выходит, что Бог не делает, все к лучшему. Тебе необходимо вернуться домой, кандидату в депутаты сторожем служить не положено, — сказала она решительно. — Партия-то какая?

Он назвал.

— Паша, так это же настоящие фашисты! — ахнула жена.

— Ты, родная, лучше молчи. Мы с тобой в партии много лет стояли, и членские взносы платили, и голосовали.

— Иначе нельзя было, да и от наших поднятых рук ничего не зависело.

— Думаешь, меня зовут решать чего? Кнопки нажимать. И ничего от моей кнопки не изменится. А я тебе, как профессионал, скажу, банда — всегда банда, законы везде одни. А Дума — лишь большая банда. Лица да разговоры разные, а мысль одна — как себе урвать

— Мы ничего менять не будем, — решительно заявила жена.

— Ты пока не депутатша, а жена уволенного мента, и хвост раньше времени не поднимай, — Усов удивился, с какой легкостью победил своенравную супругу, наполнил рюмки, чокнулся: — Давай за нас, двадцать лет прожить и не поссориться, так лишь в сказках случается.

Она увидела, что муж ее неувовимо изменился, в нем появилась уверенность, незнакомая ей до сегодняшнего дня, твердость. А у него ведь теперь ни мундира, ни служебной машины, ни любимого пистолета.

Наступал вечер. Казино наполнялось. Артем Дуров сидел за стойкой бара, пил сок, сортировал прибывающих гостей. Он не разбирался в моде и стоимости костюмов и галстуков, оценивал людей по походке, сложению, когда парни приближались к стойке, определял по выражению лица и глаз. Ну и по тому, как и что люди заказывали и платили. Он уже давно понял, что богатые не держат деньги в карманах брюк, купоры не мнут, не бросают, чаевые дают умеренные, некоторые забирают со стойки даже мелочь. За время работы в казино он стал лучше относиться к богатым. Они были спокойнее, доставляли меньше хлопот, редко напивались и скандалили.

Артем позвякивал ледышками в стакане с соком, наблюдал за публикой и вспоминал свой разговор с Гуровым. Предложе-

ние милицейского полковника было заманчивым, но нереальным. Гэбзшники не возьмут в штат человека с такой биографией, а тут еще «наружка» повисла. Правда, сегодня утром Артем наблюдения не заметил, возможно, охранники после убийства Сабирова проводили обычную профилактическую работу, проверяя, не начнет ли объект дергаться, не встретится ли с кем-нибудь. Все возможно. Только после встречи с Гуровым прошло уже четыре дня, и Артем все меньше верил, что к нему выйдут на связь.

Он получил от Усова тридцать тысяч зеленых, деньги неплохие, но по сравнению с ожидаемыми, пустяшные. Использовали и перевели на запасные пути, рассудил Артем. В случае необходимости вновь обратятся. Дело дрянь, могут завязать в мокрое, тогда дороги назад не будет. Он нервничал, хозяин, Борис Петрович Гай, от разговора уклонялся, ссылался на занятость. Усов совсем с ума сбрендил, поверил сказочкам, готовится к предвыборной кампании в Думу.

К бару подошла незнакомая пара. Артем их раньше в казино не видел. Мужчина заказывал выпивку, а женщина, приблизившись к Артему, игривым тоном спросила:

— Скучаете, Артем Григорьевич? — достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку, протянула ее охраннику. — Поухаживайте за дамой.

Артем взял зажигалку, почувствовал в руке плотную бумажку, видимо, визитку, быстро переложил ее в другую руку.

— Здравствуйте, — растерянно проговорил он, щелкая зажигалкой, — мы рады видеть вас в нашем скромном заведении, заглядывайте чаще.

Женщина кивнула и вернулась к своему спутнику. В это время бармен снял телефонную трубку. Взглянув на Артема, кивнул ему на дверь в служебные помещения. Ну вот, то никого, то все разом, подумал Артем. Он положил визитку в брючный карман, где лежала складная дубинка, пистолета он принципиально не носил.

Хозяин, как обычно, разговаривал по телефону, вошедшему охраннику кивнул, указал на кресло. Артем взглянул на тяжелые шторы, закрывающие окна, демонстративно отдернул одну, только потом сел. Хозяин закончил разговор, положил трубку. Артем начал разворачивать жвачку.

— Сегодня у меня был заказчик, благодарил, сказал, что вопрос улажен. — Чувствовалось, разговор Гаю крайне неприятен. — Надеюсь, вы теперь смените место работы.

— Лучше меня вы не найдете.

— Знаю. — Хозяин откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, лицо его выглядело усталым. — Мне такие дела не по нраву, я делец и только, — он выдвинул ящик стола, достал конверт, протянул через стол. — От меня лично, в знак симпатии.

— Спасибо, — Артем опустил конверт в карман. — Учтите, после происшедших событий в определенных кругах ваш авторитет увеличился. — Артем подумал, вот отличный кандидат на вербовку.

— Кого-то убили? — спросил хозяин так тихо, что Артем понял смысл лишь по движению губ.

— Мы ведем бессмысленный разговор. — Артем поднялся. — Пока я остаюсь работать у вас.

Он покинул кабинет хозяина и направился в туалет. Закрывшись в кабинке, достал полученную визитку. Прочитал: «Кулагин Павел Юрьевич» и номер телефона, ни адреса, ни должности на ней указанно не было. Комитет, понял Артем. Значит, Гуров свое слово сдержал и определенного успеха добился. С ним решили встретиться и поговорить, стало быть, он еще чего-то стоит.

Он вышел в зал, осмотрелся. Связная со своим партнером играли в рулетку. Артем встретился с женщиной взглядом, понял, что следует подойти. Когда он оказался у них за спиной, услышал ее беспечный голос:

— Дорогой, надеюсь, завтра с утра ты мне позвонишь.

— Обязательно, — ответил мужчина и сделал ставку.

Гуров назначил встречу с Михаилом Захарченко у касс кинотеатра «Варшава». У кинотеатра стояло много машин, так как через дорогу располагался вещевого рынок. Мишка крутился возле торговых-одиночек, деловито расположившихся у самого кинотеатра, заметив Гурова, прошествовал мимо. Сыщик достал сигарету, щелкнул зажигалкой. Прикрывая огонек от ветра, присмотрелся к окружающим.

В такой сутолоке наблюдение заметить трудно, и Гуров неторопливо пошел следом за Михаилом. Захарченко выглядел совсем взрослым, черное кожаное пальто чуть ли не до пят, модный шарф, хорошо пострижен. Деловой, да и только. А почему он не в армии? — подумал Гуров, глядя, как Михаил отпирает сверкающий «мерседес». Судя по модели, «мерсу» было лет двенадцать, но если иномарку хорошо мыть, она всегда смотрится шикарно. Новенький, но изрядно заляпанный грязью «пежо» Гурова стоял неподалеку, выглядел значительно скромнее.

Гурову торговая суетня не нравилась, здесь невозможно определить, ведется за Михаилом наблюдение или нет. Он достал из кармана устройство, определяющее наличие следящей или прослушивающей электроники, прошел мимо «мерса» Михаила. Аппаратик заработал. Значит, телефон парня прослушивается, о их встрече знают. Уголовники раньше не пользовались подобными методами. Либо времена изменились, либо Михаил Захарченко попал в поле зрения спецслужбы, подумал сыщик. Он подошел к торговцу и стал выбирать носки, которые действительно хотел купить. Он стоял так, что, сидя за рулем, Михаил его видел. Гуров подал условный сигнал, что встреча отменяется, купил носки, сел в «пежо» и уехал.

Глава одиннадцатая

Генерал Орлов, Гуров и Крячко собрались в кабинете замминистра Бардина.

— Здравствуйте, господа, присаживайтесь. Лев Иванович, может курить. — Замминистра вышел к гостям, каждому пожал руку.

— Ждем иностранцев, — шепнула Крячко, указывая взглядом на стол, уставленный бутылками со спиртным и вазами с фруктами.

Орлов сердито засопел, дел и так невпроворот, а придется рассуживаться с гостями; непозволительная роскошь.

— Мы ждем высоких гостей из Интерпола, а пока я хотел бы выслушать все, что удалось сделать по делу, которым вы сейчас занимаетесь. Петр Николаевич, я просил вас захватить материалы. — Бардин сел во главе стола, налил себе воды.

Орлов взглянул на Гурова:

— Докладывай.

— Розыск организации, условно названной «Бюро добрых услуг», мы начали девятнадцатого сентября. Наши аналитики пришли к выводу, что...

— Лев Иванович, вступление можете опустить, — сказал Бардин.

— Докладывай лишь о сделанном. А как промазали, никого не интересует, — буркнул Орлов.

— Тогда получится, мы две недели сидели в кабинете и играли в морской бой, — заметил Крячко.

Бардин рассмеялся.

— Не прибедняйтесь, кого-то все-таки выявили...

— Усов Павел Петрович, уж этого выявлять не требовалось. Дуров Артем Григорьевич, бывший капитан милиции, старший опер. Гай Борис Петрович, хозяин казино, о нем скажу позже. Ямщиков Яков Семенович, старый знакомый, уголовный авторитет. Аким Леонтьев, то же самое. Некто Самойлов Виктор Сергеевич, скромный телемастер, дал взаймы два миллиона долларов. Он не наш человек, клиент налоговой полиции. Еще вышли на Сабирину, но его убили.

— Известно, — Бардин кивнул. — Почему не рассказываете о покушении?

— Не ваш уровень, Николай Ильич, — ответил Гуров. — Мы определили министерскую дачу, где собирается интересная публика, но это компетенция контрразведки.

— Которая, в отличие от вас, работает успешно. Курите, Лев Иванович, не стесняйтесь.

— Спасибо, бросил.

— Контрразведка внедрила в окружение министра Юрченко своего человека.

Гуров чуть было не схватился за голову, но вовремя сдержался. Крячко пробормотал, что неплохо бы узнать и фамилию внедренного. После неловкой паузы Гуров продолжил:

— На основе полученных данных можно предположить — некая организация, верхушка которой теряется в самых высших сферах. Нам известна лишь нижняя ее часть, сконструированная по вертикали. Имеются боевики-исполнители, их берут «взаймы» у авторитетов. Полагаю, имеется несколько чистильщиков, людей, воевавших в Афганистане, Чечне, выброшенных из элитных подразделений типа «Альфа», «Вымпел». Они ликвидируют неудобных. Бывшие менты, типа Усова и Дурова, занимаются разработкой получения наличных денег. В этом звене, как

мне кажется, людей у них не хватает. Выше рангом — Гай и «телевизионщик» Самойлов. Они самые хитрые, потому наименее уязвимые. Располагают мощными связями в финансовом мире, знают о махинациях коллег и, главное, кто не может получить деньги.

— В газетах ежедневно пишут о сделках в сотни миллионов, — Бардин смотрел на Гурова недоверчиво. — А тут за два миллиона убивают людей...

— На предвыборную кампанию необходимы живые, хрустящие бумажки.

— Гуров может взять связного генерала Коржанова. Хотите такого получить? — неожиданно предложил Крячко.

— Лев Иванович, это правда? — Бардин заволновался.

— Я могу изобличить одного майора. Удалось записать его разговор, в котором он называет генерала Коржанова. Но потребуется многих допрашивать, и, боюсь, этого нам не позволят. Мы уперлись в стенку, огораживающую дачу зачуханного министра, не можем даже допросить майора из охраны. Прошу меня от данного дела освободить.

— Не будем пороть горячку, Лев Иванович. В каждом деле встречаются непредвиденные сложности...

В кабинет проскользнул адъютант, доложил:

— Господин заместитель министра, к вам прибыли из Интерпола. Просить?

— Проси! — Бардин повернулся к Гурову: — Кстати, это не ко мне прибыли, а к вам, Лев Иванович. Можно сказать, персонально прибыли.

— Ничего странного, — заметил Крячко. — Если человеку требуется операция на сердце, он обращается к хирургу, а не к министру здравоохранения. — Казалось, он умышленно нарывался на скандал.

В кабинет вошли Юрий Петрович Еланчук, в прошлом подполковник первого разведывательного управления КГБ, ныне сотрудник Интерпола, и мужчина лет пятидесяти с внешностью затравленного учениками преподавателя.

— Здравствуйте, господа, — сказал Еланчук. — Разрешите представить моего коллегу Пьера Руссо. Он занимается проблемами терроризма, по-русски как бы начальник отдела по Европе.

Еланчук подмигнул Гурову, представил французу присутствующих. Пьер Руссо слегка задержал руку Гурова, взглянул на него с интересом, что-то сказал по-французски. Еланчук переводить не стал, пояснил:

— Месье Руссо неплохо понимает по-русски, но говорить стесняется. Я вам в общении помогу.

— Коньяк, виски? — предложил Крячко.

— Немного виски, много льда, — ответил Руссо с сильным акцентом.

— Лед в России вчера кончился, — пробормотал Крячко, наливая виски. — Николай Ильич?

— Коньяк, но я сам налью, — ответил Бардин.

Еланчук открыл кейс, достал тонкую папочку, положил перед собой на стол.

— Как вы понимаете, господа, приятных известий мы вам не привезли. Уже несколько лет, точнее, пять лет и семь месяцев Интерпол разыскивает некоего террориста. На его счету семь терактов и более ста человеческих жизней. О его делах вы сможете узнать из этого досье, — Еланчук передал папку Бардину. — По имеющимся у нас данным, он находится сейчас в России. И мы посчитали, что, учитывая вашу напряженную политическую обстановку, не исключена возможность, что Ян, так мы его условно называем, прибыл в Россию со специальным заданием. Ян не принадлежит ни к одной из известных нам террористических группировок. Он одиночка, работает по найму. Сидел в вашей тюрьме, имеет связи в криминальной среде Америки и Германии. Был арестован в США, имеется его фотография, но полиция Сан-Франциско допустила ошибку. Террориста приняли за обычного налетчика, потому что его отпечатков пальцев в картотеке не имелось. Фотография нам ничего не дает. Экспертиза установила, что преступник сфотографирован в гриме. Достоверно нам известно лишь следующее: возраст около сорока лет, рост сто семьдесят шесть, атлетическое сложение, европейский тип лица. Но, как вы понимаете, внешность изменить не проблема. — Еланчук замолчал, пригубил рюмку коньяка.

Пьер Руссо тихо заговорил по-французски. Еланчук согласно кивал, поглядывая на Гурова и улыбаясь.

— Мой шеф удивлен вашим спокойствием. Считает, вы недооцениваете опасность приезда к вам террориста, — перевел Еланчук, вновь улыбнулся Гурову, явно что-то недоговаривая.

— Объясни своему шефу, что в России ежедневно бомбят...

— Это переводить не следует, — быстро сказал Бардин.

— Не переведу, господин заместитель министра. Но что происходит в России, известно всему миру. — Еланчук мило улыбнулся. — Сегодня у нас состоится встреча с начальником вашей контрразведки и помощником Президента по безопасности.

— Приятно, что свои встречи вы начали именно с нас, — Бардин тоже попытался улыбнуться. — Видимо, потому, что вы когда-то работали вместе с полковником Гуровым.

— Не совсем так. Мы считаем, что именно криминальная полиция имеет наибольшие шансы выйти на след преступника. Он не мог через несколько границ везти с собой взрывчатку, значит, должен получить ее в России. А господина Гурова знаю не только я. Сыщик известен и в Германии, и в США.

— Гуроф, хорошо! — Руссо показал большой палец и вновь быстро заговорил по-французски.

— Конечно, конечно, переведу! — Еланчук похлопал своего шефа по руке, повернулся к Бардину. — Мы не смеем занимать ваше время, господин заместитель министра, — и поднялся.

Бардин пожал французу руку, остальным кивнул. Когда все вышли, он выпил рюмку коньяка и сплюнул.

— Деваться от этого Гурова некуда.

Все перешли в кабинет Орлова. Генерал воинственно проинес:

— Вы, Юрий Петрович, считаете, что у меня времени больше? Никакого кофе! — рявкнул он Верочке, которая стояла в дверях. — Поддай в кабинет сыщиков, их только что освободили от дела. Лодыри!

— Прошу, прошу, господа! — Крячко взял француза и Еланчука под руки. — Чем меньше кабинет, тем больше результат.

Еланчук переводил, француз хохотал, видимо, смешлив был от природы.

— Лева, ты чего наделал? — возмущенно спросил Орлов, закрывая за ними дверь. — Они не знали, как от тебя избавиться, а ты сам лично попросил освободить тебя...

— Петр, неужели ты думаешь, я не догадался о цели нашего вызова? — перебил Гуров. — Бардину приказали Гурова убрать. И ему либо выполнять, либо подавать в отставку. Полагаешь, министр станет бодаться с президентским любимчиком из-за какого-то полковника?

— Но ведь ты мог это дело дожать!

— Мог, но не мог, бабушка надвое сказала. А так я отстранен, с меня взятки гладки. А что можно сделать, я и так сделаю.

— Ты зачем приехал, Юрий Петрович? — спросил Гуров, заходя в свой кабинет. — Считаешь, реально найти в России человека, не зная о нем ничего? Что он может взорвать в Москве, и на кого взрыв произведет впечатление? И, главное, кто ему заплатит за такую работу?

— Я тоже люблю задавать вопросы, — Еланчук посерьезнел. — В Израиле, Кельне и Мюнхене взорвали детские школы, ни одна террористическая организация в мире не посмела взять на себя эти преступления. Мэры подали в отставку, а правительства пошатнулись. Подобный взрыв в Москве способен привести к власти фашистов. Если маньяк совершит что-либо похожее в Москве накануне выборов в Думу, ты понимаешь, что произойдет?.. Пресса раструбит, что Президент был предупрежден, но мер не принял. Он не контролирует ситуацию... Глядя на залитые детской кровью экраны, люди поднимут на руки Бисковитого. А может, найдут кого и похуже. Вы раскочакали Россию до того, что достаточно спички...

— Слушай, ты, Иисусик! — рявкнул Крячко. — Мы живем в этом доме, на этой земле. Мы не сбежали в Вену! А ты прилетел из рая и про качающуюся Россию рассказываешь?

— Юрий Петрович, спросите своего шефа, в Интерполе существуют еще какие-нибудь данные о террористе? — спросил Гуров. — Что-нибудь о его прошлых связях в России, манере одеваться, вкусы, привычки, какое у него сегодня может быть подданство?

— Я думает... Много думает, — сказал Руссо и продолжил по-французски.

Еланчук начал переводить.

— Убийца проживает постоянно в Вене. Он меняет цвет волос, но на самом деле — блондин, глаза голубые или серые, хо-

рошо говорит по-немецки. В России он не будет выдавать себя за русского. Хороший русский паспорт трудно приобрести, а ваши пограничники очень внимательны. Они могут пропустить подделку иностранного паспорта, но не российского. Кроме того, он приобрел манеры иностранца. Соответственно будет и одет. Поселится в отличном отеле, закреплять за собой машину не станет. Скорее всего именно таким образом его обнаружат ваши люди и выплатят ему аванс. Без аванса в двести-триста тысяч долларов он не работает, берет только наличные.

Француз замолчал. Гуров и Крячко переглянулись.

— Невероятное совпадение, — пробормотал Станислав.

— Тогда деньги он уже получил за границей. Не станет же он везти через нашу границу чемодан долларов!

— Значит, деньги вывез человек, не подлежащий таможенному досмотру, — заметил Крячко.

Гуров сделал другу знак, мол, помолчи, и сказал:

— Я вижу лишь один путь, по которому могла пройти в Москву информация о террористе. Вопрос, как к этому источнику добраться?

— На террориста мог выйти резидент нашей разведки, — предположил Крячко. — Кадровый разведчик или агент нашупал нужного человека, собрал на него компромат и предложил резиденту на вербовку. Резидент доложил в Москву, шифровка легла на стол...

— Поверьте мне, человеку, проработавшему в ГРУ не один десяток лет, — сказал Еланчук. — Подобных террористов не вербуют, а передают местным властям.

— И вербуют того сотрудника, которому горячий материал передали, — закончил Гуров.

— Устанавливают с ним приятельские отношения, — поправил Еланчук. — Скрыть подобную информацию — опозориться на весь мир.

— Если такого подонка зацепить, через него можно выйти на руководителей террористических организаций.

— Во-первых, они известны. Во-вторых, человек, вступивший в контакт с нашим террористом, в живых не останется, — возразил Еланчук.

— А кто сказал, что он еще жив? Но информация пошла от него и достигла Москвы. С ней тут распорядились по-своему. Наша задача ее обнаружить.

— Такие агентурные данные нам никто не сообщит. Это стриптиз и конец политической карьеры, — убежденно произнес Еланчук.

— Добровольно не сообщат, — согласился Гуров. — Но заставить можно.

Еланчук перевел разговор французю. Пьер Руссо долго молчал, затем спросил:

— Кто конкретно будет вести переговоры?

— Вы, господин Руссо. Вы же встречаетесь, согласно договоренности, с помощником Президента по безопасности, — ответил Гуров.

— Я могу лишь сообщить о цели своего визита и о возможном теракте, — француз развел руками. — О предположениях, которые вы сейчас высказали, даже намекнуть не смогу. Они слишком серьезны, а я не располагаю достоверной информацией. При всем уважении к вам, господин полковник. Извините.

— Я понимаю, — Гуров согласно кивнул. Гости раскланялись.

Крячко пошел их провожать. Гуров позвонил подполковнику Кулагину. После взаимных приветствий и общих фраз он произнес:

— Необходимо срочно встретиться.

— Извини, Лев Иванович, но мне рекомендовано не поддерживать с тобой рабочих отношений.

— А дружественных? — поинтересовался Гуров. — Я не собираюсь говорить о проводимой вами операции.

— Понимаешь, если нашу встречу засекут, мне никто не поверит, что ты не интересовался нашими делами.

— Сделаем проще. Я сейчас приеду к тебе совершенно официально, и ты запишешь нашу беседу на магнитофон. У меня только что состоялся разговор с сотрудником Интерпола. Они сегодня встречаются с помощником Президента, завтра будут у вас. Ты лишь раньше и полнее будешь осведомлен о происходящих событиях. Мне же нужно лишь одно, чтобы твои люди начали работать сегодня, а не через два дня.

— В таком случае приезжай, я доложу генералу.

— Прекрасно, скажи, что ему нелишне будет присутствовать при нашем разговоре.

— Здравствуйте, Лев Иванович, рад познакомиться. Володин Степан Сидорович. — Рукопожатие генерала при его округлой мягковатой фигуре показалось неожиданно сильным.

— Здравия желаю, господин генерал, — Гуров повернулся к Кулагину. — Привет, Павел Юрьевич.

— Здравствуйте, Лев Иванович, — Кулагин указал сыщику на кресло. — Что стряслось?

Гуров понял, что приятель предупреждает — с генералом следует держать ушки на макушке, не расслабляться.

— Давайте без предисловий, к шестнадцати меня вызывают в верха.

— Коржанов пригласил? — спросил Гуров. При упоминании фамилии Коржанова в лице контрразведчика что-то дрогнуло, он на секунду прикрыл глаза. Гуров подробно рассказал о встрече с сотрудниками Интерпола.

— У Интерпола имеется отделение в Москве. Что же они не сообщили по своим каналам, а послали двух сотрудников? — удивился генерал. — Один из них, как я понял, отнюдь не рядовой, по нашей иерархии — вроде начальника управления. Чем все это объясняете?

— Они считают Россию сегодня зоной повышенной опасности. И предполагают, что в преддверии выборов в Госдуму и невысокой популярности Президента теракт особой жестокости может привести к непредсказуемым последствиям. — Гуров взглянул на молчавшего Кулагина и понял, что сказал лишнее.

— Выражение «непопулярность» произнесли они? — быстро спросил контрразведчик.

— Нет, это мое личное мнение.

— Опасное мнение, полковник, — усмехнулся генерал. — Кончите свою жизнь на нарах.

— Ошибаетесь, Степан Сидорович, я кончу свою жизнь в крематории, — огрызнулся Гуров. — Я считаю, ваши люди должны начать работать прямо сегодня, немедленно. Это в ваших же интересах.

— Очень интересно. Милиция дает указания контрразведке. Продолжайте, я весь внимание.

— Террорист поселился в гостинице интуриста, которую обслуживают ваши подготовленные люди. — Гурову прекрасно было известно, что на обслуживании гостиниц спецслужба держит пенсионеров и стажеров, иногда про штрафованных, которые только пьянствуют да берут мзду с проституток. — У вас прекрасные люди, господин генерал, — продолжал Гуров, открыто глядя в глаза контрразведчику. — Одинокий мужчина прибыл дня три назад, европеец. Предположительно, австриец или швед, понимает по-русски. Сорок лет, рост сто семьдесят шесть, глаза светлые, хотя возможны линзы, блондин, красится, думаю, не станет, в России блондин, что на Кавказе брюнет. Сложение атлетическое. По таким приметам ваши ребята найдут его в течение суток.

— На каком основании задерживать?

— Никого задерживать не надо. Мы начнем разрабатывать.

— А при чем тут милиция, если работать будет только контрразведка? — удивленно спросил генерал.

— Ну если наша помощь не понадобится, желаю удачи. Тем более что в случае провала и отвечает контрразведка.

— Спасибо за информацию, — генерал встал, руки не подал. — Доложу по инстанции, будем думать.

— Всегда рад помочь коллегам, — поклонился Гуров.

— Подполковник, — генерал взглянул на Кулагина, — зайдите ко мне через пять минут, — демонстративно взглянул на часы и вышел.

— Ну, ты даешь, — выдохнул Кулагин. — Полагаешь, он после такого разговора пальцем шевельнет?

— Нет, конечно, — ответил Гуров. — Такому нужна бумажка. Но после Кремля он закрутится. А когда через трое суток у него появятся несколько десятков подозреваемых, ноль результата и возникнет страх, генерал вспомнит, как меня зовут, и засунет свое самолюбие так глубоко, что его ни один хирург не отыщет.

Окончание следует.

Высокие, элегантные, обворожительные – они скользят по подиуму, замирают, чтобы одарить нас своим сиянием.

Их танцующая походка, вздернутый подбородок, загадочная и ослепительная улыбка сводят с ума тысячи юных (и не очень...) поклонников.

Их жесты, поворот головы, взгляды девочки заучивают, как отличницы заучивают геометрические аксиомы. Они – топ-модели. Лучшие, сверхлучшие, супер. Они – кумиры, божества.

А в общем-то, они обычные, не всегда счастливые женщины, которые чертовски устают и которым, порой, хочется разорвать этот слепящий световой круг. Но именно их выбрал Господин случай из сонма жаждущих соприкоснуться с божеством Высокой Моды, и именно их имена стоят рядом с именами всемирно известных модельеров.

ГЛАНЦЕВЫЕ ДЕВОЧКИ
НАТАЛЬЯ ЩЕРБАНЕНКО

...Могла ли семнадцатилетняя домашняя девушка Клаудия Шиффер предположить, что на дискотеке ее заметит сотрудник модного журнала? Знала ли Христи Турлингтон в 13 лет, натаясь с сестрой на лошадах, что ее грациозность привлечет внимание фотографа? Предполагала ли юная Нейт Мосс, что случайная встреча в аэропорту Нью-Йорка с представителем модельного агентства перевернет ее жизнь? Что чувствовала Синди Кроуфорд, отвергнутая многими модельными агентствами из-за родинки над губой, когда косметическая фирма «Revlon» предложила ей четырехлетний контракт на 4 миллиона долларов?

Успех складывается из многого, не зависящего напрямую от модели. Одна из составных – профессиональный фотограф, который сделает из просто хорошенькой девушки сверхженщину. Мастер, увидевший в Клаудии новую Брижит Бардо и предложивший фотографии фирме «Guess», во многом определил ее будущую карьеру. Линду Евангелисту другой профессионал научил держать рот слегка приоткрытым, чтобы скрыть тонкие губы.

Индустрия моды руководит ими. Богатые фирмы заключают с девушками эксклюзивные договоры, согласно которым модели не имеют права в течение определенного времени рекламировать продукцию других фирм. (Впрочем, зависимость от своих «хозяев» сегодня у девушек минимальна по сравнению с их предшественницами – те целиком и полностью зависели от своих работодателей...)

Их по-прежнему называют «девочками», хотя нынешнее поколение топ-моделей начисто разрушило представление о модели и манекеннице как о безликой вешалке. Многие люди, собираясь на показ коллекции одежды, идут именно «на них».

Они сами решают свою судьбу, держа в руках контракты на миллионы долларов. Теперь, оказавшись на вершине, они могут позволить себе самим выбирать, где и у кого сниматься. Тут и заканчивается их зависимость от множества обстоятельств, начинается самостоятельная карьера, успех которой зависит от них.

Собираясь на сеанс фотосъемки, они сами принимают деятельное участие в работе фотографа. «Если фотограф что-то делает не так, мне приходится объяснять ему, что и как лучше сделать, потому что, увидев дурную фотографию, никто не скажет, что плохо фотограф, решат, что это я выгляжу ужасно», – говорит Синди Кроуфорд.

Они знают цену своей улыбке и, будучи сами себе продюсерами, решают, какие съемки и показы достойны их.

Прошло то время, когда создатели моды для публичных показов прибегали к услугам только собственных манекенщиц; сегодня они приглашают для шоу самых известных девушек, чьи лица изо дня в день мелькают на журнальных страницах. Модели перелетают из города в город, с континента на континент, где их ждут гонорары, публики и баснословные гонорары. (Кстати, уметь нравиться в любой точке земного шара – это тоже искусство, и супермодели им владеют вполне...)

Термин «супермодель» впервые употребил в сороковых годах Клайд Мэтью Деснер, владелец небольшого агентства. Сегодня модель и манекенщица уже не профессия, это – стиль жизни.

Тысячи юных девушек, не лишенных элементарной привлекательности, спят и видят свое личико на обложке модного журнала. Диета, гимнастика, щепетильный уход за собой. Практически каждая имеет шанс стать «звездой» точно так же, как и остаться неизвестной. Модель

середины девяностых должна быть ростом не меньше 175 см, стройной, иметь пухлые губы, большие светлые глаза, длинные ноги и крупный бюст.

Сегодняшняя модель, а тем более топ-модель, знает себе цену: «Мы прекрасно осознаем свое могущество, — считает Кристи Турлингтон. — Именно мы делаем для фирм, которые нас нанимают, тонны и тонны денег, и мы знаем об этом». Точно так же и владельцы фирм знают: миловидное лицо супермодели рядом с их продукцией обеспечит фирме ошеломляющий успех. На их фоне хорошо будет смотреться любой товар. А потому не жалуют денег, и ведущие модели входят в списки самых высокооплачиваемых людей мира.

И их лицам привыкли; модель и фирмы неразлучны — Изабелла Росселини и «Lancom», Ники Тэйлор и «Cover Girl», Клаудия Шиффер, Синди Кроуфорд и «Revlon». Стать «лицом» косметической фирмы большая удача для девушки. Не меньшая — рекламировать товар какой-либо другой фирмы, обязательно знаменитой. Кейт Мосс — тощая и невысокая, прозванная гадким утенком и лягушонком, после рекламы джинсов «Calvin Klein» взлетела на вершину популярности и ее стали приглашать участвовать в дефиле ведущие модельеры.

Колоссальный успех модели из России Ольги Пантюшиной определил контракт с фирмой «Chacharel» на рекламу духов «Eden».

...Первой манекенщицей-лично можно назвать Лесли Хорнби, известную миру как Твигги. Она имела умопомрачительный успех, и миллионы женщин стремились походить на невероятно худую девушку с огромными глазами. Твигги, что в переводе означает «тростинка», пользовалась бешеной популярностью, ее называли символом шестидеся-

тых годов. Но мода «на крайности» не держится долго. За коротким взрывом успеха — тишина неизвестности. Сегодня Твигги вспоминают лишь в связи с восхождением на небосклон моды тощей невысокой Кейт Мосс, которая на фоне полногрудых манекенщиц — просто иная.

Твигги же была единственной...

Впрочем, каждая из топ-моделей неповторима. Объяснить, почему именно та или иная девушка из толпы томных длинноногих красавиц оназдалась на «крыше мира», — невозможно. Та, что впереди, совсем не обязательно красивей, обаятельней, безупречней других; просто она — одна.

Как вы думаете, без чего не представляют свою жизнь ведущие модели? Без роскошных отелей, миллионов роз и дорогих платьев? Вовсе нет. Дня начала модель не может обойтись без... сумочки для косметики. Далее следует минеральная вода: ее стройненькие девушки пьют вместо еды. Кроме того, они умывают той же минералкой лицо и освежают волосы. Дальше — солнцезащитные очки (наличие яркого солнца не обязательно), они должны быть темными, дорогими и с лейблом фирмы-изготовителя.

Униформа моделей — что-нибудь черное. Оно и понятно — худит! Кроме того, вездесущие журналисты так и норовят «щелкнуть» красавицу, когда она этого не ждет. Черная одежда позволяет максимально сократить риск выйти на снимке с животиком.

Кстати, фотографы фотографам рознь. Те, кто работают не для модных журналов, а для популярной прессы, зарабатывают свои деньги тем, что снимают известных людей врасплох, в самых неожиданных, порой пикантных, ситуациях.

Модели, чья внешность — их капитал, не могут позволить себе «получаться» малопривлекательными даже на любительских снимках. Тем

не менее это случается довольно часто, ведь модели такие же люди, как и все. И когда вокруг нет армии визажистов, осветителей, профессиональных фотографов, они выходят на фото такими же, как и вы, когда рвете снимок на мелкие части и грустите по поводу того, что природа вам явно чего-то недодала...

Модели умеют ненавидеть. Например, молодых, что наступают на пятки; дизайнеров и модельеров, которые общаются девушкам, что она пополнила; критические дни месяца (еще бы! Попробуйте ходить по подиуму в бикини, когда настроение ни к черту...).

Однако те, кто занимает приблизительно равное положение на вершине популярности, между собой дружат. Весной прошлого года в Нью-Йорке три дивы – Клаудия Шиффер, Наоми Кемпбелл и Эль Макферсон – открыли собственное кафе. Вход в него похож на объект фотокамеры. В меню – диетические блюда, в вниманию посетителей, потребляющих легкие салатики и напитки без сахара, – видеозаписи самых интересных показов одежды ведущих дизайнеров. Не так давно и удачливой троице присоединилась и Кристи Турлингтон, которая снискала в мире моды репутацию самой разумной модели.

Диета – слово номер один и закон номер один в их жизни. Как правило, девушкам приходится ограничивать себя буквально во всем – лишний килограмм «смерти подобен». Мало кто из девушек от природы наделен худощавостью и может позволить себе пирожные и вареную картошку. Модели признаются, что пицца, гамбургеры, мороженое и алкогольные напитки никогда не онажутся на их столе.

Если заглянуть в среднестатистический домашний холодильник модели, то там 32% занимают овощи; 27% – фрукты; обезжиренное молоко – 23%, бутылки с водой – 29%; вообще ничего нет в 15% холодиль-

ников; пиво встречается в 15%; масло меньше, чем в 5%.

Шоколад, мороженое, бифштекс, ужин на ночь – этого не в силах позволить себе девушки, которые практически могут все...

Личная жизнь топ-моделей, конечно же, лишь относительно – личная. О ней знают (даже больше, чем есть на самом деле!) все, кто интересуется модой.

Почти двадцать лет счастливо живут вместе модель Джери Холл и солист «Роллинг Стоунз» Мин Днигер. Темнокожая модель Иман и рок-певец Дэвид Боуи сочетались законным браком в девяностом году. Певец Род Стюарт вот уже пять лет делит свою жизнь с моделью Рашель Хантер...

Помолвлены и собираются пожениваться небезызвестная Клаудия Шиффер и фотоснимок-иллюзионист Дэвид Нопперфильд. Клаудия безукоризненна – в этом не приходится сомневаться. То, что изначально было присуще ей как любой нормальной девушке – любовь к родителям, привязанность к семье, склонность к здоровому образу жизни, – сегодня стало имиджем и приобрело, пожалуй, в чем-то неестественные размеры. Клаудия признается, что звонит маме из любой точки земного шара буквально каждый день и у нее нет от нее никаких секретов, она ничего в жизни не сделает, не посоветовавшись с мамой. Папа Клаудии, немецкий адвокат, ведет финансовые дела своей дочери, вкладывая ее деньги в наиболее выгодные проекты. Клаудия – девушка без недостатков. Она не курит, не пьет, «смена партнеров» не в ее стиле. Разборки и интрижки модельного бизнеса как бы не касаются чистой и светлой Клаудии – она всегда на высоте, милая улыбка не сходит с ее очаровательного лица. У нее стопроцентно незапятнанная репутация. Ее роман с Дэвидом по традиции пытались покрыть горой спле-

тен, но Клаудия вышла сухой из воды. Иллюзионист (38 лет) прочно занимает место рядом с суперневестой Клаудией (25 лет).

В отличие от Клаудии другие звезды подиума не могут похвастаться постоянством в любви. Разошлись дороги Синди Кроуфорд и актера Ричарда Гира. Кэри Оттис, исполнительница главной роли в фильме «Диная орхидея», будучи замужем за Минни Рурком (их роман разгорелся как раз на съемках «Дикой орхидеи»), не раз бывала бита благоверным. Как-то дело дошло до вызова полицейской бригады, после чего они разошлись.

Линда Евангелиста, за годы своей карьеры сменившая общеизвестных любовников, похоже, остановилась-таки на актере Кайле Маклохане, исполнителе роли агента Купера в нашумевшем сериале «Твин Пинс»...

В моду вошли татуировки. Естественно, самые выдающиеся представители модельного бизнеса не обошли вниманием эту новинку. Первый шаг сделала манекенщица Ева Сальвадл, на гладко выбритом черепе которой появился дракон. Более консервативные девушки предпочитают «украшать себя» цветами – розами и подсолнухами. Не отстают по частоте появления на телах красавиц дельфины и ангелы. Модели предпочитают делать «завлекалочку» на щиколотке, на плече и на запястье. «Это украшение, которое всегда с тобой», – говорят они, полагая, что татуировки придают им шарм и добавляют сексапильности. Модельеры не возражают...

Модели любят «обезьянничать». Например, все как одна при появлении на горизонте ненаданных журналистов и фотографов открывают свои сумочки и извлекают на свет тюбики с красной помадой. «Когда у девушки ярко накрашен рот, она вроде как уже и одета», – так незастыдливо объясняют они свое поведение.

Модели страдают от множества вещей...

От прихотей модельеров, заказы-вающих прическу или цвет волос, которые не входят в планы самой модели. (Потом они расходуют немалое количество средств для снятия макияжа. Его порой приходится менять более пяти раз за сутки...) Как и миллионы девушек, топ-модели страдают от предменструального синдрома.

Каждый снимает стресс по-своему. Эль Макферсон, например, покупает ужасные сапоги, в которых она никогда никуда не выйдет. Зато какая разрядка! Впрочем, «глянцевые девочки» могут позволить себе покупать ненужные вещи чаще, чем раз в месяц. В позапрошлом году Синди Кроуфорд заработала 6 миллионов долларов, Клаудия Шиффер – 5,3 миллиона, Кристи Турлингтон – 4,8, Линда Евангелиста – 3 миллиона, Эль Макферсон – 3, Кейт Мосс – 2,2 миллиона долларов.

Диета, занятия спортом, бесконечный стресс перед показами так изматывают девушек, что они не могут отказать себе в привычке курить. Хотя прекрасно знают, цвет лица от этого не становится лучше. Юная Кейт Мосс говорит: «Это добром не кончится. Если меня не убьет рак, то моя мама убьет меня точно». И грустно делает при этом очередную затяжку...

Модельный бизнес в последние несколько лет сильно помолодел. Пятнадцатилетние приходят в мир высокой моды. Взрослые модели относятся к этому не слишком приветливо. Они полагают: для того, чтобы не сломаться, чтобы сформировался внутренний мир, жизненные принципы и отношение к окружающим людям, девушкам нужно подрастать в нормальной обстановке. Мир моды требует невероятных физических и моральных затрат. И кто знает, какими станут лет через пять «звездочки»,

что раньше совершеннолетия достигают успеха.

В молоденьких девочках ищут замену избалованным звездам, которые дорого стоят и много капризничают. Делаящие первые шаги на подиуме нуда более сговорчивы. Юные лица отбираются по принципу похоти на ту или иную топ-модель. Стереотипы здесь ломаются сложно. Чтобы привлечь внимание, нужны новые необычные лица.

Отношение к «обнаженке» у разных моделей разное. Клаудия Шиффер, например, отказалась от 25 миллионов долларов, предложенных ей за интервью по телевидению. Ее возмутил замысел режиссера, согласно которому завершать разговор должен был следующий эпизод: фотомодель, находящаяся за ширмой, лениво вешает на нее платье, чулки, белье и в кульминационный момент предстает перед зрителями в костюме Евы. Продюсер компании, пораженный ее отказом, пытался объяснить, что «такие суммы на дороге не валяются». «Но я должна быть чистой как продукция, которую рекламирую», — отвечала невозмутимая красавица.

А когда один из журналов опубликовал снимки, запечатлевшие ее во время переодевания в студии, разъяренная Клаудия подала в суд на журнал, его издателя и фотографа, требуя возместить ей моральный ущерб — 30 миллионов долларов. (Судебное разбирательство было закрыто после того, как Шиффер получила негативы и извинения...)

Американская парфюмерная компания «Revlon», лицом которой является Клаудия, довольна своим выбором. «Она нужна нам веселой, скромной, застенчивой и непохожей на других суперзвезд, которые в последнее время стали много себе позволять. Постельные сцены и бесконечная смена «друзей» уже никого не удивляют».

Справедливости ради стоит заметить, что «Revlon» имеет и другое «лицо» — Синди Кроуфорд, откровенные фотографии которой в 1988 году появились на страницах журнала «Playboy», и которая вообще несколько не стесняется сниматься в обнаженном виде.

Линда Евангелиста отказывается сниматься обнаженной, полагая, что ей платят хорошие деньги именно за то, что она носит одежду, и делает это так, чтобы одежду эту хотелось купить... Двадцатидевятилетняя нарядна все время меняется. Огненно-рыжая в девяносто первом году, она стала темноволосяй с короткой стрижкой в начале девяносто третьего, а к концу года превратилась в милостивую блондинку со скромным нарядом. Осень 1994 года застала Линду в образе златокудрой дивы, а последний имидж непредсказуемой Евангелисты — жгучая брюнетка. Впрочем, рано говорить о «последнем» имидже. Никто не знает, каким он будет буквально завтра!

Линда уверена, что фотомodelей трудно узнать в уличной толпе. Когда она сама выходит на улицу без грима, прохожие не узнают ее, иногда, правда, говорят, дескать, похожа на... Линду Евангелисту. Только после работы с визажистами и парикмахерами ей удается стать такой, какой знают ее миллионы. Линда обожает моду и может часами стоять неподвижно на примерках, чувствуя, что платье в этот момент принадлежит только ей одной.

К лицам привыкают. Их узнают и боготворят. Но от них устают. Лавировать между этими законами модельного бизнеса не просто. Топ-модели преуспевают и здесь. Надя Ауэрман, знаменитая немка с ногами длиной 115 сантиметров, которая после стремительного превращения из длинноволосой брюнетки в короткостриженную платиновую блондинку резко подняла свои анци, полагает, что смена стилей и есть ее соб-

ственный стиль. Карл Лагерфельд, дизайнер, работающий для Chanel (а его мнению, бесспорно, можно доверять), подтверждает, что Надя современна и таинственна, как великая актриса.

В последние несколько лет Россия обогатила западные подиумы и обложки модных журналов новыми лицами. Выбор этих лиц также определил Случай. Десятки русских красавиц отъезжали на Запад, но возвращались оттуда в лучшем случае с несостоявшимися надеждами. Лишь несколько наших девушек смогли удержаться в бушующем потоке модельного бизнеса. Лариса Бондаренко, Людмила Исаева, Ольга Пантошеннова, Татьяна Соронко принимают участие в дефиле Домов высокой моды наравне с западными коллегами.

Московская шестнадцатилетняя школьница Наталья Семанова, победившая в конкурсе «Look of the Year», что проводится агентством «Elite», в миг завоевала популярность. И сегодня ее миловидное юное лицо не сходит с обложек журналов...

Модельная тусовка пересекается с тусовкой музыкальной. Популярные исполнители не без основания полагают, ничто не украсит лучше видеоряд их музыкального клипа, чем мордашка одной из супердив.

В известном видеоклипе Джорджа Майкла «Freedom» снялись Линда Евангелиста, Кристи Турлингтон и Синди Кроуфорд. Другую его песню – «Too Funky» – где действие разворачивается непосредственно на подиуме, а сам Майкл появляется лишь в конце клипа, украшала целая группа ведущих красавиц – Линда Евангелиста, Надя Ауэрман и Эстель Холидей. Майкл Дженксон неоднократно приглашал сниматься в своих клипах топ-моделей. Партнерами на съемочной площадке у полубелого Майкла были темнокожие

Наоми Кэмпбелл и Иман. Очаровательная Синди в романтическом клипе про Рождество нежно обнималась с солистом группы «Бон Джови».

«Они красивы, поэтому и могут заниматься этим ремеслом, если бы они были умны, то уже не занимались бы им», – говорила легендарная Ноко Шанель о своих манекенщицах.

Времена изменились. Сегодня модели распоряются собой более чем с умом. Большинство девушек не ограничивает свою жизнь участием в дефиле и рекламных съемках. Наиболее деятельные представительницы модельного бизнеса имеют собственное дело, которое помимо прибыли приносит им уверенное положение в обществе. Они доказывают, что их рациональная деловая хватка не уступает их красоте.

Синди Кроуфорд ведет свою программу о моде под названием «House of style» («Дом стиля») на MTV. Она разработала пользующуюся огромной популярностью у женского населения планеты видеопрограмму по шейпингу «Shape you body» («Создай свое тело»). Эль Манферсон имеет собственную линию белья. У Наоми Кэмпбелл в прошлом году вышел роман «Лебедь», повествующий о нравах модельного бизнеса. (Правда, злые языки говорили, что Наоми вряд ли обладает тем же количеством интеллекта, что и красоты, а следовательно, ее авторство весьма сомнительно...) Звезда модельного бизнеса восьмидесятих годов мулатка Иман вновь напомнила о себе, объявив, что начинает выпуск деноративной косметики, разработанной специально для негритянок, мулаток и азиаток.

Даже «глупости» модели делают с умом. Бесконечные романы и последующие размолвки удерживают интерес публики... Красивая, умопомрачительная женщина – в первую очередь просто женщина, которая

умеет чувствовать. Смена бой-френда – преимущественно известных, красивых или богатых – закономерная часть жизни топ-моделей. Звезды вращаются на своем звездном небосклоне, и круг их общения сильно ограничен. Сладкие парочки, необремененные никакими обязательствами, фотогенично целуются, не стесняясь намер, ходят за ручку, посещают светские сборища и кормят журналистов и жадных до подробностей чужой жизни обывателей. Для них очередной роман очередной модели не более чем занятная новость. Для модели, которая бросила или которую бросили, – это жизнь. Топ-модель не имеет права быть грустной, не имеет права показаться на людях с глазами, по которым видно, что она в отчаянии, что вчерашний день она проревела в подушку. У модели все должно быть красиво и легко. Модели – суперкрасивы, и поэтому все, что рядом с ними, тоже должно быть супер. Головокружительные романы, острые чувства.

Настоящими они бывают не часто...

Да, ведущие модели от многого защищены банковскими счетами. В той мере, насколько деньги вообще способны спасти от одиночества. Сотни других, менее известных девушек полной ложкой хлеблют все то, что никак не отнесешь к «красивой жизни».

Сквозь «розовые очки» на свое модельное будущее смотрят сотни и сотни девушек и у нас в России. Забывая, что профессия эта, не менее (а зачастую – куда больше!) чем другие, требует труда и усилий, и что за блестящей внешней стороной существует сторона оборотная...

Для того, чтобы начать путь в непредсказуемое (сказочное?!) будущее, девушке необходимо завести портфолио – альбом с фотографиями в разных ракурсах. Такие фото может сделать только профессионал. Причем стоит это недешево.

Есть вариант пойти в школу моделей и манекенщиц, школ таких нынче множество. Но велика вероятность, что, заплатив большие деньги за обучение, результат получится нулевой – в лучшем случае девушке удастся пройти курс шейпинга и хореографии. Идти в модельное агентство имеет смысл только в том случае, если агентство связано с ведущими модельными фирмами Запада и может порекомендовать ту или иную «выпускницу» для работы за рубежом. (В агентства, что имеют связи со странами Востока, лучше не соваться. Если, конечно, вы не горите желанием работать в одном из ночных баров Тайваня, например...)

Агентства, имеющие прочную репутацию и авторитет, принимают девушек не за деньги – за внешние данные. Но и здесь поджидает большое разочарование: вполне возможно, что вы – стройненькая и очаровательная – не будете приняты, тогда как девушку, которой, на ваш взгляд, явно не мешает похудеть и вообще у нее «кожа в прыщах», берут на «ура». В агентствах работают профессионалы, способные разглядеть в «дурнушке» скрытые достоинства. Так что безупречные параметры далеко не всегда являются гарантом успешной карьеры. Кроме всего прочего, девушка-красавица, от которой без ума все мальчики в школе и во дворе, может быть просто не фотогенична – и тут никакие слезы не помогут.

Ну, а если девушке все же повезло и она поступила в престижное агентство моделей, это еще не означает, что завтра же ей посыпятся предложения от ведущих кутюрье и знаменитых фирм. Ждать предложений порой приходится очень долго – иногда вас пригласят на показ, возможно, предложат двух-, трехдневную работу на выставках, участие в рекламных съемках или съемках видеоклипов. Заработок при удачном стечении обстоятельств может пона-

заться весьма неплохим, но не стоит забывать, что он – разовый и непостоянный.

Тусовочная жизнь российских моделей – жизнь ночная. Ведь дефиле в клубах, где чаще всего и устраиваются показы, начинаются далеко за полночь. Утро плавно перетекает в день, и остается немного времени для того, чтобы забегать в бассейн или солярий, а вечером снова отправляться в ночной клуб, но необязательно для работы. Там собираются друзья и коллеги – модели из других агентств.

Так и проходят ночи за ночами, не позволяя заняться каним-либо серьезным делом днем. Тешить себя иллюзиями, что звездный час вот вот настанет, можно сколько угодно, а время уходит, и нередко к 25 годам привлекательные девушки остаются ни с чем – институт давно брошен, специальности никакой, а контракты с западными фирмами так и остались несбыточной мечтой. Ну а привычка нравиться и быть в центре внимания требует новых обжателей, классной одежды и дорогих заведений...

Такая жизнь долго продолжаться не может. Часто приходится начинать все заново, оставив годы, проведенные в барах и на подиуме, не более чем приятным воспоминанием об эпизоде, что, увы, непоправимо растянулся на несколько лет... Если у девушки есть определенные организаторские способности, то она может рассчитывать на дальнейшую работу в своем агентстве менеджером. Девушки с художественными задатками иногда становятся постановщицами показов моделей одежды. Но это – единицы. Остальных волна выносит «на берег пустой»...

А возвращаться ни с чем домой после несложившейся карьеры за рубежом бывает куда сложнее; проще вообще не уезжать туда. Наши модели при всей своей природной красоте и собранности, по мнению западных кутюрье, имеют привычку

«расслабляться». Подписав контракт, девушка считает, что уже поймала удачу – и гуляй, душа! А через пару месяцев – фигура не та, лицо опухшее, съемки и показы побону... А значит – побону и контракты.

Доходы русских моделей на Западе (не имея в виду самых известных) мизерны по сравнению с тем, что «рисовалось в воображении». И все-таки некая сумма денег в руках располагает к тому, чтобы тратить ее направо и налево, после чего в скором времени оказаться у разбитого корыта. Практичные западные модели, получая на порядки больше, весьма умеренны в своих расходах. Но они для наших девушек с широкой натурой, увы, не пример...

Модель – дорога в удачное замужество. Стереотип этот не проходит испытание реальностью. Действительно, респектабельному молодому или не очень молодому человеку приятно иметь рядом с собой очаровательную спутницу и тратить на нее безумные деньги. Но такая жизнь приедается. И просто красивая девушка рядом уже не устраивает муза или любовница. Поэтому надо быть готовой к тому, что рано или поздно останешься одна. А после роскошной жизни, к которой быстро привыкаешь, одиночество – просто невыносимо. Единичные случаи удачных браков русских девушек и западных миллионеров, как говорится, имеют место быть. Однако это скорее сенсация, исключение, нежели правило. Делать ставку на то, что прямо с подиума ты попадешь в шикарную виллу на побережье – глупо...

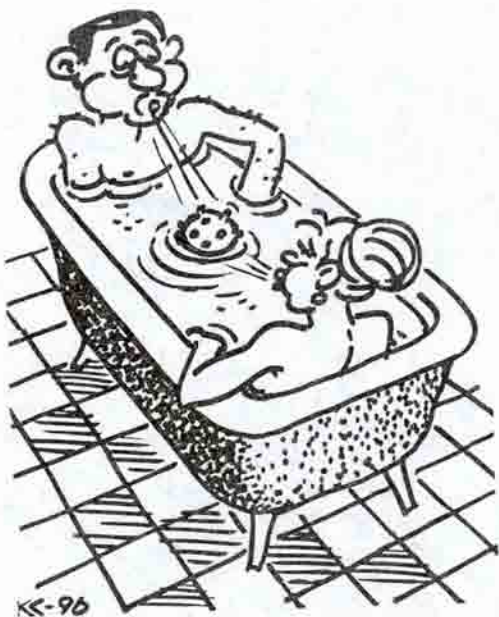
Они, «глянцевые девушки», такие же женщины, как и остальные. Мечтают о семейной жизни, хотят воспитывать детей. И в свете софитов, среди цветов, шикарных нарядов, оглушенные аплодисментами, ни на минуту не забывают о том, что придет время, и их морщины разорвут контракты с фирмами.

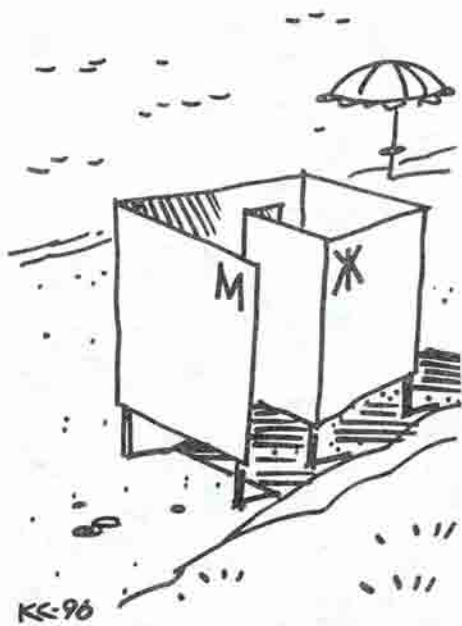
Век моделей недолог...

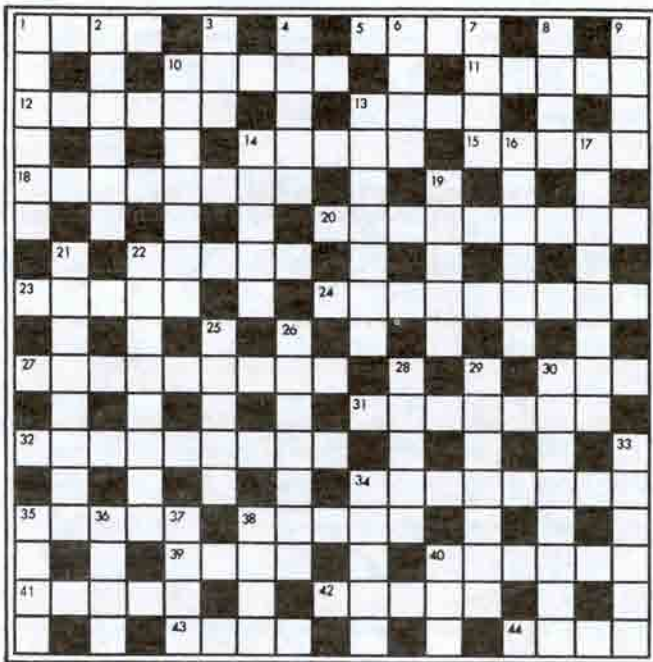

ЗРУДНТ

По горизонтали:

1. «Учебная» музыкальная пьеса. 5: Ящик для руды или угля, не требующий грузчиков. 10. Французский писатель, ставший вторым «отцом» фельетона. 11. Хозяйка таверны, родившая римского императора Константина Великого. 12. Второй по плотности металл. 13. Зверь-строитель. 14. Бог из «Нольца нибелунгов» Р. Вагнера. 15. Одно и то же, одно и то же. 18. Пожиратель муравьев и термитов. 20. Птица, нанюю шахтеры Северной Европы неизменно берут с собой под землю. 22. Азиатское дерево, достигающее десятиметровой толщины. 23. Процентное содержание химического элемента в земной коре. 24. Небесный певец и искусный любовник в индийской мифологии, соответствующий греческому кентавру. 27. Страна, где в конце XIX века были замунем лишь две из каждых пяти женщин моложе двадцати шести лет. 30. Совокупность веры, исполнения религиозных предписаний и совершенствования в искренности веры (ислам). 31. Психический тип с недостатком интуиции, тонкости в понимании других. 32. Центральный персонаж в произведении абсурдной литературы. 34. Густая масса орехов и сахарной пудры, которую делают вдвоем. 35. Художник-француз, знавший цену отечественной поговорке: сомнение – начало мудрости. 38. Нолесина для мебели. 39. Стиль писателя. 40. «Смиранный рябчина» Дальнего Востока. 41. Собачье чувство. 42. Стихотворение А. Алхутина, где «угрюмый лес задумался глубоко». 43. Почва, чье происхождение волновало

В. Обручева. 44. Самая активная часть компонентов в снадобье (индо-тибетская медицина).

По вертикали.

1. Население африканской страны, никому не уступавшей независимости. 2. Королева Нидерландов в 1948-1980 годах. 3. Башкирский напиток с перцем. 4. Александрийский изобретатель, создавший в I веке н. э. автомат для продажи святой воды. 6. Основная единица учета в генетике микроорганизмов. 7. Цирковой шест. 8. Самый здоровый знак Зодиака. 9. Взрыв хохота после смешного анекдота. 10. Разновидность тальна. 13. Громкий спутник старых войн. 14. Единственный объект, про который можно сказать: ни жив, ни мертв. 16. Человек, переливающий из пустого в порожнее. 17. Вкусный и питательный пряник, упомянутый в «Ясе» А. Нурдина. 19. Скандальная французская киноактриса, по сравнению с Мадонной выглядящая паниной. 21. Представительница немногочисленной этнической группы, живущей в Польше. 22. Последователь австрийца, перевернувшего мир психологии. 25. Искусство, которое ученый В. Сукачев любил до конца жизни. 26. Китаист. 28. Танец из оперы М. Мусоргского «Сорочинская ярмарка». 29. Польский биохимик, сотрудничавший с И. Павловым. 30. Состояние насекомых, помогающее им выжить в морозы. 33. «Морской ладан» Древней Руси. 34. Моллюск, способный с одного гентара моря давать триста тонн мяса. 35. Собрание, на которое народ на Руси обычно созывали колокольным звоном. 36. Вор, грабитель, ставший досажать русичам с XIV века. 37. «Лошадь», переведенная с немецкого на голландский язык» (Г. Лихтенберг). 38. Американский философ, считавший высшей добродетелью лояльность к существующему строю. 40. Венецианский правитель, в которого легко перевоплощался актер Малого театра Ф. Горев.

ОТВЕТЫ

НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ

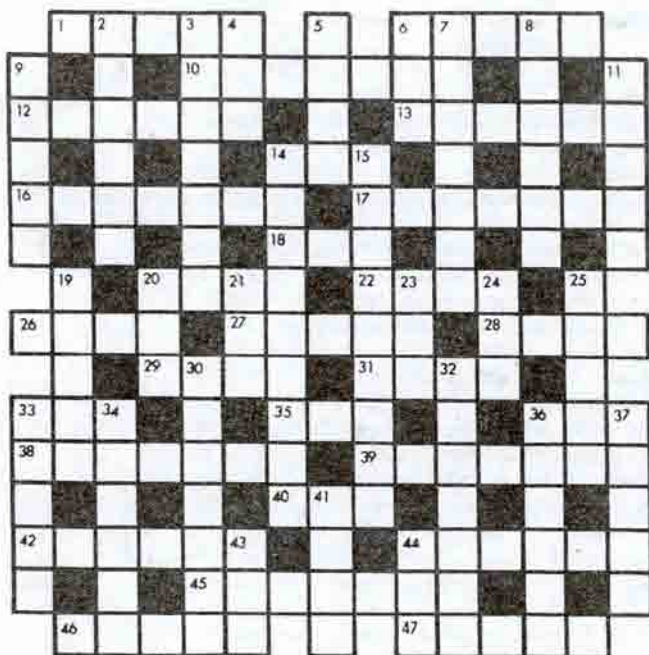
В № 9

По горизонтали.

1. Ручь. 3. Ниоба. 6. Ювелир. 11. Ерь. 12. Дессина-тор. 13. Тюнина. 16. Сон. 17. Противоречие. 20. Шов. 21. Габон. 24. Щиток. 25. Патриот. 27. Львов. 28. Хам. 29. Гон. 31. Молот. 33. Лисичка. 34. Павел. 35. Колты. 36. Уха. 40. Отеубийство. 41. Лов. 44. Эносез. 46. Матриархат. 47. Цуг. 48. Данбей. 49. Авиан. 50. Глур.

По вертикали.

1. Родопа. 2. Чеснок. 4. Иванов. 5. Брожение. 6. Юрт. 7. Выюн. 8. Луис. 9. Руан. 10. Финиш. 14. Норовочка. 15. Тиходол. 18. Ворох. 19. ...мальчик. 22. Наворонок. 23. Ярность. 26. Таранта. 30. Нивхи. 32. Вересаев. 36. Уборна. 37. Айран. 38. Стихия. 39. Ностер. 41. Лэрд. 42. Воин. 43. Цеце. 45. Зуй.

КРОССВОРД

Составил

Д. Митрафанов,

Боровск Калужской области

По горизонтали.

1. Гипотетическая жидкость, которой до XVIII века объясняли явления тепла, магнетизма, электричества. 6. Народное название прудовой рыбки. 10. Стреляет редко, да попадает метко. 12. Название британского протектора Басутоленда после получения независимости. 13. Английский драматург, чьи произведения – предтеча мелочной драмы. 14. Инструмент, против которого нет приема. 16. Овсяная мука. 17. Дронащий лес. 18. Фамилия отца и сына – великих актеров Англии. 20. Контрабандист в «Тамани» М. Лермонтова. 22. Французская единица длины, около двух метров. 26. Газ, какой первым получил Анри Муассан. 27. .... гумно, овин, риг. 28. Зверь, которому на Руси приписаны библейские хитрость и коварство шанала. 29. Здание для пожарных машин. 31. Вид безналичных расчетов. 33. Заветное «острие» альпиниста. 35. Стиль жизни. 36. «... спозаранку» – замечательный рассказ У. Фолкнера. 38. Боли в животе. 39. Танцующее с настаньетами женское население европейской страны. 40. Немецкий музыкант, чья дочь Клара вышла замуж за Р. Шумана. 42. Достижение из достижений. 44. Человек, верящий в таинственные силы. 45. Писатель, которого упрекали зависимостью от А. Белого, И. Бунина, Д. Мережковского. 46. Две женщины – по народной присказке. 47. Чрезмерно крикливая морская птица.

По вертикали.

2. Добавочный парус. 3. Бессердечный, бестолковый человек. 4. Низ общества. 5. Предмет насинивания. 6. Производственное подразделение завода, фабрики. 7. Баламут, своевольник. 8. Снежный обвал. 9. .... едет – когда-то будет (поговорка). 11. Особо важный указ короля. 14. Паровоз, тепловоз, электровоз (общее название). 15. Рабочий-сборщик. 19. Черточка. 20. Мера длины, обычная в романах Р. Стивенсона. 21. Напыв на древесном стволе. 23. Нантон в Швейцарии. 24. Сила, от которой все беды и напасти. 25. Начало рени. 30. Муза лирической поэзии. 32. Словесное возражение. 33. Слуга на помещичьем дворе, отвечавший за охотничьих собак. 34. Живущее на деревьях животное, откладывающее икру в дождевую воду на листьях. 36. Советский певец. 37. Всегда следует за иголкой. 41. Горное дерево, не выносящее засоления и засухи. 43. Соправитель Аскольда в Киеве, убитый Олегом. 44. «Попрыгун» детских игр.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 9**

По горизонтали.

1. Магия. 5. Дронг. 8. Вербя. 9. Леценно. 10. Маслина. 12. Розга. 15. Ниннал. 17. Идиома. 18. Розвальни. 19. Фантом. 22. Царица. 25. Иволга. 26. Вина. 27. Крот. 29. Толь. 30. Свод. 32. Сатана. 34. Ананас. 37. Тайган. 40. Сорокопут. 41. Нурсив. 42. Султан. 43. Базар. 46. Не-реида. 47. Единица. 48. Лютый. 49. Йонкай. 50. Самба.

По вертикали.

1. Мещанин. 2. Гончаров. 3. Явор. 4. Приз. 5. Дама. 6. Обсидиан. 7. Триполи. 9. Лениф. 11. Абаза. 13. Отвага. 14. Гиль. 16. Ломоносов. 17. Инцитатус. 20. Афрон. 21. Титон. 23. Ратай. 24. Целла. 28. Данота. 31. Василис. 33. Натуризм. 34. Арнан. 35. Азарий. 36. Рота. 38. Гатчина. 39. Нанна. 43. Бали. 44. Зять. 45. Рейс.

Шахматная эпиграмма

282

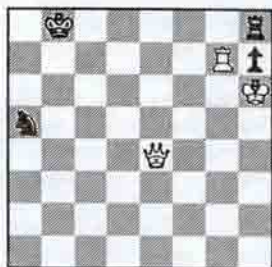
**Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО**

Продолжаем публикацию оригинальных композиций, присланных на V международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена». Напоминаем, что в конкурсе примут участие все присланные до 1 сентября с. г. задачи. Композиции, присланные позднее, примут участие в конкурсе будущего года.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

107. Е. МАРКОВ

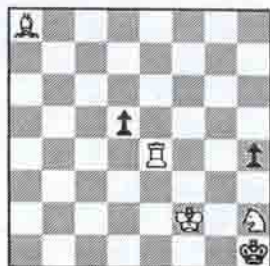
Саратов

Мат в 2 хода

108. Л. САЛАЙ

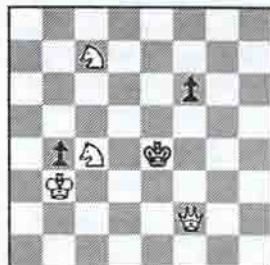
Словения

Мат в 2 хода

109. В. МЕЛЬНИЧЕНКО

г. Котовск, Украина

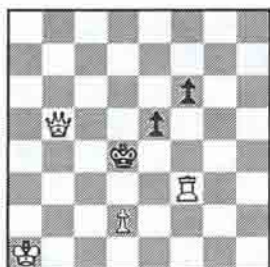
Мат в 2 хода

б) КсА - d4

110. А. ЗАРХ

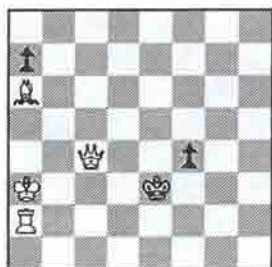
Рига, Латвия

Мат в 2 хода

111. С. РАДЧЕНКО

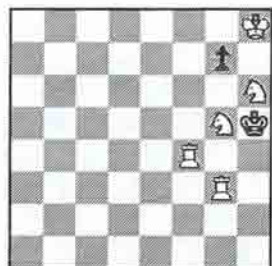
Ростов-на-Дону

Мат в 2 хода

112. В. КЛИПАЧЕВ

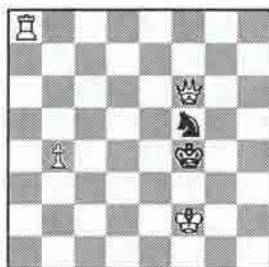
г. Приморско-Ахтарск

Мат в 2 хода

113. В. ИВАНОВ

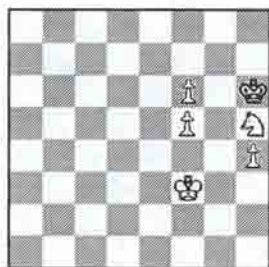
пос. Повенец, Карелия

Мат в 3 хода

114. З. ГНАТ

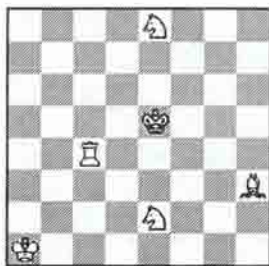
г. Стрый, Украина

Мат в 3 хода

115. Н. КУЛИГИН

Запорожье, Украина

Мат в 3 хода

б) Jc4-g7

116. А. СТАВРИЦКИЙ

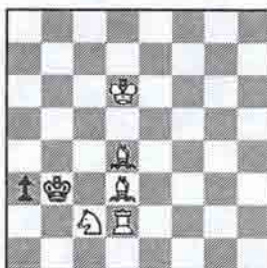
Тамбов

Мат в 3 хода

117. В. КОЖАКИН

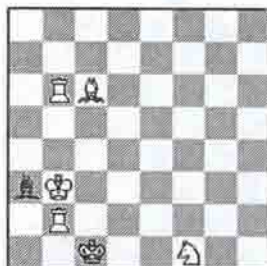
Магадан

Мат в 3 хода

118. Л. ГРОЛЬМАН

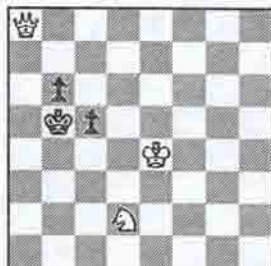
Казань

Мат в 3 хода

119. Ю. СУШКОВ

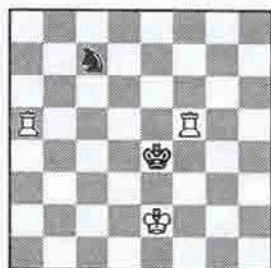
Санкт-Петербург

Мат в 4 хода

120. Ю. ЛЯЛЮШКИН

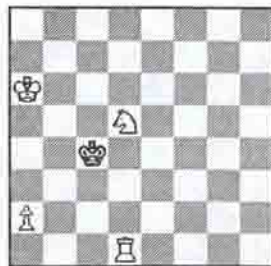
Екатеринбург

Мат в 5 ходов

121. В. СУРКОВ

Рязань

Мат в 5 ходов

Катерина Зварова

Если бы Катерине в детстве сказали, что когда-нибудь она станет художником, что ее полотна будут находиться в частных коллекциях многих стран, что она будет сотрудничать с престижнейшими московскими галереями, что в Центральном доме художника пройдет ее персональная выставка — никогда бы не поверила. В особенности ее мама. Потому как именно она — профессиональный литератор, — всегда выполняла

для своего чада школьные задания по рисунку. По той простой причине, что дочь терпеть не могла рисовать. И родители всегда были твердо уверены: кем бы ни стала в будущем их дочь, но художником уж точно никогда. Ее детские увлечения — составление гербариев, коллекционирование бабочек и еще страстная любовь к животным. Вот эта самая страсть и подтолкнула ребенка к творчеству.

Лет в тринадцать Катерина впервые обратила внимание на лошадь — какая грация, стать, какое совершенство форм! И она захотела продолжения чуда — вылепила из пластилина коня. Затем запечатлела его на бумаге. Все время хотелось изображать это благородное животное. Коня вновь и вновь появлялись в ее детском альбоме. Несущиеся в бешеном галопе, парящие в легком элюре, элегантные, изящные.

Первым ее учителем живописи был известный художник Е. Додонов. Воскресенья стали для Катерины самыми счастливыми днями — она управлялась на занятия в ателье мастера. Все ей здесь нравилось: изнурительные задания оказывались в радость, а бесконечные рисунки одного и того же предмета не утомляли, не раздражали. Напротив, работалось легко, с удовольствием. Додонов никогда не навязывал свою волю художника.

Вообще Катерине везло на педагогов. Руководителем ее диплома в Полиграфическом институте был талантливый график Май Митурич, с его помощью она оформляла книги детских сказок. И хотя графикам так и не стала, но совместная работа много дала ей в профессиональном плане. Настоящим же «подарком судьбы» оказалось знакомство с известным живописцем Владимиром Брайниным. Именно он сумел заметить в начинающей художнице главное — любовь к городскому

пейзажу. Изображение родной Москвы и стало основным в творчестве Катерины Уваровой. Уже имея диплом об окончании института, заманчивые предложения работы в издательствах, Катерина вновь возобновила занятия. Теперь уже в мастерской Брайнина.

Сколько было поездок по городу, сколько километров она исходила пешком, что, кажется, мало осталось улочек, где бы не побывала Катерина на этих дорогах. Особенно любила вечернюю столицу, когда закатные лучи солнца неожиданно по-новому освещали давно знакомые места. Она могла до тошноты выписывать какую-нибудь старинную кирпичную кладку домов, крыши, карнизы, особняки прошлого века, просто тротуары, блики на асфальте, машины, пешеходов. Кажется, в ее работах уместилась вся жизнь большого города, предстающего то шумным, суетным, вечно куда-то спешащим, а то вдруг замирающим в полнотной тишине.

В ее представлении Москва — романтична, всегда эмоциональна и нежно лирична. Колорит ее работ обычно неяркий, сдержанный, порой холсты наполняются немым драматизмом. Словно художник размышляет о судьбе, о жизни, о вечном круговращении природы.

Два года назад Катерина побывала на юге Франции, в местах, связанных с именами Сезанна и Ван-Гога. Ее палитра, — может быть, под воздействием необычайной прозрачности воздуха или палящего южного солнца, — стала ярче, сочнее, многограннее. Работы, привезенные из Франции, жизнерадостны, свежи, чисты по цвету. В них мастерски передано и солнечное освещение, и легкость «световоздушной среды», трепетность и красота жизни...

ЛЮДИЛА КАНДАЛОВА

«СМЕНА»-97

В первом полугодии мы планируем опубликовать новый роман Андрея Шырина «Обет Молчания» - 3, детектив молодого писателя Андрея Дышева «Дикий остров», фантастический роман американского писателя Майка Резника «Слон Килиманджаро», немецкий детектив Вернера Тельке «Шанс» и детектив Лоуренса Блока «Смерть в медовый месяц».

Ф. СП-I

АБОНЕМЕНТ на _____ журнал		70820									
«СМЕНА»		(индекс издания)									
		<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="text-align: center; font-size: 0.8em;">Количество комплектов</td> <td style="text-align: center; font-size: 1.2em;">1</td> </tr> </table>	Количество комплектов	1							
Количество комплектов	1										
на 199 год											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
(фамилия, инициалы)											

						ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА						
ПВ	место	ли-тер	на _____ журнал		70820							
						(индекс издания)						
«СМЕНА»												
Стои-мость	подписки пере-адресовки	руб. коп.		руб. коп.		Количество комплек-тов						
на 199 год												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
(почтовый индекс)		(адрес)										
Кому												
(фамилия, инициалы)												

«СМЕНА»-97

Это — 9500 рублей за один номер, 28500 — за три, полугодовая подписка — 57000 рублей (цены указаны по каталогу без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть поставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

.....

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ЛВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

КАТЕРИНА УВАРОВА. Фото на память.

Из серии «Лошади в городе».

Багир
КАЗАЧЕНКО

